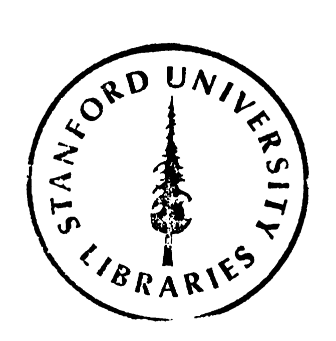
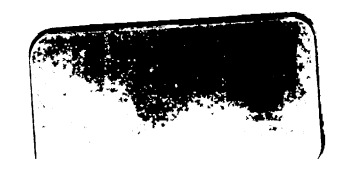

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES



Russische Chrestomathie,

oder

ausgewählte Stellen

aus

Russischen

Prosaikern und Dichtern,

mit

deutschen Wort- und Sach-Erklärungen

von

Ph. Swätnoi.

Zweiter Cursus.

Reval.
Verlag von Franz Kluge.
1848.

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ,

ИЛИ

ИЗБРАННЫЯ МѢСТА

ИЗЪ

РУССКИХЪ

ПРОЗАИКОВЪ И СТИХОТВОРЦЕВЪ,

СЪ

Нѣмецкими объясненіями словъ и предметовъ,

Ѳ. СВЯТНАГО.

КУРСЪ 2-Й.

РЕВЕЛЬ.

У Издателя Ф. Клуге.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, доставлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное количество экземпляровъ.

Дерптъ, Августа 3-го дня, 1846-го года.

Ценсоръ Михаилъ Розбергъ.

РЕВЕЛЬ, ВЪ ТИПОГРАФІИ НАСЛѢДНИКОВЪ ЛИНДФОРСА.

Vorrede.

Hiermit übergebe ich Lehrenden und Lernenden den zweiten Cursus meiner russischen Chrestomathie, über dessen Bestimmung für höhere Klassen der hiesigen Lehranstalten, so wie auch über die Grundsätze, welche mich bei der Auswahl der Lesestücke geleitet haben, bereits in der Vorrede zum ersten Cursus Erwähnung geschehen ist. Es sei mir erlaubt hier nur noch Weniges hinzuzufügen. Für die größte Mannigfaltigkeit, was Inhalt und Styl anbetrifft, ist sowohl in der prosaischen, als auch in der poetischen Abtheilung nach Möglichkeit Sorge getragen worden. Doch nicht diese mehr sprachlichen Rücksichten der Mannigfaltigkeit allein leiteten mich bei der Wahl der Lesestücke: ich war zu gleicher Zeit bemüht dem Lernenden nur das durch seinen innern Gehalt Bedeutende zu bieten, was ihm auch Nahrung für Geist und Herz verschaffen kann. Diese Bemerkung bitte ich bei der Beurtheilung meiner Chrestomathie, namentlich dieses zweiten Cursus derselben, nicht zu übersehen. Daß die gleichfalls den modernen Schriftstellern Rußlands entlehnten Lesestücke dieses für höhere Klassen berechneten zweiten Cursus, obgeich auch sie in ihrer Aufeinanderfolge sich vom Leichteren zum Schwierigeren steigern, einen sprachlich und geistig reiferen Schüler voraussetzen, als die des ersten, das bedarf kaum der Erinnerung. Darum ist unter andern auch das ganze Buch, wie der Text, so die Erklärungen, ohne Accentbezeichnung gedruckt worden; die Angabe der Conjugation findet nur in seltenen, besonders schwierigen Fällen Statt. Dagegen ist die Angabe des Geschlechts bei den Substantiven auf ь, wenn sie weiblich sind und nicht nach der Endung selbst (wie z. B.

знь, сть) sich unterscheiden lassen, so wie auch die Angabe des Aspects (видъ) der Verba, die ein (allmählig oder momentan) vollendetes Sein, Thun oder Leiden bezeichnen, durchweg beibehalten worden. Hier und da wiederholt sich in verschiedenen Stücken die Erklärung eines und desselben, meist schwierigern Wortes, theils weil es in einem andern, verwandten Sinne gebraucht worden ist, theils weil man nicht annehmen kann, daß die Stücke immer in der gegebenen Reihenfolge werden gelesen werden, und selbst wenn dieses geschähe, der Schüler doch nicht alle vorgekommenen Wörter auf einmal sich für immer einprägen kann; dieses ist eben nur durch Wiederholung zu erzielen. Was die Sacherklärungen anbetrifft, so sind sie meistens nothwendige; in seltenen Fällen, wo es Gegenstände betraf, zu deren genaueren Besprechung der übrige Unterricht wenig Gelegenheit darbietet, hat man die im Lesestück gegebene Anregung benutzt, um genauer auf dieselben einzugehen, als grade die betreffende Stelle es erheischt. Es wird auch nicht überflüssig sein zu erwähnen, daß man bei den Wort- und Sacherklärungen auch auf den Selbstunterricht Rücksicht genommen hat. Die bei den Erklärungen gebrauchten Abkürzungen in diesem zweiten Cursus sind ganz dieselben wie im ersten, nämlich: prf. (verbum perfectum), sl. (slawisch), r. (russisch), altr. (altrussisch), gr. (griechisch), pop. (populär). — Schließlich bleibt mir nur der Wunsch übrig, daß diese meine Arbeit, die ich mit Liebe und Eifer unternommen und ausgeführt habe, nicht ohne Nutzen bleibe, sondern namentlich bei den Lernenden Lust und Eifer zur Sache wecke und sie möglichst rasch und gründlich in der Erlernung der russischen Sprache weiter fördere.

Reval, im Juli 1847.

Ph. Swätnoi.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Проза.

Стихотворенія.

1. Мелодоръ къ Филалету.

Гдѣ ты, любезный Филалетъ? Въ какомъ уединеніи скрываешься? Какіе предметы занимаютъ душу твою? Чѣмъ питается твое сердце? Что дѣлаетъ тебѣ жизнь пріятною? И думаешь ли нынѣ о своемъ Мелодорѣ? — Ахъ! гдѣ ты? Сердце мое тебя проситъ, требуетъ. Оно помнитъ любезные твои взоры, сладкій голосъ, и нѣжныя, чувствомъ согрѣваемыя объятія, въ которыхъ жизнь бывала ему вдвое милѣе — помнитъ, и велитъ глазамъ моимъ искать тебя — велитъ рукамъ моимъ къ тебѣ простираться!

Океанъ шумѣлъ между нами: теперь мы въ одной землѣ — и не вмѣстѣ! — Скажи слово, и Мелодоръ летитъ къ тебѣ! — Въ ожиданіи сей минуты буду хотя писать къ любезнѣйшему изъ друзей моихъ.

Пять лѣтъ мы не видались: сколько времени? — сколько перемѣнъ въ свѣтѣ — и въ сердцахъ нашихъ?... Тысячи мыслей волнуются въ душѣ моей. Я хотѣлъ бы ихъ вдругъ перелить въ твою душу, безъ помощи словъ, которыхъ искать надобно; хотѣлъ бы открыть тебѣ грудь мою, чтобы ты собственными глазами могъ читать въ ней сокровенную исторію друга твоего, и видѣть — прости мнѣ смѣлое выраженіе — видѣть всѣ развалины надеждъ и плановъ, надъ которыми въ тихіе часы горюетъ нынѣ духъ мой, подобно страннику, воздыхающему на развалинахъ Иліона; стовратныхъ Ѳивъ, или великолѣпнаго Греческаго храма, когда блѣдный свѣтъ луны освѣщаетъ ихъ!

Помнишь, другъ мой, какъ мы нѣкогда разсуждали о нравственномъ мірѣ, ловили въ Исторіи всѣ благородныя черты души человѣческой, питали въ груди своей эѳирное пламя любви, котораго вѣяніе возносило насъ

къ небесамъ, и проливая сладкія слезы, восклицали: человѣкъ великъ духомъ своимъ, божество обитаетъ въ его сердцѣ! Помнишь, какъ мы, сличая разныя времена, древнія съ новыми, искали и находили доказательство любезной намъ мысли, что родъ человѣческой возвышается и хотя медленно, хотя неровными шагами, но всегда приближается къ духовному совершенству. Ахъ! съ какою нѣжностію обнимали мы въ душѣ своей всѣхъ земнородныхъ, какъ милыхъ дѣтей Небеснаго Отца! — Радость сіяла на лицахъ нашихъ, — и свѣтлой ручеекъ, и зеленая травка, и алой цвѣточекъ, и поющая птичка, все, все насъ веселило! Природа казалась намъ обширнымъ садомъ, въ которомъ зрѣетъ божественность человѣчества.

Кто болѣе нашего славилъ преимущества осьмагонадесять вѣка: свѣтъ Философіи, смягченіе нравовъ, тонкость разума и чувства, размноженіе жизненныхъ удовольствій, всемѣстное распространеніе духа общественности, тѣснѣйшую и дружелюбнѣйшую связь народовъ, кротость правленій, и проч. и проч? — Хотя и являлись еще нѣкоторыя черныя облака на горизонтѣ человѣчества; но свѣтлый лучь надежды златилъ уже края оныхъ предъ нашимъ взоромъ — надежды: „все исчезнетъ и царство общей мудрости настанетъ, рано или поздно настанетъ — и блаженъ тотъ изъ смертныхъ, кто въ краткое время жизни своей успѣлъ разсѣять хотя одно мрачное заблужденіе ума человѣческаго, успѣлъ хотя однимъ шагомъ приближить людей къ источнику всѣхъ истинъ, успѣлъ хотя единое плодоносное зерно добродѣтели вложить рукою любви въ сердце чувствительныхъ, и такимъ образомъ ускорилъ ходъ всемірнаго совершенія!“

Конецъ нашего вѣка почитали мы концемъ главнѣйшихъ бѣдствій человѣчества, и думали, что въ немъ послѣдуетъ важное общее соединеніе теоріи съ практикою, умозрѣнія съ дѣятельностію; что люди, увѣрясь нравственнымъ образомъ въ изящности законовъ чистаго разума, начнутъ исполнять ихъ во всей точности, и подъ сѣнію міра, въ кровѣ тишины и спокойствія, насладятся истинными благами жизни.

О Филалетъ! гдѣ теперь сія утѣшительная система? . . . Она разрушилась въ своемъ основаніи!

Осьмой-надесять вѣкъ кончается: что же видишь ты на сценѣ міра? — Осьмой-надесять вѣкъ кончается, и несчастный филантропъ мѣряетъ двумя шагами могилу свою, чтобы лечь въ ней съ обманутымъ, растерзаннымъ сердцемъ своимъ, и закрыть глаза навѣки!

Кто могъ думать, ожидать, предчувствовать? .. Мы надѣялись скоро видѣть человѣчество на горней степени величія, въ вѣнцѣ славы, въ лучезарномъ сіяніи, подобно Ангелу Божію, когда онъ, по священнымъ сказаніямъ, является очамъ добрыхъ, — съ небесною улыбкою, съ мирнымъ благовѣстіемъ! — Но вмѣсто сего восхитительнаго явленія видимъ... Фурій съ грозными пламенниками!

Гдѣ люди, которыхъ мы любили? Гдѣ плодъ наукъ и мудрости? Гдѣ возвышеніе кроткихъ, нравственныхъ существъ, сотворенныхъ для счастія? — Вѣкъ просвѣщенія! я не узнаю тебя — въ крови и пламени не узнаю тебя — среди убійствъ и разрушенія не узнаю тебя! . . . Небесная красота прельщала взоръ мой, воспаляла мое сердце нѣжнѣйшею любовію; въ сладкомъ упоеніи стремился духъ мой къ божественной Нимфѣ; но — небесная красота исчезла: — змѣи шипятъ на ея мѣстѣ! — Какое превращеніе!

Свирѣпая война опустошаетъ Европу, столицу искусствъ и наукъ, хранилище всѣхъ драгоцѣнностей ума человѣческаго; драгоцѣнностей, собранныхъ вѣками; драгоцѣнностей, на которыхъ основывались всѣ планы мудрыхъ и добрыхъ! — И не только милліоны погибаютъ; не только города и села исчезаютъ въ пламени; не только благословенныя, цвѣтущія страны (гдѣ щедрая натура отъ начала міра изливала изъ полной чаши лучшіе дары свои) въ горестныя пустыни превращаются — сего не довольно: я вижу еще другое ужаснѣйшее зло для бѣднаго человѣчества.

Мизософы торжествуютъ. „Вотъ плоды вашего просвѣщенія!“ говорятъ они: „вотъ плоды вашихъ наукъ, вашей мудрости! Гдѣ воспылалъ огнь раздора, мятежа и злобы? Гдѣ первая кровь обагрила землю? и за что?.. И откуда взялись сіи пагубныя идеи?... Да погибнетъ же ваша Философія“ — И бѣдный, лишенный отечества, и бѣдный лишенный крова, и бѣдный, лишенный отца, или сына, или друга, повто-

ряетъ: да погибнетъ! И доброе сердце, раздираемое зрѣлищемъ лютыхъ бѣдствій, въ горести своей повторѣетъ: да погибнетъ! — А сіи восклицанія могутъ составить наконецъ общее мнѣніе; вообрази же слѣдствія!

Кровопролитіе не можетъ быть вѣчно; я увѣренъ. Рука, сѣкущая мечемъ, утомится; сѣра и селитра истощатся въ нѣдрахъ земли, и громы умолкнутъ; тишина рано или поздно настанетъ — но какова будетъ тишина сія? естьли мертвая, хладная, мрачная?

Такъ, мой другъ, паденіе наукъ кажется мнѣ не только возможнымъ, но и вѣроятнымъ; не только вѣроятнымъ, но даже неминуемымъ, даже близкимъ. Когда же падутъ онѣ... когда ихъ великолѣпное зданіе разрушится, благодѣтельныя лампады угаснутъ, — что будетъ? Я ужасаюсь, и чувствую трепетъ въ сердцѣ! — Положимъ, что нѣкоторыя искры и спасутся подъ пепломъ; положимъ, что нѣкоторые люди и найдутъ ихъ, и освѣтятъ ими тихія, уединенныя свои хижины: но что же будетъ съ міромъ, съ цѣлымъ человѣческимъ родомъ? Ахъ, мой другъ! для добрыхъ сердецъ нѣтъ счастія, когда они не могутъ дѣлить его съ другими. Истинный мудрецъ благословляетъ мудрость свою для того, что можетъ сообщать оную ближнимъ; иначе — смѣю сказать — будетъ она бременемъ для его человѣколюбивой души. Александръ не принялъ сосуда съ водою, и не хотѣлъ утолять жажды своей тогда, когда все воинство его томилось; въ сію минуту былъ онъ подлинно Великимъ Александромъ! Такія движенія неизвѣстны эгоистамъ; за то первой врагъ истинной Философіи есть эгоизмъ.

Сверхъ того внимательный наблюдатель видитъ теперь повсюду отверзтые гробы для нѣжной нравственности. Сердца ожесточаются ужасными произшествіями и, привыкая къ феноменамъ злодѣяній, теряютъ чувствительность. Я закрываю лице свое!

Ахъ, другъ мой! уже ли родъ человѣческой доходилъ въ наше время до крайней степени возможнаго просвѣщенія, и долженъ, дѣйствіемъ какого-нибудь чуднаго и тайнаго закона, ниспадать съ сей высоты, чтобы снова погрузиться въ варварство, и снова, мало по малу, выходить изъ онаго, подобно Сизифову камню,

которой, будучи взнесенъ на верхъ горы, собственною тяжестію скатывается внизъ, и опять рукою вѣчнаго труженика на гору возносится? — Горестная мысль, печальный образъ!

Теперь мнѣ кажется, будто самыя лѣтописи доказываютъ вѣроятность сего мнѣнія. Намъ едва извѣстны имена древнихъ Азіатскихъ народовъ и царствъ; но по нѣкоторымъ историческимъ отрывкамъ, до насъ дошедшимъ, можно думать, что сіи народы были не варвары, что они имѣли свои искусства, свои науки. Кто знаетъ тогдашніе успѣхи разума человѣческаго? Царства разрушались, народы исчезали; изъ праха ихъ, подобно какъ изъ праха фениксова, раждались новыя племена, раждались въ сумракѣ, въ мерцаніи, младенчествовали, учились и — славились. Можетъ быть эоны погрузились въ вѣчность, и нѣсколько разъ сіялъ день въ умахъ людей, и нѣсколько разъ ночь темнила души, прежде нежели возсіялъ Египетъ, съ котораго начинается полная исторія. Библіотека Озимандіасова была конечно не первая въ мірѣ; была вѣрно не что иное, какъ спасенный остатокъ древѣйшихъ библіотекъ.

Египетское просвѣщеніе соединяется съ Греческимъ: первое оставило намъ однѣ развалины, но великолѣпныя, красноречныя развалины; картина Греціи жива передъ нами. Тамъ все прельщаетъ зрѣніе, душу, сердце; тамъ красуются Ликурги и Солоны, Кодры и Леониды, Сократы и Платоны, Гомеры и Софоклы, Фидіи и Зевксисы — однимъ словомъ, тамъ должно дивиться утонченнымъ дѣйствіямъ разума и нравственности. Римляне учились въ сей великой школѣ, и были достойны своихъ учителей.

Что жъ послѣдовало за сею блестящею эпохою человѣчества? Варварство многихъ вѣковъ, варварство ума и нравовъ — эпоха мрачная — сцена, покрытая чернымъ флеромъ для глазъ чувствительнаго философа!

Медленно рѣдѣла, медленно прояснялась сія густая тьма. Наконецъ солнце наукъ возсіяло, и Философія изумила насъ быстрыми своими успѣхами. Добрые, легковѣрные человѣколюбцы заключали отъ успѣховъ къ успѣхамъ; изчисляли, измѣряли путь ума; напрягали взоръ свой — видѣли близкую цѣль совершенства, и въ радостномъ упоеніи восклицали:

берегъ! . . Но вдругъ небо дымится, и судьба человѣчества скрывается въ грозныхъ тучахъ! — О потомство! какая участь ожидаетъ тебя?

Естьли опять возвратится на землю третій и четвертый-надесять вѣкъ? . . . Мы конечно не доживемъ до сего; но можемъ ли умирать покойно? И что надпишемъ надъ гробами своими? Развѣ скажемъ съ Сарданапаломъ: „Прохожій! услаждай свои чувства; все прочее ничто?“ — О мой другъ!

Печальныя сомнѣнія волнуютъ мою душу, и шумной городъ, въ которомъ живу, кажется мнѣ пустынею. Вижу людей, но взоръ мой не находитъ сердца въ ихъ взорахъ. Слышу разсужденія и опускаю глаза въ землю. — Говорю, но вѣтеръ разноситъ слова мои . . . мертвое эхо повторяетъ ихъ!

Иногда неносная грусть тѣснитъ мое сердце; иногда упадаю на колѣна, и простираю руки свои — къ Невидимому. . . . Нѣтъ отвѣта! — Голова моя клонится къ сердцу.

Самая природа не веселитъ меня. Она лишилась вѣнца своего въ глазахъ моихъ, съ того времени, какъ не могу уже въ ея объятіяхъ мечтать о близкомъ счастіи людей; съ того времени, какъ удалилась отъ меня радостная мысль о ихъ совершенствѣ, о царствѣ истины и добродѣтели; съ того времени, какъ я не знаю, что мнѣ думать о феноменахъ нравственнаго міра, чего ожидать и надѣяться.

Вѣчное движеніе въ одномъ кругу; вѣчное повтореніе, вѣчная смѣна дня съ ночью и ночи со днемъ; вѣчное смѣшеніе истинъ съ заблужденіями, и добродѣтелей съ пороками; капля радостныхъ и море горестныхъ слезъ. . . Мой другъ! на что жить мнѣ, тебѣ и всѣмъ? На что жили предки наши? На что будетъ жить потомство?

Суди о хаосѣ души моей, который представляетъ мнѣ все твореніе въ безпорядкѣ! Смотрю на восходящее солнце, и спрашиваю: почто ты восходишь? Стою подъ сѣнію шумящаго дуба, и спрашиваю: почто шумишь ты? — Теперь все существуетъ для меня безъ цѣли.

Вообрази себѣ человѣка, заснувшаго сладкимъ сномъ въ тихомъ своемъ кабинетѣ, подлѣ нѣжной супруги, среди милыхъ дѣтей, и вдругъ, очарованіемъ

какихъ нибудь злыхъ волшебниковъ, пренесеннаго на степь Африканскую — удары грома пробуждаютъ его — несчастный открываетъ глаза, видитъ ночь и пустыню вокругъ себя — изумляется — думаетъ и не понимаетъ, гдѣ онъ и что съ нимъ случилось — слышитъ вездѣ ревъ звѣрей и не знаетъ, куда идти. . . Гдѣ мирное жилище его? гдѣ нѣжная супруга? гдѣ милыя дѣти? . . Нѣтъ пути! нѣтъ спасенія! . . Онъ терзается, проливаетъ слезы, и устремляетъ взоръ на небо; но небо покрыто тьмою, небо грозно! — Состояніе сего человѣка нѣкоторымъ образомъ подобно моему.

Дружба, священная, любезная дружба! въ твои объятія изливаетъ сердце мое — сердце, жестоко уязвленное — горестныя свои чувства Оживи его благотворнымъ своимъ бальзамомъ, услади нѣжнымъ состраданіемъ! — Филалетъ! ты вмѣстѣ со мною веселился нѣкогда жизнію, природою, человѣчествомъ; теперь скорби со мною, или утѣшь меня!

Духъ мой унылъ, слабъ и печаленъ, но я достоинъ еще дружбы твоей, ибо я — люблю еще добродѣтель! — Вотъ черта, по которой ты всегда узнаешь Мелодора; узнаешь и въ бурю, и въ грозу, и на краю могилы!

---

2. Филалетъ къ Мелодору.

Мелодоръ! слезы катились изъ глазъ моихъ, когда я читалъ любезное письмо твое. Давно уже такія сладкія чувства не посѣщали моего сердца. Благодарю тебя! Самая неразрывная дружба есть та, которая начинается въ юности — неразрывная и пріятнѣйшая. Она сливается въ чувствительной системѣ нашей со всѣми плѣнительными воспоминаніями весеннихъ лѣтъ, сего краснаго утра жизни, лучшей эпохи нравственнаго бытія. Два добрыя сердца, привыкшія любить другъ друга, находятъ въ сей любви источникъ нѣжнѣйшихъ радостей. Ахъ, мой другъ! можешь ли сомнѣваться въ постоянствѣ своего Филалета? Вездѣ, гдѣ ни былъ я, — и въ жаркихъ и въ холодныхъ зонахъ — вездѣ образъ твой путешествовалъ со мною, освѣжалъ томнаго странника подъ огненнымъ небомъ Линіи,

и согрѣвалъ его въ предѣлахъ льдистаго Полюса. Наконецъ я въ отечествѣ, и не съ тобою? Но мнѣ сказали, что ты уѣхалъ въ чужія земли. Къ счастію сіе извѣстіе, огорчившее меня, было несправедливо. Мелодоръ въ одной странѣ съ Филалетомъ!... Спѣши, спѣши къ твоему другу! Въ сельскихъ кущахъ ожидаю тебя — тамъ, гдѣ нѣкогда съ улыбкою встрѣчали мы весну, съ грустію провожали лѣто; гдѣ заключился навѣки союзъ душъ нашихъ.

Мой другъ! письмо твое ознаменовано печатію меланхоліи. Ты безпокоенъ, ты печаленъ; сердце твое страдаетъ, милыя надежды твои исчезли, ты ищешь на театрѣ міра — и не находишь тѣхъ благородныхъ существъ, тѣхъ людей, которыхъ нѣкогда любили мы съ такимъ жаромъ. Однимъ словомъ, новыя ужасныя произшествія Европы разрушили всю прежнюю утѣшительную систему твою, разрушили и повергнули тебя въ море неизвѣстности и недоумѣній: мучительное состояніе для умовъ дѣятельныхъ!

Мелодоръ! я не надѣюсь утѣшить тебя совершенно, не надѣюсь сказать тебѣ ничего новаго; но любовь имѣетъ особливую силу, и всякой даръ любви, всякое слово любви производитъ благое дѣйствіе. Часто самая простая мысль, согрѣтая огнемъ дружбы, бываетъ яркимъ лучемъ свѣта, разсѣвающимъ густую, хладную тьму сердца нашего.

Подобно тебѣ смотрю я внимательнымъ окомъ на всѣ явленія въ мірѣ; вздыхаю, подобно тебѣ, о бѣдствіяхъ человѣчества, и признаюсь искренно, что грозныя бури нашихъ временъ могутъ поколебать систему всякаго добродушнаго философа.

Но не ужели, другъ мой, не найдемъ мы никакого успокоенія во глубинѣ сердецъ нашихъ? Ужели, въ отчаяніи горести, будемъ проклинать міръ, природу и человѣчество? Ужели откажемся навѣки отъ своего разума и погрузимся во тьму унынія и душевнаго бездѣйствія? — Нѣтъ, нѣтъ! сіи мысли ужасны. Сердце мое отвергаетъ ихъ, и сквозь густоту ночи стремится къ благотворному свѣту, подобно мореплавателю, который въ гибельный часъ кораблекрушенія — въ часъ, когда всѣ стихіи угрожаютъ ему смертію — не теряетъ надежды, сражается съ волнами и хватается рукою за плывущую доску.

Такъ, Мелодоръ! я хочу спастись отъ кораблекрушенія съ моимъ добрымъ мнѣніемъ о Провидѣніи и человѣчествѣ, мнѣніемъ, которое составляетъ драгоцѣнность души моей. Пусть міръ разрушится на своемъ основаніи: я съ улыбкою паду подъ смертоносными громами, и улыбка моя, среди всеобщихъ ужасовъ скажетъ Небу: Ты благо и премудро; благо твореніе руки Твоей; благо сердце человѣческое, изящнѣйшее произведеніе любви Божественной!

Уничтожься навѣки мысленная и чувствительная сила моя, прежде нежели повѣрю, что сей міръ есть пещера разбойниковъ и злодѣевъ, добродѣтель — чуждое растѣніе на земномъ шарѣ, просвѣщеніе — острый кинжалъ въ рукахъ убійцы! Нѣтъ, мой другъ! пусть докажутъ мнѣ напередъ, что Богъ не существуетъ; что Провидѣніе есть одно слово безъ значенія; что мы дѣти случая, слѣпленіе атомовъ, и болѣе ничего! Но гдѣ же тотъ безумный извергъ, который захотѣлъ бы увѣрить меня въ сихъ страшныхъ нелѣпостяхъ? Я взгляну на сафирное небо, взгляну на цвѣтущую землю, положу руку на сердце, и скажу атеисту: ты безумецъ!

Неужели, видя Бога въ естественномъ мірѣ, видя руку Его въ теченіи планетъ, въ порядкахъ солнечныхъ, въ перемѣнѣ годовыхъ временъ и во всѣхъ физическихъ явленіяхъ нашей земной обители, будемъ мы отрицать Его содѣйствіе въ одномъ нравственномъ мірѣ, который по существу своему долженъ быть, естьли смѣю сказать, ближе перваго къ сердцу великаго Божества? Соглашаюсь, что порядокъ нравственный не столь ясенъ для насъ, какъ порядокъ физическій; но сіе затрудненіе не происходитъ ли отъ слабости нашего разума? Можетъ быть единственно отъ того мы и не постигаемъ нравственной гармоніи, что она есть высочайшая, совершеннѣйшая. Дай несвѣдущему творенія Локковы: что онъ скажетъ объ нихъ? Дай ему сказку Кребильйонову: онъ восхитится ею. Послѣдняя хороша въ своемъ родѣ; но въ ней ли наиболѣе удивляетъ насъ умъ человѣческій? — Можетъ быть то, что кажется смертному великимъ неустройствомъ, есть чудесное согласіе для Ангеловъ; можетъ быть то, что кажется намъ разрушеніемъ, есть для ихъ небесныхъ очей новое, совершеннѣйшее бытіе.

Сіи мысли ведутъ меня ко святилищу Божественной премудрости, густымъ мракомъ окруженному; духъ мой, бренною плотію одѣянный, не можетъ проникнуть въ оное; упадаю во прахъ своего ничтожества, и въ младенческомъ сердцѣ обожаю Всетворящаго.

Скажи, мой другъ, скажи, чего бы не льзя было ожидать отъ Всевышняго и тогда, когда бъ рука Его возжгла только единое солнце на голубомъ небесномъ сводѣ? Но тамъ горятъ ихъ билліоны. Тотъ, кто великолѣпно прославилъ Себя въ Натурѣ, великолѣпно прославитъ Себя и въ человѣчествѣ. — Не будемъ требовать отъ вѣчной Премудрости отчета въ темныхъ путяхъ Ея; не будемъ требовать того для собственнаго нашего спокойствія! — Знаешь ли, что всего болѣе плѣняетъ меня въ дружбѣ? Довѣренность, которую два сердца имѣютъ одно къ другому. Пусть гнусное злословіе всѣми стрѣлами своими язвитъ отдаленнаго Питіаса: Дамонъ внимаетъ клеветѣ и съ презрѣніемъ отвергаетъ ее.*) Нѣтъ, я знаю моего друга; гдѣ бы онъ ни былъ, добродѣтель вездѣ съ нимъ; что бы онъ ни сдѣлалъ, дѣло его не преступленіе. Мелодоръ! для чего къ Провидѣнію не имѣть намъ той довѣренности, которую два человѣка могутъ имѣть одинъ къ другому? Богъ вложилъ чувства въ наше сердце; Богъ вселилъ въ мою и въ твою душу ненависть ко злобѣ, любовь къ добродѣтели: сей Богъ конечно обратитъ все къ цѣли общаго блага.

Сія драгоцѣнная вѣра можетъ чудеснымъ образомъ успокоить доброе сердце, возмущенное страшными феноменами на театрѣ міра. Вкуси сладость ея, мой любезный другъ, и лучь утѣшенія кротко озаритъ мракъ души твоей! — Горе той философіи, которая все рѣшить хочетъ! Теряясь въ лабиринтѣ неизъяснимыхъ затрудненій, она можетъ довести насъ до отчаянія, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ естественно добрѣе сердце наше. Иногда признаюсь тебѣ, я самъ бываю слабъ и печаленъ; отвращаюсь отъ свѣта, отъ людей; душа моя стремится во мракъ какихъ нибудь неизвѣстныхъ лѣсовъ, во мракъ — самаго ничтожества; но я стараюсь уменшать число такихъ минутъ въ жизни моей, оживляя въ душѣ мысль о вестворящемъ Божествѣ,

*) Дамонъ и Питіасъ — славные друзья въ древности.

которое не есть Божество Лукреціево, не есть Божество Эпикурово. „Развѣ Оно не любитъ человѣка!“ думаю самъ въ себѣ: „развѣ Оно не печется о судьбѣ людей? Развѣ міръ нашъ не въ Его рукѣ вмѣстѣ съ милліонами міровъ? . . . “ Думаю, взираю на сводъ лазоревый; возношусь духомъ выше, выше — и взоръ мой проясняется; отираю слезы — и мирюсь съ судьбою, мирюсь съ человѣческимъ родомъ. Иду въ тихій кабинетъ свой, читаю добрыхъ философовъ, утѣшителей; размышляю — и сравниваю жестокія потрясенія въ нравственномъ мірѣ съ Лиссабонскимъ или Мессинскимъ землетрясеніемъ, которое свирѣпствовало, разрушало и наконецъ утихло; на берегахъ Тага снова возвышается великолѣпный городъ — и обитатели Мессины снова наслаждаются мирною жизнію.

Будемъ, мой другъ, будемъ и нынѣ утѣшаться мыслію, что жребій рода человѣческаго не есть вѣчное заблужденіе, и что люди когда нибудь перестанутъ мучить самихъ себя и другъ друга. Сѣмя добра есть въ человѣческомъ сердцѣ и не изчезнетъ вовѣки; рука Провидѣнія хранитъ его отъ хлада и бурь. Теперь свирѣпствуютъ Аквилоны; но рано или поздно настанетъ благодѣтельная весна, и сѣмя распустится отъ животворнаго дыханія зефировъ.

Вѣрю, и всегда буду вѣрить, что добродѣтель свойственна человѣку, и что онъ сотворенъ для добродѣтели. Кто не плѣняется описаніемъ златаго вѣка, вѣка невинности? Кто не проливаетъ слезъ умиленія, внимая повѣствованію о дѣлахъ великодушія и геройства? Кто не любитъ воображать себя добрымъ, благодѣтельнымъ существомъ? Мой другъ! я былъ среди такъ называемыхъ просвѣщенныхъ народовъ, былъ среди народовъ дикихъ, и видѣлъ, что вездѣ, во всѣхъ странахъ человѣкъ дѣлаетъ зло съ пасмурнымъ лицемъ, а добро съ пріятною улыбкою! . . . . Сія черта нравственности любезна философу.

Соглашаюсь съ тобою, что мы нѣкогда излишно величали осьмой-надесять вѣкъ, и слишкомъ много ожидали отъ него. Происшествія доказали, какимъ ужаснымъ заблужденіямъ подверженъ еще разумъ нашихъ современниковъ! Но я надѣюсь, что впереди ожидаютъ насъ лучшія времена, что природа человѣческая болѣе усовершенствуется — на примѣръ, въ

девятомъ-надесять вѣкѣ — нравственность болѣе исправится — разумъ, оставивъ всѣ химерическія предпріятія, обратится на устроеніе мирнаго блага жизни, и зло настоящее послужитъ къ добру будущему.

Что принадлежитъ до мизософовъ, мой другъ, то они никогда торжествовать не будутъ. Знаю, что распространеніе нѣкоторыхъ ложныхъ идей надѣлало много зла въ наше время; но развѣ просвѣщеніе тому виною? Развѣ науки не служатъ напротивъ того средствомъ къ открытію истины и къ разсѣянію заблужденій, пагубныхъ для нашего спокойствія? Развѣ не истина, развѣ ложь есть существо наукъ? — Разогнемъ книгу Исторіи: за что не лилась кровь человѣческая? На примѣръ, распри суевѣрія вооружали сына противъ отца, брата противъ брата; но какой безумецъ вздумаетъ обвинять тѣмъ самую Религію? Напротивъ того не она ли обезоружила наконецъ сихъ фанатиковъ, озаривъ свѣтомъ своимъ, свѣтомъ любви и кротости, ихъ пагубныя заблужденія? Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ! я имѣю довѣренность къ мудрости Властителей, и спокоенъ; имѣю довѣренность ко благости Всевышняго, и спокоенъ. Нѣтъ! свѣтильникъ наукъ не угаснетъ на земномъ шарѣ. Ахъ! развѣ не онѣ служатъ намъ отрадою въ горестяхъ? Развѣ не въ ихъ мирномъ святилищѣ укрываемся отъ всѣхъ бурь житейскихъ? Нѣтъ, Всемогущій не лишитъ насъ сего драгоцѣннаго утѣшенія добрыхъ, чувствительныхъ, печальныхъ. Просвѣщеніе всегда благотворно; просвѣщеніе ведетъ къ добродѣтели, доказывая намъ тѣсный союзъ частнаго блага съ общимъ, и открывая неизсякаемый источникъ блаженства въ собственной груди нашей; просвѣщеніе есть лекарство для испорченнаго сердца и разума; одно просвѣщеніе живодѣтельною теплотою своею можетъ изсушить сію тину нравственности, которая ядовитыми парами своими мертвитъ все изящное, все доброе въ мірѣ; въ одномъ просвѣщеніи найдемъ мы спасительный антидотъ для всѣхъ бѣдствій человѣчества! — Кто скажетъ мнѣ: науки вредны, ибо осьмой-надесять вѣкъ, ими гордившійся, ознаменуется въ книгѣ бытія кровію и слезами, тому скажу я: „осьмой-надесять вѣкъ не могъ именовать себя просвѣщеннымъ, когда онъ въ книгѣ бытія ознаменуется кровію и слезами.“

Мысли твои о вѣчномъ возвышеніи и паденіи разума человѣческаго кажутся мнѣ — извини искренность дружбы — воздушнымъ замкомъ; я не вижу ихъ основанія. Положимъ, что въ древней Азіи были многочисленные народы; но гдѣ же слѣды ихъ просвѣщенія? Исторія застала людей во младенчествѣ, въ начальной простотѣ, которая не совмѣства съ великими успѣхами наукъ. Даже въ Египтѣ видимъ мы только первыя дѣйствія ума, первые магазины знаній, въ которыхъ истины были перемѣшаны съ безчисленными заблужденіями. Самые Греки — я люблю ихъ, мой другъ; но они были не что иное, какъ — милыя дѣти! Мы удивляемся ихъ разуму, ихъ чувству, ихъ талантамъ; но такъ, какъ взрослый человѣкъ удивляется иногда разуму, чувству и талантамъ юнаго отрока. Читай вмѣстѣ Платона и Боннета, Аристотеля и Локка — я не говорю о Кантѣ — и потомъ скажи мнѣ, что была Греческая философія въ сравненіи съ нашею?

Для чего и теперь не думать намъ, что вѣки служатъ разуму лѣствицею, по которой возвышается онъ къ своему совершенству, иногда быстро, иногда медленно?

Ты указываешь мнѣ на варварство среднихъ вѣковъ, наступившее послѣ Греческаго и Римскаго просвѣщенія; но самое сіе, такъ называемое варварство (въ которомъ однакожъ, отъ времени до времени, сверкали блестящія зрѣлыя идеи ума) не послужило ли въ цѣломъ къ дальнѣйшему распространенію свѣта наукъ? Солнце, разсѣявъ облака, сіяетъ тѣмъ лучезарнѣе, и тѣмъ благотворнѣе дѣйствуетъ на землю. Дикіе народы сѣвера, которые въ грозномъ своемъ нашествіи гасили, подобно шумному дыханію Борея, свѣтильники разума въ Европѣ, наконецъ сами просвѣтились, и новый ѳиміамъ воскурился Музамъ на земномъ шарѣ.

Нѣтъ, нѣтъ, Сизифъ съ камнемъ не можетъ быть образомъ человѣчества, которое безпрестанно идетъ своимъ путемъ и безпрестанно измѣняется. Прохладимъ, успокоимъ наше воображеніе, и мы не найдемъ въ Исторіи никакихъ повтореній. Всякой вѣкъ имѣетъ свой особливый нравственный характеръ, — погру-

жается въ нѣдра вѣчности, и никогда уже не является на землѣ въ другой разъ.

Мой другъ! мы должны смотрѣть на міръ какъ на великое позорище, гдѣ добро со зломъ, гдѣ истина съ заблужденіемъ ведетъ кровавую брань. Терпѣніе и надежда! Все неправедное, все ложное гибнетъ, рано или поздно гибнетъ; одна истина не страшится времени; одна истина пребываетъ вовѣки!

Природа уже не веселитъ тебя? . . . . тебя, моего добраго, моего любезнаго Мелодора? Нѣтъ! пока чувствительное сердце бьется въ груди твоей, люби Природу; утѣшайся ею; ищи радости въ ея объятіяхъ! Люди, по несчастному заблужденію, могутъ быть злы: Природа никогда! Нѣтъ, Мелодоръ! будемъ всегда нѣжными чадами нѣжной матери; будемъ наслаждаться ея благостію и безчисленными красотами! Иногда жаркая слеза выкатится изъ глазъ нашихъ: кроткой зефиръ осушитъ ее.

Въ отвѣтъ на горестное заключеніе письма твоего скажу: — „естьли ужасное пробужденіе описаннаго тобою несчастливца было не что иное — какъ новый сонъ; естьли онъ вторично откроетъ глаза; естьли всѣ ужасы кругъ его изчезнутъ; естьли Морфей унесетъ ихъ съ собою въ царство ничтожества и тѣней? . . . .“

Мелодоръ! намъ не вѣкъ жить въ семъ мірѣ. Ударитъ часъ, и все перемѣнится! Съ сею любовію къ добродѣтели, которая была, есть и будетъ вѣчнымъ характеромъ души твоей, падемъ въ могилу и закроемся тихою землею! . . . .

Тамъ, тамъ, за синимъ океаномъ,
Вдали, въ мерцаніи багряномъ,

тамъ вѣнецъ безсмертія и радости ожидаетъ земныхъ тружениковъ!

г. 1794.

Н. Карамзинъ.

3. Горная философія.

(Отрывокъ письма изъ Швейцаріи).

Что представляла наша земля въ первые дни созданія, когда всемогущее Божіе „Буди“ раздалось посреди небытія, и все начало стремиться къ жизни? Каковъ былъ міръ въ то время, когда потопъ за потопомъ разрушалъ землю, когда изъ страшнаго разрушенія выходило столь же страшное созданіе, когда владыками земли были одни чудовища, которыхъ огромные, окаменѣлые скелеты, лежащіе въ земной утробѣ, свидѣтельствуя объ отдаленной эпохѣ ихъ существованія, въ то же время служатъ памятниками минувшаго безпорядка?

Чѣмъ все это кончилось? Животворнымъ шестымъ днемъ созданія: потопы утихли, утесы оцѣпенѣли, ихъ страшныя груды покрылись великолѣпнымъ ковромъ плодоносной земли, на которомъ началась цвѣтущая жизнь, и на эту обновленную землю Создатель привелъ наконецъ человѣка; бурный періодъ образованій физическихъ дошелъ до своего предѣла; начинается жизнь человѣческаго рода и она представляетъ намъ тотъ же хаосъ, въ какомъ при началѣ своемъ является намъ міръ физическій: мы видимъ человѣка первосозданнаго; онъ сначала достоинъ своего Создателя,— и на землѣ рай; но онъ падетъ. . . . Что же представляетъ намъ человѣческое общество послѣ паденія и что послѣ всемірнаго потопа, уничтожившаго первобытный родъ человѣческій? Не то же ли, что сей безпорядочный бой стихій и массъ физическаго міра, сквозь которыя съ трудомъ и постепенно пробивалась высшая жизнь? И всѣ эти преданія о древнемъ мірѣ послѣ потопа, всѣ эти памятники огромныхъ минувшихъ царствъ, колоссы Индіи и Египта, завоеванія Сезострисовъ, Кировъ, Александровъ, и самый всемогущій Римъ. . . . не то же ли они въ Исторіи — нѣкогда живые, теперь мертвые и окаменѣлые посреди слоевъ (вѣковъ), набросанныхъ временемъ — не то же ли они, что эти огромныя чудовища, владѣвшія первобытною землею, которыхъ остовы такъ изумляютъ, повѣтствуя намъ о томъ, чего давно нѣтъ и чего уже быть не можетъ? Наконецъ и для человѣческаго рода періодъ всеобщихъ бурныхъ пере-

воротовъ дошелъ до своего предѣла, и ужасныя созданія древняго міра одѣлись великолѣпнымъ покровомъ, на которомъ началась новая, высшая жизнь; эта пелена болѣе и болѣе развивается; не все еще ею покрыто, но все когда-нибудь покроется. Волканы, наводненія, ураганы и многіе грозные феномены свидѣтельствуютъ, что еще не все въ физическомъ мірѣ утихло; но это одни минутныя частныя явленія: они не производятъ общаго измѣненія и только показываютъ, что сила безпорядка, хотя еще и не умерла, но уже издыхаетъ. То же и въ мірѣ нравственномъ: и послѣ пришествія Христова были политическіе разрушительные волканы; они являются и теперь, но характеръ ихъ болѣе и болѣе измѣняется; теперь они болѣе образовательны, нежели прежде. На примѣръ, въ наше время міровладычество Александра и Рима не возможно, по крайней мѣрѣ не прочно. Наполеонъ, у насъ передъ глазами, сдѣлалъ ему опытъ, но быстрое созданіе силы его столь же быстро и сокрушилось. Конечно, еще увидимъ много потрясеній; но посреди ихъ шума голосъ мира и порядка болѣе и болѣе становится внятенъ. Христіанство, источникъ и хранитель нравственной жизни, неразрушимо, не смотря на бунтующіе противъ него страсти; истекающая изъ него образованность медленнымъ своимъ дѣйствіемъ все приводитъ въ равновѣсіе, бой добра и зла продолжается — и можетъ ли быть иначе? Земля не рай, человѣкъ не ангелъ — но наше время, со всѣми его конвульсіями, лучше прошедшаго. Это лучшее само-собою истекаетъ изъ зла минувшаго. И это лучшее — не человѣкъ своею силою производитъ его, но время, покорное одному Промыслу. Поколѣнія изчезаютъ, а время на гробахъ ихъ пишетъ свои истины, которыя читаютъ слѣдующія поколѣнія, и обращаютъ въ свою пользу: изчезая, они оставляютъ на гробахъ своихъ другія истины, временемъ написанныя въ пользу другихъ поколѣній. Общій же разультатъ одинъ: во всякое время, человѣкъ на своемъ мѣстѣ, въ своемъ кругѣ можетъ совершить все, что онъ какъ человѣкъ совершить обязанъ; и если бы каждый, не сбиваясь съ пути, слѣдовалъ сему правилу, то было бы на землѣ одно царство порядка. Но человѣкъ не созданъ для тихой

счастливой, а для дѣятельной нравственной жизни; онъ долженъ завоевывать свое достоинство, долженъ пробиваться къ добру сквозь страсти и неразлучныя съ ними заблужденія и бѣдствія. Въ мірѣ дѣйствуетъ не онъ, а Провидѣніе, которое дѣйствуетъ въ цѣломъ. Жизнь человѣческаго рода можно сравнить съ волнующимся моремъ; буря страстей производитъ эти минутныя волны, возстающія, падающія и безпрестанно смѣняемыя другими. Каждая изъ нихъ кажется какимъ-то самобытнымъ созданіемъ; и если бы каждая могла мыслить, то она въ быстромъ своемъ существованіи могла бы вообразить, что дѣйствуетъ и созидаетъ для вѣчности. Но она со всѣми своими скоропроходящими товарищами только принадлежитъ къ одному великому цѣлому: всѣ онѣ покорствуютъ одному общему движенію; иногда движеніе кажется бурею: бездна кипитъ; но вдругъ все гладко и чисто; и въ этомъ за минуту столь безобразномъ хаосѣ водъ спокойно отражается чистое небо. Вотъ вамъ философія здѣшнихъ горъ. То же самое прочиталъ я и въ Менцелѣ, который въ быстрой картинѣ представляетъ намъ происшествія нашего вѣка, столь богатаго великими измѣненіями.

Еще одинъ маленькій отрывокъ изъ той же горной философіи. Проѣзжая сюда чрезъ кантонъ Швицъ, я видѣлъ на прекрасной долинѣ, между Цирихскимъ и Ловерцкимъ озеромъ развалины горы, задавившей за двадцать лѣтъ нѣсколько деревень, и обратившей своимъ паденіемъ райскую область въ пустыню. Это мѣсто называлось тогда Goldau (золотой лугъ). За двѣнадцать лѣтъ предъ симъ я уже видѣлъ его: съ тѣхъ поръ ничто не перемѣнилось; тѣ же голые, набросанные грудами камни, немногіе покрылись мохомъ; кое-гдѣ пробиваются тощіе кусты, но еще почти нѣтъ признака жизни; время невидимо работаетъ; но разрушеніе въ полной еще силѣ. Рядомъ съ этимъ хаосомъ камней простирается холмистая равнина, покрытая сочною травою, пышными деревьями, селеніями, хижинами, садами; но бугристая поверхность ея, согласно съ преданіемъ, свидѣтельствуетъ о древнемъ разрушеніи: за нѣсколько вѣковъ и на этомъ мѣстѣ упала гора, задавила нѣсколько селеній, и надлежало пройти сотнямъ лѣтъ, дабы развалины могли покрыть-

ся слоемъ плодоносной земли, на которой поселилось новое поколѣніе, совершенно чуждое погибшему. Вотъ исторія всѣхъ революцій, всѣхъ насильственныхъ переворотовъ, кѣмъ-бы они производимы ни были, бурнымъ ли бѣшенствомъ толпы, дерзкою ли властію одного! Разрушать существующее, жертвуя справедливостію, жертвуя настоящимъ для возможнаго будущаго блага, есть опрокидывать гору на человѣческія жилища съ безумною мыслію, что можно вдругъ безплодную землю, на которой стоятъ они, замѣнить другою болѣе плодоносною. И, правда, будетъ земля плодоносная, но для кого? и когда? Время возьметъ свое, и новая жизнь начнется на развалинахъ: но это дѣло его, а не наше; мы только произвели гибель, а произведенное временемъ изъ созданныхъ нами развалинъ, ни мало не соотвѣтствуетъ тому, чего мы хотѣли вначалѣ. Время истинный создатель, мы же въ свою пору были только преступные губители, и отдаленныя благія слѣдствія, загладивъ слѣды погибели, не оправдываютъ губителей. На этихъ развалинахъ Гольдау ярко написана истина: „средство не оправдывается цѣлію; что вредно въ настоящемъ, то есть истинное зло, хотя бы и было благодѣтельно въ своихъ послѣдствіяхъ; никто не имѣетъ права жертвовать будущему настоящимъ и нарушать вѣрную справедливость для невѣрнаго возможнаго блага.“ Человѣкъ, во всякую настоящую минуту, можетъ быть справедливымъ: въ этомъ его человѣческая свобода. Что справедливо теперь, то несомнительно; жертвовать этимъ несомнительнымъ, единственно возможнымъ человѣку, для вѣроятной, слѣдственно сомнительной пользы, есть преступленіе или безумство. Ибо кто отвѣчаетъ за будущее? И слѣдующій мигъ не принадлежитъ намъ: это уже область Провидѣнія. Только, оставаясь въ границахъ человѣчества, съ свѣтлымъ понятіемъ о справедливости, можемъ мы дѣйствовать благотворно, то есть, нравственно; напротивъ, вступаясь въ дѣло Провидѣнія и надѣясь силою, въ одну минуту, произвести то, что оно медленно созидаетъ временемъ, мы губимъ и гибнемъ. Что же? должны ли мы себя осудить на бездѣйствіе и неподвижно предаться во власть времени, подобно камнямъ, которые, не видя и не зная, что съ ними творится, даютъ ему

покрывать ихъ мохомъ и растеніями? Нѣтъ. Но для человѣка довольно собственной дѣятельности и безъ дерзкаго присвоенія той, которая не принадлежитъ ему. Иди шагъ за шагомъ за временемъ, вслушивайся въ его голосъ и исполняй то, чего онъ требуетъ. Отставать отъ него столь же бѣдственно, какъ и перегонять его. Не толкай горы съ мѣста, но и не стой передъ нею, когда она падаетъ; въ первомъ случаѣ самъ произведешь разрушеніе, въ послѣднемъ не отвратишь разрушенія, въ обоихъ же неминуемо погибнешь. Но работая безпрестанно, неутомимо, на-ряду со временемъ, отдѣляя отъ живаго то, что оно уже умертвило, питая то, въ чемъ уже таится зародышъ жизни, и храня то, что зрѣло и полно жизни, ты безопасно, безъ всякаго гибельнаго потрясенія, произведешь или новое необходимое или уничтожишь старое уже безплодное или вредное. Однимъ словомъ, живи и давай жить; а паче всего блюди Божію правду. . . . Но довольно, отъ моей горной философіи и письмо мое сдѣлано горою.

Жуковскій.

4. Рафаэлева Мадонна.

(Изъ письма о Дрезденской галлереѣ.)

Я смотрѣлъ на нее нѣсколько разъ; но видѣлъ ее только однажды такъ, какъ мнѣ было надобно. — Въ первое мое посѣщеніе я даже не захотѣлъ подойти къ ней: я увидѣлъ ее издали, увидѣлъ, что передъ нею торчала какая-то фигурка, съ пудренною головою, что эта проклятая фигурка еще держала въ своей дерзкой рукѣ кисть и безпощадно ругалась надъ великою душею Рафаэля, которая вся въ этомъ чудесномъ твореніи. — Въ другой разъ испугалъ меня самъ директоръ галлереи (который за червонецъ показываетъ путешественникамъ картины, и къ которому я не разсудилъ прибѣгнуть): онъ стоялъ предъ нею съ своими слушателями и, какъ попугай, болталъ вытверженный наизусть вздоръ. — Наконецъ однажды, только было я расположился дать волю глазамъ и душѣ, подошла ко мнѣ одна моя знакомка и принялась мнѣ нашептывать на ухо, что она передъ Мадон-

ною видѣла Наполеона, и что ея дочери похожи на Рафаэлевыхъ Ангеловъ. — Я рѣшился прійти въ галлерею, какъ можно ранѣе, чтобы предупредить всѣхъ посѣтителей. — Это удалось. — Я сѣлъ на софу противъ картины и просидѣлъ цѣлый часъ смотря на ее. — Надобно признаться, что здѣсь поступаютъ съ нею также непочтительно, какъ и со всѣми другими картинами. — Во-первыхъ она, не знаю, для какой Готтентотской причины, уменьшена: верхняя часть полотна, на которомъ она написана, и съ нею верхняя часть занавѣса, изображеннаго на картинѣ, загнуты назадъ, слѣдовательно и пропорція и самое дѣйствіе цѣлаго теперь уничтожены и не отвѣчаютъ намѣренію живописца. — Второе, она вся въ пятнахъ, не вычищена, худо поставлена, такъ что сначала можешь подумать, что копіи, съ нея сдѣланныя, чистыя и блестящія, лучше самаго оригинала. — Наконецъ (что не менѣе досадно) она, такъ сказать, теряется между другими картинами, которыя, окружая ее, развлекаютъ вниманіе; на примѣръ, рядомъ съ нею стоитъ портретъ сатирическаго поэта Аретина, Тиціановъ, прекрасный — но какое сосѣдство для Мадонны! И такова сила той души, которая дышитъ и вѣчно будетъ дышать въ этомъ божественномъ созданіи, что все окружающее пропадаетъ, какъ скоро смотришь на нее со вниманіемъ. — Сказываютъ, что Рафаэль, натянувъ полотно свое для этой картины, долго не зналъ, что на немъ будетъ: вдохновеніе не приходило. — Однажды онъ заснулъ съ мыслію о Мадоннѣ, и вѣрно какой-нибудь Ангелъ разбудилъ его. — Онъ вскочилъ: она здѣсь, закричалъ онъ, указавъ на полотно, и начертилъ первый рисунокъ. — И въ самомъ дѣлѣ, это не картина, а видѣніе: чѣмъ долѣе глядишь, тѣмъ живѣе увѣряешься, что передъ тобою что-что неестественное происходитъ (особливо, если смотришь такъ, что ни рамы, ни другихъ картинъ не видишь). — И это не обманъ воображенія; оно не обольщено здѣсь ни живостію красокъ, ни блескомъ наружнымъ. — Здѣсь душа живописца, безъ всякихъ хитростей искусства, но съ удивительною простотою и легкостію, предала холстинѣ то чудо, которое во внутренности ея совершилось. — Я описываю ее вамъ, какъ совершенно для васъ неизвѣстную. — Вы не имѣете о ней ника-

кого понятія, видѣвши ее только въ спискахъ, или въ Миллеровомъ эстампѣ. — Не видавъ оригинала, я хотѣлъ купить себѣ въ Дрезденѣ этотъ эстампъ; но увидѣвъ, не захотѣлъ и посмотрѣть на него; онъ, можно сказать, оскорбляетъ святыню воспоминанія. — Часъ, который провелъ я передъ этою Мадонною, принадлежитъ къ счастливымъ часамъ жизни, если счастіемъ должно почитать наслажденіе самимъ собою. — Я былъ одинъ; вокругъ меня все было тихо; сперва съ нѣкоторымъ усиліемъ вошелъ въ самаго себя; потомъ ясно началъ чувствовать, что душа распространяется; какое-то трогательное чувство величія въ нее входило; неизобразимое было для нея изображено, и она была тамъ, гдѣ только въ лучшія минуты жизни быть можетъ. — Геній чистой красоты былъ съ нею:

Онъ лишь въ чистыя мгновенья
Бытія слетаетъ къ намъ,
И приноситъ откровенья,
Благодатныя сердцамъ. —
Чтобъ о небѣ сердцѣ знало
Въ темной области земной,
Лучшей жизни покрывало
Приподъемлетъ онъ порой.
А когда насъ покидаетъ,
Въ даръ любви, у насъ въ виду,
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду. —

Не понимаю, какъ могла ограниченная живопись произвести необъятное; предъ глазами полотно, на немъ лица, обведенныя чертами, и все стѣснено въ маломъ пространствѣ, и, не смотря на то, все необъятно, все неограниченно! И точно приходитъ на мысль что эта картина родилась въ минуту чуда: занавѣсъ раздернулся, и тайна неба открылась глазамъ человѣка. — Все произходитъ на небѣ; оно кажется пустымъ и какъ будто туманнымъ, но это не пустота и не туманъ, а какой-то тихой, неестественный свѣтъ, полный Ангелами, которыхъ присутствіе болѣе чувствуешь, нежели замѣчаешь: можно сказать, что все, и самый воздухъ, обращается въ чистаго Ангела въ присутствіи этой небесной, мимоидущей Дѣвы. — И Рафаэль прекрасно подписалъ свое имя на картинѣ: внизу ея, съ границы земли, одинъ изъ двухъ Анге-

ловъ устремилъ задумчивые глаза въ высоту; важная, глубокая мысль царствуетъ на младенческомъ лицѣ: не таковъ ли былъ и Рафаэль въ то время, когда онъ думалъ о своей Мадоннѣ? Будь младенцемъ, будь Ангеломъ на землѣ, чтобы имѣть доступъ къ тайнѣ небесной. — И какъ мало средствъ нужно было живописцу, чтобы произвести нѣчто такое, чего не льзя истощить мыслію! Онъ писалъ не для глазъ, все обнимающихъ во мгновеніе и на мгновеніе, но для души, которая чѣмъ болѣе ищетъ, тѣмъ болѣе находитъ. — Въ Богоматери, идущей по небесамъ, непримѣтно никакого движенія; но чѣмъ болѣе смотришь на нее, тѣмъ болѣе кажется, что она приближается. — На лицѣ ея ничто не выражено, то есть, на немъ нѣтъ выраженія понятнаго, имѣющаго опредѣленное имя; но въ немъ находишь, въ какомъ-то таинственномъ соединеніи, все: спокойствіе, чистоту, величіе и даже чувство, но чувство уже перешедшее за границу земнаго, слѣдовательно мирное, постоянное, не могущее уже возмутить ясности душевной. — Въ глазахъ ея нѣтъ блистанія (блестящій взоръ человѣка всегда есть признакъ чего-то необыкновеннаго, случайнаго, а для нея уже нѣтъ случая — все совершилось); но въ нихъ есть какая-то глубокая, чудесная темнота, въ нихъ есть какой-то взоръ, никуда особенно не устремленный, но какъ будто видящій необъятное. — Она не поддерживаетъ Младенца; но руки ея, смиренно и свободно служатъ ему престоломъ: и въ самомъ дѣлѣ, эта Богоматерь есть не иное что какъ одушевленный престолъ Божій, чувствующій величіе сидящаго. — И онъ, какъ Царь земли и неба, сидитъ на этомъ престолѣ. — И въ его глазахъ есть тотъ же никуда не устремленный взоръ; но эти глаза, какъ молніи, блистаютъ тѣмъ вѣчнымъ блескомъ, котораго ничто ни произвести, ни измѣнить не можетъ. — Одна рука Младенца съ могуществомъ Вседержителя оперлась на колѣно, другая какъ будто готова подняться и простерться надъ небомъ и землею. — Тѣ, передъ которыми совершается это видѣніе, Св. Сикстъ и Мученица Варвара, стоятъ также на небесахъ: на землѣ этого не увидишь. — Старикъ не въ восторгѣ: онъ полонъ обожанія мирнаго и счастливаго, какъ святость; Святая Варвара очаровательна своею красотою: великость того явленія,

котораго она свидѣтель, дала и ея стану, какое-то разительное величіе; но красота лица ея человѣческая, именно потому, что на немъ уже есть выраженіе понятное; она въ глубокомъ размышленіи; она глядитъ на одного изъ Ангеловъ, съ которымъ какъ будто дѣлится таинствомъ мысли. — И въ этомъ нахожу я главную красоту Рафаэлевой картины (если слово картина здѣсь у мѣста). — Когда бы живописецъ представилъ обыкновеннаго человѣка зрителемъ того, что на картинѣ его видятъ одни Ангелы и Святые: онъ или далъ бы лицу его выраженіе изумленнаго восторга (ибо восторгъ есть чувство здѣшнее: она на минуту, быстро и неожиданно отрываетъ насъ отъ земнаго), или представилъ бы его падшаго на землю съ признаніемъ своего безсилія и ничтожества. — Но состояніе души, уже покинувшей землю и достойной неба, есть глубокое, постоянное чувство, возвышенное и просвѣщенною мыслію, постигнувшею тайны неба, безмолвное, неизмѣняемое счастіе, которое все заключается въ духъ словахъ: чувствую и знаю! И эта-то блаженствующая мысль царствуетъ на всѣхъ лицахъ Рафаэлевой картины (кромѣ разумѣется, лица Спасителева и Мадонны): всѣ въ размышленіи, и Святые и Ангелы. — Рафаэль какъ будто хотѣлъ изобразить, для глазъ верховное назначеніе души человѣческой.— Одинъ только предметъ напоминаетъ въ картинѣ его о землѣ: это Сикстова тіара, покинутая: на границѣ здѣшняго свѣта. — Вотъ то, что думалъ я въ тѣ счастливыя минуты, которыя провелъ передъ Мадонною Рафаэля.— Какую душу надлежало имѣть, чтобы произвести подобное! Бѣдный Миллеръ! Онъ умеръ, сказывали мнѣ, въ домѣ сумасшедшихъ. — Удивительно ли? Онъ сравнилъ свое подражаніе съ оригиналомъ, и мысль, что онъ не понялъ, великаго, что онъ его обезобразилъ, что оно для него недостижимо, убила его. — И въ самомъ дѣлѣ, надобно быть или безразсуднымъ, или просто механическимъ маляромъ безъ души, чтобы осмѣлиться списывать эту Мадонну: одинъ разъ душѣ человѣческой было подобное откровеніе; дважды случиться оно не можетъ.

Жуковскій.

5. Воспоминаніе о торжествѣ 30-го Августа 1834 года.

Я готовился быть свидѣтелемъ торжества великолѣпнаго: но торжество, видѣнное мною, превзошло мое ожиданіе. Оно такъ же колосально, какъ тотъ памятникъ, передъ которымъ происходило, и какъ Россія, которая вся въ немъ изобразилась. Я чувствовалъ вдохновеніе, но это было не творческое вдохновеніе поэта украшающее или преобразующее существенность: то было поразительное чувство высокаго, неотдѣлимое отъ предмета, его возбудившаго; такое же чувство, какое потрясло мою душу, когда представились мнѣ въ первый разъ Альпы, когда я увидѣлъ Римъ посреди его запустѣвшей равнины, когда подходилъ ко храму Св. Петра, и остановился подъ его изумительнымъ сводомъ. Здѣсь поэзія безмолвна, и близость предмета давитъ воображеніе, напрасно хотящее втѣснить его въ слова и звуки. Здѣсь можно только описывать, и чѣмъ простѣе, чѣмъ вѣрнѣе будетъ описаніе, тѣмъ болѣе будетъ въ немъ поэзіи.

Все соединилось, чтобы дать сему торжеству значительность глубокую. День наканунѣ былъ утомительно душенъ; къ ночи все небо задернулось громовыми тучами; воздухъ давилъ, какъ свинецъ; тучи шумѣли; Нева подымалась, и былъ въ волнахъ ея голосъ; наконецъ запылала гроза; молніи за молніями, зажигаясь въ тысячѣ мѣстахъ, какъ будто стояля надъ городомъ, однѣ зубчатыми стрѣлами крестили небо, другія вспыхивали, какъ багровые снопы, иныя широкимъ пожаромъ зажигали цѣлую массу облаковъ, и въ этомъ безпрестанномъ, быстромъ переходѣ изъ мрака въ блескъ, чудеснымъ образомъ являлись и пропадали зданія, кровли и башни, и вырѣзывались на яркомъ свѣтѣ шатающіяся мачты кораблей, и сверкала громада колонны, которая вдругъ выходила вся изъ темноты, бросала минутную тѣнь на озаренную кругомъ ея площадь и вмѣстѣ съ нею пропадала, чтобъ снова блеснуть и исчезнуть. И въ этомъ явленіи было какое-то невыразимое знаменованіе: невольно испуганная мысль переносилась къ тѣмъ временамъ нашествія вражескаго, когда губительная гроза поднялась надъ Россіею, надъ нею разразилась и бы-

стро исчезла, оставя ей славу и миръ. Было что-то похожее на незыблемость Промысла въ этой колоннѣ, которая, не будучи еще открытою, уже стояла на своемъ мѣстѣ посреди окружающаго ее мрака и бури, твердая, какъ тайная воля спасающаго Бога, дабы на другой день, подъ блескомъ очищеннаго неба, торжественно явиться символомъ совершившагося Божія обѣта.

И дѣйствительно, эта ночная гроза только очистила небо и какъ будто приготовила послѣдовавшее за нею торжество. Солнце на другой день взошло великолѣпно; по свѣтлой лазури еще бродили разорванныя облака, но они не скрывали ни неба, ни солнца. Въ девять часовъ утра уже вся площадь колонны окружена была безчисленными толпами народа; весь Зимній дворецъ отъ кровли до подошвы, весь экзерциргаузъ, обращенный въ амфитеатръ, все полукруглое зданіе, противолежащее дворцу, коего подошва также обвита была амфитеатромъ, всѣ смежные съ нимъ домы, весь булеваръ, кровля и высокая башня Адмиралтейства наполнены, унизаны, загромождены были народомъ и представляли зрѣлище удивительное, чудесно оживляемое сіяніемъ солнца, которое безпрестанно скрывалось за облаками и изъ нихъ выходило. И посреди этой одушевленной ограды широкою пустынею простиралась площадь и длинная тѣнь колонны на ней уединенно воздвигавшейся съ покровеннымъ своимъ пьедесталомъ непримѣтно передвигалась по свѣтлому дну ея, какъ будто знаменуя идущее время. А между тѣмъ, вблизи, никому непримѣтно, стояла въ ружьѣ стотысячная армія. И никакое перо не можетъ описать величія той минуты, когда, по тремъ пушечнымъ выстрѣламъ, вдругъ, изъ всѣхъ улицъ, какъ будто изъ земли рожденныя, стройными громадами, съ барабаннымъ громомъ, подъ звукомъ Парижскаго марша, пошли колонны Русскаго войска: вдругъ тишина обратилась во что-то не имѣющее имени; это было не шумъ, не гулъ, не звукъ, но тяжкій, мѣрный, потрясающій душу шагъ, спокойное приближеніе Силы, непобѣдимой и въ то же время покорной. Густыми волнами лилось войско и заливало площадь, но въ этомъ разливѣ былъ изумительный порядокъ; глаза видѣли многочисленность и

огромность движущейся массы; но самое разительное въ этомъ зрѣлищѣ было то, чего не могли видѣть глаза: тайное присутствіе Воли, которая все однимъ мановеніемъ двигала и направляла. Войска сошлись, построились. Государь, объѣхавъ ряды ихъ, сталъ противъ колонны, имѣя подлѣ себя Принца Вильгельма Прусскаго, и въ эту минуту на дворцовомъ балконѣ явились хоругви, вслѣдъ за ними священный Соборъ и Государыня Императрица со всѣмъ Императорскимъ Домомъ; войска отдали честь: одна быстрая молнія блеснула по всѣмъ оружіямъ, однимъ общимъ потрясеніемъ дрогнули всѣ колонны, и продолжительный громъ барабановъ покатился, какъ чудное эхо. И трепетъ благоговѣнія проникнулъ душу, когда вдругъ, съ начавшимся молебствіемъ невыразимая тишина повсемѣстно распространилась. Небо было чисто; солнечный свѣтъ спокойно лежалъ на неподвижномъ войскѣ, на тихомъ народѣ и на колоннѣ, которая лучезарнымъ крестоносным своимъ Ангеломъ ярко отражалась отъ лазури небесной. И въ этой тишинѣ всѣмъ слышная молитва священнослужителя, съ повременнымъ торжественнымъ пѣніемъ клира; и въ общемъ колѣнопреклоненіи войска, народа, и предъ ними ихъ Государя, чудесное сліяніе земнаго могущества, простертаго во прахъ съ таинственнымъ могуществомъ креста, надъ нимъ восходящаго; и невидимое соприсутствіе чего-то безименнаго, чего-то выражающаго все, что намъ драгоцѣнно, чего-то шепчущаго душѣ: Россія, слава минувшая, слава грядущая; наконецъ умилительное слово вѣчная память и имя Александра, и вслѣдъ за нимъ упавшая завѣса колонны и громозвучное, продолжительное ура, соединенное съ залпами пяти сотъ пушекъ, отъ которыхъ весь воздухъ превратился въ торжественную бурю славы. . . . Для изображенія такой минуты нѣтъ словъ, и самое воспоминаніе о ней уничтожаетъ дарованіе описателя. . . . Не льзя было смотрѣть безъ глубокаго душевнаго умиленія на Государя, смиренно стоящаго на колѣнахъ впереди сего многочисленнаго войска, сдвинутаго словомъ Его къ подножію сооруженнаго Имъ колосса. Онъ молился о Братѣ, и все въ эту минуту говорило о земной славѣ сего державнаго брата: и монументъ, носящій Его

имя, и колѣнопреклоненная Русская армія, видавшая Его въ такія великія минуты передъ своими рядами, и народъ, посреди котораго Онъ жилъ, благодушный, всѣмъ доступный, и трогательное присутствіе сего Принца Прусскаго, который представлялъ намъ цѣлую дружественную націю съ благороднымъ ея Государемъ, сподвижникомъ нашего Александра, и самое воспоминаніе, въ коемъ возобновлялись времена минувшія: Бородино, роковая слава Москвы всенародный Лейпцигской бой, Парижъ, Наполеоновъ гробъ, обхваченный океаномъ... все, все говорило объ Немъ, а Его самого тутъ не было. И сіе отсутствіе погружало душу въ какую-то невыразимую задумчивость: она какъ будто чувствовала, что близко то мѣсто, мѣсто уединенное, мѣсто покоя, безмолвія и мрака, гдѣ Царь Великій спитъ во гробѣ; и невольно перелетала она въ тотъ далекій, столь прежде незнаменитый уголокъ Россіи, гдѣ такъ смиренно, такъ въ сторонѣ отъ всякаго блеска царской славы, на рукахъ одной сокрушенной супруги, закрылъ Онъ глаза, и откуда совершилъ послѣдній свой путь чрезъ Россію, затворенный во гробѣ и безотвѣтный на призывающій его голосъ народа. Какъ поразительна была въ эту минуту сія противуположность житейскаго величія, пышнаго, но скоропреходящаго, съ величіемъ смерти, мрачнымъ, но неизмѣннымъ; и сколь краснорѣчивъ былъ въ виду того и другаго сей Ангелъ, который, непричастно всему, что окружало его, стоялъ между землею и небомъ, принадлежа одной своимъ монументальнымъ гранитомъ, изображающимъ то, чего уже нѣтъ, а другому лучезарнымъ своимъ крестомъ, символомъ того, что всегда и навѣки! — По совершеніи молебствія начался ходъ вокругъ монумента; Первосвятитель окропилъ его святою водою, и вслѣдъ за симъ, по одному слову всколебались всѣ колонны арміи; съ невѣроятною быстрою вся площадь очистилась; на ступеняхъ монумента остались одни немногіе ветераны Александровой арміи, прежде храбрые участники славныхъ битвъ Его времени, теперь заслуженные часовые великаго Его монумента. Начался церемоніяльный маршъ: Русское войско пошло мимо Александровой колонны; два часа продолжалось сіе великолѣпное, единственное въ мірѣ

зрѣлище; наконецъ войска прошли; звукъ оружія и громъ барабанный умолкли; народъ на ступеняхъ амфитеатровъ и на кровляхъ зданій исчезъ. Въ вечеру, долго по улицамъ освѣщеннаго города бродили шумящія толпы; наконецъ освѣщеніе угасло; улицы опустѣли; на безлюдной площади остался величественный колоссъ; одинъ съ своимъ часовымъ. И все было спокойно въ сумракѣ ночи — лишь только на темномъ, звѣздами усыпанномъ небѣ, въ блескѣ луны сіялъ крестоносный Ангелъ.

Такъ миновалось видѣніе увидительнаго дня сего: душа, имъ взволнованная, долго не могла утихнуть, какъ море послѣ бури, но море, коего каждая волна имѣла какой-то великій образъ. И дѣйствительно, то, что мы видѣли въ этотъ чудный день, было не одно торжество кратковременное, но все наше минувшее, вдругъ передъ нами повторенное. Чему надлежало совершиться въ Россіи, чтобы въ такомъ городѣ, такое собраніе народа, такое войско могли соединиться у подножія такой колонны? . . . Тамъ на берегу Невы подымается скала, дикая и безобразная, и на той скалѣ всадникъ стольже почти огромный, какъ сама она. И этотъ всадникъ, достигнувъ высоты, осадилъ могучаго коня своего на краю стремнины; и на этой скалѣ написано Петръ и рядомъ съ нимъ Екатерина; и въ виду этой скалы воздвигнута нынѣ другая, несравненно огромнѣе, но уже не дикая, изъ безобразныхъ камней набросанная громада, а стройная, величественная, искусствомъ округленная колонна; и ей подножіемъ служатъ бронзовые трофеи войны и мира, и на высотѣ ея уже не человѣкъ скоропреходящій, а вѣчный сіяющій Ангелъ, и подъ крестомъ сего Ангела издыхаетъ то чудовище, которое тамъ на скалѣ, полураздавленное, извивается подъ копытами конскими; и между сими двумя монументами (вокругъ которыхъ подъемлются зданія великолѣнныя и Нева кипитъ всемірною торговлею), однимъ мановеніемъ Царскимъ сдвинута была стотысячная армія; и въ этой стотысячной арміи подъ одними орлами, и Рускій и Полякъ, и Ливонецъ и Финнъ, и Татаринъ, и Калмыкъ, и Черкесъ, и боецъ Закавказскій; и эта армія прошла отъ Торнео до Арарата, отъ Парижа до Адріанополя, и громкому ура ея отвѣчали пушки съ

кораблей Чесмы и Наварина. . . Не вся ли это Россія? Россія, созданная вѣками, бѣдствіями, побѣдою, Россія, прежде безобразная скала, набросанная медленнымъ временемъ, мало по малу, подъ громомъ древнихъ междоусобій, подъ шумомъ Половецкихъ набѣговъ, подъ гнетомъ Татарскаго ига, въ бояхъ Литовскихъ, сплоченная Самодержавіемъ, слитая воедино и обтесанная рукою Петра, и нынѣ стройная, единственная въ свѣтѣ своею огромностію колонна? И Ангелъ, вѣнчающій колонну сію, не то-ли онъ знаменуетъ, что дни боеваго созданія для насъ миновались, что все для могущества сдѣлано, что завоевательный мечъ въ ножнахъ, и не иначе выйдетъ изъ нихъ, какъ только для сохраненія; что наступило время созданія мирнаго; что Россія, все свое взявшая, извнѣ безопасная, врагу недоступная или погибельная, не страхъ, а стражъ породнившейся съ нею Европы, вступила нынѣ въ новый великій періодъ бытія своего, въ періодъ развитія внутренняго, твердой законности, безмятежнаго пріобрѣтенія всѣхъ сокровищъ общежитія; что опираясь всѣмъ Западомъ на просвѣщенную Европу, всѣмъ Югомъ на богатую Азію, всѣмъ Сѣверомъ и Востокомъ на два океана, богатая и бодрымъ народомъ, и землею для тройнаго народонаселенія, и всѣми дарами природы для животворной промышленности, она, какъ удобренное поле, кипитъ брошенною въ нѣдра ея жизнію и готова произрастить богатую жатву гражданскаго благоденствія, ввѣренная Самодержавію, коимъ нѣкогда была создана и упрочена ея сила, и коего символъ нынѣ воздвигнутъ передъ нею Царемъ ея въ лицѣ сего крестоноснаго Ангела, и имя его: Божія правда.

Жуковскій.

6. Бородинскій праздникъ.

(Отрывокъ письма Ея Императорскому Высочеству Государынѣ Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ.)

Я былъ въ Бородинѣ въ самый день великолѣпнаго праздника, которымъ Государь угостилъ свою армію. Палатою, для пирующихъ, было Бородинское

поле, а украшеніемъ палаты монументъ Бородинскаго боя съ Багратіоновымъ гробомъ у подошвы его, и Бородинскіе холмы, на которыхъ подъ жатвою, ихъ покрывающею, спитъ почти цѣлое войско, здѣсь погребенное со славою. Такихъ палатъ на свѣтѣ не много. Опишу Вамъ просто все, какъ было. Но прежде оглянемся назадъ. За 27 лѣтъ двѣ арміи стали на этихъ поляхъ одна передъ другою; въ одной Наполеонъ и всѣ народы Европы, въ другой одна Россія. Наканунѣ сраженія (25 Августа) все было спокойно; раздавались одни ружейные выстрѣлы, которыхъ безпрестанный звукъ можно было сравнить со звукомъ топоровъ, рубящихъ въ лѣсу деревья. Солнце сѣло прекрасно; вечеръ наступилъ безоблачный и холодный; ночь овладѣла небомъ, которое было темно и ясно, и звѣзды ярко горѣли; зажглись костры; наконецъ армія заснула вся съ мыслію, что на другой день быть великому бою. И тишина, которая тогда воцарилась повсюду, неизобразима; въ этомъ всеобщемъ молчаніи и въ этомъ глубокомъ темномъ небѣ, полномъ звѣздъ и мирно распростертомъ надъ двумя арміями, гдѣ столь многіе обречены были на другой день погибнуть, было что-то роковое и несказанное. И съ первымъ просвѣтомъ дня грянула Русская пушка, которая вдругъ пробудила повсемѣстное сраженіе. Описывать это сраженіе здѣсь не у мѣста, да я и не умѣлъ бы этого сдѣлать, ибо не видалъ подробностей кровавой свалки. Мы стояли въ кустахъ на лѣвомъ флангѣ, на который напиралъ непріятель; ядра, невидимо откуда, къ намъ прилетали; все вокругъ насъ страшно гремѣло; огромные клубы дыма подымались на всемъ полукружіи горизонта, какъ будто отъ повсемѣстнаго пожара, и наконецъ ужасною бѣлою тучей обхватили половину неба, которое тихо и безоблачно сіяло надъ бьющимися арміями. Во все продолженіе боя насъ мало по малу отодвигали назадъ. Наконецъ съ наступленіемъ темноты сраженіе, до тѣхъ поръ непрерывавшееся ни на минуту, умолкло. Тутъ намъ велѣно было двинуться впередъ, и мы очутились на возвышеніи посреди арміи; въ дали царствовалъ мракъ; все покрыто было густымъ туманомъ освѣщавшагося дыма, и костры непріятельскихъ биваковъ горѣли въ этомъ туманѣ тусклымъ огнемъ, какъ огромныя ра-

скаленныя ядра. Но мы недолго оставались на мѣстѣ; армія тронулась и въ глубокомъ молчаніи пошла къ Москвѣ, покрытая темною ночью. Вотъ то, что мои глаза видѣли здѣсь за 27 лѣтъ. Теперь на Бородинскомъ полѣ была картина иная. — Батареи на высотахъ исчезли; по нимъ переливается жатва, и одинъ монументъ Бородинскій ими владычествуетъ. Только тамъ, гдѣ такъ храбро дрался Воронцовъ, потерявшій здѣсь почти всѣхъ людей своихъ, гдѣ погибъ Тучковъ, неотысканный между мертвыми, остались признаки укрѣпленій; но они служатъ подножіемъ церкви, построенной вдовою Тучкова на мѣстѣ погибели ея мужа, а вмѣсто пушекъ, тогда здѣсь гремѣвшихъ, являются тихія кельи монахинь. Здѣсь, наканунѣ праздника, встрѣтилъ я нѣкоторыхъ изъ нашихъ храбрыхъ генераловъ. Одинъ изъ нихъ показывалъ товарищамъ своимъ то мѣсто, гдѣ за четверть вѣка бился; онъ самъ уже не узнавалъ его, и монахини служили ему провожатыми къ немногимъ остаткамъ тѣхъ окоповъ, на коихъ тогда пали его сослуживцы. Въ глазахъ заслуженнаго воина сверкали слезы: то были слезы глубокаго, возвышеннаго чувства; какъ могло не разогрѣться сердце при вступленіи, послѣ столькихъ лѣтъ, послѣ столькихъ измѣненій и въ своей судьбѣ и въ судьбѣ народовъ, на то мѣсто, гдѣ совершилось одно изъ главныхъ событій жизни, гдѣ вдругъ безъ прощанья надлежало разстаться съ такимъ множествомъ храбрыхъ ближнихъ, гдѣ всѣ они лежатъ, смѣшавшись съ прахомъ земли, и гдѣ вѣроятно всѣ они ожили въ позднемъ воспоминаніи? На этомъ же мѣстѣ явился и другой храбрый воинъ Бородинскаго дня: онъ вошелъ въ церковь, сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ передъ Царскими дверями, поклонился гробу Тучкова и положилъ на налой образъ, вѣроятно съ нимъ бывшій въ этомъ сраженіи, благодарною данію Спасителю — Богу.

Утро Бородинскаго праздника было такъ же ясно, какъ утро Бородинскаго боя. Тогда была чувствительна осенняя свѣжесть; теперь теплота наполняла воздухъ, и отъ долговременной засухи повсюду была ужасная пыль, которая при малѣйшемъ вѣтеркѣ подымалась столбами. Войска (около ста-пятидесяти-тысячъ) были рано по утру сведены на мѣста,

имъ назначенныя; они стояли колоннами по наклону покатостей, окружая съ трехъ сторонъ то возвышеніе, на коемъ теперь стоитъ памятникъ Бородинскій и у подошвы его лежитъ Багратіонъ, на коемъ тогда произошла самая жаркая битва, гдѣ дрались Раевскій, Барклай, Паскевичь, гдѣ раненъ Ермоловъ, гдѣ погибъ Кутайсовъ, на которомъ гремѣло болѣе двухъ сотъ Наполеоновыхъ пушекъ, гдѣ наконецъ всѣ перемѣшались въ рукопашной убійственной свалкѣ. Войска, видимыя съ вершины этого холма, представляли зрѣлище единственное; однимъ взглядомъ можно было окинуть сто-пятидесяти-тысячную армію, сжатую въ густыя колонны, которыя амфитеатромъ одна надъ другой подымались. Пѣхота была неподвижна; по ружьямъ сверкало солнце, и штыки ихъ казались блестящею, поднявшеюся щетиною огромнаго боеваго чудовища, Гдѣ стояла конница, тамъ дымилось; конскія копыта подымали пыль; она колебалась надъ колоннами какъ черная гробовая туча. Позади арміи разставлена была артиллерія. Въ срединѣ этого чуднаго амфитеатра возвышался памятникъ, у подошвы коего, внутри ограды, были собраны всѣ отставные, нѣкогда участвовавшіе въ славной битвѣ и изъ разныхъ мѣстъ собравшіеся на ея праздникъ. Между ними особенно замѣчательны были инвалиды, кто съ подвязанною рукою, кто съ повязкою на головѣ, кто безъ обѣихъ ногъ. Нѣкоторые изъ нихъ, въ ожиданіи торжества, сидѣли на ступеняхъ монумента; другіе, положивъ на землю клюки, отдыхали у Багратіонова гроба, и этотъ гробъ одинъ на землѣ Бородинской, величественно-тихій, въ виду арміи новаго поколѣнія, казался представителемъ поколѣнія прежняго, котораго воины положили здѣсь свои головы, котораго прахъ вѣчно живая природа съ такою любовію одѣла здѣсь своею зеленью, своею благовонною жатвою. Другіе Бородинскіе воины, еще находящіеся въ службѣ, сидѣли на коняхъ и выстроены были фрунтомъ внѣ ограды. Явился Государь, проскакалъ мимо колоннъ: грянуло повсемѣстное ура, и вдругъ все утихло; отъ Бородина съ хоругвями и крестами потянулся ходъ; священники всѣхъ полковъ, священники столицы и позади всѣхъ Преосвященный Митрополитъ Московскій, длиннымъ строемъ, съ торжественнымъ пѣніемъ, шли мимо арміи къ монументу,

предъ которымъ былъ воздвигнутъ алтарь. Когда священники стали по мѣстамъ своимъ и Митрополитъ приблизился къ алтарю, тишина невыразимая воцарилась повсюду; ни движенія, ни шороха; какъ будто живые слились въ одно безмолвное братство съ безчисленными мертвыми, здѣсь подъ землею сокрытыми, какъ будто бы мертвые вышли изъ праха и, ставши въ строй съ живыми, вселили въ нихъ свое неземное спокойствіе; однимъ словомъ, этой минуты описать невозможно. И вдругъ изъ глубины этого чуднаго молчанія тихо поднялся гармоническій голосъ, раздалось повсюду: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ!« Эта минутная гармонія, какъ тихій Ангелъ, пролетѣла между небомъ и землею; она не нарушила молчанія, она не умолкла; она была чѣмъ-то таинственнымъ, чѣмъ-то всевыражающимъ, вдругъ совершившимся вѣдомо и невѣдомо. Началось молебствіе; молитвы и пѣніе отъ подошвы памятника доходили до войска. Какая умилительная противоположность съ тѣмъ громомъ битвы, отъ котораго здѣсь, за четверть вѣка, земля трепетала. Вдругъ раздался звучный голосъ Государя; услышали команду Его: смирно! Съ глубокою, повсемѣстною тишиною соединилось повсемѣстное ожиданіе, и въ это мгновеніе Первосвятитель возгласилъ: »Великому Императору Александру Первому вѣчная память!« Тутъ всѣ пушки грянули однимъ залпомъ, вся армія грянула единогласно: ура! Изъ-за всѣхъ колоннъ, по всѣмъ высотамъ поднялись тучи дыма, и долго въ этомъ дыму, незаглушаемый громомъ артиллеріи, но отъ него отличный, непрерывнымъ гуломъ звучалъ торжественный голосъ войска, составляя вмѣстѣ съ выстрѣлами какую-то несказанную, потрясающую сердце гармонію. И это ура, сперва всеобщее по всѣмъ колоннамъ, умолкая на одномъ концѣ ихъ, начиналось на другомъ, опять сливалось въ одинъ повсемѣстный крикъ, снова прерывалось и снова гремѣло, и наконецъ, только по данному Императоромъ знаку, мало по малу замолко. И только эта одна минута повторила то, что здѣсь случилось въ день Бородинскаго боя: въ залпѣ пушекъ и въ крикѣ арміи мы услышали послѣдній отголосокъ тогдашней битвы, но этотъ отголосокъ былъ слава! Опять все умолкло; начался благодарственный моле-

бенъ; армія пала на колѣна; запѣли »Тебе Бога хвалимъ!« Первосвятитель окропилъ памятникъ святою водою; потомъ священники съ хоругвями и крестами пошли обратно мимо арміи, и скоро ихъ свѣтлый строй и кресты и хоругви исчезли въ отдаленіи. Колонны поколебались; Государь впереди ихъ проѣхалъ мимо памятника и, отдавъ ему честь, остановился передъ нимъ, и вся армія прошла мимо его въ удивительномъ порядкѣ; но страшная туча пыли отъ нея подымалась, какъ будто напоминая о дымѣ Бородинскаго боя. Наконецъ все опустѣло, все утихло; чудесное видѣніе кончилось; остался одинъ Бородинскій памятникъ съ Багратіоновымъ гробомъ, озаряемый яснымъ небомъ, и кругомъ ихъ спокойные холмы, одѣтые жатвою.

Жуковскій.

7. Памятникъ Потемкина.

Съ первыми лучами разсвѣта мы уже были опять въ дорогѣ. Я зналъ, что „Памятникъ Свѣтлѣйшаго" не далеко, и заранѣе настраивалъ свое воображеніе къ мечтамъ и воспоминаніямъ. Но однообразный видъ пустынныхъ окрестностей и мѣрное колыханье тихо двигавшейся коляски были такъ усыпительны, что я невольно забылся въ нѣгѣ сладкой утренней дремоты. Вдругъ слышу: — „Памятникъ! Памятникъ!" Открываю глаза. Мы съѣзжали на дно глубокой долины, пресмыкающейся у подножія крутой и высокой горы. Подъ нами скатывалась въ долину нагая степь. Противоположная гора вѣнчалась густымъ лѣсомъ, упиравшимся въ небеса. Солнце разгаралось всѣмъ блескомъ свѣжихъ утреннихъ лучей: голубой паръ поднимался прозрачнымъ пологомъ надъ косматою горою; гладкая пелена степи казалась раззолоченною черезъ огонь. Въ этой пучинѣ свѣта едва мелькала одинокая стрѣлка, водруженная на одномъ изъ послѣднихъ уступовъ степнаго ската долины. То былъ пустынный памятникъ „великолѣпнаго Князя Тавриды"! . . .

Въ благоговѣйномъ безмолвіи приближились мы къ завѣтному мѣсту. Обелискъ, сложенный изъ дикаго камня, запечатлѣнъ строгою, благородною простотою. Подлѣ него домикъ для сторожа памятника. Сѣдой, какъ лунь, инвалидъ, встрѣтившій насъ у подножія обелиска, служилъ еще при Потемкинѣ.

Такъ вотъ гдѣ кончилась дивная драма, имѣвшая позорищемъ своимъ полсвѣта! Вотъ гдѣ раздался неумолимый свистокъ, и занавѣсъ палъ на сцену, гдѣ судьбы міра такъ тѣсно переплетались съ страстями одного человѣка, гдѣ исторія царствъ и народовъ раболѣпно сжималась въ рамки біографіи! . . . О, какъ высока поэзія дѣйствительности, поэзія чистой, нагой истины событій! Никакой Аріостъ не выдумаетъ поэмы, волшебнѣе жизни Потемкина! Никакой Шекспиръ не создастъ ничего торжественнѣе, ничего краснорѣчивѣе и глубокомысленнѣе, какъ смерть Потемкина! . . .

Назадъ тому сорокъ восемь лѣтъ, эта пустынная глушь внезапно оживилась. Вихремъ мчится по ней блестящая колесница. Она несетъ исполина, который одинъ, на мощныхъ раменахъ, держитъ судьбу этихъ горъ и степей, таитъ для нихъ въ глубинѣ своей души никому недовѣдомую будущность. Но взоръ путника страшно мутенъ; чело заклеймено печатью тяжкаго страданія. Что могло такъ омрачить лучезарную жизнь Свѣтлѣйшаго, утвердившуюся въ зенитѣ „счастья" безпримѣрнаго, „славы" беззакатной? Предъ нимъ и за нимъ, все покорствуетъ его волѣ, все смиряется предъ его могуществомъ. По мановенію его, тамъ, откуда онъ ѣдетъ, все повергается во прахъ; тамъ, куда онъ ѣдетъ, все возникаетъ изъ праха. Жизнь и смерть—одно его слово. Вѣсы рока послушно колеблются въ привычной рукѣ, до сихъ поръ, не вѣдавшей сопротивленія. Нѣтъ! это одно изъ тѣхъ перелетныхъ облаковъ, которыя набѣгаютъ на солнце и въ полдень! Вѣрно, Ясскія оргіи надоѣли пресыщенному Альцибіаду. Вѣрно черная минута сплина есть часовое похмѣлье послѣ упоительнаго чада наслажденій, безграничныхъ и безпрерывныхъ. Погодите: все пройдетъ при видѣ юнаго Николаева, когда онъ, въ привѣтъ своему творцу, блеснетъ яркими очами колоссальныхъ своихъ рѣкъ, зашевелитъ мяг-

кими кудрями новораждающихся рощъ, залепечетъ шумнымъ говоромъ веселъ и парусовъ въ новоучреждаемыхъ гаваняхъ . . Но бѣгъ рьяныхъ коней вдругъ останавливается. Пестрый рой спутниковъ „великолѣпнаго Князя“ взволновался безмолвнымъ смятеніемъ. На щетинистомъ ковылѣ дикой степи торопливо стелютъ дорожный плащъ и кладутъ умирающаго. . . . Еще минута — и его не стало! . . . . Свѣтлѣйшій Князь Потемкинъ-Таврическій не существовалъ болѣе! . . »Мимо идохъ« — сказалъ бы мудрецъ-христіанинъ — »и се не бѣ!» . . .

Звучно раздавался въ ушахъ моихъ вѣщій голосъ великаго поэта:

Но кто тамъ идетъ по холмамъ,
Глядясь, какъ мѣсяцъ, въ воды черны?
Чья тѣнь спѣшитъ по облакамъ
Въ воздушныя жилища горны?
На темномъ взорѣ и челѣ
Сидитъ глубока дума въ мглѣ.

Какой чудесный духъ крылами
Отъ сѣвера паритъ на югъ?
Вѣтръ медленъ течь его стезями,
Обозрѣваетъ царства вдругъ:
Шумитъ, и какъ звѣзда блистаетъ
И искры въ слѣдъ свой разсыпаетъ.

Чей трупъ, какъ на распутьѣ мгла,
Лежитъ на темномъ лонѣ ночи?
Простое рубище чресла,
Два лепта покрываютъ очи;
Прижаты къ груди хладны персты,
Уста безмолвствуютъ отверзты!

Чей одръ — земля; кровъ — воздухъ синь;
Чертоги — вкругъ пустынны виды? . . .

Какъ точно угадана, какъ вѣрно очеркнута дикая пышность рамъ, вполнѣ достойныхъ великой картины! . . . Потемкинъ не могъ выбрать лучше мѣста, гдѣ сложить съ себя дивную свою жизнь. Когда мы взъѣхали на вершину противулежащей горы, я долго смотрѣлъ во глубину пропасти, гдѣ бѣлѣлся уединенный памятникъ. Вокругъ все пусто и тихо. Долина казалась огромною могилою, выкопанною для костей допотопнаго великана. Вдали Унцештская церковь плавала серебрянымъ лебедемъ въ лазурной вла-

гѣ: чуткое эхо разносило по степи утренній звонъ колокола, протяжный и унылый, какъ надгробное пѣніе. Еще далѣе, синѣлись верхи Молдавскихъ горъ, сопровождающихъ теченіе Прута: они курились прозрачнымъ дымомъ утреннихъ паровъ, точно заупокойнымъ ѳиміамомъ по душѣ усопшаго. Спи въ мирѣ, могучій!

Героевъ нѣтъ! Но ихъ дѣла
Изъ мрака и вѣковъ блистаютъ;
Нетлѣнна память, похвала,
И изъ развалинъ вылетаютъ;
Какъ холмы, гробы ихъ цвѣтутъ:
Напишется Потемкинъ трудъ! . . .

Н. Надеждинъ.

8. Сенъ-Готардъ и Чортовъ мостъ.

Дорога привела меня къ горѣ, заграждавшей путь. Обогнувъ ее, я очутился въ каменномъ мѣшкѣ, гдѣ со всѣхъ сторонъ окружали меня утесы непомѣрной высоты. Здѣсь Рейсъ, съ грохотомъ стремясь со скалы на скалу, образуетъ шесть водопадовъ. Послѣдній главнѣйшій; — вода падаетъ съ высоты ста футовъ въ прямой линіи, но въ ея косвенномъ направленіи, конечно, будетъ до 300. Въ стѣны утесовъ вдолблены концы каменнаго моста, который, загибаясь крутою дугою, виситъ на 95 футахъ высоты надъ бездною, — это Чортовъ мостъ. Онъ 8 шаговъ въ ширину, до 56 въ длину, и поставленъ 27 футами выше стараго, полуразрушившаяся арка котораго еще держится. Новая дорога, уничтоживъ прежнюю, прервала всякое сообщеніе съ старымъ мостомъ. Можно утвердительно сказать, что тутъ представляется одна изъ ужаснѣйшихъ картинъ всего міра, и чтобы имѣть о ней понятіе, надобно быть тамъ: никакое описаніе не можетъ ее представить. Изъ всѣхъ рисунковъ нѣтъ, и быть не можетъ, ни одного вѣрнаго, потому что стоящій на мосту, или у моста, находится въ глубокомъ колодезѣ. Онъ можетъ видѣть одни бока горъ, водопады, мостъ, и закинувъ голову, пер-

пендикулярно надъ собою увидитъ еще зубчатый кругъ остроконечныхъ скалъ и надъ нимъ небольшой голубой шатеръ, — это вершины горъ и небо. Какъ ни велико разстояніе новаго моста отъ рѣки, но паденіе воды столь сильно, что брызги взлетаютъ на эту высоту. При сильномъ вѣтрѣ можно намокнуть здѣсь, какъ отъ дождя

Въ живописномъ отношеніи новый мостъ не можетъ сравниться съ старымъ. Искусство и труды видны въ каждомъ камнѣ, но они показываютъ постепенное дѣло рукъ человѣка, когда старый представляется произведеніемъ волшебнымъ: — одна накинутая арка соединяетъ двѣ остроконечныя скалы, а не видно гдѣ, и какъ она утверждена, — мостъ виситъ на воздухѣ. Новый можетъ почитаться обрзцовымъ произведеніемъ искусства, но старый всегда будетъ одинъ изъ тѣхъ загадочныхъ предметовъ, передъ которыми посѣтитель охотно отказывается отъ изслѣдованій. Полагаютъ, что онъ былъ построенъ въ началѣ XII столѣтія, Жеральдомъ, аббатомъ Эйнзидельнскаго монастыря. Народъ не хочетъ признавать его произведеніемъ обыкновеннымъ и приписываетъ построеніе его сверхъ-естественному событію. Вотъ какъ говоритъ преданіе: Ландаманнъ кантона Ури былъ чернокнижникъ и притомъ человѣкъ искусный, сдѣлавшій много полезнаго для своего края. Онъ развилъ торговлю, устроилъ дороги въ горахъ, и наконецъ увидѣлъ необходимость проложить путь до Сенъ-Готарда. Нѣсколько мостовъ было удачно построено на Рейнѣ. Оставалось сдѣлать послѣдній, самый трудный. Собранные матеріалы лежали въ грудахъ на берегу: Строители не приступали, потому что не знали, какъ и съ чего начать. Ландаманнъ хлопоталъ, сердился, но помочь было нечѣмъ. Наконецъ онъ рѣшился обратиться къ своимъ таинственнымъ познаніямъ и вытребовалъ къ себѣ духа тьмы для совѣту. — »Чего ты хочешь отъ меня?« — спросилъ чортъ. — »Твоего совѣту, отвѣчалъ Ландаманнъ: какъ утвердить концы моста.« — »Я построю его въ одну ночь, сказалъ чортъ: но съ условіемъ, что душа перваго, кто пройдетъ по немъ, принадлежитъ мнѣ.« Ландаманнъ согласился, и въ одну ночь работа была окончена. Поутру собравшійся народъ

съ удивленіемъ смотрѣлъ на прочно сдѣланный мостъ, но никто не смѣлъ пройти по немъ. — Ландаманнъ извѣстилъ всѣхъ объ условіи. Такъ продолжалось нѣсколько времени. Однажды Ландаманнъ пришелъ въ сопровожденіи своей собаки. Кусокъ мяса, переброшенный на другую сторону, заставилъ ее пробѣжать по мосту. — »Условіе исполнено!« — воскликнулъ чернокнижникъ, и съ той минуты мостъ сдѣлался удобопроходимымъ.

На другой сторонѣ, на небольшой площади, покрытой грудами камней, стоитъ часовня, построенная во имя какого-то святаго. Среди общаго разрушенія, какъ горящая лампада посреди могильнаго склепа, ея надпись живительнымъ лучемъ вѣры согрѣваетъ сердце странника: Ora pro nobis (моли о насъ)! Тутъ я увидѣлъ кресты, какіе мнѣ часто встрѣчались на дорогѣ. Видъ этихъ памятниковъ, воздвигнутыхъ человѣколюбіемъ праху людей, столь жестоко пораженныхъ, наполнилъ мою душу неизъяснимою грустью. Здѣсь, думалъ я, несчастный, отлученный отъ своихъ кровныхъ, отъ друзей, застигнутый бѣдственнымъ случаемъ, напрасно обращалъ вокругъ себѣ блуждающіе взоры, — никакого спасенія! Напрасно призывалъ онъ на помощь людей, — они были далеко отъ него; онъ былъ одинъ въ этой каменной пустынѣ, стоялъ съ распростертыми руками, какъ будто ограждая себя отъ удара, и на его поблекшихъ устахъ бродила безсвязная, неясная молитва, и наконецъ дрожащій голосъ его: Ora pro nobis, замеръ подъ сокрушительнымъ камнемъ.

Далѣе ожидаетъ путешественника новое впечатлѣніе: каменная гора совершенно заграждаетъ путь, но сквозь нее пробитъ проходъ. Темная галлерея, въ 200 футовъ длины и 30 ширины, служитъ сообщеніемъ съ долиною Урзеренъ. Въ самой серединѣ сдѣлано отверзтіе для свѣту; оно загорожено рѣшеткою, чтобы предохранить любопытнаго отъ несчастнаго случая, потому что отверзтіе находится надъ рѣкою, которая быстро несется съ камня на камень подъ стѣной. Путешественникъ, пробывшій нѣсколько часовъ подъ вліяніемъ сильнаго ужаса, приготовившійся встрѣтить предметы еще болѣе поразительные, видитъ дорогу, загражденную каменною стѣною;

влѣво тѣ же неприступные утесы, вправо несется Рейсъ, — вмѣстѣ съ тѣмъ, его глазамъ представляется отверзтіе пещеры, загадочное протяженіе которой теряется во мракѣ. Въ недоумѣніи онъ останавливается, но гладкая, широкая дорога ведетъ туда. Съ невольнымъ содроганіемъ онъ входитъ въ этотъ зѣвъ, гдѣ бурный шумъ потока раздается подъ сводами. Ему кажется, что этотъ путь долженъ привести его къ чему-нибудь особенно ужасному. Робко подвигается онъ впередъ и, съ болѣзненнымъ ожиданіемъ прошедши все пространство, подходитъ къ устью, — тутъ совершенно свѣтло; живо переступаетъ онъ остальные три шага и останавливается, пораженный неожиданною картиною: красиво выстроенное селеніе Андерматъ загибается дугой около пространнаго, пушистаго луга, по которому разсыпались пестрыя стада и гдѣ тихо струящійся Рейсъ, какъ лента извиваясь между кустовъ и деревьевъ, тихо катитъ свою серебристую струю. Дорога, усыпанная желтымъ пескомъ, гладкая какъ доска, въ прямомъ направленіи прорѣзываетъ этотъ прелестный садъ и примыкаетъ къ селенію Госписъ или Госпиталь, расположенному у подошвы Сенъ-Готарда. Скалы высокихъ горъ показываются только вдали. Здѣсь одни пологія возвышенія ихъ, покрытыя зеленью. Переходъ отъ предметовъ ужасныхъ къ картинѣ, гдѣ взоръ скользитъ по нѣжнымъ отливамъ тѣней, сообщаетъ душѣ какое-то упоеніе: — это переходъ отъ страданій къ наслажденію, отъ несноснаго замиранія сердца къ жизни идеальной, пастушеской, — одному изъ дней золотаго вѣка.

Отъ Амстега до Сенъ-Готарда дорога неощутительно поднимается въ гору, такъ, что Андерматъ, съ его фруктовыми садами и роскошною зеленью, находится на высотѣ 4,446 футовъ отъ поверхности моря и на 2,000 футовъ выше Луцерна. Отъ него стелется гладкая дорога, каторая прибавляетъ столько красоты къ виду, поразившему меня при выходѣ изъ Урнерлоха.

Въ селеніи Госпиталь я отдохнулъ и сталъ взбираться на Сенъ-Готардъ. Сначала всходъ, довольно крутой, ведетъ узкимъ горломъ, но потомъ начинается пологость. Здѣсь нѣтъ никакихъ видовъ. На про-

странствѣ первыхъ двухъ верстъ, обернувшись, еще можно полюбоваться долиною съ ея селеніями, но далѣе самыя горы скрываются за утесами Сенъ-Готарда и во все время пути они одни передъ глазами. Послѣ нѣсколькихъ часовъ трудной ходьбы, поднявшись на высоту 6,000 футовъ, я достигъ площади, окруженной со всѣхъ сторонъ высокими скалами — это вершина Сенъ- Готарда, гдѣ проложена дорога, но оконечности утесовъ возышаются здѣсь еще на 2,000 футовъ. На этой площади образовались небольшія озера; ихъ можно насчитать до десяти, но только два замѣчательнаго объему. Изъ одного вытекаетъ рѣка Тесинъ, изъ другаго Рейсъ. Утверждаютъ, что въ Сенъ-Готарскихъ озерахъ водятся форели. Гостинница поставлена на мѣстѣ бывшаго здѣсь монастыря. Въ страннопріемномъ домѣ, содержавшемся подаяніемъ, прохожіе принимались радушно. Они имѣли безденежную пищу, а въ случаѣ болѣзни пособіе, но духъ разоренія, господствовавшій между Французами въ концѣ XVIII столѣтія, не пощадилъ благодѣтельнаго заведенія. Единственнымъ его памятникомъ остались груды камней.

Дорога отъ вершины Сенъ-Готарда къ долинѣ Айроло расположена по горѣ винтомъ. Съ половины ея открылась передо мною пространная долина съ селеніями, между которыми Айроло занимаетъ почетное мѣсто. Хотя оно находится на высотѣ 3,700 футовъ отъ поверхности моря, но за всѣмъ тѣмъ отъ него до вершины Сенъ-Готарда считаютъ болѣе двѣнадцати верстъ. Тамъ я нашелъ гостинницу для ночлега.

Для обратнаго пути за осемь франковъ мнѣ доставили лошадь. Въ трудныхъ мѣстахъ я предоставлялъ ей пробираться самой и не одинъ разъ имѣлъ случай удивляться ея инстинкту. Часто надобно было спѣшиваться и перелѣзать черезъ большіе каменья, которыми завалена дорога. Проводникъ обводилъ лошадь узкими боковыми тропинками около обрывовъ. Надобно было видѣть, какъ осмотрительно выбирала она мѣста и какъ удачно избѣгала сыпучаго камня. Порода этихъ лошадей ведется только въ горахъ.

Отъ Госпиталя я продолжалъ путь пѣшкомъ. Ра-

положеніе духа имѣетъ большое вліяніе на то, какъ намъ могутъ показаться предметы. Когда проходилъ я въ первый разъ черезъ Чортовъ мостъ, отъ желанія ли скорѣе достигнуть цѣли моего путешествія, или отъ ожиданія увидѣть новое, только я не испыталъ сильнаго ощущенія. И тогда ужасная картина поразила меня, но тотъ же видъ, представившись вторично, сдѣлалъ на меня неизъяснимое впечатлѣніе. Нельзя себѣ представить ничего угрюмѣе этого каменнаго мѣшка, куда дневный свѣтъ съ трудомъ проникаетъ Я остановился на мосту и долго стоялъ въ грустной задумчивости. У меня подъ ногами клубился водопадъ. Внизу, къ правой сторонѣ, показывались арка стараго моста и часть прежней дороги. Содрогаясь осматривалъ я всѣ предметы и припоминалъ славный переходъ Русскихъ. Они были у меня передъ глазами: — гренадеры бросаются впередъ; деревья, связанныя шарфами офицеровъ, замѣняютъ часть взорваннаго моста, и непреодолимая препона уступаетъ рѣшительному напору храбрыхъ. Многіе обрываются съ перекладинъ, и не одинъ разъ, сквозь шумъ водопада, слышалось Русское восклицаніе: Господи, помилуй! и на каждое былъ одинъ отвѣтъ товарищей: Господи, помяни душу его! Твердо и хладнокровно шли они впередъ. Меня обдавала водяная пыль я принималъ ее съ благоговѣніемъ, какъ воду, священную памятью столькихъ вѣрныхъ сыновъ православнаго отечества, нашедшихъ въ ней могилу!

Кн. Ал. Мещерскій.

9. Бѣлоруссы.

Въ Россіи весьма мало знаютъ, такъ называемую, Бѣлоруссію, то есть, Витебскую и Могилевскую губерніи. Никто не изслѣдовалъ ея порядочно, ни исторически ни этнографически, и въ Россіи только и толковъ объ ней, что она самый бѣдный край, который ничего не производитъ, кромѣ ровокопателей и землерабочихъ (terrasiers), высылаемыхъ помѣщиками въ Великороссію искать пропитанія ремесломъ, ко-

торому обучаетъ одна нужда. Бѣлоруссія столь же древняя Русь, какъ Псковъ, Новгородъ и Кіевъ, и древнѣе Москвы и всѣхъ княжествъ Русскихъ. Въ одной только Бѣлоруссіи сохранились до сихъ поръ, подъ спудомъ тяжелаго невѣжества, древніе обычаи Русскіе, или Славянскіе, временъ Ярославовыхъ и Несторовыхъ Въ пѣсняхъ, въ повѣрьяхъ, въ поговоркахъ крестьянъ Бѣлорусскихъ проглядываютъ Славянское язычество и древняя Русь, а въ обычаяхъ Русская Правда Ярославова. Тутъ не мѣсто доказывать это, но я привожу эту замѣчательность для того только, чтобъ сказать, что въ Бѣлоруссіи сохранились еще фамиліи не только дворянскія, но и мѣщанскія (bürgerliche), которыя, безъ всякаго сомнѣнія, современны Рюрику и Владиміру. Почти всѣ древніе дворянскіе Бѣлорусскіе роды, то есть, роды старшинъ и бояръ племени Кривичей, приняли католическую вѣру и сдѣлались Поляками; многіе древніе мѣщанскіе роды, то есть, потомки Кривичскихъ мужей и гостей, перешли также въ католичество, или пристали къ Уніи, но лучшая часть мѣщанства или гражданства Бѣлорусскаго, осталась въ православной вѣрѣ, водворенной въ Бѣлоруссіи и въ Литвѣ отчасти Владиміромъ, а отчасти Ярославомъ Великимъ и, не взирая на всѣ угнѣтенія Польскихъ вельможъ и католическаго духовенства (потому что Польскіе короли, кромѣ Сигизмунда Третьяго, всегда покровительствовали, такъ называемую, Польскую Русь), пребыли вѣрными Церкви, древнимъ Русскимъ обычаямъ и сохранили свой Русскій, то есть, Кривичскій, но не Великороссійскій языкъ. Привиллегіями Польскихъ королей знатнѣйшіе города Бѣлоруссіи управлялись, такъ называемымъ въ Польскомъ законодательствѣ, Магдебургскимъ правомъ (то есть, правомъ муниципальнымъ, основаннымъ на древнемъ Римскомъ правѣ), сохраняя при томъ множество древне-Русскихъ обычаевъ. Казна городская, то есть, приходы, городская полиція, судъ и расправа, и даже городская защита, состояли въ непосредственномъ вѣдѣніи гражданъ, то есть, выбираемыхъ ими городскихъ правителей, между которыми бурмистръ и лавники составляли высшее городовое управленіе. Граждане знатнѣйшихъ городовъ имѣ-

ли почти тѣ же права, что и дворянство Полькое, съ тою только разницею, что ихъ права ограничивались однимъ городомъ, и что граждане не высылали депутатовъ на сеймы и не занимали никакихъ мѣстъ въ провинціи и въ войскѣ коронномъ. Но именитые граждане носили саблю, зависѣли отъ собственнаго суда и по важнымъ дѣламъ сносились прямо съ королемъ, или высылали прошенія на сеймы. Такое положеніе дѣлъ придавало важность городамъ Бѣлоруссіи и мѣщанскому сословію (bürgerlicher Stand), и оно, подобно Польскому шляхетству, имѣло свою аристократію, свою знать, а слѣдователно и свою гордость. Древность рода и заслуги перднковъ на пользу города и на поддержаніе православія почитались между Бѣлорусскимъ гражданствомъ высше богатства. Такая фамильная гордость поддерживалась тѣмъ болѣе, что въ древней Польшѣ весьма трудно и почти невозможно было получить дворянство иначе, какъ высокими воинскими подвигами, или необыкновенными заслугами республикѣ, а Русьскіе люди, хотя находились въ подданствѣ Польши, всегда однако жъ почитали Польшу мачихой и сердцемъ прилѣплены были къ православной Россіи, чему давали неоднократно доказательства въ войнахъ двухъ державъ.

Замѣчательно, что древніе роды Бѣлорусскіе и вообще западно- и южно-Русьскіе (то есть, Волынской, Подольской, Минской и Гродненской губерній) имѣли прозванія характеристическія, или означающія кокое-либо дѣйствіе, ремесло, или какой-нубудь предметъ въ природѣ. Тогда только, когда Русьское дворянство приняло католическую вѣру и сдѣлалось Польскимъ, нѣкоторыя фамиліи прибавили -скій къ своему прозванію, а другія прозвались по своимъ вотчинамъ. Граждане сохраняли свои древнія прозванія до возвращенія Бѣлоруссіи подъ Россійскій скипетръ. Отторженіе Бѣлоруссіи, древняго достоянія Россіи, отъ Польши, составляетъ весьма замѣчательную эпоху въ славное царствованіе Екатерины Великой. Это было первое пріобрѣтеніе одноплеменнаго края, послѣ столь долгихъ споровъ съ Польшею за Кіевъ, за Смоленскъ, за Полоцкъ. Въ Россіи была общая радость; въ Бѣлоруссіи радовались одни граждане православнаго исповѣданія. Многіе Польскіе вельможи

оставили навсегда Бѣлоруссію, продавъ помѣстья; другіе остались въ подданствѣ Россіи и были обласканы Екатериною, возведены на высокія степени и облагодѣтельствованы. Большую часть коронныхъ, то есть, казенныхъ имѣній, государыня раздарила заслуженнымъ своимъ Русскимъ вельможамъ, или любимцамъ, и въ Бѣлорусской дворянской книгѣ появились графы Чернышевы, графы Румянцовы, князья Голицыны, графы Апраксины, свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, Пассекъ, Зоричъ, Корсаковъ и множество другихъ. Нѣкоторые знатные Бѣлорусскіе паны женились на дочеряхъ Русскихъ вельможъ, и дѣти отъ этихъ браковъ, воспитанныя въ Петербургѣ, сдѣлались Русскими. Русскіе вельможи полюбили Бѣлоруссію и Польскую веселую жизнь и, часто проживая въ новыхъ своихъ помѣстьяхъ, мимовольно довели эту страну до несчастнаго положенія, водворивъ въ ней роскошь, несоотвѣтственную богатству края. Бѣлорусскіе коренные помѣщики, какъ лягушки въ баснѣ, надуваясь, чтобъ сравняться съ воломъ, полопались и впали въ нищету!

На ихъ мѣсто поступило новое поколѣніе дворянства. Русскіе вельможи чрезвычайно покровительствовали своихъ единовѣрцевъ, Бѣлорусскихъ гражданъ, изъ которыхъ нѣкоторые роды пріобрѣли богатство обширною торговлею, а другіе обращали на себя вниманіе умомъ и заслугами. Большая часть молодыхъ гражданъ вступала въ Русскую службу, гражданскую и военную, подъ покровительствомъ Русскихъ вельможъ и, достигая штабъ-офицерскихъ чиновъ, пріобрѣтала дворянство, и если имѣла деньги, то покупала недвижимыя имѣнія у разорившагося древняго дворянства. Большая часть этого н о в а г о дворянства перемѣняла свои древнія прозванія, когда уже исчезъ прежній блескъ ихъ мѣщанской аристократіи. Одни прибавляли къ своей фамиліи Польское -с к і й, чтобы заставить думать будто они происходятъ отъ древней Польской шляхты; другіе прибавляли Русское -о в ъ - и увѣряли, что они коренные Великороссіяне; иные наконецъ, достигнувъ дворянства, покупали помѣстья въ Малороссіи и, прибавивъ къ своей фамиліи или -с к і й, или -к о, выдавали себя за Малороссіянъ. Все это произошло отъ того, что мѣщанское

сословіе въ Россіи было тогда унижено, не имѣло своихъ древнихъ родовъ и своихъ древнихъ заслугъ, какъ въ Бѣлоруссіи, и комплектовалось всегда вольноотпущенными или вольными крестьянами. Въ Бѣлоруссіи не стыдно было назваться обывателемъ (obywatel) города Могилева или Витебска, бывши, подобно обывателю, то есть, дворянину воеводства Витебскаго, препоясаннымъ такою же корабелей (драгоцѣнной саблей) и нося такой же богатый кунтушъ и жупанъ, съ Персидскимъ золотымъ кушакомъ; но въ Россіи называться мѣщаниномъ, по справедливости, было унизительно для гражданина Бѣлорусскаго. И такъ эта перемѣна многихъ прозвищъ и отреченіе отъ родины произошло болѣе по необходимости, нежели отъ тщеславія.

Ѳ. Булгаринъ.

---

10. Слово о полку Игоревѣ.

Слово о полку Игоревѣ сочинено въ XII вѣкѣ, и безъ сомнѣнія міряниномъ: ибо монахъ не дозволилъ бы себѣ говорить о богахъ языческихъ, и приписывать имъ дѣйствія естественныя. Вѣроятно, что оно въ разсужденіи слога, оборотовъ, сравненій, есть подражаніе древнѣйшимъ Русскимъ сказкамъ о дѣлахъ Князей и богатырей: такъ сочинитель хвалитъ соловья стараго времени, стихотворца Бояна, котораго вѣщіе персты, летая по живымъ струнамъ, рокотали или гласили славу нашихъ Витязей. Къ несчастію, пѣсни Бояновы и конечно многихъ иныхъ стихотворцевъ исчезли въ пространствѣ семи или осьми вѣковъ, большею частію памятныхъ бѣдствіями Россіи: мечь истреблялъ людей, огонь — зданія и хартіи. Тѣмъ достойнѣе вниманія Слово о полку Игоревѣ, будучи въ своемъ родѣ единственнымъ для насъ твореніемъ: предложимъ содержаніе онаго и мѣста значительнѣйшія, которыя даютъ понятіе о вкусѣ и піитическомъ языкѣ нашихъ предковъ.

Игорь, Князь Сѣверскій, желая воинской славы,

убѣждаетъ дружину идти на Половцевъ и говоритъ: »Хочу преломить копіе свое на ихъ дальнѣйшихъ степяхъ, положить тамъ свою голову или шлемомъ испить Дону!« Многочисленная рать собирается: »Кони ржутъ за Сулою, гремитъ слава въ Кіевѣ, трубы трубятъ въ Новѣгородѣ, знамена развѣваются въ Путивлѣ: Игорь ждетъ милаго брата, Всеволода« Всеволодъ изображаетъ своихъ мужественныхъ витязей: »Они подъ звукомъ трубъ повиты, концемъ копья вскормлены; пути имъ свѣдомы, овраги знаемы; луки у нихъ натянуты, колчаны отворены, сабли наточены; носятся въ полѣ какъ волки сѣрые; ищутъ чести самимъ себѣ, а Князю славы.« Игорь, вступивъ въ златое стремя, видитъ глубокую тьму предъ собою, небо ужасаетъ его грозою, звѣри ревутъ въ пустыняхъ, хищныя птицы станицами парятъ надъ воинствомъ, орлы клектомъ своимъ предвѣщаютъ ему гибель, и лисицы лаютъ на багряные щиты Россіянъ. Битва начинается; полки варваровъ сломлены; ихъ дѣвицы красныя взяты въ плѣнъ, злато и ткани въ добычу; одежды и наряды Половецкіе лежатъ на болотахъ, вмѣсто мостовъ для Россіянъ. Князь Игорь беретъ себѣ одно багряное знамя непріятельское съ древкомъ сребрянымъ. Но идутъ съ Юга черныя тучи или новые полки варваровъ: »Вѣтры, Стрибоговы внуки, вѣютъ отъ моря стрѣлами на воиновъ Игоревыхъ.« Всеволодъ впереди съ своею дружиною: сыплетъ на враговъ стрѣлы, гремитъ о шлемы ихъ мечами булатными; гдѣ сверкнетъ златый шишакъ его, тамъ лежатъ головы Половецкія. Игорь спѣшитъ на помощь къ брату. Уже два дня пылаетъ битва, неслыханная, страшная: »земля облита кровію, усѣяна костями. Въ третій день пали наши знамена: криваваго вина не достало; кончили пиръ свой храбрые Россіяне, напоили гостей и легли за отечество.« Кіевъ, Черниговъ въ ужасѣ. Половцы, торжествуя, ведутъ Игоря въ плѣнъ, и дѣвицы ихъ »поютъ веселыя пѣсни на берегу Синяго моря, звеня Русскимъ золотомъ.« Сочинитель молитъ всѣхъ Князей соединиться для наказанія Половцевъ и говоритъ Всеволоду III: »ты можешь Волгу раскропить веслами, а Донъ вычерпать шлемами« — Рюрику и Давиду: »ваши шлемы позлащен-

ные издавна обагряются кровію; ваши мужественные витязи ярятся какъ дикіе волы, уязвленные саблями калеными« — Роману и Мстиславу Волынскимъ: »Литва, Ятвяги и Половцы, бросая на земло свои копья, склоняютъ головы подъ ваши мечи булатные« — сыновьямъ Ярослава Луцкаго, Ингварю, Всеволоду и третьему ихъ брату: »о вы, славнаго гнѣзда шестокрыльцы! заградите поле врагу стрѣлами острыми.« Онъ называетъ Ярослава Галицкаго Осмомысломъ, прибавляя: »сидя высоко на престолѣ златокованномъ, ты подпираешь горы Карпатскія желѣзными своими полками, затворяешь врата Дуная, отверзаешь путь къ Кіеву, пускаешь стрѣлы въ земли отдаленныя.« Въ то же время Сочинитель оплакиваетъ гибель одного Кривскаго Князя, убитаго Литовцами: »дружину твою, Князь, птицы хищныя пріодѣли крыльями, а звѣри кровь ея полизали. Ты самъ выронилъ жемчужную душу свою изъ моцнаго тѣла чрезъ златое ожерелье.« Въ описаніи несчастнаго междоусобія Владѣтелей Россійскихъ и битвы Изяслава I съ Княземъ Полоцкимъ сказано: »на берегахъ Нѣмена стелютъ они снопы головами, молотятъ цѣпами булатными, вѣютъ душу отъ тѣла. . . О времена бѣдственныя! Для чего нельзя было пригвоздить стараго Владиміра къ горамъ Кіевскимъ« (или сдѣлать безсмертнымъ)! . . . Между тѣмъ супруга плѣненнаго Игоря льетъ слезы въ Путивлѣ, съ городской стѣны смотря въ чистое поле: »Для чего, о вѣтеръ сильный! легкими крылами своими навѣялъ ты стрѣлы Ханскія на воиновъ моего друга? Развѣ мало тебѣ волновать Синее море и лелѣять корабли на зыбяхъ его? . . . О Днѣпръ славный! ты пробилъ горы каменныя, стремяся въ землю Половецкую; ты несъ на себѣ ладіи Святославовы до стана Кобякова: принеси же и ко мнѣ друга милаго, да не шлю къ нему утреннихъ слезъ моихъ въ Синее море!... О солнце свѣтлое! ты для всѣхъ тепло и красно: почто же знойными лучами своими изнурило ты воиновъ моего друга въ пустынѣ безводной?« . . . Но Игорь уже свободенъ: обманувъ стражу, онъ летитъ на борзомъ конѣ къ предѣламъ отечества, стрѣляя гусей и лебедей для своей пищи. Утомивъ коня, садится на ладію и плыветъ Донцемъ въ Россію.

Сочинитель, мысленно одушевляя сію рѣку, заставляетъ оную привѣтствовать Князя: »не мало тебѣ, Игорь, величія, Хану Кончаку досады, а Русской землѣ веселія.« Князь отвѣтствуетъ: »Не мало тебѣ, Донецъ, величія, когда ты лелѣешь Игоря на волнахъ своихъ, стелешь мнѣ траву мягкую на берегахъ серебряныхъ, одѣваешь меня теплыми мглами подъ сѣнію древа зеленаго, охраняешь гоголями на водѣ, чайками на струяхъ, чернетьми на вѣтрахъ.« Игорь, прибывъ въ Кіевъ, ѣдетъ благодарить Всевышняго въ храмъ Пирогощей Богоматери, и Сочинитель, повторивъ слова Бояновы: »худо головѣ безъ плечъ, худо плечамъ безъ головы,« восклицаетъ: »счастлива земля и веселъ народъ, торжествуя спасеніе Игорево. Слава Князьямъ и дружинѣ!« Читатель видитъ, что сіе произведеніе древности ознаменовано силою выраженія, красотами языка живописнаго и смѣлыми уподобленіями, свойственными Стихотворству юныхъ народовъ.

Н. Карамзинъ.

11. Іоаннъ III.

Іоаннъ, рожденный и воспитанный данникомъ степной орды, подобной нынѣшнимъ Киргизскимъ, сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ Государей въ Европѣ, чтимый, ласкаемый отъ Рима до Царяграда, Вѣны и Копенгагена, не уступая первенства ни Императорамъ, ни гордымъ Султанамъ; безъ ученія, безъ наставленій, руководствуемый только природнымъ умомъ, далъ себѣ мудрыя правила въ политикѣ внѣшней и внутренней; силою и хитростію возстановляя свободу и цѣлость Россіи, губя царство Батыево, тѣсня, обрывая Литву, сокрушая вольность Новогородскую, захватывая удѣлы, расширяя владѣнія Московскія до пустынь Сибирскихъ и Норвежской Лапландіи, изобрѣлъ благоразумнѣйшую, на дальновидной умѣренности основанную для насъ систему войны и мира, которой его преемники долженствовали единственно слѣдовать постоянно, чтобы утвердить вели-

чіе Государства. Бракосочетаніемъ съ Софіею обративъ на себя вниманіе Державъ, раздравъ завѣсу между Европою и нами, съ любопытствомъ обозрѣвая престолы и царства, не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла чуждыя; принималъ союзы, но съ условіемъ ясной пользы для Россіи; искалъ орудій для собственныхъ замысловъ и не служилъ никому орудіемъ, дѣйствуя всегда какъ свойственно великому, хитрому Монарху, не имѣющему никакихъ страстей въ политикѣ, кромѣ добродѣтельной любви къ прочному благу своего народа. Слѣдствіемъ было то, что Россія, какъ Держава независимая, величественно возвысила главу свою на предѣлахъ Азіи и Европы, спокойная внутри и не боясь враговъ внѣшнихъ.

Онъ не только учредилъ единовластіе, — до времени оставивъ права Князей владѣтельныхъ однимъ Украинскимъ или бывшимъ Литовскимъ, чтобы сдержать слово и не дать имъ повода къ измѣнѣ, — но былъ и первымъ истиннымъ Самодержцемъ Россіи, заставивъ благоговѣть предъ собою вельможъ и народъ, восхищая милостію, ужасая гнѣвомъ, отмѣнивъ частныя права, не согласныя съ полновластіемъ Вѣнценосца. Князья племени Рюрикова и Св. Владиміра служили ему наравнѣ съ другими подданными и славились титломъ Бояръ, Дворецкихъ, Окольничихъ, когда знаменитою, долговременною службою пріобрѣтали оное. Предсѣдательствуя на соборахъ церковныхъ, Іоаннъ всенародно являлъ себя главою Духовенства; гордый въ сношеніяхъ съ Царями, величавый въ пріемѣ ихъ посольствъ, любилъ пышную торжественность; уставилъ обрядъ цѣлованія Монаршей руки въ знакъ лестной милости, хотѣлъ и всѣми наружными способами возвышаться предъ людьми, чтобы сильно дѣйствовать на воображеніе; однимъ словомъ, разгадавъ тайны самодержавія, сдѣлался какъ бы земнымъ Богомъ для Россіянъ, которые съ сего времени начали удивлять всѣ иные народы своею безпредѣльною покорностію волѣ Монаршей. Ему первому дали въ Россіи имя Грознаго, но въ похвальномъ смыслѣ: грознаго для враговъ и строптивыхъ ослушниковъ. Впрочемъ, не будучи тираномъ, подобно своему внуку, Іоанну Васильевичу Четвертому, онъ безъ сомнѣнія имѣлъ природную жестокость во нравѣ, умѣряемую

ъ немъ силою разума. Рѣдко основатели Монархій славятся нѣжною чувствительностію, и твердость, необходимая для великихъ дѣлъ государственныхъ, граничитъ съ суровостію. Пишутъ, что робкія женщины падали въ обморокъ отъ гнѣвнаго, пламеннаго взора Іоаннова; что просители боялись идти къ трону; что вельможи трепетали и на пирахъ во дворцѣ не смѣли шепнуть слова, ни тронуться съ мѣста, когда Государь, утомленный шумною бесѣдою, разгоряченный виномъ, дремалъ по цѣлымъ часамъ за обѣдомъ: всѣ сидѣли въ глубокомъ молчаніи, ожидая новаго приказа веселить его и веселиться.

Исторія не есть похвальное слово и не представляетъ самыхъ великихъ мужей совершенными. Іоаннъ, какъ человѣкъ, не имѣлъ любезныхъ свойствъ ни Мономаха, ни Донскаго, но стоитъ, какъ Государь, на высшей степени величія. Онъ казался иногда боязливымъ, нерѣшительнымъ: ибо хотѣлъ всегда дѣйствовать осторожно. Сія осторожность есть вообще благоразуміе: оно не плѣняетъ насъ подобно великодушной смѣлости; но успѣхами медленными, какъ бы неполными, даетъ своимъ твореніямъ прочность. Что оставилъ міру Александръ Македонскій? — славу. Іоаннъ оставилъ Государство, удивительное пространствомъ, сильное народами еще, сильнѣйшее духомъ правленія, то, которое нынѣ съ любовію и гордостію именуемъ нашимъ любезнымъ отечествомъ. Россія Олегова, Владимірова, Ярославова погибла въ нашествіе Монголовъ: Россія нынѣшняя образована Іоанномъ; а великія Державы образуются не механическимъ слѣпленіемъ частей, какъ тѣла минеральныя, но превосходнымъ умомъ Державныхъ. Уже современники первыхъ счастливыхъ дѣлъ Іоанновыхъ возвѣстили въ Исторіи славу его: знаменитый Лѣтописецъ Польскій, Длугошъ, въ 1480 году заключилъ свое твореніе хвалою сего непріятеля Казимирова. Нѣмецкіе, Шведскіе Историки шестаго-надесять вѣка согласно приписали ему имя Великаго; а новѣйшіе замѣчаютъ въ немъ разительное сходство съ Петромъ Первымъ: оба безъ сомнѣнія велики; но Іоаннъ, включивъ Россію въ общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованныхъ народовъ, не мыслилъ о введеніи новыхъ обы-

чаевъ, о перемѣнѣ нравственнаго характера подданныхъ; не видимъ также, чтобы пекся о просвѣщенiи умовъ науками: призывая художниковъ для украшенiя столицы и для успѣховъ воинскаго искусства хотѣлъ единственно великолѣпiя, силы; и другимъ иноземцамъ не заграждалъ пути въ Россiю, но единственно такимъ, которые могли служить ему орудiемъ въ дѣлахъ посольскихъ или торговыхъ; любилъ изъявлять имъ только милость, какъ пристойно великому Монарху, къ чести, не къ униженiю собственнаго народа. Не здѣсь, но въ Исторiи Петра должно изслѣдовать, кто изъ сихъ двухъ Вѣнценосцевъ поступилъ благоразумнѣе или согласнѣе съ истинною пользою отечества.

Н. Карамзинъ.

12. Взятiе Казани.

Ни Россiяне, ни Казанцы не думали объ успокоенiи. Съ обѣихъ сторонъ ревностно готовились къ ужасному бою. Заря освѣтила небо, ясное, чистое. Казанцы стояли на стѣнахъ, Россiяне предъ ними, подъ защитою укрѣпленiй, подъ сѣнiю знаменъ, въ тишинѣ, неподвижно; звучали только бубны и трубы, непрiятелскiя и наши; ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Наблюдали другъ друга; все было въ ожиданiи. Станъ опустѣлъ: въ его безмолвiи слышалось пѣнiе Iереевъ, которые служили Обѣдню. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Дiаконъ читалъ Евангелiе, и едва произнесъ слова: »да будетъ едино стадо и единъ пастырь,« грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь затряслася. . . . Государь вышелъ на паперть: увидѣлъ страшное дѣйствiе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью: глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслися вверхъ въ облакахъ дыма и падали на городъ. Священное служенiе прервалося въ церкви. Iоаннъ спокойно возвратился и хотѣлъ дослушать Литургiю. Когда Дiаконъ предъ дверями Царскими

гомогласно молился, да утвердитъ Всевышній Державу Іоанна, да повергнетъ всякаго врага и супостата къ ногамъ его, раздался новый ударъ: взорвало другой подкопъ, еще сильнѣе перваго, и тогда воскликнувъ: »съ нами Богъ!« полки Россійскіе быстро двинулись къ крѣпости; а Казанцы, твердые, непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопили: »Алла! Алла!« призывали Магомета и ждали нашихъ, не стрѣляя ни изъ луковъ, ни изъ пищалей; мѣряли глазами разстояніе, и вдругъ дали ужасный залпъ: пули, каменья, стрѣлы омрачили воздухъ. . . Но Россіяне, ободряемые примѣромъ начальниковъ, достигли стѣны. Казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ; уже не береглися, не прятались за щиты: стояли открыто на стѣнахъ и помостахъ, презирая сильный огонь нашихъ бойницъ и стрѣлковъ. Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибельно для Россіянъ. Число ихъ уменьшилось: многіе пали мертвые или раненые, или отъ страха. Но смѣлые, геройскимъ забвеніемъ смерти, ободрили и спасли боязливыхъ: одни кинулись въ проломъ; иные взбирались на стѣны по лѣстницамъ, по бревнамъ, несли другъ друга на головахъ, на плечахъ, бились съ непріятелемъ въ отверзтіяхъ. . . И въ ту минуту, какъ Іоаннъ, отслушавъ всю Литургію, причастясь Святыхъ Таинъ, взявъ благословеніе отъ своего отца духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ поле, знамена Христіанскія уже развѣвались на крѣпости! Войско запасное однимъ кликомъ привѣтствовало Государя и побѣду.

Но еще сія побѣда не была рѣшена совершенно. Отчаянные Татары, сломленные, низверженные сверху стѣнъ и башенъ, стояли твердымъ оплотомъ въ улицахъ, сѣклись саблями, схватывались за руки съ Россіянами, рѣзались ножами въ ужасной свалкѣ. Дрались на заборахъ, на кровляхъ домовъ, вездѣ попирали ногами головы и тѣла. Князь Михайло Воротынскій первый извѣстилъ Іоанна, что мы уже въ городѣ, но что битва еще кипитъ и нужна помощь. Государь отрядилъ къ нему часть своего полку; велѣлъ идти и другимъ Воеводамъ. Наши одолѣвали во всѣхъ мѣстахъ и тѣснили Татаръ, къ укрѣпленному Двору Царскому. Самъ Едигеръ съ знатнѣйши-

ми Вельможами медленно отступалъ отъ проломовъ, остановился среди города, у Тезицкаго или Купеческаго рва, бился упорно, и вдругъ замѣтилъ, что толпы наши рѣдѣютъ: ибо Россіяне, овладѣвъ половиною города, славнаго богатствами Азіатской торговли, прельстились его сокровищами; оставляя сѣчу, начали разбивать домы, лавки, — и самые чиновники, коимъ приказалъ Государь идти съ обнаженными мечами за воинами, чтобы никого изъ нихъ не допускать до грабежа, кинулись на корысть.

Тутъ ожили и малодушные трусы, лежавшіе на полѣ какъ бы мертвые или раненые; а изъ обозовъ прибѣжали слуги, кашевары, даже купцы: всѣ алкали добычи, хватали серебро, мѣха, ткани, относили въ станъ, и снова возвращались въ городъ, не думая помогать своимъ въ битвѣ. Казанцы воспользовались утомленіемъ нашихъ воиновъ, вѣрныхъ чести и доблести: ударили сильно и потѣснили ихъ, къ ужасу грабителей, которые всѣ немедленно обратились въ бѣгство, метались черезъ стѣну и вопили: сѣкутъ! сѣкутъ! Государь увидѣлъ сіе общее смятеніе: измѣнился въ лицѣ, и думалъ, что Казанцы выгнали все наше войско изъ города. »Съ нимъ были«, пишетъ Курбскій, »великіе Синклиты, мужи вѣка отцевъ нашихъ, посѣдѣвшіе въ добродѣтеляхъ и въ ратномъ искусствѣ:« они дали совѣтъ Государю, и Государь явилъ великодушіе: взялъ Святую хоругвь и сталъ предъ Царскими воротами, чтобы удержать бѣгущихъ. Половина отборной двадцати-тысячной дружины его сошла съ коней и ринулась въ городъ, а съ нею и вельможные старцы, рядомъ съ ихъ юными сыновьями. Сіе свѣжее, бодрое войско, какъ буря нагрянуло на Татаръ: они не могли долго противиться, крѣпко сомкнулись и въ порядкѣ отступали до высокихъ каменныхъ мечетей, гдѣ всѣ ихъ духовные, Абызы, Сеиты, Моллы (Муллы) и Первосвященникъ Кулъшерифъ, встрѣтили Россіянъ, не съ дарами, не съ моленіемъ, но съ оружіемъ: въ остервененіи злобы устремились на вѣрную смерть, и всѣ до единаго пали подъ нашими мечами.

Едигеръ съ остальными Казанцами засѣлъ въ укрѣпленномъ Дворѣ Царскомъ и сражался около часа. Россіяне отбили ворота. . . Тутъ юныя жены

и дочери Казанцевъ, въ богатыхъ цвѣтныхъ одеждахъ, стояли вмѣстѣ на одной сторонѣ, а въ другой сторонѣ отцы, братья и мужья, окруживъ Царя, еще бились усильно: наконецъ вышли, числомъ 10,000, въ заднія ворота къ нижней части города. Князь Андрей Курбскій съ двумя стами воиновъ пресѣкъ имъ дорогу; удерживалъ ихъ въ тѣсныхъ улицахъ, на крутизнахъ; затруднялъ каждый шагъ; давалъ время нашимъ разить тылъ непріятеля и сталъ въ Збойливыхъ воротахъ, гдѣ присоединилось къ нему еще нѣсколько сотъ Россіянъ. Гонимые, тѣснимые Казанцы, по трупамъ своихъ лѣзли къ стѣнѣ, взвели Едигера на башню и кричали, что хотятъ вступить въ переговоры. Ближайшій къ нимъ воевода, Князь Димитрій Палецкій, остановилъ сѣчу. »Слушайте,« сказали Казанцы: »доколѣ у насъ было Царство, мы умирали за Царя и отечество. Теперь Казань ваша; отдаемъ вамъ и Царя, живаго, не уязвленнаго: ведите его къ Іоанну; а мы идемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу.«

Вмѣстѣ съ Едигеромъ они выдали Палецкому главнаго, престарѣлаго вельможу или карача, именемъ Заніета, и двухъ мамичей или совоспитанниковъ Царскихъ; начали снова стрѣлять, прыгали со стѣны внизъ и хотѣли идти къ стану нашей Правой Руки; но встрѣченные сильною пальбою изъ укрѣпленій, обратились влѣво: кинули тяжелое оружіе, разулись и перешли мелкую тамъ рѣку Казанку, въ виду нашего войска, бывшаго въ крѣпости, на стѣнахъ и Дворѣ Царскомъ, за горами и стремнинами. Одни юные Князья Курбскіе, Андрей и Романъ, съ малочисленною дружиною успѣли сѣсть на коней, обскакали непріятеля, ударили на густую толпу его, врѣзались въ ея средину, топтали, кололи. Но Татаръ было еще 5000, и самыхъ храбрѣйшихъ: они стояли, ибо не страшились смерти; стиснули нашихъ Героевъ, повергнули ихъ, уязвленныхъ, дымящихся кровію, за-мертво на землю, — шли безпрепятственно далѣе гладкимъ лугомъ до вязкаго болота, гдѣ конница уже не могла гнаться за ними, и спѣшили къ густому, темному лѣсу: остатокъ малый, но своимъ великодушнымъ остервененіемъ еще опасный для Россіянъ! Государь послалъ Князя Симеона Микулинскаго, Михайла

Васильевича Глинскаго и Шереметева съ конною дружиною за Казанку въ объѣздъ, чтобы отрѣзать бѣгущихъ Татаръ отъ лѣса: Воеводы настигли и побили ихъ. Никто не сдался живой; спаслись немногіе, и то раненые.

Городъ былъ взятъ и пылалъ въ разныхъ мѣстахъ; сѣча перестала, но кровь лилася: раздраженные воины рѣзали всѣхъ, кого находили въ мечетяхъ, въ домахъ, въ ямахъ; брали въ плѣнъ женъ и дѣтей, или чиновниковъ. Дворъ Царскій, улицы, стѣны, глубокіе рвы были завалены мертвыми отъ крѣпости до Казанки; далѣе на лугахъ и въ лѣсу еще лежали тѣла и носились по рѣкѣ. Пальба умолкла; въ дыму города раздавались только удары мечей, стонъ убиваемыхъ, кликъ побѣдителей. — Тогда главный Военачальникъ, Князь Михайло Воротынскій, прислалъ сказать Государю: »Радуйся, благочестивый Самодержецъ! Твоимъ мужествомъ и счастіемъ побѣда совершилась: Казань наша, Царь ея въ твоихъ рукахъ, народъ истребленъ или въ плѣну; несмѣтныя богатства собраны: что прикажешь?« — Славить Всевышняго, отвѣчалъ Іоаннъ, воздѣлъ руки на небо, велѣлъ пѣть молебенъ подъ Святою хоругвію и собственною рукою на семъ мѣстѣ водрузивъ Животворящій крестъ, назначилъ быть тамъ первой церкви Христіанской.

Н. Карамзинъ.

13. Первыя свѣдѣнія о Сибири.

Въ то время, когда Іоаннъ, имѣя триста тысячь добрыхъ воиновъ, терялъ наши западныя владѣнія, уступая ихъ двадцати шести тысячамъ полумертвыхъ Ляховъ и Нѣмцевъ, — въ то самое время малочисленная шайка бродягъ, движимыхъ и грубою алчностію къ корысти и благородною любовію ко славѣ, пріобрѣла новое Царство для Россіи, открыла вторый новый міръ для Европы, безлюдный и хладный, но привольный для жизни человѣческой, ознаменованный разнообразіемъ, величіемъ, богатствомъ Естества, гдѣ въ нѣдрахъ земли лежатъ металлы и камни

драгоцѣнные, въ глуши дремучихъ лѣсовъ витаютъ пушистые звѣри, и сама Природа усѣваетъ обширныя степи дикимъ хлѣбомъ; гдѣ судоходныя рѣки, большія рыбныя озера и плодоносныя цвѣтущія долины, осѣненныя высокими тополями, въ безмолвіи пустынь ждутъ трудолюбивыхъ обитателей, чтобы въ теченіе вѣковъ представить новые успѣхи гражданской дѣятельности, дать просторъ стѣсненнымъ въ Европѣ народамъ и гостепріимно облагодѣтельствовать излишекъ ихъ многолюдства. — Три купца и бѣглый Атаманъ Волжскихъ разбойниковъ дерзнули, безъ Царскаго повелѣнія, именемъ Іоанна завоевать Сибирь.

Сіе неизмѣримое пространство Сѣверной Азіи, огражденное Каменнымъ Поясомъ, Ледовитымъ моремъ, Океаномъ Восточнымъ, цѣпію горъ Алтайскихъ и Саянскихъ — отечество малолюдныхъ племенъ Монгольскихъ, Татарскихъ, Чудскихъ (Финскихъ), Американскихъ — укрывалось отъ любопытства древнихъ Космографовъ. Тамъ, на главной высотѣ земнаго шара, было, какъ угадывалъ великій Линней, первобытное убѣжище Ноева семейства послѣ гибельнаго, всемірнаго наводненія; тамъ воображеніе Геродотовыхъ современниковъ искало грифовъ, стрегущихъ золото: но Исторія не вѣдала Сибири до нашествія Гунновъ, Турковъ, Монголовъ на Европу: предки Аттилины скитались на берегахъ Енисея; славный Ханъ Дизавулъ принималъ Юстиніанова сановника Земарха въ долинахъ Алтайскихъ; Послы Иннокентія IV и Св. Людовика ѣхали къ наслѣдникамъ Чингисовымъ мимо Байкала, и несчастный отецъ Александра Невскаго падалъ ницъ предъ Гаюкомъ въ окрестностяхъ Амура. Какъ данники Монголовъ узнавъ въ XIII вѣкѣ Югъ Сибири, мы еще ранѣе, какъ завоеватели, узнали ея Сѣверо-Западъ, гдѣ смѣлые Новогородцы уже въ XI вѣкѣ обогащались мѣхами драгоцѣнными. Въ исходѣ XV столѣтія знамена Москвы уже развѣвались на снѣжномъ хребтѣ Каменнаго Пояса или древнихъ горъ Рифейскихъ, и Воеводы Іоанна III возгласили его великое имя на берегахъ Тавды, Иртыша, Оби, въ пяти тысячахъ верстахъ отъ нашей столицы. Уже сей Монархъ именовался въ своемъ титулѣ Югорскимъ, сынъ его

жизнь, сообщилъ имъ всѣ нужныя для нихъ свѣдѣнія о землѣ своей, и будучи за то освобожденъ, извѣстилъ ея Царя, что предсказаніе Сибирскихъ волхвовъ сбывается: ибо сіи кудесники уже давно, какъ пишутъ, вопили на стогнахъ о не минуемомъ скоромъ паденіи его Державы отъ нашествія Христіанъ. Таузакъ описывалъ Козаковъ людьми чудесными, воинами неодолимыми, стрѣляющими огнемъ и громомъ смертоноснымъ на-вылетъ сквозь латы. Но Кучюмъ, лишенный зрѣнія, имѣлъ душу твердую: рѣшился стать мужественно за Царство и вѣру; собралъ войско изъ всѣхъ Улусовъ, выслалъ племянника Маметкула въ поле со многочисленною конницею, а самъ укрѣпился въ засѣкѣ, на Иртышѣ, подъ горою Чувашьею, преграждая Атаманамъ путь къ Искеру.

Завоеваніе Сибири во многихъ отношеніяхъ сходствуетъ съ завоеваніемъ Мексики и Перу: также горсть людей, стрѣляя огнемъ, побѣждала тысячи, вооруженныя стрѣлами и копьями: ибо сѣверные Моголы и Татары не умѣли воспользоваться изобрѣтеніемъ пороха, и въ концѣ XVI вѣка дѣйствовали единственно оружіемъ временъ Чингисовыхъ. Каждый богатырь Ермаковъ шелъ на толпу непріятелей, смертоносною пулею убивалъ одного, а страшнымъ звукомъ пищали своей разгонялъ двадцать и тридцать. Такъ, въ первой битвѣ на берегу Тобола, въ урочищѣ Бабасанѣ, Ермакъ, стоя въ окопѣ, нѣсколькими залпами остановилъ стремленіе десяти или болѣе тысячь всадниковъ Маметкуловыхъ, которые неслися, во весь духъ, потоптать его: онъ самъ ударилъ на нихъ, и довершивъ побѣду, открылъ себѣ путь къ устью Тобола, хотя и не совсѣмъ безопасный: ибо жители, занявъ крутый берегъ сей рѣки, называемый Долгимъ Яромъ, стрѣлами осыпали ладіи Козаковъ. Второе, менѣе важное дѣло было въ шестнадцати верстахъ отъ Иртыша, гдѣ властвовалъ Улусный Князь, Царскій Думный Совѣтникъ Карача, на берегахъ озера, и теперь именуемаго Карачинскимъ: Ермакъ взялъ его Улусъ, и въ немъ богатую добычу, запасы и множество кадей Царскаго меду. Третія битва, на Иртышѣ, жаркая, упорная, стоила жизни нѣкоторому числу Ермаковыхъ сподвижниковъ, доказавъ, что независимость отечества мила и варварамъ:

Сибирскіе защитники изъявили неустрашимость и твердость; ввечеру уступили Россіянамъ побѣду, но только до новаго кровопролитія, имѣя еще и доблесть и надежду. Слѣпый Кучюмъ вышелъ изъ укрѣпленій и сталъ на горѣ Чувашьей: Маметкулъ расположился въ засѣкѣ, и Козаки, въ тотъ же вечеръ занявъ городокъ Атикъ-Мурзы, не смыкали глазъ ночью, опасаясь нападенія.

Уже число Ермаковой дружины уменьшилось замѣтно; кромѣ убитыхъ, многіе были ранены; многіе лишились силъ и бодрости отъ трудовъ непрестанныхъ. Въ сію ночь Атаманы совѣтовались съ товарищами, что дѣлать — и голосъ слабыхъ раздался. »Мы удовлетворили мести,« сказали они: »время идти назадъ.« Но Атаманы отвѣтствовали: »Нѣтъ, братья: намъ путь только впередъ! Уже рѣки покрываются льдомъ: обративъ тылъ, замерзнемъ въ глубокихъ снѣгахъ; а если и достигнемъ Руси, то съ пятномъ клятвопреступниковъ, обѣщавъ смирить Кучюма, или великодушною смертію загладить наши вины предъ Государемъ. Мы долго жили худою славою: умремъ же съ доброю! Богъ даетъ побѣду, кому хочетъ: не рѣдко слабымъ мимо сильныхъ; да святится имя Его!« Дружина сказала: аминь! — и съ первыми лучами солнца, 23 Октября, устремилась къ засѣкѣ, воскликнувъ: съ нами Богъ! Непріятель сыпалъ стрѣлы, язвилъ Козаковъ и, въ трехъ мѣстахъ самъ разломавъ засѣки, кинулся въ бой рукопашный, безвыгодный для Ермаковыхъ малочисленныхъ витязей, дѣйствовали сабли и копья: люди падали съ обѣихъ сторонъ; но Козаки, Нѣмецкіе и Литовскіе воины стояли единодушнѣе, крѣпкою стѣною — успѣвали заряжать пищали и бѣглымъ огнемъ рѣдили толпы непріятельскія, гоня ихъ къ засѣкѣ. Ермакъ, Иванъ Кольцо мужествовали впереди, повторяя громкое восклицаніе: съ нами Богъ! — а слѣпый Кучюмъ, стоя на горѣ, съ Иманами, съ Муллами своими, кликалъ Магомета для спасенія Правовѣрныхъ. Къ счастію Россіянъ, къ ужасу непріятелей, раненный Маметкулъ долженъ былъ оставить сѣчу: Мурзы увезли его въ ладіи на другую сторону Иртыша, и войско безъ предводителя отчаялось въ побѣдѣ: Князья Остяцкіе дали тылъ; бѣжали и Татары. Слыша, что знамена

Христіанскія уже развѣваютъ на засѣкѣ, Кучюмъ искалъ безопасности въ степяхъ Ишимскихъ, успѣвъ взять только часть казны своей въ Сибирской столицѣ. Сія главная, кровопролитнѣйшая битва, въ коей пало 107 добрыхъ Козаковъ, донынѣ поминаемыхъ въ Соборной Тобольской церкви, рѣшила господство Россіи отъ Каменнаго хребта до Оби и Тобола.

26 Октября Ермакъ, уже знаменитый для Исторіи, отпѣвъ молебенъ, торжественно вступилъ въ Искеръ или въ городъ Сибирь, который стоялъ на высокомъ берегу Иртыша, укрѣпленный съ одной стороны крутизною, глубокимъ оврагомъ, а съ другой тройнымъ валомъ и рвомъ. Тамъ побѣдители нашли великое богатство, если вѣрить Лѣтописцу: множество золота и серебра, Азіатскихъ парчей, драгоцѣнныхъ камней, мѣховъ, и все братски раздѣлили между собою. Городъ былъ пустъ: овладѣвъ Царствомъ, наши витязи еще не видали въ немъ людей; имѣя золото и соболей, не имѣли пищи: но 30 Октября явились къ нимъ Остяки съ Княземъ своимъ Боаромъ, съ дарами и запасами; клялися въ вѣрности, требовали милосердія и покровительства. Скоро явилось и множество Татаръ съ женами и съ дѣтьми, коихъ Ермакъ обласкалъ, успокоилъ, а всѣхъ отпустилъ въ ихъ прежніе Юрты, обложивъ легкою данію. Сей бывшій Атаманъ разбойниковъ, оказавъ себя Героемъ неустрашимымъ, Вождемъ искуснымъ, оказалъ необыкновенный разумъ и въ земскихъ учрежденіяхъ и въ соблюденіи воинской подчиненности, вселивъ въ людей грубыхъ, дикихъ, довѣренность къ новой власти, и строгостію усмиряя своихъ буйныхъ сподвижниковъ, которые, преодолѣвъ столько опасностей, въ землѣ завоеванной ими, на краю свѣта, не смѣли тронуть ни волоса у мирныхъ жителей. Пишутъ, что грозный, неумолимый Ермакъ, жалѣя воиновъ Христіанскихъ въ битвѣ, не жалѣлъ ихъ въ случаѣ преступленія и казнилъ за всякое ослушаніе, за всякое дѣло студное: ибо требовалъ отъ дружины не только повиновенія, но и чистоты душевной, чтобы угодить вмѣстѣ и Царю земному и Царю Небесному; онъ думалъ, что Богъ дастъ ему побѣду скорѣе съ малымъ числомъ добродѣтельныхъ

ошниковъ, нежели съ большимъ закоснѣлыхъ грѣшниковъ, и Козаки его, по сказанію Тобольскаго лѣтописца, и въ пути и въ столицѣ Сибирской вели жизнь цѣломудренную: сражались и молились.

Н. Карамзинъ.

15. Переходъ Кульнева черезъ Аландсгафъ въ Швецію.

Багратіону указана была дорога въ Стокгольмъ, черезъ Аландскіе Острова, пока союзница Русскихъ, сѣверная зима, покрывала ледянымъ мостомъ пространство Балтійскаго Моря отъ Финляндіи до Швеціи. Въ концѣ Февраля 1809 года, семнадцати-тысячный корпусъ Багратіона собрался между Або и Ништадомъ и 26-го двинулся на островъ Кумлингъ, мѣсто начала похода. Здѣсь раздѣлилось все Русское войско на пять колоннъ, и, пока четыре колонны съ Багратіономъ двигались прямо на Аландъ, пятая, Графа Строганова, обходила Аландскіе Острова съ юга, дабы перерѣзать отступленіе Шведамъ Авангардъ ея, составленный изъ Гродненскихъ гусаровъ, Донцовъ, Уральцевъ и Лейбъ-козаковъ, велъ Кульневъ. Шведы уходили безъ боя, и всѣ затрудненія похода составляли тяжкіе переходы по взгроможденнымъ глыбамъ льда, черезъ груды снѣга и полыньи. Войско останавливалось въ снѣжныхъ сугробахъ и кочевало на покрытомъ льдами морѣ. »Съ нами Богъ! Я передъ вами, а Князь Багратіонъ за вами! На маршѣ быть бодрымъ и веселымъ. Уныніе свойственно однѣмъ старымъ бабамъ. По прибытіи на бивакъ, чарка водки, кашица съ мясомъ, ложе изъ ельника и спокойная ночь!« Таковы были приказы, отданные Кульневымъ при выступленіи съ Финляндскихъ береговъ. Похода Русскихъ не остановилъ Шведскій начальникъ Аландскихъ Островоръ извѣстіемъ о перемѣнѣ правительства въ Швеціи, о желаніи его мириться и о томъ, что онъ посылаетъ къ Главнокомандующему Русскими войсками въ Финляндіи съ предложеніемъ мира. Посланнаго пропустили въ на-

шу главную квартиру и продолжали идти вперед. Слѣдуя въ головѣ колонны Строганова, забирая пушки и плѣнныхъ, Кульневъ настигъ арріергардъ Шведовъ, которые, сосредоточась въ Эккеро, крайнемъ западномъ пунктѣ Аландскихъ Острововъ, поспѣшно пустились черезъ Аландсгафъ къ Шведскимъ берегамъ. У островка Сигналскера догналъ арріергардъ ихъ Кульневъ, захватилъ съ бою двѣ пушки и сто сорокъ четырехъ плѣнныхъ, и принудилъ Шведскаго полковника Энгельбрехтена положить оружіе, съ четырнадцатью офицерами и четырьмя стами сорока двумя человѣками нижнихъ чиновъ. Бросая ружья, фуры, пороховые ящики, остальныя войска непріятельскія спаслись на Шведскій берегъ. Остановя слѣдованіе Багратіонова корпуса на Аландскихъ Островахъ, главнокомандующій положилъ послать только конный отрядъ черезъ Аландсгафъ на Шведскій берегъ. Отрядъ этотъ, составленный изъ трехъ эскадроновъ Гродненскихъ гусаровъ, Лейбъ-Уральской сотни и четырехъ сотъ Донцовъ, поручили Кульневу. Ночью собралъ онъ войско у рыбачьихъ хижинъ Сигналскера и говорилъ въ приказѣ: »Походъ до Шведскихъ береговъ вѣнчаетъ всѣ труды наши. Эти волны истинная награда наша, честь и слава безсмертная! Море не страшно тому, кто уповаетъ на Бога! Отдыхайте, товарищи!« Ночью выступилъ Кульневъ, шелъ осемь часовъ по слѣдамъ Шведовъ, черезъ ледяныя громады Аландсгафа, и »ура«! раздалось въ рядахъ его отряда, когда затемнѣли передъ ними дикіе утесы Шведскихъ береговъ. Изумленные береговые отряды Шведовъ не вѣрили глазамъ своимъ, видя гарцованье казаковъ по льду морскому. Шведскіе егери встрѣтили Кульнева за версту отъ берега. Съ обыкновенными его словами »Съ нами Богъ!« гусары аттаковали Шведовъ съ фронта; казаки бросились съ фланговъ и понеслись въ тылъ непріятелю. Шведы были смяты, бѣжали, оставили плѣнными осемь-десять-шесть человѣкъ и отстрѣливались изъ-за береговыхъ утесовъ и деревьевъ. Кульневъ спѣшилъ Уральцевъ и послалъ ихъ перестрѣливаться; выстроилъ на льду спѣшенныхъ гусаровъ и требовалъ сдачи прибрежнаго мѣстечка Гриссельгама, увѣряя, что сопротивленіе безполезно, потому что сильный корпусъ Русскій идетъ

Нортгель, ближе къ Стокгольму. Довѣряя словамъ Кульнева, Шведы прекратили бой, уступили мѣстечко, и Кульневъ извѣстилъ о томъ Багратіона слѣдующими словами: »Благодареніе Богу, честь и слава Россійскаго воинства на берегахъ Швеціи! Я съ войскомъ въ Гриссельгамѣ воспѣваю — Тебе, Бога, хвалимъ! На морѣ мнѣ дорога открыта, и я остаюсь здѣсь до вашихъ повелѣній.« Отъ Гриссельгама до Стокгольма разстояніе менѣе ста верстъ. Появленіе Русскихъ войскъ потревожило всѣхъ прибрежныхъ жителей окрестныхъ мѣстъ. Смятеніе распространилось въ Стокгольмѣ. Отвсюду сбѣгались туда трепещущіе жители окрестныхъ мѣстъ.

Кульневъ оставался на Шведскомъ берегу два дня, пока получилъ извѣщеніе главнокомандующаго о заключеніи перемирія и приказаніе идти обратно.

Михайловскій-Данилевскій.

16. Пораженіе Турокъ при Дунаѣ.

29-го Сентября были готовы плоты и паромы для переправы, фашины и туры для предмостнаго укрѣпленія на правомъ берегу, и должны были прійти суда къ мѣсту, назначенному для перевозки войскъ, въ 15-ти верстахъ выше нашего лагеря. Въ тотъ же день, 29-го, по пробитіи вечерней зари, Марковъ выступилъ въ походъ, имѣя подъ ружьемъ 7500 человѣкъ. Его палатки остались раскинутыми въ лагерѣ Кутузова, дабы не подать подозрѣнія Туркамъ о движеніи войска. Ночью Марковъ пришелъ въ селеніе Петрошаны и получилъ отъ своего авангарда донесеніе, что военныя суда, задержанныя вѣтромъ, еще не прибыли отъ Ломъ-Паланки. Въ тщетномъ ожиданіи флоттиліи прошло 30-е Сентября. Не желая тратить болѣе времени, Марковъ приказалъ перевозить войска на паромахъ. Первый отправился ночью маіоръ Отрощенко съ 14-мъ Егерскимъ Полкомъ, имѣя приказаніе построить на правомъ берегу два редута и тайно высмотрѣть удобную дорогу къ Турецкому лагерю. Казаки переправлялись за егерями вплавь. На

возвращавшихся паромахъ перевозили войска, сколь ко могли. Наконецъ пришли суда, и 1-го Октябр кончена переправа. Въ теченіе сихъ двухъ дней н видно было ни одного Турка. Оставя въ редутах баталіонъ 13-го Егерскаго Полка съ 4-мя легкими ору діями, Марковъ выступилъ въ вечеру тропою, забла говременно открытою маіоромъ Отроценко, параллель но Дунаю, и остановился скрытно въ пяти верстах отъ непріятельскаго лагеря. Ночь была безлунная освѣщенная только огромною кометою, предвѣстни цею Двѣнадцатаго Года.

На зарѣ 2-го Октября Марковъ двинулся впередъ Пройдя версты три, авангардъ его встрѣтилъ до 2000 конныхъ Турковъ и опрокинулъ передовыхъ. Привыкнувъ къ появленію Донцовъ на правомъ берегу Дуная, Турки не догадывались о настоящемъ положеніи дѣла и приняли казаковъ за разъѣзды, часто въ теченіе нѣсколькихъ недѣль ими ежедневно видѣнные. Они ударили на казаковъ и потѣснили ихъ до пѣхоты, построенной кареями. Донесясь до кареевъ, Турки остановились, ошеломленные ужасомъ, увидя пѣхоту. По прошествіи двухъ или трехъ минутъ остолбенѣлаго созерцанія, опрометью кинулись они назадъ, торопясь извѣстить находившихся въ лагерѣ о предстоявшей имъ бѣдѣ. Казаки и Ольвіопольскіе гусары преслѣдовали непріятеля. Пѣхота удвоила шагъ и вскорѣ показалась на возвышеніяхъ у самаго лагеря. Здѣсь происходила невыразимая тревога. Войско, канцеляріи Верховнаго Визиря, чиновники гражданскаго и армейскаго управленій, купцы, маркитанты, муллы, погонщики, перемѣшавшись, обратились въ бѣгство. Тысячъ двадцать людей вдругъ разсыпалось по всѣмъ дорогамъ къ Рущуку и Разграду; бѣжали во всѣ стороны, на лошадяхъ и пѣшіе; шли и безъ дорогъ, по рвамъ и виноградникамъ, спасая жизнь. Храбрѣйшіе, но въ маломъ числѣ и безпорядочными толпами, обратились навстрѣчу нашимъ, надѣясь удержать нападеніе. Усилія были напрасны. Русская конница и пѣхота стояли уже среди лагеря, гдѣ Турки сдѣлали еще нѣсколько безполезныхъ выстрѣловъ. Испугъ, внезапность, быстрота натиска, аттаки гусаровъ и казаковъ, стройное наступленіе кареевъ съ барабаннымъ боемъ уничтожили

послѣднее, слабое сопротивленіе. Весь изобильный и роскошный лагерь Верховнаго Визиря, 8 пушекъ, множество богатаго оружія и артиллерійскихъ снарядовъ, перевозныя суда, верблюды, лошади, товары Востока, хлѣбные запасы, 22 знамя и булава аги яничаръ достались побѣдителямъ. Наша потеря состояла въ 9-ти убитыхъ и 40 раненыхъ. Маловажность урона въ людяхъ объясняется нечаянностью нападенія.

Марковъ тотчасъ поставилъ баттареи и открылъ огонь противъ визирскихъ войскъ на лѣвомъ берегу Дуная, въ то же время громимыхъ изъ укрѣпленій Кутузова, откуда ясно были видны движенія Маркова. Глядя на нихъ, Кутузовъ хранилъ важное молчаніе, доколѣ Марковъ не водрузилъ нашихъ знаменъ въ Визирскомъ лагерѣ; но когда подвигъ былъ совершенъ, старецъ улыбнулся и махая фуражкою, провозгласилъ: ура! —, тысячекратно повторенное войскомъ. И простому солдату были видны неминуемая гибель враговъ и мудрость соображеній полководца. Поражаемые огнемъ съ фронта, тыла и фланговъ, Турки не знали, въ какую сторону отвѣчать, какъ укрыться отъ выстрѣловъ. Наскоро строили они валъ противъ Маркова, но безпорядочно, не слушая повелѣній начальниковъ. Еще Верховный Визирь и паши давали приказанія, не внимаемыя, не исполняемыя, будучи уже болѣе зрителями, нежели дѣйствователями. Голосъ начальниковъ не былъ слышенъ, какъ голосъ кормчаго во время бури, когда реветъ вѣтръ и гремитъ громъ. Турки падали на колѣни, простирали руки къ небу, вопія: Алла! Алла! Вскорѣ въ ихъ лагерѣ воцарилась тишина ужаса.

Для совершеннаго стѣсненія Турокъ, Кутузовъ велѣлъ немедленно поставить на Дунаѣ, по обѣимъ сторонамъ непріятельскаго лагеря, 14 судовъ, вооруженныхъ орудіями большаго калибра, подвинулъ лѣвое крыло главнаго корпуса на версту впередъ отъ Слободзеи, заложилъ тамъ редутъ на 4 орудія, въ 250-ти саженяхъ отъ Турецкихъ укрѣпленій, и началъ устроивать переправу на паромахъ для ближайшаго сообщенія съ Марковымъ. Желая еще болѣе навести страха на Верховнаго Визиря и самую Порту, Кутузовъ послалъ приказаніе Гамперу, начальнику наблю-

дательнаго корпуса у Обилешти, перейти черезъ Дунай, овладѣть Силистріею и Туртукаемъ и отправить разъѣзды по разнымъ дорогамъ. Дѣйствуя такимъ образомъ наступательно на своемъ лѣвомъ крылѣ и обложивъ главную Турецкую армію, Кутузовъ, всегда чрезвычайно, даже до невѣроятности осторожный, расчитывалъ, что, можетъ быть, Верховный Визирь прибѣгнетъ къ послѣднему средству спасенія отъ разразившейся надъ нимъ бѣды и двинетъ на свою выручку корпусъ Измаила-Бея изъ Видина къ Рущуку. Допуская возможность сего дриженія, Кутузовъ приказалъ Зассу зорко сторожить Измаила-Бея, развѣдывать о каждомъ его шагѣ и, если онъ пойдетъ на Рущукъ, непремѣнно слѣдовать за нимъ по правому берегу Дуная или по лѣвому, лежать на его плечахъ, и ни на одно мгновеніе не упускать его изъ вида.

Черезъ нѣсколько часовъ явился къ Маркову чиновникъ изъ Рущука и просилъ, именемъ скрывшихся тамъ Турецкихъ министровъ, позволенія ѣхать къ Кутузову и потомъ къ Верховному Визирю, имѣя, какъ увѣрялъ онъ, порученіе министровъ представить Ахмету-Бею необходимость скораго мира. Кутузовъ принялъ чиновника ласково, но не разрѣшилъ ему проѣзда къ Верховному Визирю, обѣщая письма съ обѣихъ сторонъ, отъ министровъ къ Визирю и отъ него обратно, пересылать вѣрно въ тѣ и другія руки. Едва отправился отъ насъ сей чиновникъ, явился къ Кутузову переговорщикъ отъ Верховнаго Визиря, съ просьбою умѣреннѣйшихъ со стороны Россіи требованій мира и заключенія на сихъ основаніяхъ перемирія. Кутузовъ отвѣчалъ: »Я не въ правѣ отстраниться отъ данныхъ мнѣ Государемъ моимъ повелѣній и не прекращу военныхъ дѣйствій, доколѣ не узнаю, на какомъ основаніи Порта хочетъ мириться. Пусть Ахметъ-Бей предварительно объяснится по сему предмету откровенно со мною, своимъ стариннымъ другомъ.« Тѣмъ кончился достопамятный день 2-го Октября, называемый въ Турецкихъ лѣтописяхъ »несчастнымъ« или »днемъ истребленія императорскаго лагеря», а нами вписываемый въ число дней нашей воинской славы, Армія Верховнаго Визиря, въ числѣ 36,000 человѣкъ, при 66-ти орудіяхъ, была лишена сообщеній, продовольствія и надежды на спасеніе.

Остальная часть Турецкихъ войскъ, находившаяся на правомъ берегу Дуная, у Рущука, Туртукая и Силистріи, разбѣжалась.

Ночью съ 2-го на 3-е Октября, пользуясь глубокою темнотою и дождемъ, Верховный Визирь прокрался изъ своего лагеря въ Рущукъ въ маленькой лодкѣ мимо нашей флотиліи, оставивъ надъ арміею Чапану-Оглу-Пашѣ, сыну одного изъ богатѣйшихъ владѣльцевъ Анатольскихъ. Когда наши генералы узнали, на слѣдующее утро, о побѣгѣ Ахмета-Бея, собрались они, опечаленные сею вѣстью, вокругъ палатки Кутузова. Вскорѣ вышелъ онъ, веселый, и поздравлялъ генераловъ съ событіемъ радостнымъ. »Что такое случилось?« спрашивали Главнокомандующаго. »Визирь ушелъ,« отвѣчалъ онъ. «Его побѣгъ приближаетъ насъ къ миру. По обычаю Турокъ, Верховный Визирь, окруженный непріятелемъ, лишается полномочія договариваться о мирѣ. Если бъ Визирь не ушелъ,« прибавилъ Кутузовъ, »то нѣкому было бы извѣстить Султана о настоящемъ положеніи, въ какое мы поставили его армію.

Въ ту же ночь, по приказанію Кутузова, Марковъ овладѣлъ лежавшимъ въ тылу Турокъ островомъ Голя, гдѣ были два орудія и небольшой отрядъ Запорожцевъ. Завидя приближеніе нашихъ, они бросили пушки, знамя, и спаслись въ темнотѣ на лодкахъ. Марковъ устроилъ на острову двѣ баттареи, каждую на два орудія. На разсвѣтѣ открыли одновременно пальбу по непріятельскому лагерю съ обоихъ береговъ Дуная, съ острова Голя и съ флоттиліи. Находившіяся въ Турецкихъ укрѣпленіяхъ орудія были большею частію скоро сбиты. Огромленные повсемѣстною канонадою, поражаемые выстрѣлами, Турки перестали отвѣчать на огонь нашъ; не только внѣ своихъ окоповъ, но даже внутри лагеря нигдѣ не показывались; сняли палатки, дабы не могли онѣ служить цѣлью нашимъ орудіямъ; искали себѣ убѣжища въ землѣ, вырывая ямы. Лагерь ихъ являлъ совершенное подобіе острова, окруженнаго моремъ и ежечасно угрожаемаго потопленіемъ.

Между тѣмъ были покорены Туртукай и Силистрія, укрѣпленія коихъ Турки начали незадолго передъ тѣмъ возобновлять. Получивъ повелѣніе о взя-

тіи сихъ городовъ, Гамперъ послалъ полковника Грекова 8-го, съ отрядомъ пѣхоты и конницы, къ Туртукаю. Завидѣвъ его переправу и приближеніе къ крѣпости, Турки побѣжали. Грековъ занялъ Туртукай безъ боя. Причиною легкаго покоренія сей крѣпости былъ паническій страхъ, распространившійся между Турками, когда они узнали объ окруженіи Русскими арміи Верховнаго Визиря. Въ то же время, ночью на 11-е Октября, Гамперъ переправилъ черезъ Дунай ниже Силистріи 2 баталіона Козловскаго полка, 2 эскадрона Смоленскихъ драгуновъ и казаковъ; 138 Булгаровъ перешли Дунай выше крѣпости. На разсвѣтѣ драгуны и Казаки заняли высоты впереди Силистріи. Появленіе нашихъ войскъ произвело неописанное смятеніе въ крѣпости, уже за нѣсколько дней встревоженной вѣстями о бѣдствіи арміи Верховнаго Визиря. Не терялъ духа только Илликъ-Оглу, защищавшій Силистрію противъ князя Багратіона и графа Каменскаго. Онъ началъ готовиться къ оборонѣ, но въ то время скрытно подходили къ Силистріи по берегу Дуная, съ одной стороны Булгары, а съ другой Козловскій полкъ. Мгновенно взлетѣли Козловцы на валъ и съ барабаннымъ боемъ ворвались въ городъ. Конница, занимавшая возвышенія, двинулась къ Силистріи. Булгары тѣснили встрѣченныя ими у воротъ толпы. Турки оборонялись въ улицахъ, но безпорядочная защита была въ часъ одолѣна, и Гамперъ овладѣлъ Силистріею, взявъ 1000 плѣнныхъ, 12 орудій, въ томъ числѣ 8 новыхъ, только что привезенныхъ изъ Царяграда, 8 знаменъ, арсеналъ, перевозныя суда и богатую добычу, отданную нашему войску. Илликъ-Оглу спасся бѣгствомъ по Шумлинской дорогѣ. Его конвой былъ настигнутъ, частью изрубленъ и частью полоненъ. Наша потеря состояла въ 44-хъ человѣкахъ. Кутузовъ велѣлъ Гамперу разорить укрѣпленія Силистріи и Туртукая и возвратиться съ отрядомъ за Дунай, оставивъ на правомъ берегу Казаковъ, съ приказаніемъ посылать разъѣзды въ разныя стороны, умножая распространившійся повсюду въ Булгаріи ужасъ.

Во время взятія Туртукая и Силистріи, 10-го и 11-го Октября, армія Верховнаго Визиря претерпѣвала бѣдствія самой строгой осады. Голодъ, снѣгъ

я заморозы породили въ Турецкомъ войскѣ повальныя болѣзни и сильную смертность. Всѣ лошади пали или были съѣдены. Несчастные Мусульмане начали питаться падалищемъ, пожирая его безъ соли, ибо ея вовсе у нихъ не было. На небольшомъ пространствѣ, отдѣлявшемъ непріятельскіе окопы отъ нашей передовой цѣпи вся трава была выщипана и употреблена въ пищу Турками. Они вырывали изъ земли и жадно ѣли сырые коренья, часто платя жизнью за столь ничтожную пищу, поражаемые пушечными и ружейными выстрѣлами съ нашихъ редутовъ, или настигаемые проворными Казаками. Къ голоду присоединился холодъ Октябрскихъ ночей, пагубныхъ для здоровья: ибо въ Валахіи морозъ осенній вдругъ наступаетъ послѣ палящаго лѣтняго, зноя. По недостатку дровъ, Турки топили сперва палаточными кольями, но и тѣ черезъ нѣсколько дней были сожжены. Войско осталось подъ кровомъ хладнаго, суроваго неба.

Гибельное положеніе Турецкой арміи вскорѣ сдѣлалось извѣстно въ Европѣ. Съ изумленіемъ смотрѣла она на пятилѣтнюю войну Россіи съ Портою, не постигая причинъ медленности нашихъ успѣховъ въ столь продолжительное время и въ такую эпоху, когда близокъ былъ нашъ разрывъ съ Наполеономъ. Съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ Наполеонъ за движеніями Турецкой и Русской армій и получалъ отъ лазутчиковъ своихъ подробные всему планы. Флигель-Адъютантъ Чернышевъ нашелъ средство достать изъ его кабинета одинъ изъ сихъ плановъ съ начертаніемъ перехода Верховнаго Визиря черезъ Дунай. Представляя Императору Александру, Чернышевъ доносилъ о сильномъ негодованіи Наполеона на пораженіе Верховнаго Визиря, ибо онъ былъ увѣренъ, что Визирь распространитъ свои дѣйствія въ Валахіи и озаботитъ Россію во время нашествія на нее двадцати народовъ. »Поймите этихъ собакъ, этихъ болвановъ Турокъ!« — воскликнулъ Наполеонъ. — »У нихъ дарованіе быть битыми. Кто могъ ожидать и предвидѣть такія глупости?« — Немедленно послалъ Наполеонъ курьера изъ Парижа съ письмомъ къ Султану, увѣщевая его не отчаяваться и продолжать войну, обѣщая скорое содѣйствіе. Для быстроты сношеній съ Турціею,

учредилъ онъ эстафеты отъ Парижа до Константинополя.

Чѣмъ сильнѣе досадовалъ Наполеонъ на Турокъ, тѣмъ болѣе возвеселилась вся Европа, когда огласились наши побѣды на Дунаѣ. Впервые торжество Россіи было встрѣчено чужземцами не завистью, но нашло въ нихъ искреннее сочувствіе, ибо нарушеніе Наполеономъ освященнаго вѣками Народнаго Права и его самовластительство въ дѣлахъ внѣшней политики достигли въ 1811 году высшей степени. Отъ Кадикса до Нѣмана ярмо его тяготѣло надъ престолами, угнетало просвѣщеніе, тороговлю, промышленность, самостоятельность государствъ. Всѣ державы полагали единственный оплотъ противъ завоевателя въ Императорѣ Александрѣ, для собственнаго спасенія своего желали оружію его возможныхъ успѣховъ и скорѣйшаго окончанія войны съ Портою, дабы Россія имѣла возможность обратить совокупныя силы свои противъ Наполеона, Ожиданія всего образованнаго міра осуществились, когда вслѣдъ одна за другой промчались вѣсти о разгромѣ семидесятитысячной Турецкой арміи, взятіи Туртукая и Силистріи. Трепеща предъ Наполеономъ, Европа не смѣла обнаруживать своихъ чувствованій, но тайно благословляла побѣды Александра. Признательный къ Кутузову, Императоръ возвелъ его въ графское достоинство.

Михайловскій-Данилевскій.

17. Первая ода Ломоносова.

Дворецъ въ Петербургѣ блисталъ огнями. Ряды оконъ, освѣщенныхъ ярче обыкновеннаго, заставляли смиренныхъ пѣшеходовъ обходить лишнюю улицу, только бы не ступить на свѣтлые противъ оконъ круги земли, съ которыхъ могли неучтиво согнать ихъ грозные рейтары. Не смотря на большой съѣздъ, вокругъ дворца было все тихо, какъ передъ строемъ солдатъ, ожидающихъ своего начальника. Оклики стражи, да рокотъ запоздалой кареты, подъѣзжавшей

къ крыльцу, одни нарушали это спокойствіе на площади.

Но что дѣлалось во дворцѣ? Тамъ былъ царскій вечеръ у Императрицы Анны Іоанновны, уже болѣзненной, близкой къ своей кончинѣ и какъ бы старавшейся разсѣять себя, забыть свои страданія среди блеска и веселья. Для того, въ послѣднее время жизни своей, она чаще собирала во дворцѣ избранное общество и приказывала ему утѣшать себя. Можетъ быть и ловкій Биронъ употреблялъ это какъ политическое средство: при шумѣ веселья такъ удобно иногда испросить согласіе на многое, въ чемъ отказываютъ по-утру, въ кабинетѣ, въ серьезное время работы ума. На что не могъ всесильный царедворецъ преклонить умъ Императрицы, съ тѣмъ обращался къ ея чувствамъ.

Собраніе было многочисленное и по видимому веселое. Вельможи и придворные расхаживали по заламъ съ такимъ самодовольствомъ, обращались другъ къ другу съ такимъ радушіемъ, что посторонній сказалъ бы: они оставили за порогомъ всѣ страсти свои и предались одному желанію: развеселить Императрицу. Между тѣмъ она, окончивши партію пикета съ Остерманомъ, облокотилась на стоявшаго подлѣ нея пажа и глаза ея упали на каммергера Корфа, который приближался съ улыбающимся видомъ.

— А что же, баронъ! — сказала она: принесли ли вы мнѣ то сочиненіе? . . .

— Приказаніе Вашего Величества исполнено! — отвѣчалъ Корфъ, подавая небольшую кипку печатныхъ листочковъ.

Императрица взяла ихъ, немного откатилась на креслахъ своихъ отъ столика, за которымъ играла, и обратила рѣчь къ окружавшимъ ее.

— Вотъ, господа, я подарю вамъ чудо. Вчера, при нашемъ новомъ торжествѣ надъ Турками, баронъ Корфъ поднесъ мнѣ стихи, написанные рыбачьимъ сыномъ. . . .

— Рыбачьимъ сыномъ! — воскликнуло нѣсколько голосовъ. Но въ этихъ словахъ не было выраженія, потому что еще не знали, какое придать имъ: шутливое или торжественное. Императрица любила иногда приводить въ недоумѣніе своихъ придворныхъ

шутками и загодочными словами, и они ждали объясненія.

— Да, рыбачьимъ сыномъ! — повторила она. Вотъ, возьмите эти стихи на взятіе Хотина и побѣду надъ Турками. Да какіе стихи! . . . Такихъ не пишетъ Тредіаковскій, ни Грекъ Антіохъ Кантемиръ.

Придворные съ благоговѣніемъ спѣшили принимать изъ рукъ Императрицы листочки, вдругъ сдѣлавшіеся для нихъ святынею. Она сама роздала ихъ нѣкоторымъ и отдавая остальное опять Корфу, сказала:

— На, дай имъ всѣмъ! . . . Я нарочно велѣла Корфу напечатать ихъ больше, чтобы вы всѣ, господа, могли полюбоваться новымъ стихотворцемъ нашимъ.

Между тѣмъ, получившіе стихотвореніе прежде другихъ, спѣшили къ канделабрамъ, къ свѣчамъ; старики надѣвали очки, а иные уже разбирали по складамъ: »Враче. . . . врачеб . . . ной да . . . ли мнѣ . . воды« И отвсюду слышно было: »Безподобно! .. удивительно! . . . прекрасно!«

Между тѣмъ Императрица снова отзывалась о стихахъ Ломоносова чрезвычайно благосклонно и наконецъ сказала Корфу:

— А гдѣ бишь теперь этотъ Ломоносовъ?

— Въ Марбургѣ, Ваше Величество: учится у профессора Вольфа стихотворству

— Въ Марбургѣ! стихотворству! у профессора! — повторяли многіе.

— Да разскажи имъ, какъ получилъ ты эти стихи. Разскажи подробно. Это страхъ какъ любопытно, господа.

Уши у всѣхъ настроились; Корфъ съ поклономъ къ Императрицѣ началъ:

— Ломоносовъ учился на счетъ Академіи, щедротами Всемилостивѣйшей нашей Государыни. Онъ присылаетъ ко мнѣ, какъ къ президенту Академіи, отчеты о своихъ успѣхахъ. Въ послѣдній разъ, при письмѣ и отчетѣ, я получилъ отъ него и стихи, написанные имъ, когда услышалъ онъ о преславной побѣдѣ, одержанной войсками Ея Императорскаго Величества. Онъ говоритъ, что побѣда отозвалась въ Германіи какъ громъ, и что онъ, въ избыткѣ чувствъ, осмѣлился воспѣть торжество Россійскаго оружія.

— Удивительно! превосходно! — начались опять восклицанія.

Между тѣмъ Корфъ, напередъ выучившій свой разсказъ, отиралъ потъ и съ торжествомъ поглядывалъ на придворныхъ собратовъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ кстати поднесъ стихи Ломоносова, что уже многіе были готовы жать ему руку, и успѣхъ этотъ равнялся развѣ успѣху его выучить довольно длинную Русскую рѣчь.

— Но кто этотъ Ломоносовъ? — спросилъ наконецъ Остерманъ, оставшійся на своемъ мѣстѣ противъ Императрицы, за карточнымъ столомъ, потому что подагра давала ему право меньше другихъ утомлять свои ноги, даже при Императрицѣ.

— Ломоносовъ, Холмогорскій уроженецъ, сынъ рыбака, отвѣчалъ Корфъ. Въ достославное царствованіе нашей Всемилостивѣйшей Государыни, когда науки вмѣстѣ со всѣми другими отраслями государственнаго хозяйства. . . .

Императрица улыбнулась; но Корфъ, ни мало не смѣшавшись, продолжалъ:

— Когда все процвѣтаетъ и благоденствуетъ, и науки находятъ покровительство, Ломоносовъ пришелъ пѣшкомъ въ Москву, изъ Архангельска. . . .

— Пѣшкомъ? — спросили нѣкоторые.

— Да, милостивые государи, пѣшкомъ. Въ Москвѣ разумѣется, встрѣтилъ онъ покровительство и опредѣлился въ Духовную Академію, откуда, какъ отличнаго ученика, отправили его въ нашу Академію. Мы, для вящшаго усовершенствованія, послали его въ Марбургъ, къ профессору Вольфу, и тамъ-то онъ написалъ оду. . . .

Биронъ, всесильный Биронъ, слушалъ съ нетерпѣніемъ разскащика, боясь чтобы многословіе его не утомило Императрицы. Онъ уже хотѣлъ перемѣнить разговоръ, когда она сказала:

— Нѣтъ, разскажи, какъ удивилъ онъ васъ своими стихами.

— Да, Ваше Величество, я истинно удивился, прочитавши стихи его, и отдалъ ихъ на разсмотрѣніе господамъ Академикамъ. Они единогласно подтвердили мое мнѣніе, что стихи прекрасны и даже достойны воззрѣнія Всемилостивѣйшей нашей Госуда-

рыни. Я велѣлъ напечатать ихъ и удостоился, во вчерашній торжественный день, поднести Ея Величеству. . . .

— А я велѣла напечатать побольше этихъ листочковъ и поздравляю васъ, господа, съ новымъ стихотворцемъ! — прибавила Императрица благосклонно.

Глубокій поклонъ былъ отвѣтомъ на эти слова.

Корфъ разсказалъ почти все справедливо, только нѣкоторыя стороны представилъ по своему. Онъ, какъ Нѣмецъ, даже плохо понимавшій Русскія дѣловыя бумаги, тѣмъ меньше могъ судить о стихахъ Ломоносова и, получивши ихъ, отдалъ на разсмотрѣніе Академіи. Но тамъ засѣдали также почти все Нѣмцы, и они едва ли могли бы оцѣнить первый брилліантъ Русской поэзіи если бы одинъ изъ нихъ прямодушно не посовѣтовалъ отдать стихи на разсмотрѣніе учителю Академической Гимназіи Ададурову. Этотъ человѣкъ, бывшій впослѣдствіи учителемъ Русскаго языка при Великой Княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и наконецъ вельможею, первый угадалъ поэтическій порывъ юноши и съ изумленіемъ къ новости языка, величію образовъ и, всего больше, необычайному размѣру стиховъ, представилъ Академіи, что ода Ломоносова достойна всякаго одобренія и поощренія. Онъ прочиталъ ее Академикамъ, не понимавшимъ языка, но понимавшимъ размѣръ стиховъ. Они заспорили было, что Русскій языкъ не способенъ къ размѣрамъ и что въ немъ существуетъ только тоническое стихотворство. Но почти въ одно время съ стихами получено было отъ Ломоносова »Письмо о правилахъ Россійскаго стихотворства«: онъ какъ-будто предчувствовалъ, что оно будетъ нужно для убѣжденія Гг. Академиковъ. Ададуровъ перевелъ это письмо на Нѣмецкій языкъ и совершенно удостовѣрилъ ихъ въ огромности подвига перваго Русскаго поэта. Они поняли это и рѣшились наградить изобрѣтеніе размѣра для Русскихъ стиховъ своимъ ободреніемъ. Послѣ того уже Корфъ рѣшился представить оду Ломоносова Императрицѣ и сдѣлалъ это такъ удачно.

Одобрительной говоръ не умолкалъ, послѣ того какъ услышали, что Императрица искренно любуется стихами на громкую побѣду войскъ ея. Даже Биронъ, не любившій ничего Русскаго, хвалилъ по-Нѣмецки

мужика, одареннаго такимъ искуснымъ умомъ. Русскіе патріоты восхищались отъ чистаго сердца, можетъ быть, не столько стихами, сколько побѣдой Русскаго ума надъ предубѣжденіемъ, которое бывало готово иногда отнять у ихъ соотечественниковъ всѣ способности.

— Все прославляетъ царствованіе Ваше, Государыня! сказалъ Остерманъ.

— Русскій умъ воскресаетъ! — примолвилъ Трубецкой.

— Онъ и не бывалъ распятъ, возразилъ Биронъ. Къ тому же стихотворцы, какъ всѣ искусники, имѣютъ особенныя способности и имъ надобны только благопріятныя обстоятельства, въ какихъ, на примѣръ, находится теперь Россія. Этотъ мужикъ уже не первый: Тредіаковскій также пишетъ стихи.

— Конечно, ваша свѣтлость, отвѣчалъ Трубецкой смиренно. Все отъ Бога! Овому талантъ овому два.... Но у насъ до сихъ поръ не было стихотворцевъ, кромѣ старинныхъ псалмослогателей.

— Потому что еще не наставало время для этого, сказалъ Биронъ. Да и Русскій языкъ вообще мало способенъ къ выраженію тонкихъ мыслей.

— На немъ однако жъ выражены всѣ красоты божественныхъ писателей, осмѣлился заметить Трубецкой.

Биронъ взглянулъ на него грозно, потому что не вдругъ нашелъ отвѣтъ, однако жъ тотчасъ прибавилъ, сообразжаясь съ образомъ мыслей Императрицы:

— Но вы говорите о людяхъ святыхъ, потому что переводчики священныхъ книгъ таковы. А что такое стихотворцы? . . . . Неужели ихъ ставите вы наряду съ святыми.

»Трубецкой смолчалъ въ свою очередь и потомъ отвѣчалъ въ полголоса:

— Можетъ быть, мы сами недостойны появленія святыхъ людей.

— Не о томъ рѣчь, князь пылко возразилъ, Биронъ. Вы смѣшиваете людей вдохновенныхъ съ стихотворцами. Я говорю только, что въ Россіи не было до сихъ поръ стихотворцевъ. Даже въ славное царствованіе Императора Петра I не писали стиховъ. И только теперь, когда науки поощряются, когда

Россія начинаетъ истинную жизнь Европейскаго государства и когда благоденствіе народа прочно, онъ начинаетъ пѣть.

— Справедливо! справедливо! раздалось — со всѣхъ сторонъ.

— Наукамъ необходимо поощреніе, такъ же какъ и всему другому, — продолжалъ Биронъ, довершая свою побѣду. У васъ въ Россіи до сихъ поръ не понимали этого.

Увлеченный живостью разговора, онъ не замѣтилъ неприличнаго своего выраженія, потому что не привыкъ быть осторожнымъ въ словахъ и какъ будто хотѣлъ сказать, что только онъ показываетъ Русскимъ свѣтъ Божій.

Императрица была такъ снисходительна къ своему любимцу, что позволяла ему забываться даже въ собственномъ ея присутствіи. И теперь, видя что разговоръ принимаетъ оборотъ не совсѣмъ пріятный, она спѣшила сказать:

— Такъ надобно же, герцогъ, подтвердить ваши слова и всячески поощрять этого умнаго рыбака.

— Воля Вашего Величества священна для каждаго изъ насъ, благоговѣйно отвѣчалъ Биронъ, наклоняя голову.

— Поощреніе раждаетъ науки, прибавилъ Остерманъ. Это доказанная, святая истина. Счастливому царствованію Вашего Величества предоставлено соединить и славу наукъ со всѣми другими славами Россіи.

Да; я хочу, чтобы этотъ рыбакъ не пропалъ задаромъ. Надобно имѣть его въ виду. Спасибо, Корфъ, тебѣ, что ты доставляешь намъ новый случай изъявить наше благоволеніе къ успѣхамъ, какого бы рода ни были они.

Восторженный Корфъ сталъ на колѣна и прикоснулся губами въ рукѣ Императрицы.

— Имѣй въ виду нашего рыбака, при случаѣ доноси мнѣ объ его успѣхахъ, а когда возвратится изъ-за границы, доложи мнѣ объ этомъ.

Бѣдный Ломоносовъ! для чего не былъ онъ тутъ, среди этого блестящаго собранія придворныхъ, которые слышали милостивыя для него слова Императрицы! Они осыпали бы его поздравленіями и окру-

жили готовностью пособлять на тернистомъ пути жизни. Но онъ былъ далеко; онъ не слыхалъ поощреній, они не дошли до него.

— Спасибо всѣмъ вамъ, господа, что пособили провести время! — сказала Императрица, необыкновенно милостивая во весь этотъ вечеръ. Но слова ея были знакомъ, что вечеръ кончился. Съ глубокими поклонами начали удаляться придворные, между тѣмъ какъ Императрица склонилась на спинку своихъ креселъ и какъ бы въ утомленіи закрыла рукою глаза.«

К. Полевой.

18. Отрывокъ изъ повѣсти »Арапъ Петра Великаго.«

День былъ праздничный. Гаврила Аѳанасьевичь ожидалъ нѣсколько родныхъ и пріятелей. Въ старинной залѣ накрывали длинный столъ. Гости съѣжались съ женами и дочерьми, наконецъ освобожденными отъ затворничества домашняго указами Государя и собственнымъ его примѣромъ. Наталья Гавриловна поднесла каждому гостю серебряный подносъ, уставленный золотыми чарочками, и каждый выпилъ свою, жалѣя, что поцѣлуй, получаемый въ старину при такомъ случаѣ, вышелъ уже изъ обыкновенія. Пошли за столъ. На первомъ мѣстѣ, подлѣ хозяина, сѣлъ тесть его, князь Борисъ Алексѣевичь Лыковъ, семидесятилѣтній бояринъ; прочіе гости, наблюдая старшинство рода и тѣмъ поминая счастливыя времена мѣстничества, сѣли: — мужчины по одной сторонѣ, женщины по другой; на концѣ заняли свои привычныя мѣста – барская барыня въ старинномъ шушунѣ и кичкѣ, карлица, тридцатилѣтняя малютка, чопорная и сморщенная, и плѣнный танцмейстеръ въ синемъ, поношенномъ мундирѣ. Столъ, уставленный множествомъ блюдъ, былъ окруженъ суетливой и многочисленной челядью, посреди которой отличался дворецкій строгимъ взоромъ, толстымъ брюхомъ и величавой неподвижностію. Первыя минуты обѣда

посвящены были единственно на вниманіе къ произведеніямъ старинной нашей кухни; звонъ тарелокъ и дѣятельныхъ ложекъ возмущалъ одинъ общее безмолвіе. Наконецъ хозяинъ, видя, что время занять гостей пріятною бесѣдою, оборотился и спросилъ: »а гдѣ же Екимовна? — позвать ее сюда!« Нѣсколько слугъ бросились было въ разныя стороны, но въ ту же минуту старая женщина, набѣленная и нарумяненная, убранная цвѣтами и мишурою, въ штофномъ роброндѣ, съ открытой шеей и грудью, вошла, припѣвая и подплясывая. Ея появленіе произвело общее удовольствіе.

»Здравствуй, Екимовна,« — сказалъ князь Лыковъ; »каково поживаешь?«

— По-добру, по-здорову, кумъ: поючи да пляшучи, женшиковъ поджидаючи.

»Гдѣ ты была, дура?« — спросилъ хозяинъ.

— Наряжалась, кумъ, для дорогихъ гостей, для Божія праздника, по Царскому наказу, по боярскому приказу, на смѣхъ всему міру, по Нѣмецкому маниру.

При сихъ словахъ поднялся громкій хохотъ, и дура стала на свое мѣсто, за стуломъ хозяина.

»А дура-то вретъ, вретъ, да и правду совретъ,« — сказала Татьяна Аѳанасьевна, старшая сестра хозяина, сердечно имъ уважаемая. »Подлинно нынѣшніе наряды на смѣхъ всему міру. Коли ужъ вы, батюшки, обрили себѣ бороду и надѣли кургузый кафтанъ, такъ про женское тряпье толковать, конечно, нечего; а право жаль сарафана, дѣвичьей ленты и повойника! Вѣдь посмотрѣть на нынѣшнихъ красавицъ — и смѣхъ и жалость: волоски-то взбиты, что войлокъ, насалены, засыпаны Французской мукою; животикъ перетянутъ такъ, что еле не перервется; исподницы напялены на обручи; въ колымагу садятся бочкомъ, въ двери входятъ — погибаются; ни стать, ни сѣсть, ни духъ перевесть — сущія мученицы, мои голубушки!«

»Охъ, матушка Татьяна Аѳанасьевна!« — сказалъ Кирила Петровичъ Т., бывшій въ Рязани воеводой, гдѣ нажилъ себѣ 3000 душъ и молодую жену, то и другое съ грѣхомъ по-поламъ; »по мнѣ, жена какъ хочешь одѣвайся, хоть кутафьей, хоть болдыханомъ — только бъ не каждый мѣсяцъ заказывала себѣ новыя платья, а прежнія бросала новешенькія. Бывало,

внучкѣ въ приданое доставался бабушкинъ сарафанъ, а нынѣшнія робронды — поглядишь: сегодня на барынѣ, а завтра на холопкѣ. Что дѣлать? Разореніе Русскому дворянству! Бѣда да и только! При сихъ словахъ онъ со вздохомъ посмотрѣлъ на свою Марью Ильиничну, которой, казалось, вовсе не нравились ни похвалы старинѣ, ни порицанія новѣйшихъ обычаевъ. Прочія красавицы раздѣляли ея неудовольствіе, но молчали; ибо скромность почиталась тогда необходимой принадлежностію молодой женщины.

— А кто виноватъ? — сказалъ Гаврила Аѳанасьевичь, напѣвя кружку кислыхъ щей — не мы ли сами? Молоденькія бабы дурачатся, а мы имъ потакаемъ.

»А что намъ дѣлать, коли не наша воля?« — возразилъ Кирила Петровичь — »Иной бы радъ былъ заперетъ жену въ теремѣ, а ее съ барабаннымъ боемъ требуютъ на ассамблею; мужъ за плетку, а жена за наряды. Охъ ужъ эти ассамблеи! наказалъ насъ ими Господъ за прегрѣшенія наши.«

Марья Ильинишна сидѣла на иголкахъ; языкъ у нея такъ и свербѣлъ; наконецъ она не вытерпѣла и, обратясь къ мужу, спросила его съ кисленькой улыбкою: что находитъ онъ дурнаго въ ассамблеяхъ?

»А то въ нихъ дурно,« — отвѣчалъ разгоряченный супругъ, — »что съ тѣхъ поръ, какъ онѣ завелись, мужья не сладятъ съ женами; жены позабыли слово Апостольское: жена да боится своего мужа; хлопочутъ не о хозяйствѣ, а объ обновахъ; не думаютъ, какъ бы мужу угодить, а какъ бы приглянуться офицерамъ - вертопрахамъ. Да и прилично ли, сударыня, Русской боярынѣ или боярышнѣ находиться вмѣстѣ съ Нѣмцами — табачниками да съ ихъ работницами? И добро бы еще съ родственниками, а то съ чужими, съ незнакомыми!«

— Сказалъ бы словечко, да волкъ недалечко, — сказалъ, нахмурясь, Гаврила Аѳанасьевичь. — А признаюсь, ассамблеи и мнѣ не по нраву: того и гляди, что на пьянаго натолкнешься, аль и самаго на-смѣхъ пьяцымъ напоятъ. Того и гляди, чтобъ какой нибудь повѣса не напроказилъ чего съ дочерью; а ныньче такъ молодежь избаловалась, что ни на что не похоже. Вотъ, на-примѣръ, сынъ покойнаго Евграфа Сергѣевича К...

на прошедшей ассамблеѣ надѣлалъ такого шуму съ Натальей, что привелъ меня къ красу. На другой день, гляжу, катитъ ко мнѣ прямо на дворъ; я думалъ: кого-то Богъ несетъ — ужъ не князя ли Александра Даниловича? Не тутъ-то было: Ивана Евграфовича! Небось не могъ остоновиться у воротъ, да потрудиться пѣшкомъ дойти до крыльца — куда! влетѣлъ, расшаркался, разболтался, что и Боже упаси. Дура Екимовна уморительно его передразниваетъ; кстати: представь, дура, заморскую обезьяну.

Дура Екимовна схватила крышку съ одного блюда, взяла подъ мышку будто шляпу и начала кривляться, шаркать и кланяться во всѣ стороны, приговаривая: »мусье . . . . мамзель . . . . ассамблея . . . . пардонъ.« Общій и продолжительный хохотъ снова изъявилъ удовольствіе гостей.

— Ни дать, ни взять К . . . . , сказалъ старый князь Лыковъ, стирая слезы отъ смѣха, когда спокойствіе мало-по-малу возстановилось. А что грѣха таить? Не онъ первый, не онъ послѣдній воротился изъ Нѣметчины на святую Русь скоморохомъ. Чему тамъ научатся наши дѣти? Шаркать, болтать Богъ вѣсть на какомъ нарѣчіи, не почитать старшихъ, да волочиться за чужими женами. Изо всѣхъ молодыхъ людей, воспитанныхъ въ чужихъ краяхъ, (прости Господи!) Царскій арапъ всѣхъ болѣе на человѣка походитъ.

»Ахти-батюшки, князь,« — сказала Татьяна Аѳанасьевна, — »видѣла, видѣла его близехонько: какаяжъ у него страшная морда! перепугалъ онъ меня, грѣшную!«

— Конечно, замѣтилъ Гаврила Аѳанасьевичъ, человѣкъ онъ степенный и порядочный; не чета вѣтрогону . . . . Это кто еще въѣхалъ въ ворота на дворъ? Ужъ не опять ли обезьяна заморская? Вы что зѣваете, скоты? — продолжалъ онъ, обращаясь къ слугамъ; — бѣгите отказать ему; да чтобъ и впредь. . . .

»Старая борода, не бредишь ли?« — прервала дура Екимовна: »Али ты слѣпъ: сани-то Государевы; Царь пріѣхалъ.«

Гаврила Аѳанасьевичь всталъ поспѣшно изъ-за стола; всѣ бросились къ окнамъ — и въ самомъ дѣлѣ увидѣли Государя, который всходилъ на крыльцо, опираясь на плечо своего деньщика. Сдѣлалась суматоха. Хозяинъ бросился на-встрѣчу Петра, слуги разбѣгались, какъ одурѣлые; гости перетрусились; иные даже думали, какъ бы убраться домой. Вдругъ въ передней раздался громозвучный голосъ Петра; все утихло, и Царь вошелъ въ сопровожденіи хозяина, оторопѣлаго отъ радости. »Здорово, господа!« — сказалъ Петръ съ веселымъ лицомъ. Всѣ низко поклонились. Быстрые взоры Царя отыскали въ толпѣ молодую хозяйскую дочь; онъ подозвалъ ее. Наталья Гавриловна приблизилась довольно смѣло, но покраснѣвъ не только по уши, а даже по плеча. »Ты часъ-отъ-часу хорошѣешь,« сказалъ ей Государь и, по своему обыкновенію, поцѣловалъ ее въ голову; потомъ, обратясь къ гостямъ: »что же? я вамъ помѣшалъ? вы обѣдали; прошу садится опять, а мнѣ, Гаврила Аѳанасьевичь, дай-ка анисовой водки.« Хозяинъ бросился къ величавому дворецкому, выхватилъ изъ рукъ у него подносъ, самъ налилъ золотую чарочку и подалъ её съ поклономъ Государю. Петръ выпилъ, закусилъ кренделемъ и вторично пригласилъ гостей продолжать обѣдъ. Всѣ заняли свои прежнія мѣста, кромѣ карлицы и барской барыни, которыя не смѣли оставаться за столомъ, удостоеннымъ Царскимъ присутствіемъ. Петръ сѣлъ подлѣ хозяина и спросилъ себѣ щей. Государевъ деньщикъ подалъ ему деревянную ложку, оправленную слоновою костью, ножикъ и вилку съ зелеными костяными черенками, ибо Петръ никогда не употреблялъ другаго прибора, кромѣ своего. Обѣдъ, за минуту предъ симъ шумно оживленный веселіемъ и говорливостію, продолжался въ тишинѣ и принужденности. Хозяинъ, изъ почтенія и радости, ничего не ѣлъ; гости также чинились и съ благоговѣніемъ слушали, какъ Государь по-Нѣмецки разговаривалъ съ плѣннымъ Шведомъ о походѣ 1701 года. Дура Екимовна, нѣсколько разъ вопрошаемая Государемъ, отвѣчала какою-то робкой холодностію, что (замѣчу мимоходомъ) вовсе не доказывало природной ея глупости. »Гаврила Аѳанасьевичь!« — сказалъ онъ хозяину: »мнѣ нужно съ тобою поговорить на-единѣ« — и,

взявъ его подъ руку, увелъ въ гостиную и заперъ за собою дверь. Гости остались въ столовой, шопотомъ толкуя объ этомъ неожиданномъ посѣщеніи и, опасаясь быть нескромными, вскорѣ разъѣхались одинъ за другимъ, не поблагодаривъ хозяина за его хлѣбъ-соль.

А. Пушкинъ.

19. Встрѣча съ Екатериной II.

Марья Ивановна (Капитанская дочка) благополучно прибыла въ Софію и узнавъ, что дворъ находится вѣ то время въ Царскомъ селѣ, рѣшилась тутъ остановиться. Ей отвели уголокъ за прегородкой. Жена смотрителя тотчасъ съ нею разговорилась, объявила, что она племянница придворнаго истопника и посвятила ее во всѣ таинства придворной жизни. Она разсказала, въ которомъ часу Государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофе, прогуливалась; какіе вельможи находились въ то время при ней; что изволила она вчерашній день говорить у себя за столомъ; кого принимала вечеромъ: — словомъ, разговоръ Анны Власьевны стоилъ нѣсколькихъ страницъ историческихъ записокъ и былъ бы драгоцѣненъ для потомства. Марья Ивановна слушала ее со вниманіемъ. Онѣ пошли въ садъ. Анна Власьевна разсказала исторію каждой аллеи и каждаго мостика, и, нагулявшись, онѣ возвратились на станцію, очень довольныя другъ другомъ.

На другой день, рано утромъ, Марья Ивановна проснулась, одѣлась и тихонько пошла въ садъ. Утро было прекрасное, солнце освѣщало вершины липъ, пожелтѣвшихъ уже подъ свѣжимъ дыханіемъ осени. Широкое озеро сіяло неподвижно. Проснувшіеся лебеди важно выплывали изъ-подъ кустовъ, осѣняющихъ берегъ. Марья Ивановна пошла около прекраснаго луга, гдѣ только что поставленъ былъ памятникъ въ честь недавнихъ побѣдъ графа Петра Александровича Румянцева. Вдругъ бѣлая собачка Англійской породы залаяла и побѣжала ей на-встрѣчу; Марья Ивановна испугалась. Въ эту самую минуту раздался

пріятный женскій голосъ: »Не бойтесь, она не укуситъ.« И Марья Ивановна увидѣла даму, сидѣвшую на скамейкѣ противу памятника. Марья Ивановна сѣла на другомъ концѣ скамейки. Дама пристально на нее смотрѣла; и Марья Ивановна, съ своей стороны бросивъ нѣсколько косвенныхъ взглядовъ, успѣла разсмотрѣть ее съ ногъ до головы. Она была въ бѣломъ утреннемъ платьѣ, въ ночномъ чепцѣ и въ душегрѣйкѣ. Ей, казалось, лѣтъ сорокъ. Лице ея, полное и румяное, выражало важность и спокойствіе, а голубые глаза и легкая улыбка имѣли прелесть неизъяснимую Дама первая перервала молчаніе.

»Вы вѣрно не здѣшнія?“ — сказала она

— Точно такъ-съ: я вчера только пріѣхала изъ провинціи

»Вы пріѣхали съ вашими родными?«

— Никакъ нѣтъ-съ. Я пріѣхала одна.

»Одна! Но вы такъ еще молоды«

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери.

»Вы здѣсь конечно по какимъ нибудь дѣламъ?«

— Точно такъ-съ. Я пріѣхала подать просьбу Государынѣ.

»Вы сирота; вѣроятно, вы жалуетесь на несправедливости и обиду?«

— Никакъ нѣтъ-съ. Я пріѣхала просить милости, а не правосудія.

»Позвольте спросить, кто вы таковы?

— Я дочь капитана Миронова

»Капитана Миронова! того самаго, что былъ комендантомъ въ одной изъ Оренбургскихъ крѣпостей?«

— Точно такъ-съ.

Дама, казалось, была тронута. »Извините меня« — сказала она голосомъ еще болѣе ласковымъ, — »если я вмѣшиваюсь въ ваши дѣла; но я бываю при Дворѣ; изъясните мнѣ, въ чемъ состоитъ ваша просьба, и, можетъ быть, мнѣ удастся вамъ помочь.«

Марья Ивановна встала и почтительно ее благодарила. Все въ неизвѣстной дамѣ невольно привлекало сердце и внушало довѣренность. Марья Ивановна вынула изъ кармана сложенную бумагу и подала ее незнакомой своей покровительницѣ, которая стала читать ее про себя.

Сначала она читала съ видомъ внимательнымъ и благосклоннымъ; но вдругъ лице ея перемѣнилось, и Марья Ивановна, слѣдовавшая глазами за всѣми ея движеніями, испугалась строгому выраженію этого лица, за минуту столь пріятному и спокойному

»Вы просите за Гринева«? — сказала дама съ холоднымъ видомъ. — »Императрица не можетъ его простить. Онъ присталъ къ самозванцу не изъ невѣжества и и легковѣрія, но какъ безнравственный и вредный негодяй.«

— Ахъ, неправда! — вскрикнула Марья Ивановна.

»Какъ, неправда!« — возразила дама, вся вспыхнувъ.

— Неправда, ей Богу, неправда! Я знаю все, я все вамъ разскажу. Онъ для одной меня подвергся всему, что постигло его И если онъ не оправдался передъ судомъ, то развѣ потому только, что не хотѣлъ запутать меня. Тутъ она съ жаромъ разсказала все, что уже извѣстно моему читателю.

Дама выслушала ее со вниманіемъ „Гдѣ вы остановились?“ — спросила она потомъ и, услыша, что у Анны Власьевны, примолвила съ улыбкою: „А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрѣчѣ. Я надѣюсь, что вы не долго будете ждать отвѣта на ваше письмо.“

Съ этимъ словомъ она встала и пошла въ крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась къ Аннѣ Власьевнѣ, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила ее за раннюю прогулку, вредную, по ея словамъ, для здоровья молодой дѣвушки. Она принесла самоваръ и за чашкою чая только было принялась за безконечные разсказы о Дворѣ, какъ вдругъ придворная карета остановилась у крыльца, и камеръ-лакей вошелъ съ объявленіемъ, что Государыня изволитъ къ себѣ приглашать дѣвицу Миронову. Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась. „Ахти, Господи!“ — закричала она. — „Государыня требуетъ васъ ко Двору. Какъ же это она про васъ узнала! Да какъ же вы, матушка, представитесь къ Императрицѣ? Вы, я чай, и ступить по придворному не умѣете. . . . Не проводить ли мнѣ васъ? Все таки я васъ въ чемъ нибудь да могу предостеречь. И какъ же вамъ ѣхать въ дорожномъ платьѣ? Не послать ли къ повивальной бабушкѣ за ея желтымъ роброномъ?“ — Каммеръ-лакей объявилъ,

что Государынѣ угодно было, чтобъ Марья Ивановна ѣхала одна и въ томъ, въ чемъ ее застанутъ. Дѣлать было нечего: Марья Ивановна сѣла въ карету и поѣхала во дворецъ, сопровождаемая совѣтами и благословеніями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчувствовала рѣшеніе нашей судьбы; сердце ея сильно билось и замирало. Чрезъ нѣсколько минутъ карета остановилась у дворца. Марья Ивановна съ трепетомъ пошла по лѣстницѣ Двери передъ нею отворились настежъ. Она прошла длинный рядъ пустыхъ, великолѣпныхъ комнатъ; каммеръ-лакей указывалъ дорогу. Наконецъ, подошедъ къ запертымъ дверямъ, онъ объявилъ, что сей часъ объ ней доложитъ, и оставилъ ее одну.

Мысль увидѣть Императрицу лицемъ къ лицу такъ устрашала ее, что она съ трудомъ могла держаться на ногахъ. Черезъ минуту двери отворились, и она вошла въ уборную Государыни.

Императрица сидѣла за своимъ туалетомъ. Нѣсколько придворныхъ окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково къ ней обратилась, и Марья Ивановна узнала въ ней ту даму, съ которой такъ откровенно изъяснялась она нѣсколько минутъ тому назадъ. Государыня подозвала ее и сказала съ улыбкою: „Я рада, что могла сдержать вамъ свое слово и исполнить вашу просьбу. Дѣло ваше кончено. Я убѣждена въ невинности вашего жениха. Вотъ письмо, которое сами потрудитесь отвезти къ будущему свекру.“

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакавъ, упала къ ногамъ Императрицы, которая подняла ее и поцѣловала Государыня разговорилась съ нею. „Знаю, что вы не богаты“ —сказала она; — „но я въ долгу передъ дочерью капитана Миронова. Не безпокойтесь о будущемъ. Я беру на себя устроить ваше состояніе.“

Обласкавъ бѣдную сироту, Государыня ее отпустила. Марья Ивановна уѣхала въ той же придворной каретѣ. Анна Власьевна, нетерпѣливо ожидавшая ея возвращенія, осыпала ее вопросами, на которые Марья

Ивановна отвѣчала кое-какъ. Анна Власьевна хотя и была недовольна ея безпамятствомъ, но приписала оное провинціальной застѣнчивости и извинила великодушно. Въ тотъ же день Марья Ивановна, не полюбопытствовавъ взглянуть на Петербургъ, обратно поѣхала въ деревню,

А. Пушкинъ.

20. Набѣгъ Горцевъ.

Осенью, въ 1819 году, Кабардинцы и Чеченцы, ободренные отсутствіемъ главнокомандующаго, собрались въ числѣ полуторы тысячи человѣкъ, сдѣлать нападеніе на какую нибудь деревню за Терекомъ, ограбить ее, увести плѣнниковъ, угнать табунъ. Предводителемъ былъ Кабардинскій князекъ Джембулатъ. Аммалатъ-Бекъ, пріѣхавшій къ нему съ письмомъ отъ Султанъ-Ахметъ-Хана, былъ принятъ съ радостію. Правду сказать, ему не дали ни какого отряда, но это отъ того, что у нихъ нѣтъ никакого строя, ни порядка въ войскѣ; борзый конь и собственная запальчивость указываютъ каждому мѣсто въ битвѣ. Сначала сдумаютъ, какъ завязать дѣло, какъ завлечь непріятеля, но потомъ нѣтъ ни повиновенія, ни повелѣнія, и случай доканчиваетъ сраженіе. Обославшись съ сосѣдними узденями и наѣздниками, Джембулатъ назначилъ сборное мѣсто, и вдругъ, по условному знаку, по всѣмъ ущеліямъ раздался крикъ „гарай! гарай!“ (тревога), и въ одинъ часъ слетѣлись со всѣхъ сторонъ наѣздники Чеченскіе и Кабардинскіе. Во избѣжаніе измѣны, никто не зналъ, кромѣ вождей, гдѣ будетъ ночлегъ, гдѣ переправа. Раздѣлясь на небольшія кучки, пошли они по едва видныиъ тропамъ въ мирный аулъ, гдѣ должно была скрыться до ночи. Разумѣется, мирные встрѣтили своихъ земляковъ съ распростертыми объятіями, но Джембулатъ, не довѣряя этому, оцѣпилъ селеніе часовыми и объявилъ жителямъ, что если кто покусится уйти къ Русскимъ, будетъ изрубленъ въ куски. Большая часть узденей ра-

зошлись по саклямъ кунаковъ или родственниковъ, но самъ Джембулатъ съ Аммалатомъ и лучшими наѣздниками, остался на чистомъ воздухѣ, подлѣ разведеннаго огня, покуда освѣжались усталые ихъ кони. Джембулатъ, простершись на буркѣ, опершись рукою объ руку, раздумывалъ распорядокъ набѣга; но далека была мысль Аммалата отъ поля битвы; она орленкомъ носилась надъ горами Аваріи, и тяжко, тяжко ныло сердце разлукою. Звукъ металлическихъ струнъ горской балалайки (комусъ), сопровождаемый протяжнымъ напѣвомъ, извлекъ его изъ задумчивости: то Кабардинецъ пѣлъ пѣсню старинную.

На Касбекъ слетѣлись тучи,
Словно горные орлы. . . .
Имъ на встрѣчу, на скалы
Узденей отрядъ летучій,
Выше, выше, круче, круче,
Скачетъ Русскими разбитъ:
Слѣдъ ихъ кровію кипитъ.

На хвостахъ полки погони;
Занесенъ и штыкъ и мечъ:
Смертью сѣется картечь. . . .
Нѣтъ спасенья въ силѣ, въ бронѣ. . . .
„Бѣгу, бѣгу, кони, кони!"
Пали вы — а далека
Крѣпость горнаго лѣска.

Сердце нашихъ Русскимъ мѣтя. . . .
На колѣни палъ мулла —
И молитва, какъ стрѣла,
До пророка Магомета,
Въ море свѣта, въ небо свѣта,
Полетѣла, понеслась,
„Иль-Алла — не выдай насъ!"

Нѣтъ спасенья ни откуда!!
Вдругъ по манію небесъ,
Зашумѣлъ далекій лѣсъ:
Вѣетъ, плещетъ, катитъ грудой
Ниже, ближе, чудо, чудо! . . .
Мусульмане спасены
Средь лѣсистой крутизны!

„Такъ бывало въ старину," — сказалъ съ улыбкою Джембулатъ, — „когда наши старики больше вѣрили

молитвѣ, а Богъ чаще ихъ слушалъ; но теперь, друзья, лучшая надежда — своя храбрость. Наши чудеса въ ножнахъ шашки (сабли), и намъ точно должно показать ихъ, чтобы не осрамиться. Послушай, Аммалатъ," примолвилъ онъ крутя усъ свой: „не скрою отъ тебя, что дѣло можетъ быть жаркое. Я сейчасъ провѣдалъ, что полковникъ К.. собралъ отрядъ свой; но гдѣ онъ? но сколько у него войска? — этого никто не знаетъ."

— „Чѣмъ больше будетъ Русскихъ, тѣмъ лучше" — отвѣчалъ Аммалатъ спокойно — „тѣмъ менѣе будетъ промаховъ."

„За то труднѣе добыча!"

— „По мнѣ хоть бы вѣкъ ея не было: я хочу мести, ищу славы."

Джембулатъ свиснулъ, и свистъ его повторился во всѣхъ концахъ стана: вмигъ собралась вся шайка. Къ ней присоединились многіе уздени изъ окрестныхъ мирныхъ деревень. Потолковавъ съ ними, гдѣ лучше переправиться, отрядъ въ тишинѣ двинулся къ берегу. Аммалатъ-Бекъ не могъ надивиться молчаливости, не только всадниковъ, но и самыхъ коней: ни одинъ изъ нихъ не ржалъ, не храпѣлъ и, будто остерегаясь, ставилъ копыто на землю. Отрядъ несся неслышнымъ облакомъ; скоро добрались до берега Терека, который излучиною образовалъ въ томъ мѣстѣ мысъ, и отъ него къ противоположному берегу тянулась каменистая коса. Вода въ то время была не высока и бродъ возможенъ; не смотря на это, часть отряда потянулась выше, для переправы вплавь, чтобъ оттянуть казаковъ отъ главной переправы и прикрыть ее, ежели бы дали отпоръ. Тѣ, которые надѣялись на коней своихъ, прыгали прямо съ берега. Другіе подвязывали подъ переднія лопатки по парѣ небольшихъ мѣховъ, надутыхъ какъ пузыри. Быстрина сносила и разносила ихъ, и каждый выходилъ на сушу, гдѣ находилъ удобное мѣсто, чтобы вскарабкаться коню. Непроницаемая завѣса тумана скрывала все движеніе.

Надобно знать, что по всей горской прибрежной линіи тянется маячная и сторожевая цѣпь. По всѣмъ курганамъ и возвышенностямъ стоятъ конные пикеты. Проѣзжая мимо днемъ, вы видите на каждомъ холмѣ высокій шестъ съ боченкомъ на верху: онъ полонъ смолой и соломою и готовъ вспыхнуть при первой

тревогѣ. При этомъ шестѣ обыкновенно привязана казацкая лошадь, и подлѣ нея лежитъ часовой. Въ ночь часовые удвоиваются. Но, не смотря на такую предосторожность, Черкесы, подъ буркой мрака и тумана, нерѣдко малыми шайками протекаютъ сквозь цѣпь, будто вода сквозь сито. Точно то же случилось и теперь: зная совершенно мѣстность, белады (проводники изъ мирныхъ вели каждую партію и тихомолкомъ миновали курганы. Въ двухъ только мѣстахъ, хищники, чтобы прервать линію маяковъ, могущихъ измѣнить имъ, рѣшились снять часовыхъ. На одинъ постъ отправился самъ Джембулатъ, а нашему Беку велѣлъ ползкомъ выбраться на берегъ, обогнуть пикетъ сзади, сосчитать сто и потомъ ударить нѣсколько разъ въ огниво. Сказано, сдѣлано. Чуть поднявъ голову съ забережья, весьма крутаго, Джембулатъ высмотрѣлъ казака, дремлющаго надъ фитилемъ, держа въ поводу лошадь. Послышавъ шорохъ, часовой встрепенулся и устремилъ безпокойные взоры на рѣку. Боясь, чтобы тотъ не замѣтилъ его, Джембулатъ метнулъ вверхъ шапку и припалъ за кряжъ. „Проклятая утица!" — сказалъ Донецъ, — „имъ и ночью масляница! плещутся, да летлютъ, словно вѣдьмы Кіевскія!" Но въ это время искры, мелькнувшія въ другой сторонѣ, привлекли его вниманіе. „Неужто волки?" — подумалъ онъ. „Бываетъ, они крѣпко сверкаютъ глазами!" Но искры посыпались снова, и онъ обомлѣлъ, вспомнивъ разсказы, что Чеченцы даютъ такіе сигналы, управляя ходомъ своихъ товарищей. Этотъ мигъ изумленія и раздумья былъ мигомъ его погибели; кинжалъ, ринутый сильною рукою, свиснулъ — и пронзенный казакъ безъ стона упалъ на землю. Товарищъ его былъ изрубленъ сонный, и вырванный шестъ съ боченкомъ кинули въ воду. Быстро соединился весь отрядъ по данному знаку и разомъ устремился на деревню, на которую заранѣ предположено было напасть. Набѣгъ совершенъ былъ очень удачно, т. е., вовсе неожиданно Всѣ кресьтяне, которые успѣли вооружиться, были перебиты послѣ отчаяннаго сопротивленія; другіе спрятались или разбѣжались. Кромѣ добычи, множество плѣнныхъ и плѣнницъ было наградой отваги. Кабардинцы вторгались въ домы, уносили что поцѣннѣе или что въ торопяхъ

попадало подъ руку, но не жгли домовъ, не топтали умышленно нивъ, не ломали виноградниковъ. „Зачѣмъ трогать даръ Божій и трудъ человѣка?“ — говорили они, и это правило горскаго разбойника, не ужасающагося ни какимъ злодѣйствомъ, есть доблесть, которою могли бы гордиться народы самые образованные, если бы они ее имѣли. Въ часъ все было кончено для жителей, но не для грабителей: тревога распространилась уже по всей линіи. Какъ утреннія звѣзды, засверкали сквозь туманъ маяки, и призывъ къ оружію раздавался во всѣхъ сторонахъ.

Между тѣмъ нѣсколько опытныхъ наѣздниковъ обскакали большой табунъ, далеко въ степи ходившій. Пастухъ былъ захваченъ съ разу. Съ крикомъ и выстрѣлами бросились они потомъ на коней съ полевой стороны; кони шарахнулись, взбросили гривы и хвосты на вѣтеръ и стремглавъ кинулись вслѣдъ за Черкесомъ, котораго на лихомъ скакунѣ нарочно оставили на рѣчной сторонѣ, чтобы онъ былъ водакомъ испуганнаго стада. Какъ добрый кормчій, зная и въ туманахъ наизустъ всѣ опасности этого степнаго моря, Черкесъ летѣлъ впереди прядающихъ коней, вился между постами и наконецъ, избравъ самое крутое мѣсто берега, спрыгнулъ въ Терекъ со всего разскака. Весь табунъ за нимъ слѣдомъ: только прыскала шумная пѣна отъ паденія.

Занялась заря, расступились туманы и открыли картину вмѣстѣ пышную и ужасную. Главная толпа наѣздниковъ влачила за собою плѣнныхъ, кого при стремени, кого за сѣдломъ, со связанными руками. Плачъ, и стонъ, и вопль отчаянія заглушались угрозами и неистовымъ крикомъ побѣдной радости. Отягощенные добычей, замедляемые въ ходу стадами рогатаго скота, они медленно подвигались къ Тереку. Князья и лучшіе наѣздники, въ кольчугахъ и шлемахъ, блистающихъ, переливающихся, какъ вода, увивались около поѣзда, словно молніи изъ сизой тучи. Вдали со всѣхъ сторонъ скакали линейскіе казаки, залегали за дубы, за кустарники, и скоро завязали перепалку съ высланными противъ нихъ удальцами. Тамъ и сямъ сверкали, гремѣли выстрѣлы; порой падалъ Черкесъ съ коня. Между этимъ, передовые успѣли переправить часть стада, когда пыльное облако и топотъ

коней возвѣстили, что на нихъ несется гроза. Сотъ шесть Горцевъ, предводимыхъ Джембулатомъ, оборотили коней, чтобъ отразить нападеніе и дать время своимъ убраться за рѣку. Безъ всякаго порядка, съ гикомъ и крикомъ пустились они на встрѣчу казакамъ, но ни одно ружье не было вынуто изъ нагалища за спиною, ни одна шашка не сверкала въ рукахъ: Черкесъ до послѣдняго мгновенія не обнажаетъ оружія. И точно, доскакавъ лишь на двадцать шаговъ, они выхватили ружья свои, выстрѣлили на всемъ скаку, забросили ружья за лѣвую руку и ударили въ шашки; но линейскіе казаки, отвѣтивъ имъ залпомъ, понеслись прочь, и, разгоряченные преслѣдованіемъ, Горцы дались въ обманъ, столь часто самими употребляемый. Казаки навели ихъ на скрытыхъ въ опушкѣ егерей храбраго 43-го полка Будто изъ земли выросли небольшія кареи, штыки склонились, и бѣглый огонь посыпался наперекрестъ. Напрасно, спѣшась, хотѣли Горцы занять лѣски и съ тыла ударить на нашихъ: подоспѣвшая артиллерія рѣшила дѣло. Опытный полковникъ К. . ., гроза Чеченцевъ, человѣкъ, котораго они равно боялись храбрости и уважали праводушіе, безкорыстіе, распоряжалъ дѣйствіями войскъ, и успѣхъ не могъ быть сомнителенъ. Пушки развѣяли толпы хищниковъ и картечь прыснула въ бѣгущихъ. Пораженіе было ужасно. Двѣ пушки заскакали на мысъ, не вдали отъ котораго Черкесы кидались вплавь съ берега: онѣ пронизывали всю рѣку. Съ ревомъ прыгала картечь по вспѣненнымъ волнамъ и за каждымъ выстрѣломъ нѣсколько лошадей обращались вверхъ ногами, утопляя своихъ всадниковъ. Жалко было видѣть, какъ раненые цѣплялись за хвосты и узды чужихъ коней, погружали ихъ и не спасали себя; какъ бились усталые у крутаго берега, желая выползть, обрывались, и несытая пучина уносила, поглощала ихъ. Трупы убитыхъ неслись между полуживыми, и кровавыя полосы змѣями вились по бѣлой пѣнѣ; дымъ катился по Тереку, и вдали снѣговыя вершины Кавказа, нахмуренныя туманами, грозно замыкали поле боя Джембулатъ и Аммалатъ-Бекъ дрались, какъ отчаянные; двадцать разъ опрокинуты и двадцать разъ нападая, утомлены, но непобѣждены, съ сотнею удальцевъ переплыли

они за рѣку, спѣшились, сбатовали коней и завели жаркую перестрѣлку съ другаго берега, чтобы прикрыть остальныхъ спутниковъ. Занятые этимъ, они поздно замѣтили, что высше ихъ плавятся за рѣку линейскіе казаки, на перерѣзъ имъ. Съ радостнымъ крикомъ перескакивали, окружали ихъ Русскіе. Гибель была неизбѣжна. „Ну, Джембулатъ!" — сказалъ Бекъ Кабардинцу: — „судьба наша кончилась! Дѣлай самъ, какъ хочешь, но я не отдамся въ плѣнъ живой. Лучше умереть отъ пули, чѣмъ отъ позорной веревки."— „Не думаешъ ли ты," — возразилъ Джембулатъ: — „что мои руки сдѣланы для цѣпей? Сохрани меня Алла отъ такого поношенія! Русскіе могутъ положить мое тѣло, но душу . . . . никогда, никакъ! Братцы, товарищы!" — кликнулъ онъ къ остальнымъ: „ — намъ измѣнило счастье, но булатъ не измѣнитъ: продадимъ дорого жизнь свою гяурамъ! Не тотъ побѣдитель, за кѣмъ поле: тотъ, за кѣмъ слава, а слава тому, кто цѣнитъ смерть высше плѣну! — „Умремъ! умремъ! только славно умремъ!" — закричали всѣ, вонзая кинжалы въ ребра коней своихъ, чтобы они не достались врагамъ въ добычу, и потомъ, сдвинувъ изъ нихъ завалъ, залегли за него, приготовляясь встрѣтить нападающихъ свинцомъ и булатомъ. Зная, какое упорное сопротивленіе встрѣтятъ, казаки остановились, сбираясь, готовясь на ударъ. . . . Ядра съ противоположнаго берега иногда ложились вкругъ безстрашныхъ Горцевъ; порой разрывало между нихъ гранату, осыпая ихъ землей и осколками, но они не смущались и, по обычаю, запѣли грозно-унылымъ гологомъ смертныя пѣсни, отвѣчая поочереди куплетомъ на куплетъ.

Хоръ.

Слава намъ, смерть врагу.
Алла-га, Алла-гу!

Первый полухоръ.

Шуменъ, но кратокъ вешній ключъ!
Свѣтелъ, но гдѣ онъ — зарницы лучъ?
Мать моя, звѣзда души,
Спать ложись, огонь туши!
Не томи напрасно ока,
У порога не сиди;

Издалека, издалека,
Сына ужинашь не жди.
Не ищи его, родная,
По скаламъ и по доламъ:
Спишъ онъ . . . . ложе ныль степная,
Мечъ и сердце пополамъ!

Вшорой полухоръ.

Не плачь, о машь! шпоей любовью
Мнѣ билось сердце высоко,
И въ немъ кипѣло львиной кровью
Роднмой груди молоко;
И никогда нагорной волѣ
Удалый сынъ не измѣнялъ:
Онъ въ грозной бишвѣ, въ чуждомъ полѣ,
Постигнушъ Азраиломъ, палъ;
Но кровь моя, на радосшь краю,
Нешлѣннымъ цвѣшомъ будешъ цвѣсшь;
Я дѣшямъ славу завѣщаю,
А брашьямъ гибельную месшь!

Хоръ.

О брашья! шворише молишву!
Съ кинжалами ринемся въ бишву!
Ломай ихъ о Русскую грудь. . . .
По шрупамъ безсшрашнаго пушь!
Слава намъ, смершь врагу,
Алла-га, Алла-гу!

Пораженные какимъ-то невольнымъ благоговѣніемъ, егеря и казаки безмолвно внимали страшнымъ звукамъ сихъ пѣсень; но наконецъ громкое ура! раздалось съ обѣихъ сторонъ. Черкесы вскочили съ воплемъ, выстрѣлили въ послѣдній разъ изъ ружей и, разбивъ ихъ о камни, кинулись на Русскихъ съ кинжалами. Абреки, чтобъ не разорваться въ натискѣ, связались другъ съ другомъ, поясками и такъ бросились въ сѣчу; она была безпощадна: все пало подъ штыками Русскихъ. „Впередъ, за мной, Аммалатъ-Бекъ!“ — вскричалъ неистовой Джембулатъ, кидаясь въ послѣднюю для него схватку. — „Впередъ! для насъ смерть — свобода!“ Но Аммалатъ уже не слышалъ призыва: ударъ сзади прикладомъ по головѣ повергъ его на земь, усѣянную убитыми, залитую кровью.

Марлинскій.

21. Герой нашего времени.

Я ѣхалъ на перекладныхъ изъ Тифлиса. Вся поклажа моей телѣжки состояла изъ одного небольшаго чемодана, который до половины былъ набитъ путевыми записками о Грузіи. Большая часть изъ нихъ, къ частію для васъ, потеряна, а чемоданъ съ остальными вещами, къ счастію для меня, остался цѣлъ.

Ужъ солнце начинало прятаться за снѣговой хребетъ, когда я въѣхалъ въ Койшаурскую Долину. Осетинъ-извощикъ неутомимо погонялъ лошадей, чтобъ успѣть до ночи взобраться на Койшаурскую Гору, и во вее горло распѣвалъ пѣсни. Славное мѣсто эта долина! Со всѣхъ сторонъ горы неприступныя, красноватыя скалы, обвѣшанныя зеленымъ плющемъ и увѣнчанныя купами чинаръ, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а тамъ высоко, высоко, золотая бахрома снѣговъ, а внизу, Арагва, обнявшись съ другою безъименной рѣчкой, шумно вырывающеюся изъ чернаго, полнаго мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ какъ змѣя своею чешуею.

Подъѣхавъ къ подошвѣ Койшаурской Горы, мы остановились возлѣ духана. Тутъ толпилось шумно десятка два Грузинъ и Горцевъ; по близости караванъ верблюдовъ остановился для ночлега. Я долженъ былъ нанять быковъ, чтобъ втащить мою телѣжку на эту проклятую гору, потому что была осень и гололедица, — а эта гора имѣетъ около двухъ верстъ длины.

Нечего дѣлать, я нанялъ шесть быковъ и нѣсколько Осетинъ. Одинъ изъ нихъ взвалилъ себѣ на плечи мой чемоданъ, другіе стали помогать быкамъ почти однимъ крикомъ.

За моею телѣжкою четверка быковъ тащила другую, какъ ни въ чемъ не бывало, не смотря на то, что она была до верху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шелъ ея хозяинъ, покуривая изъ маленькой Кабардинской трубочки, обдѣланной въ серебро. На немъ былъ офицерскій сюртукъ безъ эполетъ и Черкесская мохнатая шапка. Онъ казался лѣтъ пятидесяти; смуглый цвѣтъ лица показывалъ, что онъ давно знакомъ съ Закавказскимъ солнцемъ, и преждевременно посѣдѣвшіе усы не соотвѣтствовали

его твердой походкѣ и бодрому виду. Я подошелъ къ нему и поклонился; онъ молча отвѣчалъ мнѣ на поклонъ и пустилъ огромный клубъ дыма.

„Мы съ вами попутчики, кажется?"

Онъ молча, опять поклонился.

„Вы вѣрно ѣдете въ Ставрополь?"

— Такъ-съ точно . . . . съ казенными вещами.

„Скажите, пожалуй-ста, отъ чего это вашу тяжелую телѣжку четыре быка тащатъ шутя, а мою, пустую, шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощію этихъ Осетинъ?"

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня.

— Вы вѣрно недавно на Кавказѣ?

„Съ годъ" — отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

„А что жъ?

— Да такъ-съ! Ужасныя бестіи эти Азіяты! Вы думаете, они помагаютъ, что кричатъ! А чортъ ихъ разберетъ, что они кричатъ? Быки-то ихъ понимаютъ; запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнутъ по своему, быки все ни съ мѣста . . . . Ужасные плуты! А что съ нихъ возьмешь? . . . Любятъ деньги драть съ проѣзжающихъ. . . . Избаловали мошенниковъ! Увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю, меня не проведутъ!

„ А вы давно здѣсь служите?"

— Да я ужъ здѣсь служилъ при Алексеѣ Петровичѣ, отвѣчалъ онъ пріосанившись. Когда онъ пріѣхалъ на Линію, я былъ подпоручикомъ — прибавилъ онъ — и при немъ получилъ два чина за дѣла противъ Горцевъ.

„А теперь вы? . . ."

— Теперь считаюсь въ третьемъ линейномъ баталіонѣ. А вы, смѣю спросить? . . .

Я сказалъ ему.

Разговоръ этимъ кончился, и мы продолжали, молча, идти другъ подлѣ друга. На вершинѣ горы нашли мы снѣгъ. Солнце закатилось, и ночь послѣдовала за днемъ безъ промежутка, какъ это обыкновенно бываетъ на югѣ; но, благодаря отливу снѣговъ, мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла въ гору, хотя уже не такъ круто. Я велѣлъ по-

ложить чемоданъ свой въ тележку, замѣнить быковъ лошадьми, и въ послѣдній разъ оглянулся внизъ на долину; но густой туманъ, нахлынувшій волнами изъ ущелій, покрывалъ ее совершенно, и ни единый звукъ не долеталъ уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку, но штабсъ-капитанъ такъ грозно на нихъ прикрикнулъ, что они въ мигъ разбѣжались. — „Вѣдь этакій народъ!" — сказалъ онъ: „и хлѣба по-Русски назвать не умѣетъ, а выучилъ: „офицеръ, дай на водку!" Ужъ Татары по мнѣ лучше: тѣ хоть непьющіе. . . .

До станціи оставалось еще съ версту. Кругомъ было тихо, такъ тихо, что по жужжанію комара можно было слѣдить за его полетомъ. На-лѣво чернѣло глубокое ущелье; за нимъ и впереди насъ темносинія вершины горъ, изрытыя слоями снѣга, рисовались на блѣдномъ небосклонѣ, еще сохранявшемъ послѣдній отблескъ зари. На темномъ небѣ начинали мелькать звѣзды, и странно, мнѣ показалось, что онѣ гораздо выше, чѣмъ у насъ на сѣверѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги торчали голые, черные камни; кой-гдѣ изъ-подъ снѣга выглядывали кустарники, но ни одинъ сухой листокъ не шевелился, и весело было слышать, среди этого мертваго сна природы, фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиваніе Русскаго колокольчика.

„Завтра будетъ славная погода!" — сказалъ я. Штабсъ-капитанъ не отвѣчалъ ни слова и указалъ мнѣ пальцемъ на высокую гору, поднимавшуюся прямо противъ насъ.

„Что жъ это?" — спросилъ я.

— Гутъ-Гора.

„Ну такъ что жъ?"

— Посмотрите, какъ курится.

И въ самомъ дѣлѣ, Гутъ-Гора курилась; по бокамъ ея ползали легкія струйки облаковъ, а на вершинѣ лежала черная туча, такая черная, что на темномъ небѣ она казалась пятномъ.

Ужъ мы различали почтовую станцію, кровли окружающихъ ее саклей, и передъ нами мелькали привѣтные огоньки, когда пахнулъ сырой, холодный вѣтеръ, ущелье загудѣло и пошелъ мелкій дождь. Едва успѣлъ я накинуть бурку, какъ повалилъ снѣгъ.

Я съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на штабсъ-капитана. . . .

— Намъ прійдется здѣсь ночевать, сказалъ онъ съ досадою: въ такую мятель черезъ горы не переѣдешь. Что? — были ль обвалы на Крестовой? — спросилъ онъ у извощика.

— „Не было, господинъ,“ — отвѣчалъ Осетинъ-извощикъ: „а виситъ много, много“.

За неимѣніемъ комнаты для проѣзжающихъ на станціи, намъ отвели ночлегъ въ дымной саклѣ. Я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чаю, ибо со мной былъ чугунный чайникъ — единственная отрада моя въ путешествіяхъ по Кавказу.

Сакля была прилѣплена однимъ бокомъ къ скалѣ; три скользкія, мокрыя ступени вели къ ея двери. Ощупью вошелъ я и наткнулся на корову (хлѣвъ у этихъ людей замѣняетъ лакейскую . Я не зналъ, куда дѣваться: тутъ блеютъ овцы, тамъ ворчитъ собака. Къ счастію, въ сторонѣ блеснулъ тусклый свѣтъ и помогъ мнѣ найти другое отверзтіе на подобіе двери. Тутъ открылась картина довольно занимательная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. По срединѣ трещалъ огонекъ, разложенный на землѣ, и дымъ, выталкиваемый обратно вѣтромъ изъ отверзтія въ крышѣ, разстилался вокругъ такою густой пеленою, что я долго не могъ осмотрѣться; у огня сидѣли двѣ старухи, множество дѣтей и одинъ худощавой Грузинъ, всѣ въ лохмотьяхъ. Нечего было дѣлать, мы пріютились у огня, закурили трубки, и скоро чайникъ зашипѣлъ привѣтливо.

„Жалкіе люди!“ сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые, молча, на насъ смотрѣли въ какомъ-то остолбенѣніи.

— Преглупый народъ! — отвѣчалъ онъ. Повѣрите ли? — ничего не умѣютъ, не способны ни къ какому образованію! Ужъ по крайней мѣрѣ наши Кабардинцы или Чеченцы, хотя разбойники, голыши, за то отчаянныя башки, а у этихъ и къ оружію ни какой охоты нѣтъ: порядочнаго кинжала ни на одномъ не увидишь. Ужъ подлинно Осетины!

„А вы долго были въ Чечнѣ!“

— Да, я лѣтъ десять стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго Брода, — знаете?

„Слыхалъ."

— Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы: Нынче, слава Богу, смирнѣе; а бывало, на сто шаговъ отойдешь за валъ, ужъ гдѣ нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зазѣвался, того и гляди — либо арканъ на шеѣ, либо пуля въ затылкѣ. А молодцы! . . .

„А, чай, много съ вами бывало приключеній?" — сказалъ я, подстрекаемый любопытствомъ.

— Какъ не бывать! — бывало. . .

Тутъ онъ началъ щипать лѣвой усъ, повѣсилъ голову и призадумался. Мнѣ страхъ хотѣлось вытянуть изъ него какую нибудь исторійку, — желаніе, свойственное всѣмъ путешествующимъ и записывающимъ людямъ. Между тѣмъ чай поспѣлъ: я вытащилъ изъ чемодана два походные стаканчика, налилъ и поставилъ одинъ передъ нимъ. Онъ отхлебнулъ и сказалъ, какъ будто про себя: „да бывало!" — Это восклицаніе подало мнѣ большія надежды. Я знаю, старые Кавказцы любятъ поговорить, поразсказать; имъ такъ рѣдко это удается: другой лѣтъ пять стоитъ гдѣ нибудь въ захолустьѣ съ ротой, и цѣлыя пять лѣтъ ему никто не скажетъ здравствуйте (потому что фельдфебель говоритъ: здравія желаю). А поболтать было бы о чемъ: кругомъ народъ дикій, любопытный: каждый день опасность; случаи бываютъ чудные, и тутъ по неволѣ пожалѣешь о томъ, что у насъ такъ мало записываютъ.

„Не хотите ли подбавить рому?" — сказалъ я моему собесѣднику: „у меня есть бѣлый изъ Тифлиса; теперь холодно."

— Нѣтъ-съ, благодарствуйте, не пью.

„Что такъ?"

— Да такъ. Я далъ себѣ заклятье. Когда я былъ еще подпоручикомъ, разъ, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сдѣлалась тревога; вотъ мы и вышли передъ фрунтъ на-веселѣ, да ужъ и досталось намъ, какъ Алексѣй Петровичь узналъ: не дай Господи, какъ онъ разсердился! — чуть, чуть не отдалъ подъ судъ. Оно и точно: другой разъ цѣлый годъ живешь,

никого не видишь, да какъ тутъ еще водка, — пропадшій человѣкъ.

Услышавъ это, я почти потерялъ надежду.

Да вотъ хоть Черкесы, продолжалъ онъ, какъ напьются бузы на свадьбѣ или на похоронахъ, такъ и пошла рубка Я разъ на-силу ноги унесъ, а еще у мирнаго князя былъ въ гостяхъ.

„Какъ же это случилось?“

Вотъ (онъ набилъ трубку, затянулся и началъ разсказывать), вотъ изволите видѣть, я тогда стоялъ въ крѣпости за Терекомъ съ ротой — этому скоро пять лѣтъ Разъ, осенью, пришелъ транспортъ съ провіантомъ; въ транспортѣ былъ офицеръ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти. Онъ явился ко мнѣ въ полной формѣ и объявилъ, что ему велѣно остаться у меня въ крѣпости. Онъ былъ такой тоненькій, бѣленькій, на немъ мундиръ былъ такой новенькій, что я тотчасъ догадался, что онъ на Кавказѣ у насъ недавно. „Вы вѣрно“ — спросилъ я его — „переведены сюда изъ Россіи?“ — Точно такъ, господинъ штабсъ-капитанъ, отвѣчалъ онъ. — Я взялъ его за руку и сказалъ: „Очень радъ, очень радъ. Вамъ будетъ немножко скучно . . . ну, да мы съ вами будемъ жить по-пріятельски. Да, пожалуйста, зовите меня просто Максимъ Максимычъ, и пожалуйста — къ чему эта полная форма? — приходите ко мнѣ всегда въ фуражкѣ.“ Ему отвели квартиру, и онъ поселился въ крѣпости.

„А какъ его звали?“ — спросилъ я Максима Максимыча.

— Его звали . . . . Григорьемъ Александровичемъ Печоринымъ. Славный былъ малый, смѣю васъ увѣрить; только немножко страненъ. Вѣдь, на-примѣръ, въ дождикъ, въ холодъ, цѣлый день на охотѣ, всѣ иззябнутъ, устанутъ, — а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ, вѣтеръ пахнетъ, — увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ — онъ вздрогнетъ и поблѣднѣетъ: а при мнѣ ходилъ на кабана одинъ на одинъ; бывало, по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, за то ужъ иногда, какъ начнетъ разсказывать, такъ животики надорвешь со смѣха. . . . Да-съ, съ большими странностями, и должно быть

богатый человѣкъ: сколько у него было разныхъ дорогихъ вещицъ! . . .»

„А долго онъ съ вами жилъ?“ — спросилъ я опять.

— Да съ годъ. Ну да ужъ за то памятенъ мнѣ этотъ годъ; надѣлалъ онъ мнѣ хлопотъ, не тѣмъ будь помянутъ. Вѣдь есть, право этакіе люди, у которыхъ на роду написано, что съ ними должны случаться разныя необыкновенныя вещи!

Лермонтовъ.

22. Московская чума.

(Изъ романа Козьма Рощинъ.)

Тысяча-семь-сотъ-семьдесятъ первый годъ памятенъ для Московскихъ жителей: онъ былъ однимъ изъ самыхъ тяжкихъ годовъ для нашей древней столицы; и теперь еще старики, разсказывая про былое, говорятъ: »это случилось года два до Москоской чумы; это было въ самый чумный годъ.« Выражаясь такимъ образомъ, они увѣрены, что опредѣляютъ съ большею точностью время происшествія. До сихъ поръ Московскіе старожилы вспоминаютъ съ ужасомъ объ этой »годинѣ бѣдствія«, съ которой, по словамъ ихъ, едва ли можетъ сравниться Французскій »погромъ« 1812 года. Я почти согласенъ съ этимъ: въ 1812 году, смотря на необъятное пепелище Москвы, на тысячи разрушенныхъ и сгорѣвшихъ домовъ, вы могли думать, что тѣ, которые въ нихъ жили, зажгли ихъ собственной своей рукою; что они утратили часть своего достоянія, но спаслись сами и, можетъ быть, спасли симъ пожертованіемъ славу, могущество и самобытность своей родины. Эта утѣшительная мысль, эта мысль, возвышающая душу, накидывала какой-то очаровательный покровъ на развалины Москвы; вы смотрѣли не съ горемъ, но съ благоговѣніемъ и гордостью на эти священныя груды камней, на эту обширную могилу враговъ Россіи. Пусть скажетъ тотъ, кто вскорѣ по изгнаніи Французовъ былъ въ Москвѣ, не была ли эта мысль для него ангеломъ-утѣшите-

лемъ даже и тогда, когда онъ сидѣлъ на развалинахъ собственнаго своего дома?

Въ 1771 году Москва не горѣла, по улицамъ не дымились остовы домовъ: дома стояли по прежнему на своихъ мѣстахъ; но эти заколоченныя двери, забитыя досками окна, эти вывѣски смерти — красные кресты на воротахъ зачумленныхъ домовъ — котрые, какъ два ряда огромныхъ гробовъ, тянулись по обѣимъ сторонамъ улицы, — не во сто ли разъ ужаснѣе всякаго пожара? Прибавьте къ тому почти совершенное безначаліе, безмолвіе могильное въ предмѣстіяхъ, неистовые крики бунтующей черни въ срединѣ города, — этой безумной толпы, которая упившись кровію тѣхъ, кои заботились о ея же спасеніи, грабила, разбивала кабаки и устилала своими зараженными трупами опустѣлыя улицы Москвы. Представьте себѣ все это и вы вѣрно согласитесь, что бѣдствіе 1771-го года было гораздо тяжелѣе для Московскихъ жителей, чѣмъ то, которое въ 1812 году сдѣлалось началомъ, а, можетъ быть, и главной причиною спасенія всей Европы.

Восточная чума, которую простой народъ такъ выразительно називаетъ моромъ, показалась въ Москвѣ еще въ 1770 году, она свирѣпствовала тогда въ Молдавіи и Валахіи, гдѣ въ то время расположены были наши войска. Частыя сообщенія Московскихъ жителей съ дѣйствующею арміею, вѣроятно, были причиною появленія язвы сначала въ Малороссіи, а потомъ и въ самой Москвѣ. Мѣры, принятыя начальствомъ, казалось, прекратили ее совершенно; но въ слѣдующемъ, то есть въ 1771 году, въ мартѣ мѣсяцѣ она открылась снова и усилилась до того, что въ сентябрѣ число ежедневно умиравшихъ доходило до тысячи человѣкъ. Всѣ старанія для прекращенія моровой язвы были безуспѣшны.

Чернь негодовала на учрежденіе карантинныхъ домовъ, запечатаніе бань, а болѣе всего на запрещеніе погребать умирающихъ при городскихъ церквахъ. Въ смутныя времена обманщики и плуты всегда пользуются легковѣріемъ народнымъ. Одинъ фабричный изъ суконнаго двора началъ разглашать, будто бы видѣлъ во снѣ, что это бѣдствіе постигло Москву за то, что никто не только не пѣлъ молебна, но даже и свѣчи не хотѣлъ поста-

вить образу Божiей Матери, находящемуся у Варварскихъ воротъ Не смотря на нелѣпость этой сказки, или, лучше сказать, потому именно, что въ ней все противорѣчило истинной вѣрѣ и здравому смыслу, безумная чернь кинулась толпою къ Варварскимъ воротамъ, начались безпрерывные молебны, здоровые и больные стекались со всѣхъ концевъ Москвы, заражали другъ друга и разнося смерть по домамъ своимъ, гибли цѣлыми семействами.

Въ это-то бѣдственное время, рано по утру, 15 сентября, тащилась шагомъ по большой Ярославской дорогѣ телега, запряженная тройкою лошадей; въ ней сидѣлъ купецъ въ синемъ кафтанѣ тонкаго сукна, сверхъ котораго наброшена была дорогая лисья шуба. Съ перваго взгляда на его бѣлую какъ снѣгъ бороду и высокiй лобъ, покрытый морщинами, можно было подумать, что онъ доживаетъ осьмой десятокъ; но жизнь, которая горѣла въ его глазахъ, по временамъ грустныхъ и задумчивыхъ, его прямой и видный станъ, не совсѣмъ поблекшiя щеки, все доказывало, что не лѣта, а горе провело эти глубокiя морщины на лицѣ и покрыло преждевременной сѣдиною его голову.

— Вотъ ужъ солнышко и пригрѣвать стало, сказалъ проѣзжiй, спуская съ плечъ свою шубу — Эй, другъ сердечный! — продолжалъ онъ, обращаясь къ ямщику: ты ужъ версты четыре ѣдешь шагомъ. Не пора ли рысцой?

— Постой, хозяинъ, отвѣчалъ ямщикъ: выберемся на горку, такъ и рысью поѣдемъ. Да что ты больно торопишься? Теперь всѣ наровятъ изъ Москвы, а въ Москву охотниковъ мало.

— А ты давно ли былъ въ Москвѣ? — спросилъ купецъ

— Да вотъ ономнясь, дней пятокъ назадъ, возилъ Ростовскаго купца.

— Ну, что, полегче ли тамъ стало?

— Куда легче! Такой моръ, что и сказать нельзя! Такъ, слышь ты, варомъ и варитъ. Гробовъ не успѣваютъ дѣлать

— Боже мой! Боже мой! — прошепталъ купецъ: не накажи меня по грѣхамъ моимъ!

— Прогнѣвали мы Господа, продолжалъ ямщикъ. А слышалъ ли ты, хозяинъ: на Варварскихъ воротахъ явился образъ Боголюбской Божіей Матери?

— Нѣтъ, не слышалъ.

— Я въ прошлый разъ ходилъ самъ ему свѣчу поставить. Господи Боже мой, народу-то, народу! .. Такъ другъ друга и давятъ! А, говорятъ, стали мереть пуще прежняго

— И не диво, любезный! Вѣдь эта болѣзнь пристаетъ. — Ну, теперь дорога пошла подъ горку продолжалъ купецъ. Пріударь-ка, голубчикъ!

— Погоди хозяинъ! Выберемся изъ этого села, такъ поѣдемъ; вишь, по улицѣ-то грязь какая; вовсе дороги нѣтъ

Проѣзжіе въѣхали въ село Пушкино Кой-гдѣ лаяли тощія собаки и заморенные голодомъ телята бродили по улицѣ; но нигдѣ не слышно было голоса человѣческаго, ни одна труба не дымилась: все было мертво и тихо, какъ въ глубокую полночь

— Что это, любезный? — спросилъ купецъ. Иль еще по домамъ всѣ спятъ? Кажись солнышко высоко.

— Какой спятъ! — отвѣчалъ ямщикъ, покачивая головою. Все Пушкино вымерло.

— Возможно ли! Не ужели всѣ до одного?

— Всѣ, отъ мала до велика; во всемъ селѣ живой души не осталось.

— Всѣ до одного! — повторилъ купецъ въ полголоса. Быть можетъ, въ этой избѣ дня три тому назадъ отецъ любовался своей семьею . . . . мать нянчила дѣтей своихъ. . .

— А теперь, перервалъ ямщикъ, и воротъ-то притворить не кому; тутъ жилъ мой кумъ Ѳаддей, мужикъ богатый, а семья-то какая была! Шестеро сыновей, молодецъ къ молодцу. Недѣли двѣ тому назадъ всѣ были здоровехоньки; а какъ въ послѣдній разъ я проѣзжалъ, такъ, гляжу, горемычный старикъ одинъ какъ перстъ сидитъ на завалинкѣ. Онъ что-то хотѣлъ мнѣ сказать въ догонку, да вдругъ покатился, застоналъ и тутъ же при мнѣ Богу душу отдалъ.

Миновавъ длинный порядокъ крестьянскихъ дворовъ, проѣзжіе стали приближаться къ деревенской околицѣ. Изъ крайней избы, высунувшись до поло-

вины въ окно, смотрѣла на улицу крестьянская баба, повязанная бѣлымъ платкомъ.

— Слава тебѣ, Господи! сказалъ проѣзжій: на силу-то увидѣли живаго человѣка.

Ямщикъ покачалъ головою.

— Да развѣ ты ослѣпъ? — продолжалъ купецъ: вонъ, въ крайней-то избѣ!

— Вижу хозяинъ; да она ужъ пятые сутки смотритъ изъ окна. Видно, голубушка, хотѣла передъ смертью взглянуть на свѣтъ Божій. Сердечная! . . . и прибрать-то ее некому.

Купецъ невольно содрогнулся, когда они поровнялись съ избою, изъ которой выглядывала эта ужасная хозяйка. Онъ закрылъ руками глаза, чтобъ не видѣть ея обезображеннаго и покрытаго черными пятнами лица, на которомъ замерло выраженіе нестерпимой муки и адскаго страданія.

Когда проѣзжіе выѣхали изъ села, ямщикъ тронулъ лошадей и поѣхалъ небольшой рысцою.

— Да прибавь немного ходу! — сказалъ купецъ: этакъ мы цѣлый день протащимся.

— Какъ еще ѣхать-то: пробормоталъ извощикъ, пошевеливая вожжами. И куда спѣшить, хозяинъ? Вѣдь не на радость ѣдешь.

— Почему ты это знаешь? — спросилъ торопливо купецъ.

— Да что теперь веселаго въ Москвѣ?

— У меня тамъ жена и дѣти.

— Вотъ что! — Да постой-ка, продолжалъ ямщикъ, оборачиваясь къ своему сѣдоку: никакъ ты Московскій гость, Ѳедоръ Абрамычъ Сибиряковъ;

— Да, это я.

— То-то, я слышу, голосъ знакомъ. Ахъ, ты Господи, Боже мой, на силу призналъ!

— Да почему ты меня знаешь?

— Какъ не знать! Я прошлую осень возилъ тебя со всей семьею въ Ростовъ. Вѣдь у тебя свой домъ на Варваркѣ, въ приходѣ Максима Исповѣдника! Такія знатныя каменныя палаты.

— Постой, постой! — сказалъ купецъ: а тебя не Андреемъ ли зовутъ?

— Андреемъ, батюшка. Я и сожительницу и дѣтокъ твоихъ знаю. Ну, ужъ хозяюшка у тебя, что

за добрый человѣкъ! Дай Богъ ей много лѣтъ здравствовать! И двѣ дочки, нечего сказать, такія ласковыя, пригожія. . . . Вотъ сынокъ-то у тебя. . . .

У меня нѣтъ сына.

— А кто жъ это былъ съ вами? Такъ, парнишка рыженькій, некашный собою. Терешой зовутъ?

— Это мой пріемышъ.

— Да на что жъ тебѣ пріемышъ, коли у тебя свои родныя дочки есть?

— Я взялъ его тогда, когда еще у меня дѣтей не было.

— Вотъ что! Ну, не погнѣвайся хозяинъ: навязалъ ты на себя лихую болѣсть! Вѣдь этотъ пострѣлъ Тереша вовсе озарникъ. Да какой злющій!... Помнишь въ Большихъ Мытищахъ мы остановились дать вздохнуть лошадямъ. Вы пошли чайку напиться, а я забѣжалъ на царское кружало винца хлѣбнуть. Что жъ ты думаешь этотъ рыжій безъ меня надѣлалъ? Возьми, да и разнуздай потихоньку всѣхъ лошадей! Еще хорошо, что я спохватился, а то бѣда, да и только. Кони у меня лихіе, косточки бы живой не оставили. Вотъ я сталъ на него браниться, такъ онъ же, чертенокъ, лукнулъ въ меня камнемъ, да чуть-чуть глазъ не вышибъ.

— Да! — сказалъ со вздохомъ купецъ: видно, по грѣхамъ наказалъ меня Господь.

— И, хозяинъ! Да что онъ родной что ль тебѣ? На порогъ, да и въ шею!

— Нѣтъ, другъ сердечный; когда Господь Богъ и отъ меня, окаяннаго грѣшника, не вовсе еще отступился, такъ мнѣ ли покинуть безъ призрѣнья этого круглаго сироту! Прійдется терпѣть отъ него горе: что дѣлать, любезный! Видно, на это была воля Божія; и если бы только Господь помиловалъ жену мою и дѣтей. . . .

— Не бойсь, хозяинъ перервалъ ямщикъ; авось все ладно будетъ; Богъ милостивъ. . . . Ну, вотъ теперь дорога пойдетъ скатерью; потѣшить что ль твою милость?

— Пожалуйста, любезный! Поспѣешь въ Москву къ обѣднямъ, такъ я тебѣ рубль на водку дамъ.

— Спасибо, хозяинъ! Да крѣпка ли у тебя повозка-то! — сказалъ ямщикъ, подбирая вожжи. Эй вы,

други! — Смотри, Өедотъ Абрамычъ, держись! — продолжалъ онъ, вытаскивая изъ-за пояса свой ременный кнутъ. Ну что стали? . . . Ударю! Эй ты, сѣрко, замялся! али ножки болятъ?

Удалой ямщикъ свистнулъ, гаркнулъ, и телѣга вихремъ помчалась по широкой дорогѣ. Тарасовка, Большія Мытищи, Ростокино, село Алексѣевское, съ своимъ царскимъ домомъ и зеркальными прудами, замелькали мимо проѣзжихъ, и благовѣстъ еще не начинался въ городѣ, когда ямщикъ, осадивъ съ трудомъ свою лихую тройку, остановился близь креста у Троицкой заставы. Къ нимъ подошелъ, какъ будто не-хотя, старый инвалидъ и узнавъ, что купецъ ѣдетъ изъ »благополучнаго« города Ярославля, безъ дальнихъ распросовъ отворилъ рогатку. — »Ну, счастливъ ты, хозяинъ!« — сказалъ ямщикъ, тронувъ лошадей: »меня въ прошлый разъ отъ самыхъ полудень подержали за рогаткою почитай вплоть до вечерень; распросовъ-то сколько было! . . «

— А вотъ обозъ, что передъ нами идетъ, сказалъ купецъ; его вовсе не остановили.

— Да, да! — подхватилъ ямщикъ. Что за притча такая?

— Видно, любезный и караулить-то ужъ некому, нашу матушку Москву.

— Что ты, хозяинъ! Мало ли здѣсь всякихъ командъ? Однихъ выборныхъ да десятскихъ тма тмущая. Нѣтъ, знать, въ Москвѣ-то полегче стало.

— Дай-то Господи! — произнесъ съ глубокимъ вздохомъ купецъ.

— Обозъ, который ѣхалъ передъ проѣзжими, вдругъ сталъ торопливо сворачивать въ сторону, и впереди раздался отвратительный, сиповатый голосъ: »сворачивай проворнѣй! господа ѣдутъ.« Въ одну минуту вся середина улицы опустѣла, и купецъ увидѣлъ передъ собою такой страшный поѣздъ, что сердце его оледенѣло отъ ужаса. Къ заставѣ тянулся длинный рядъ роспусковъ, нагруженныхъ гробами; нѣкоторые изъ нихъ были такъ плохо сколочены, что, казалось, при каждомъ потрясеніи готовы были развалиться; иные были даже вовсе безъ крышъ, и безобразные, едва прикрытые цыновками, трупы выглядывали изъ нихъ на проходящихъ. Живые люди,

которые окружали эту похоронную процессію, показались проѣзжему еще ужаснѣе самыхъ мертвецовъ, не потому, что они были одѣты какими-то пугалами, въ вощаные балахоны и колпаки, но ихъ пьяныя, развратныя физіогноміи, ихъ звѣрскія лица, ихъ безумный хохотъ при видѣ проѣзжихъ, которые торопились сворачивать съ дороги, — все придавало имъ видъ настоящихъ демоновъ. Нѣсколько поодаль шли гарнизонные солдаты съ ружьями и ѣхалъ полицейскій чиновникъ верхомъ.

— О, Господи! — сказалъ купецъ: что это за люди!... Въ нихъ нѣтъ и образа человѣческаго.

— Развѣ не видишь, хозяинъ, что они въ кандалахъ? — перервалъ ямщикъ. Это разбойники.

— Разбойники? — повторилъ робкимъ голосомъ купецъ.

— Ну, да. Сначала вывозили покойниковъ за городъ казенные погонщики; да больно стали мереть, такъ теперь наряжаютъ изъ острога колодниковъ.

— Эй, ты, хозяинъ! — закричалъ одинъ каторжный; почни кубышку-то, дай что нибудь! Не чѣмъ помянуть покойниковъ.

— Да полно, не скупись! — примолвилъ другой. Вѣдь завтра, можетъ статься, и тебя туда же потащимъ.

Купецъ бросилъ имъ горсть мелкихъ денегъ; всѣ разбойники, какъ голодныя собаки, кинулись подбирать мѣдные гроши; одинъ только колодникъ, аршинъ трехъ росту, не подражалъ ихъ примѣру. Онъ стоялъ неподвижно на своемъ мѣстѣ и смотрѣлъ на купца.

— Ну, что ты, Каланча, глаза-то выпучилъ! — закричалъ одинъ изъ его товарищей. Иль захотѣлъ плети отвѣдать? Ступай!

— Проѣзжай скорѣй, любезный, — шепнулъ купецъ: на этихъ людей глядѣть-то страшно!

— Поживешь здѣсь денька два, такъ привыкнешь, — пробормоталъ ямщикъ, погоняя лошадей.

Они проѣхали отъ заставы до самой Сухаревой Башни, не встрѣтивъ ни одного прохожаго. Мертвая тишина, изрѣдка прерываемая глухими воплями, которые проникали сквозь стѣны домовъ; кой-гдѣ на церковныхъ погостахъ окостенѣлые трупы нищихъ; заколоченныя двери, окна съ выбитыми стеклами и

вездѣ, почти на каждомъ шагу, красные кресты на воротахъ. За Сухаревой Башней проѣзжіе стали обгонять сначала людей, идущихъ по одиначкѣ, потомъ цѣлыя толпы мужчинъ и женщинъ, и когда, выѣхавъ къ Никольскимъ Воротамъ, поворотили на-лѣво, мимо городской стѣны, то должны были безпрестанно останавливаться, чтобъ не передавить народа.

— Смотри-ка, хозяинъ, сказалъ ямщикъ, какъ всѣ православные бѣгутъ помолиться Боголюбской Божіей Матери! Глядь-ка, глядь! Вонъ тамъ у Варвàрскихъ Воротъ! . . . . Ахъ ты, Господи! Эва народу-то! Словно въ котлѣ кипятъ!

— Да что это? — сказалъ купецъ, прислушиваясь къ какимъ-то невнятнымъ звукамъ, которые какъ отдаленные перекаты грома, раздавались посреди безчисленной толпы народа; — это не походитъ на обыкновенный людской говоръ. . . . Слышишь, какъ кричатъ?

— Слышу, Ѳедоръ Абрамычъ. Въ прошлый разъ народу не меньше было, а такъ не шумѣли. . . . Ужъ не фабричные ли? . . .

— Избави, Господи! . . .

— А вотъ постой, хозяинъ, подъѣдемъ ближе, такъ увидимъ.

Не доѣзжая шаговъ триста до Варвáрскихъ Воротъ, проѣзжіе должны были остановиться. Все пространство между городской стѣны и приходской церкви Всѣхъ Святыхъ было усыпано народомъ.

— Ну, дѣлать нечего, сказалъ купецъ, вылѣзая изъ телѣги. Ступай назадъ; авось Ильинскими Воротами проѣдешь на Варварку, а я ужъ какъ нибудь добреду пѣшкомъ до дому.

Ямщикъ поворотилъ лошадей, а купецъ смѣшался съ народомъ, и попеременно, то продираясь медленно впередъ, то быстро увлекаемый бѣгущими толпами, очутился въ нѣсколько минутъ у самыхъ Варвàрскихъ Воротъ. Прежде всего кинулся ему въ глаза стоящій на высокой скамьѣ небольшаго росту человѣкъ съ растрепанными волосами, запачканный, оборванный, однимъ словомъ, похожій на убѣжавшаго изъ тьюрмы колодника; онъ кричалъ отъ времени до времени охриплымъ голосомъ: »порадѣйте, православные, Богоматери на всеміpную свѣчу!« Къ образу Боголюбской Божіей Матери, вдѣланному саженяхъ въ двухъ отъ земли

въ стѣну башни, приставлена была лѣстница; народъ лѣзъ по ней безпрерывно вверхъ; одни прикладывались, другіе ставили свѣчи; нижніе цѣплялись за верхнихъ, сталкивали ихъ внизъ, падали сами; ихъ топтали въ ногахъ, давили; клятвы, крики, женскій визгъ, стоны умирающихъ — все заглушалось общимъ ропотомъ народа, который волновался и шумѣлъ, какъ бурное море. Прислушиваясь къ разговорамъ нѣкоторыхъ лицъ, пріѣзжій купецъ былъ пораженъ именемъ преосвященнаго Амвросія и намеками на опасность, угрожающую добродѣтельному пастырю. Онъ хотѣлъ узнать подробнѣе, въ чемъ дѣло; распрашивалъ многихъ; отвѣты были темны или заключались въ общихъ угрозахъ, и онъ не сталъ обращать на нихъ вниманія.

Когда толпа начала рѣдѣть, купецъ снова пошелъ впередъ. Миновавъ церковь Георгія Побѣдоносца, онъ выбрался на просторъ: позади его кипѣли толпы народа, но впереди вся улица была пуста, и только кой-гдѣ изъ оконъ домовъ выглядывали украдкою жены богатыхъ купцовъ, которые жили въ заперти и не смѣли выходить на улицу. Вдругъ купецъ, который шелъ скорыми шагами, остановился; онъ увидѣлъ вдали кровлю своего дома; сердце его сжалось, холодный потъ выступилъ на блѣдномъ лицѣ. До этой рѣшительной минуты онъ не вовсе былъ несчастливъ: онъ могъ надѣяться, могъ думать: »у меня есть жена, у меня есть дѣти!« Но теперь . . . . еще нѣсколько шаговъ, еще полминуты — и быть можетъ, онъ давно уже одинъ въ цѣломъ мірѣ; горькій сирота съ сѣдыми волосами, быть можетъ, онъ станетъ искать и не найдетъ могилы, надъ которою могъ бы поплакать. »Милосердый Боже!« — прошепталъ бѣдный старикъ: »не мнѣ просить Тебя о милости; но чтобъ искупить ихъ жизнь, нашли на меня болѣзни, страданія, дозволь мнѣ живому лечь въ могилу, и я стану прославлять Твое милосердіе!«

Въ эту самую минуту оборванный и безобразный собою мальчишка, который бѣжалъ оглядываясь безпрестанно назадъ, наткнулся на купца.

— Тереша! — вскричалъ онъ, схвативъ его за руку; ты ли это?!

— Вѣстимо я, — пробормоталъ мальчишка, стараясь вырваться.

— Да постой! Куда ты бѣжишь?! . . Ну что, скажи: все ли у насъ здорово? Что моя жена? . . . что дочери?

— А что имъ дѣлается! — сказалъ мальчикъ, поглядывая съ нетерпѣніемъ впередъ.

— Такъ онѣ живы!

— А кто ихъ знаетъ!

— Да развѣ ты живешь не съ ними?

— Вѣстимо нѣтъ! Мнѣ колотушки-то надоѣли. . . Да пусти меня!

— Возможно ли! вскричалъ купецъ; ты покинулъ мой домъ!? Да какъ ты смѣлъ. . . .

— А вотъ какъ! — сказалъ мальчикъ, высвободивъ свою руку и пускаясь бѣгомъ къ Варварскимъ Воротамъ.

— Онъ живъ! — прошепталъ купецъ, глядя въ слѣдъ за своимъ пріемышемъ. А быть можетъ, этотъ ангелъ во плоти, жена моя, мои дѣти. . . . О, скорѣй! продолжалъ онъ, торопясь идти впередъ; что будетъ, то будетъ; а лучше одинъ конецъ!

И вотъ ужъ онъ подлѣ своего дома; глядитъ: ставни заперты, двери съ улицы заколочены досками; онъ спѣшитъ къ воротамъ. Праведный Боже! На нихъ красный крестъ! . . . Но кажется? . . . Такъ точно: на дворѣ залаяла собака. Такъ, домъ не совсѣмъ еще покинутъ! Купецъ стучитъ въ калитку — отвѣту нѣтъ; одна лишь собака, почуявъ хозяина, лаетъ пуще прежняго. Проходитъ нѣсколько минутъ — все та же мертвая тишина. Вотъ, въ сосѣднемъ домѣ медленно отворилось окно, и человѣкъ съ блѣднымъ, больнымъ лицемъ сказалъ купцу:

— Не стучи, любезный; въ этомъ домѣ никого нѣтъ.

— Никого, — повторилъ бѣдный старикъ прерывающимся голосомъ; — а хозяйка дома?

— Третій день, какъ умерла.

— А ея дочери?

— Вчера послѣднюю отвезли на кладбище.

— Послѣднюю!! .. прошепталъ купецъ.

Онъ прислонился къ стѣнѣ своего дома. Несчастный не лишился памяти: онъ чувствовалъ, онъ

поминалъ, что у него нѣтъ ни жены, ни дѣтей. Есть горе, которое мы, Богъ знаетъ по чему, называемъ горемъ: оно не имѣетъ и не можетъ имѣть имени на языкѣ человѣческомъ. Это чувство непродолжительно, какъ послѣдній вздохъ умирающаго; но полжизни безпрерывныхъ болѣзней, цѣлый вѣкъ страданій тѣлесныхъ ничто предъ этой минутной смертію души. Старикъ сирота молчалъ; въ глазахъ его не было слезъ, въ груди ни одного вздоха; онъ взглянулъ на небеса; они были ясны, чисты, но также безотвѣтны, также мертвы, какъ душа его. Ему казалось, что кто-то шепталъ надъ его ухомъ: »не стучись и тамъ старикъ; и тамъ тебѣ никто не откликнется«. Безжизненные взоры купца остановились на притворѣ церкви, противъ которой онъ находился Вдругъ они вспыхнули. »И такъ,« — вскричалъ онъ, заскрежетавъ зубами, — »ни раскаяніе, ни теплыя молитвы, ни кровавыя слезы мои, ничто не могло смягчить Тебя!« Въ эту минуту кто-то вышелъ изъ церкви; въ ней служили молебенъ, и черезъ растворенныя двери послышались тихіе голоса; на клиросѣ пѣли: »Царю Небесный, утѣшителю, душе истины!« Слова отчаянія замерли на устахъ купца, кроткое смиреніе, какъ благотворный дождь, пролилось въ его душу, слезы брызнули изъ глазъ и онъ упалъ въ прахъ предъ карающей десницею своего Господа.

Усердная молитва облегчила сердце несчастнаго. Онъ чувствовалъ всю великость своей потери; онъ могъ сказать: »Прискорбна есть душа моя даже до смерти«, но не роптал уже на Того, Кто даетъ и отнимаетъ. »Да будетъ Твоя святая воля!« — сказалъ онъ, устремивъ глаза на икону Спасителя, которая висѣла надъ притворомъ церкви. „Твой праведный судъ свершился надо мною, Ты видишь мои страданія. — Господи; Господи! примирился ль я съ Тобою?«

Скоро нагрянула толпа людей, шедшихъ отъ Варварскихъ Воротъ, и онъ услышалъ снова имя Амвросія. Купецъ задрожалъ; онъ сталъ страшиться за безопасность почитаемаго архипастыря, котораго зналъ лично.

Съ горестью въ сердцѣ должны мы упомянуть здѣсь о происшествіи, котораго ужасъ не позволяетъ намъ раскрыть всѣ подробности.

Кромѣ бѣдствій, которыя претерпѣла Москва въ это время, ей суждено было еще прибавить черную страницу къ своимъ лѣтописямъ. Ужасное злодѣяніе совершилось въ ея стѣнахъ: архіепископъ Амвросій палъ, какъ извѣстно, подъ ножемъ шайки гнусныхъ злоумышленниковъ. Накинемъ скорѣе завѣсу на это святотатственное событіе, о которомъ Московскіе старожилы доселѣ не могутъ вспомнить безъ содроганія, и скажемъ только, какое участіе принималъ въ немъ нашъ пріѣзжій купецъ панскаго ряда, Ѳедотъ Абрамовичъ Сибиряковъ.

Удостовѣрившись въ дѣйствительности замысла злодѣевъ, этотъ несчастный человѣкъ рѣшился спасти Амвросія. На другой день, 16 сентября, рано по-утру онъ поскакалъ въ Донской монастырь, гдѣ тогда жилъ архіерей. Онъ засталъ у воротъ обители одного молодаго послушника и келейника Амвросіева и требовалъ отъ нихъ настоятельно, чтобы они убѣдили достойнаго пастыря тотчасъ уѣхать подальше отъ Москвы. Преосвященный не успѣлъ еще выполнить его совѣта, какъ уже убійцы были у воротъ монастыря. Онъ искалъ убѣжища въ церкви Злодѣи вломились въ храмъ, и тотъ самый пріемышъ Сибирякова, змѣя, воплощенная въ человѣческомъ тѣлѣ, открылъ его на хорахъ и указалъ разъяреннымъ изувѣрамъ. Разбойники стащили преосвященнаго съ хоръ. Одинъ изъ нихъ, въ которомъ Сибиряковъ узналъ фабричнаго, собиравшаго у Варварскихъ Воротъ деньги, «на всемірную свѣчу», бѣсновался болѣе другихъ. Истощивъ всѣ бранныя слова, онъ заносилъ уже широкій ножъ надъ грудію жертвы. Сибиряковъ схватилъ его за руку и остановилъ ударъ.» А этотъ что вступается?« — заревѣли кругомъ голоса разбойниковъ; — »бейте его!« — »Что вы, братцы!?« — принужденъ былъ сказать купецъ! — »вѣдь я съ вами! Пригожее ли дѣло осквернять храмъ Господень? Выведемъ его изъ монастыря, а тамъ допросимъ, увидимъ . . .» — »Правда, правда!« — вскричали разбойники: — »вѣдь онъ не уйдетъ!« Сибиряковъ надѣялся, что онъ между тѣмъ успѣетъ усовѣстить извергОвъ; но всѣ его усилія были тщетны. Амвросій погибъ. Злоумышленники не избѣгли заслуженнаго наказанія. Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ, единственный тогда начальникъ въ Москвѣ, успѣлъ

собрать нѣсколько ротъ Великолуцкаго полка, который стоялъ верстахъ въ тридцати отъ города, и, при помощи этой горсти солдатъ, разсѣялъ скопище и переловилъ зачинщиковъ. Вслѣдъ за этимъ прибылъ въ Москву главнокомандующій, графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, гражданскій губернаторъ Юшковъ и оберъ-полицмейстеръ Бахметьевъ. Вскорѣ спокойствіе было совершенно возстановлено и учреждена особая коммиссія для произведенія слѣдствія объ убіеніи архіепископа Амвросія.

Затоскинъ.

23. Постоялый дворъ.

Кузьма Петровичь вошелъ въ избу. За столомъ, подъ образами сидѣлъ мужчина лѣтъ пятидесяти; на немъ былъ надѣтъ на распашку овчинный Калмыцкій тулупъ, крытый китайкою. Красный шейный платокъ лежалъ передъ нимъ на столѣ, вмѣстѣ съ огромными томпаковыми часами и табачнымъ въ серебряной оправѣ рожкомъ изъ черной кости. Этотъ проѣзжій по виду казался человѣкомъ сильнымъ и здоровымъ; полное, румяное лицо его выражало безпечную веселость, простодушіе и доброту. Когда Козьма Петровичь вошелъ въ избу, проѣзжій, окончивъ свой обѣдъ, запивалъ его чаркою водки, которая въ дорожной флягѣ стояла подлѣ него на скамьѣ. Онъ очень вѣжливо размѣнялся поклономъ съ Мирошевымъ и, обратясь къ хозяину, который также вошелъ въ избу, сказалъ: — »Ну что, старина, слуга мой поѣлъ?« — »Поѣлъ, батюшка,« — отвѣчалъ хозяинъ. — „А ямщикъ управился?« — »Сей часъ станетъ впрягать: повелъ лошадей поить.«

— „Добре! . . . А за мой обѣдъ что?«

— »Что батюшка, пожалуешь«

— »Эхъ, братецъ! терпѣть не могу вашего что пожалуешь! Говори толкомъ. Что тебѣ надобно?« — »Да что, кормилецъ.... Воля твоя, что пожалуешь!« —

»Охъ, вы большедорожники: съ вами ничего не льзя безъ уговора. Что пожалуешь! — А самъ наровитъ взять въ-трое!« — »Что ты, батюшка! Да развѣ я нехристь какая? . . . Ужь и втрое!» — »А что, небось, только въ-двое? Ну говори же проворнѣе: что тебѣ за мой обѣдъ надобно?« — »Что пожалуешь.« — Фу, ты пропасть! Наладилъ одно да одно! Ну, слушай: я щей похлебалъ, бѣлужины поѣлъ, каши съ масломъ. . . . Ну, что за все?« — »Что пожалуешь« — »Постой же ты, старый хрѣнъ!» — вскричалъ проѣзжій, — »я тебя отучу говорить: что пожалуешь! — На вотъ тебѣ,« — продолжалъ онъ, вынимая изъ кармана мѣдную копейку; — »вотъ тебѣ за обѣдъ.« — Старикъ взялъ копейку, положилъ ее преспокойно въ свою мошну и отвѣсивъ низкой поклонъ, сказалъ: — »И тѣмъ довольны, батюшка!« — »Да что ты думаешь, я шучу что ль?« — спросилъ проѣзжій, взглянувъ съ удивленіемъ на хозяина. — Слышишь ли, я не дамъ тебѣ ни полушки больше этого?«

— „Слышу, кормилецъ!" — „Впередъ не говори: что пожалуешь. Ну что, на дворѣ-то какъ?" — „Да больно сиверко, батюшка; не по времени."

— „Намъ, кажется, ѣхать лѣсомъ?"

— „Какой лѣсъ, баринъ! . . . Такъ! — лѣсишка рѣденькой, прогонистой: кой-гдѣ деревцо. Вотъ около Москвы такъ лѣсу довольно; только баютъ — дорога такая, что не приведи Господи! И нырнешь въ ухабъ, такъ свѣту Божьяго не видно" — Торопиться же за-свѣтло пріѣхать въ Москву. „Поди-ка, хозяинъ, скажи, чтобъ мнѣ поскорѣе лошадей закладывали" Старикъ не трогался съ мѣста, пожимался и молча чесалъ у себя въ затылкѣ. — „Ну, чего дожидаешься?" — продлжалъ проѣзжій. — „Вѣдь мы съ тобою расквитались?" — „Не совсѣмъ еще кормилецъ," — сказалъ старикъ. — „Ты заплатилъ за обѣдъ, а за постой-то?"

— „За постой? . . . Ну, что ты хочешь?"

— „Полтинничекъ надо, баринъ."

— „Полтинничекъ! . . . Что ты, въ умѣ ли?"

— „Вѣстимо, батюшка, что и говорить — маленько! Надобно бы цѣлковенькой — да ужь такъ и быть! — Баринъ-то ты добрый! . . ."

— „Да я нигдѣ и съ обѣдомъ больше пятиалтыннаго не платилъ.“

— „Всяко бываетъ, батюшка, — каковъ уговоръ.“

— „И ты думаешь, что я заплачу?“ — „А коли не заплатишь, баринъ, такъ я и со двора не спущу.“ — „Не спустишь со двора!“ — вскричалъ проѣзжій, и глаза его засверкали.

— „Ахъ ты козлиная борода! Полтинникъ за постой!“ — „За что гнѣваться изволишь, господинъ честной?“ — продолжалъ спокойно старикъ. — „Вѣдь я не спорилъ съ тобой, какъ ты пожаловалъ мнѣ за обѣдъ копеечку? Ты со мной не уговаривался, а я за ѣду сказалъ тебѣ: что пожалуешь; такъ оба мы вольны: ты платить за обѣдъ что хочешь, а я брать за постой что мнѣ вздумается.“

Проѣзжій замолчалъ; на лицѣ его изобразилось по прежнему спокойствіе и безпечная веселость; онъ улыбнулся и сказалъ: — „Правда, правда! самъ сплоховалъ: . . . Ну, старина, поддѣлъ ты меня! . . . Нечего дѣлать! . . . На, вотъ тебѣ полтинникъ!“ — „Покорнѣйше благодарю, батюшка, дай Богъ тебѣ много лѣтъ здравствовать!“

— „Ну ужь вы подмосковные мужики! дать бы вамъ каждому жиденка по два на выучку, то-то бы пошла порода!“ — „И, кормилецъ! чему жидамъ у васъ учиться? Мы народъ простой, безграмотный!“

— „Добро, добро, старикъ, разсказывай! . . . нѣтъ, любезный, знаю я васъ! . . . Кто вашего брата проведетъ, тотъ двухъ дней не проживетъ.“ — „И, батюшка, гдѣ намъ! да насъ глупыхъ людей, походя всѣ обманываютъ.“ — „Да, какъ же, обманешь! нѣтъ, братъ, не даромъ есть поговорка: цыганъ надуетъ жидъ, жида обманетъ Русской мужикъ, а ужь Русскаго-то мужика самъ чертъ не проведетъ.“ — „Ахъ ты баринъ-батюшка, какой ты затѣйникъ!“

— „Ну, ступай, старинушка, ступай! скажи, чтобъ закладывали проворнѣй.“ — „Разомъ запрягутъ, кормилецъ, разомъ!“ — переминаясь по прежнему на одномъ мѣстѣ и почесывая въ головѣ. — „Ну, что жь ты нейдешь?“ — закричалъ проѣзжій, — „ступай!“ — „Да какъ же, батюшка!“ — промолвилъ старикъ съ низкимъ поклономъ; — „за постой ты изволилъ заплатить, а за тепло-то что?“ — „За тепло! . . . за

какое тепло?" — „А какъ же! за постой, батюшка, ты и лѣтомъ бы заплатилъ, а теперь зима."

— „Такъ что жь?" — Какъ что? . . . Вѣдь я избу-то не даромъ топлю; вѣдь у насъ дрова покупныя. Двугривенный надобно, кормилецъ." — „Двугривенный!" — повторилъ пріѣзжій, вставая. — „Эхъ баринъ, баринъ!" — продолжалъ спокойно хозяинъ, — „что тебѣ двугривенный! да я еще дешево попросилъ отъ твоей милости — промолвился!"

— „Ахъ ты ненасытная утроба! бездѣльникъ ты такой! . . . Да что вы, разбойники, въ самомъ дѣлѣ? Иль вамъ здѣсь воля на большихъ-то дорогахъ грабить проѣзжихъ? . . . Да что, на васъ управы что ль нѣтъ?" — „Да вѣдь, батюшка, это дѣло полюбовное: Не прогнѣвайся! уговору не было, а всякой у себя въ дому хозяинъ."

— „Право? . . . Погоди же, дружекъ!" — перервалъ проѣзжій — „Если на тебя управы нѣтъ, такъ я и самъ съ тобой управлюсь" — „Да ты, баринъ, не буянь," — сказалъ старикъ, отступя шагъ назадъ. — „Вѣдь здѣсь не глушь какая; здѣсь нахрапомъ ничего не возьмешь." — „А вотъ я тебя, мошенникъ!" — вскричалъ вспыльчиво проѣзжій, схвативъ хозяина за воротъ.

— „Тише, тише!" — сказалъ Мирошевъ, который во все это время всматривался въ проѣзжаго. — „Полно, Егоръ Васильичъ, — не горячись!"

Загоскинъ.

24. Сцена мѣстничества.

— „Да развѣ ты, Юрій Максимовичъ, не воленъ ѣхать въ Москву?" — спросилъ Лѣвшинъ боярина за обѣдомъ

— „Воленъ-то воленъ: а вѣдь не опальный какой, а все-таки безъ царскаго указу не поѣду." — „Не прогнѣвайся, бояринъ, коли я тебя спрошу: за чѣмъ же тебѣ царской указъ, коли ты не подъ опалою и воленъ ѣхать куда хочешь?" — „За тѣмъ, Дмитрій Афанасьичъ, чтобъ не попятиться. Коли я при царѣ Ѳеодорѣ Алексеевичѣ былъ обиженъ, такъ что мнѣ

заслѣдъ ѣхать теперь безъ указа въ Москву? Пожалуй, еще скажутъ: вотъ-де пріѣхалъ бояринъ Куродавлевъ съ повинной головою!

— „А дозволь спросить, Юрій Максимовичъ; что жъ это за случай былъ?

— „Да такой-то случай, что не приведи Господи! — прервалъ Куродавлевъ и глаза его заблистали: — Хотѣли учинить смертную обиду, поруху всему роду нашему, безчестье и позоръ на вѣки вѣковъ! Да вотъ я тебѣ все перескажу, Димитрій Аѳанасьичъ, продолжалъ бояринъ, махнувъ рукою, чтобъ ему не подавали жаренаго гуся: въ первый годъ царствованія Государя Ѳеодора Алексеевича, наканунѣ Вербнаго Воскресенья, прислали ко мнѣ отъ Разряда поддьяковъ Ваську Мясникова, да Ваську Буслаева, со сказкою; „быть-дискать боярину Юрію Куродавлеву на Вербное Воскресенье въ верху у царскаго стола, — а столъ-де будетъ безъ мѣстъ. А за столомъ-де будутъ князь Димитрій Трубецкой, Ѳедоръ Бутурлинъ, князь Григорій Пронской и ты, бояринъ Юрій Куродавлевъ.“ Какъ, такъ?... подумалъ я. Неужели я въ послѣднихъ?... Да вѣдь мнѣ вовсе не приходится сидѣть подъ княземъ Григорьемъ Пронскимъ.... Мы также, Куродавлевы, ведемъ свой родъ отъ князя Святослава, что сидѣлъ на Пронѣ. У князя Юрія Пронскаго было четыре сына: князь Ѳедоръ Рыба, да князь Иванъ Баранья Голова, да князь Юрій Куродавъ, да меньшой князь Дмитрій безъ прозвища; отъ князя Юрія пошли Куродавлевы, а отъ князя Дмитрія теперешніе Пронскіе — такъ я не токмà по службѣ дѣда и прадѣда, да и по роду-то старше его... Вотъ я съ тѣми же поддьяками и ударилъ челомъ Ѳеодору Алексеевичу: что мнѣ князя Григорія Пронскаго меньше быть невмѣстно. А мы-дискать, государь, холопи твои, Куродавлевы, кому въ версту, тому въ версту, а кто насъ меньше, тотъ меньше, и ни которымъ дѣломъ не мочно, тому быть больше насъ.“ Гляжу, этакъ часика черезъ два — шасть ко мнѣ на дворъ разрядный дьякъ Иванъ Уланова.... Милости просимъ!... „Указъ дискать тебѣ боярину Юрію Куродавлеву отъ Великаго Государя идти заутре безотмѣнно въ верхъ и мѣстами не считаться. Велѣно быть безъ мѣстъ, такъ и порухи большимъ родомъ твоему отечеству въ

томъ не будетъ. А ты бы Государя не кручинилъ и садился бы въ столъ подъ княземъ Григорьемъ Пронскимъ." Вотъ я опять ударилъ челомъ: „Лучше бы, дискать, Государь, ты меня, холопа своего, велѣлъ казнить смертію, а меньше князя Григорія быть не велѣлъ. . . Да мнѣ же дискать, Государь, за хворостію и недугомъ ни которыми мѣрами въ городъ ѣхать не мочно." Жду, подожду — отвѣта нѣтъ. Ну; думаю, видно царь-государь взмиловался! На другой день, послѣ ранней обѣдни, пріѣхалъ ко мнѣ Кирила Андреевичъ Буйносовъ и говоритъ: „Велѣно, братъ, тебя, коли ты станешь упорствовать и отговариваться хворостію, привезти неволею къ Красному Крыльцу въ простой телегѣ, на одной лошади. . . — „Такъ что же? — сказалъ я; въ этомъ никакой порухи роду моему не будетъ: не я поѣду, а меня повезутъ. . . ." Послушай, Юрій, началъ опять говорить Кирила Андреевичъ, не гнѣви государя! . . . Неровенъ часъ! . . . Смотри, чтобы тебѣ не быть разорену и сослану!" — „Въ разореньѣ и ссылкѣ воленъ Богъ, да государь, молвилъ я, а ужъ меньше Гришки Пронскаго мнѣ не бывать!.."
— „Эй, полно, Юрій Максимовичъ! . Ну, коли грѣхомъ Государь прогнѣвается не путемъ, да за твое непослушаніе укажетъ тебя высѣчь въ подклѣти батогами?" — Такъ что жъ? — власть его царская, что хочетъ, то и дѣлаетъ, а ужъ я своей волею ниже Гришки Пронскаго не сяду!" Вотъ этакъ, около полуденъ, пріѣхалъ ко мнѣ разрядный дьякъ Кобяковъ, а съ нимъ двое поддьяковъ. Какъ я сказалъ, такъ и сдѣлалъ: самъ не пошелъ изъ дому, а вывели меня подъ руки, посадили въ телегу и привезли къ Красному Крыльцу. Какъ меня вынули изъ телеги, я тутъ же на первой ступенькѣ легъ, да и лежу: „отнялись, дискать, вовсе ноги, — нейдутъ! . . ." Дѣлать-то нечего! Кликнули народу, внесли меня на крыльцо, а тамъ въ столовую палату и посадили неволею за столъ рука объ руку съ Пронскимъ. Лишь-только меня покинули, я тотчасъ со скамьи, да и брякъ о земь! . . . Пускай же лежу подъ лавкою, а не похваляться вору, Гришкѣ, что я сидѣлъ за царскимъ столомъ ниже его! . . . Велѣно меня поднять, посадить опять силою на скамью и во весь столъ держать подъ руки двумъ разряднымъ дьякамъ. . . .

Пожалуй себѣ! . . . Это воля царская, лишь только бы моей-то воли не было! . . . Послѣ стола приказано мнѣ быть биту батоги на крыльцѣ и идти домой. . . . Ну вотъ, думаю, отдѣлался! . . .“ Такъ нѣтъ! . . . Мошенникъ Гришка ударилъ на меня въ безчестьи челомъ царю-государю! . . . Этакъ, дня черезъ два, въ обѣденную пору, пожаловалъ ко мнѣ опять разрядный дьякъ Иванъ Улановъ и съ нимъ два пристава. Дьякъ объявилъ, мнѣ Государевъ указъ, что велѣно меня выдать головою князю Григорію Пронскому. . . . Что будешь дѣлать, воля царская! . . . Повели меня, добраго молодца, пѣшечкомъ, черезъ весь Китай-городъ на Лубянку, гдѣ у Пронскаго свой домишка; народъ останавливается, всѣ смотрятъ, какъ ведутъ меня подъ руки, словно колодника — за карауломъ! . . . Пришли! . . . Ввели меня на дворъ; поставили на нижнее крылечко и послали доложить хозяину. Пронской поломался, повыдержалъ меня съ полчасика на крыльцѣ; гляжу — идетъ! . . . Такой радостный, ухмыляется! „Погоди, мошенникъ Гришка! думаю я про себя: будетъ и тебѣ тошно! . . . Дьякъ Улановъ учалъ ему рѣчь говорить: „Великой де государь указалъ и бояре приговорили боярина Юрія Куродавлева за то, что онъ не хотѣлъ быть вмѣстѣ съ тобою у царскаго стола, выдать тебѣ, за такое боярское безчестье, его, Куродавлева, головою. Пока дьякъ Улановъ объявлялъ царской указъ, я стоялъ какъ вкопаный, ни словечка! . . . а какъ онъ свою рѣчь кончилъ, такъ я молвилъ про себя: Слава тебѣ Господи, вытерпѣлъ! . . . Ну, теперь, Гришка, держись! . . . А онъ передъ дьякомъ такъ и разсыпается! . . . „Я, дискать, на царскомъ жалованьи бью челомъ и земно кланяюсь за его, Государевъ, великой оборонъ. А тебя, Юрій Максимовичъ,“ — примолвилъ онъ, — „прошу отвѣдать моего хлѣба-соли“ — Спасибо на твоемъ хлѣбѣ: пусть имъ давится кто хочетъ!“ — сказалъ я, да и пошелъ его позорить! . . . Ужъ милъ, милъ! . . . Всю подноготную высказалъ: какъ прадѣдушка его былъ въ Зарайскѣ губнымъ старостою, какъ его высѣкли плетьми и сослали въ Березовъ за то, что онъ мирволилъ ворамъ и разбойникамъ; какъ дѣдушка при царѣ Өеодорѣ Іоанновичѣ наушничалъ и былъ на побѣгушкахъ у думнаго дьяка Щелкалова, а дядюшка

князь Петръ, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, измѣнилъ подъ Вязьмою, и какъ его за эту измѣну били кнутомъ . . . Все вычелъ до тла! . . . . . А тамъ надѣлъ шапку, да и со двора. Въ тотъ же самый день я ударилъ челомъ государю, чтобъ онъ дозволилъ мнѣ, по хворости и ради моихъ домашнихъ дѣлишекъ, ѣхать на житье въ Мещовскую отчину, а государь изволилъ сказать: „пусть, дискать, ѣдетъ куда хочетъ.“ Вотъ я пріѣхалъ сюда и живу себѣ, не то что подъ опалою, не то что въ милости, а такъ, ни то, ни се! . . . Ну, Дмитрій Аѳанасьевичъ, видишь ли теперь, что мнѣ вовсе не слѣдъ ѣхать въ Москву безъ царскаго указа? — „Вѣстимо, Юрій Максимовичъ, сказалъ Лёнщинъ: коли не хочешь, такъ зачѣмъ ѣхать. А дозволь мнѣ спросить тебя, я что-то въ толкъ не возьму: какъ могъ ты позорить князя Пронскаго? Вѣдь не онъ тебѣ, а ты ему былъ выданъ головою. . . . .

— Въ томъ-то и дѣло, любезный! . . . Иль ты не знаешь, что тотъ бояринъ воленъ того боярина, которому онъ выданъ головою, лаять и безчестить всякою бранью, а тотъ ему, за его злыя слова, ничего чинить не смѣетъ; а кто бы надъ такимъ выданнымъ человѣкомъ за его брань учинилъ какое убойство или безчестіе, тому бы самому указъ былъ противъ того вдвое, за тѣмъ, что онъ безчеститъ не того, кто выданъ ему головою, а того, кто прислалъ его, сирѣчь самого царя.

— „Вотъ что! . . . Ну, этого не зналъ, Юрій Максимовичъ.“

— „Да мало ли вы чего не знаете! . . .“

Загоскинъ.

25. Отрывокъ изъ комедіи „Ревизоръ.“

Осипъ (лежитъ на барской постелѣ). Чортъ побери, ѣсть такъ хочется и въ животѣ трескотня такая, какъ будто бы цѣлый полкъ затрубилъ въ трубы. Вотъ, не доѣдемъ, да и только, домой! — что ты прикажешь дѣлать! Второй мѣсяцъ пошолъ, какъ уже

изъ Питера! Профинтилъ дорогою денежки, голубчикъ, теперь сидитъ и хвостъ подвернулъ, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны; нѣтъ вишь ты, нужно въ каждомъ городѣ показать себя (дразнитъ его): „Эй, Осипъ, ступай посмотри комнату, лучшую, да обѣдъ спроси самый лучшій: я не могу ѣсть дурнаго обѣда, мнѣ нуженъ лучшій обѣдъ.“ Добро бы было въ самомъ дѣлѣ что-нибудь путное, а то вѣдь елистратишка простой! Съ проѣзжающимъ знакомится, а потомъ въ картишки — вотъ тебѣ и доигрался! Эхъ, надоѣла такая жизнь! Право въ деревнѣ лучше: оно хоть нѣтъ публичности, да и заботности меньше; возьмешь себѣ бабу, да и лежи весь вѣкъ на палатяхъ, да ѣшь пироги. Ну кто жъ споритъ, конечно, если пойдетъ на правду, такъ житье въ Питерѣ лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кеатры, собаки тебѣ танцуютъ, и все, что хочешь. Разговариваетъ все на тонкой деликатности, что развѣ только дворянству уступитъ: пойдешь на Щукинъ — купцы тебѣ кричатъ: почтенный! На перевозѣ въ лодкѣ съ чиновникомъ сидишь; компаніи захотѣлъ — ступай въ лавочку: тамъ тебѣ кавалеръ разскажетъ про лагери и объявитъ, что всякая звѣзда значитъ въ небѣ, такъ вотъ, какъ на ладони все видишь. Старуха офицерша забредетъ; горничная иной разъ заглянетъ такая . . . . фу, фу, фу! (усмѣхается и трясетъ головою). Галантерейное, чортъ возьми, обхожденіе! Невѣжливаго слова никогда не услышишь: всякой тебѣ говоритъ вы. Наскучило идти — берешь извощика и сидишь себѣ, какъ баринъ, а не хочешь заплатить ему — изволь: у каждаго дома есть сквозныя ворота, и ты такъ шмыгнешь, что тебя никакой дьяволъ не сыщетъ. Одно плохо: иной разъ славно наѣшься, а въ другой, чуть не лопнешь съ голоду, какъ теперь, на примѣръ. А все онъ виноватъ. Что съ нимъ дѣлать? Батюшка пришлетъ денежки, чѣмъ бы ихъ попридержать — и куды! . . . пошелъ кутить: ѣздитъ на извощикѣ, каждый день ты доставай въ кеатръ билетъ, а тамъ черезъ недѣлю — глядь и посылаетъ на толкучій продавать новый фракъ. Иной разъ все до послѣдней рубашки спуститъ, такъ — что на немъ всего останется сертучишка да шинелишка, ей Богу правда! И сукно та-

кое важное, Англицкое! — рублевъ полтораста ему одинъ фракъ станетъ, а на рынкѣ спуститъ рублей за двадцать; а о брюкахъ говорить нечего — ни по чемъ идутъ. А отъ чего? — отъ того, что дѣломъ не занимается: вмѣсто того, что бы въ должность, а онъ идетъ гулять по прешпекту, въ картишки играетъ. Эхъ, если бъ узналъ это старый баринъ! Онъ не посмотрѣлъ бы на то, что ты чиновникъ, а поснявши рубашонку, такихъ бы засыпалъ тебѣ, что дня бъ четыре ты почесывался. Коли служить, такъ служи. Вотъ теперь трактирщикъ сказалъ, что не дамъ вамъ ѣсть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатимъ? — со вздохомъ, Ахъ, Боже ты мой, хоть бы какія-нибудь щи! Кажись, такъ бы теперь весь свѣтъ съѣлъ. Стучится, вѣрно это онъ идетъ. (Поспѣшно схватывается съ постели)

Хлестаковъ. На, прійми это (отдаетъ фуражку и тросточку). А, опять валялся на кровати?

Осипъ. Да зачѣмъ же бы мнѣ валяться? Не видалъ я кровати что ли?

Хлестаковъ. Врешь, валялся, видишь, вся склокочена.

Осипъ. Да на что мнѣ она? Не знаю я развѣ что такое кровать? У меня есть ноги: я и постою. Зачѣмъ мнѣ ваша кровать?

Хлестаковъ (ходитъ по комнатѣ). Посмотри тамъ, въ картузѣ, табаку нѣтъ?

Осипъ. Да гдѣ жъ ему быть, табаку? Вы четвертаго дня послѣднее выкурили

Хлестаковъ (ходитъ и разнообразно сжимаетъ свои губы; наконецъ говоритъ громкимъ и рѣшительнымъ голосомъ). Послушай, эй Осипъ?

Осипъ. Чего изволите?

Хлестаковъ (громкимъ, но не столь рѣшительнымъ голосомъ). Ты ступай туда.

Осипъ. Куда?

Хлестаковъ (голосомъ вовсе нерѣшительнымъ и не громкимъ, очень близкимъ къ просьбѣ.) Внизъ, въ буфетъ. . . . Тамъ скажи . . . . чтобы мнѣ дали обѣдать.

Осипъ. Да нѣтъ, я и ходить не хочу.

Хлестаковъ. Какъ ты смѣешь, дуракъ?

Осипъ. Да такъ; все равно хоть и пойду, ничего изъ этого не будетъ. Хозяинъ сказалъ, что больше не дастъ обѣдать.

Хлестаковъ. Какъ онъ смѣетъ не дать? Вотъ еще вздоръ!

Осипъ. Еще говоритъ, и къ городничему пойду; третью недѣлю баринъ денегъ не платитъ. Вы де съ бариномъ, говоритъ, мошенники, и баринъ твой плутъ. Мы де, говоритъ, этакихъ широмыжниковъ и подлецовъ видали.

Хлестаковъ. А ты ужь и радъ, скотина, сей-часъ пересказывать все это.

Осипъ. Говоритъ: этакъ всякій пріѣдетъ, обживется, задолжается, послѣ и выгнать не льзя. Я, говоритъ, шутить не буду, я прямо съ жалобою, чтобъ на съѣзжую, да въ тюрьму.

Хлестаковъ. Ну, ну, дуракъ, полно. Ступай, ступай, скажи ему. Такое грубое животное!

Осипъ. Да лучше я самого хозяина позову къ вамъ.

Хлестаковъ. На что жъ хозяина? — ты поди самъ скажи.

Осипъ. Да право, сударь. . . .

Хлестаковъ. Ну, ступай, чортъ съ тобой! — позови хозяина. (Осипъ уходитъ.)

Хлестаковъ (одинъ). Ужасно какъ хочется ѣсть. Такъ неможко прошолся; думалъ, не пройдетъ ли апетитъ — нѣтъ, чортъ возьми, не проходитъ. Да если бъ въ Пензѣ я не покутилъ, стало бы денегъ доѣхать домой. Пѣхотный капитанъ сильно поддѣлъ меня: штосы удивительно, бестія, срѣзываетъ. Всего какихъ-нибудь четверть часа посидѣлъ — и все обобралъ. А при всемъ томъ страхъ хотѣлось бы съ нимъ еще разъ сразиться. Случай только не привелъ. Какой скверный городишка! Въ овошенныхъ лавкахъ ничего не даютъ въ долгъ. Это ужъ просто подло. (Насвистываетъ сначала изъ Роберта, потомъ: „Не шей ты мнѣ, матушка,“ а наконецъ ни се ни то). Никто не хочетъ идти.

Н. Гоголь.

26. Антаръ.

Прекрасная Шамская пустыня; прекрасны въ Шамской пустынѣ развалины волшебнаго Тедмора. Кто жилъ въ этихъ огромныхъ чертогахъ? Кому воздвигнуты эти храмы? . . . Кѣмъ построены эти длинныя улицы столбовъ? . . . То знаютъ книжники Дамаска и Іерусалима: Антару то не извѣстно. Антаръ — краса степей, мечъ побѣды, роса дружбы, тѣнистый кипарисъ гостепріимства Онъ знаетъ, гдѣ отыскать тѣхъ, кои осмѣлились нанести обиду ему или его поколѣнію; онъ покажетъ вамъ всѣ, далеко разбросанныя и почти истертыя вѣтромъ, могилы враговъ своихъ; онъ защититъ васъ въ пустынѣ отъ жадности и вѣроломства ста Арабскихъ всадниковъ и раздѣлитъ съ вами послѣднюю горсть жаренаго проса, но онъ не знаетъ того, что написано въ книгахъ. Старцы сосѣдственныхъ улусовъ сказывали ему, что это остатки города, построеннаго въ старину зловредными духами, и совѣтовали не приближаться къ этому мѣсту; но Антаръ не страшится ни людей, ни духовъ, и гордо смотритъ на великолѣпныя развалины Тедмора.

Онъ стоитъ и смотритъ. Копье его кровавое какъ мщеніе, быстрое — какъ ударъ грома, стоитъ возлѣ него, водруженное въ безплодную почву. Балька*) стоитъ у копья и, устремивъ на него глаза свои черные, огненные, проницательные, хочетъ, кажется, узнать, что происходитъ въ пылкой его душѣ Она печальна, потому что онъ печаленъ. Балька отгадала, что люди огорчили ея господина, и сильно бьетъ ногою, негодуя на нихъ неблагодарность. Антаръ постигнулъ мысль Бальки, обнялъ ее за шею и поцѣловалъ въ чело, украшенное бѣлою звѣздочкою, блестящею издали, подобно лунѣ въ первую ночь мѣсяца.

Антаръ оставилъ людей навсегда. Онъ проливалъ за нихъ свою кровь, жертвовалъ имуществомъ, расточалъ для нихъ свою любовь и дружбу: они ему измѣнили! . . . Доколѣ вѣтръ въ пустынѣ будетъ переносить песчаные холмы съ одного мѣста на другое, доколѣ облака будутъ бросать сѣрую тѣнь на

*) Лошадь Антара.

землю, доколѣ мечи будутъ утолять свою жажду красным напиткомъ, текущимъ въ жилахъ сыновъ Адама: до тѣхъ поръ онъ не увидится съ людьми. На сто выстрѣловъ изъ лука нога его не подойдетъ къ жилищу человѣка; на всю длину копья его никто изъ смертныхъ да не дерзнетъ подойти къ нему. Антаръ произнесъ клятву: онъ никогда вотще не давалъ обѣта.

Онъ стоитъ. Голодъ рветъ его внутренность; но онъ умѣетъ предолѣвать голодъ. Зажженный палящимъ солнцемъ воздухъ, среди совершеннаго безвѣтрія, дрожитъ, трясется, мелькаетъ тонкимъ пламенемъ, подобнымъ тому, какой вьется по раскаленному желѣзу, и знойныя блестки, въ видѣ частыхъ огненныхъ иголокъ, быстро пляшутъ въ воздухѣ предъ его глазами; но всѣ ужасы пустыннаго зноя не заставятъ его тронуться съ мѣста. Земля горитъ подъ его стопами: онъ терпѣливо переноситъ и это и стоитъ неподвижно, дожидаясь, пока пробѣжитъ пустынею страусъ или серна, чтобы мигомъ вскочить на коня, догнать добычу и сразить ее копьемъ.

Вотъ что-то шевелится между кочками песку, наваленнаго послѣднимъ вѣтромъ у подножія ближней скалы. Это навѣрное газель Антаръ уже на конѣ и держитъ копье надъ своею головою Онъ не ошибся: это газель, малая, легкая, перелестная. Балька тоже увидѣла ее и понеслась стрѣлою въ ту сторону: она не требуетъ, чтобъ узда указывала ей направленіе; ею правитъ мысль всадника, и она мчится быстрѣе мысли.

Антаръ уже настигалъ газель, бывъ отъ нея не далѣе, какъ на одинъ выстрѣлъ. Вдругъ раздался надъ его головою ужасный шумъ, и воздухъ помрачился черною тѣнію Онъ приподнялъ голову и увидѣлъ огромную хищную птицу, которая подобно весенней тучѣ, закрывала собою большую часть небеснаго свода. Глаза ея сверкали какъ молніи; распростертые когти, по своей величинѣ и силѣ, могли бъ обхватить и унести утесъ, образующій грозную вершину Эль-Аксы. Антаръ примѣтилъ, что страшная, исполинская птица тоже преслѣдуетъ газель, которая при видѣ новой опасности, понеслась еще быстрѣе. Но Антаръ всегда былъ защитникомъ слабыхъ: онъ немедленно забылъ, что самъ гонится за газелію съ намѣреніемъ лишить

ее жизни и думалъ только о спасеніи ея отъ ярости воздушнаго врага. Птица, Антаръ и газель долго и быстро стремились въ одну и ту же сторону, болѣе и болѣе сближаясь другъ съ другомъ; и когда взаимное ихъ разстояніе уменьшилось почти до двадцати шаговъ, храбрый всадникъ повертѣлъ копьемъ надъ головою и метнулъ имъ вверхъ Оно полетѣло, свистя, какъ влажный вѣтеръ между столбами Тедмора, и вонзилось въ грудь крылатому великану. Птица испустила ужасный стонъ съ ревомъ, заставившимъ вздрогнуть самого Антара. Она поколебалась: казалось, что она упадетъ и своимъ паденіемъ раздавитъ дерзкаго сына пустыни, но боль принудила ее быстро поднятся на воздухъ, тогда, какъ уже конецъ одного крыла коснулся было земли. Отъ удара ея перьевъ по сухой, раскаленной почвѣ, густой туманъ пыли наполнилъ все пространство и песокъ засыпалъ глаза Антару. Онъ тотчасъ слѣзъ съ коня и нѣсколько минутъ простоялъ на мѣстѣ въ мракѣ; но когда пыль начала осѣдать, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ у своихъ ногъ ту самую газель, которая незадолго уходила отъ его копья и когтей хищной птицы. Она, умильно, поглядывала на своего спасителя: прекрасные глаза ея выражали нѣжную благодарность. Антаръ хотѣлъ поласкать ее рукою, но, едва онъ пошевелился, она порхнула и изчезла въ пыльной степи.

Сенковскій.

---

27. Инстинктъ человѣчества.

(Отрывокъ изъ статьи: Древніе Мексиканцы.)

Гордость человѣческая составила себѣ такое восторженное понятіе о нашемъ бѣдномъ разумѣ, что оно не даетъ ни малѣйшаго уголка въ насъ инстинкту, то есть, добровольному проявленію слѣдствій нашей организаціи въ томъ, что мы дѣлаемъ, выдумываемъ или предпринимаемъ. Всякое особенное произведеніе рукъ нашихъ, всякое наше изобрѣтеніе, хотимъ мы непремѣнно почитать за собственное

созданіе ума, дѣйствующаго самостоятельно, за творчество, за нѣчто такое, чего никогда не было въ другомъ мѣстѣ и не будетъ На этомъ основаніи, если у двухъ отдаленныхъ народовъ встрѣчаемъ мы одинаковый обычай, одну и ту же мысль, болѣе или менѣе сходную форму орудія или зданія, головы наши трещатъ подъ напряженными усиліями любопытства, старающагося угадать, кто изъ нихъ первый выдумалъ этотъ обычай, эту мысль, эту форму, и передалъ другому, какимъ образомъ совершилась передача, въ какое время могло это случиться, и такъ далѣе. Между тѣмъ, оба народа, не зная другъ о другѣ, очень легко могли выдумать это, каждый для себя, по неизбѣжнымъ законамъ человѣческой организаціи. Какъ скоро они люди, то даже должны были неизбѣжно дойти до однихъ и тѣхъ же мыслей, выдумокъ, изобрѣтеній и формъ, не сообщаясь другъ съ другомъ: иначе, въ природѣ не было бы порядку, свѣтъ былъ бы предоставленъ произволу; все въ мірозданіи происходило бы на удачу. Инстинктъ, это — невольное повиновеніе законамъ Творца, предписаннымъ творенію; повиновеніе естественное, нечувствительное для повинующагося и часто имѣющее для него самого видъ плода собственныхъ его соображеній. Нѣтъ сомнѣнія, что большая часть нашихъ мыслей и дѣйствій — простыя слѣдствія этого повиновенія законамъ организаціи, присвоенной породѣ, хотя мы приписываемъ ихъ »творчеству« нашего ума. Человѣкъ не властенъ былъ не вспасть на мысль — сдѣлать лукъ, стрѣлу, топоръ, пилу, долото, вертено, ткацкій станокъ, мельницу, двигательную машину: рука его — образована для этого и сама собою показываетъ, что онъ предназначенъ невольно построить ихъ или, какъ ему кажется, изобрѣсти. Гдѣ бы онъ ни былъ, онъ невольно долженъ соединиться въ общество съ себѣ подобными и ощущать надъ своими судьбами власть и благость Бога: слѣдовательно, долженъ сначала скитаться толпами, потомъ селиться, обживаться, богатѣть, строить послѣ шалашей юрты, послѣ юртъ дома, храмы, мосты, памятники, зарывать въ землю умершихъ товарищей, насыпать на мѣстѣ ихъ погребенія кучки песку, увеличивать эти кучки до объему кургановъ, курганъ превращать въ пирамиды,

наконецъ пирамиду замѣнять другими, болѣе затѣйливыми, сооруженіями, переходя во всемъ непреложный законъ постепенности въ совершенствованіи своихъ удобствъ, своего быту, своихъ нравовъ, своихъ идей, которыя всегда натурально раждаются однѣ изъ другихъ. И благо ему, когда все это совершается тихо, добровольно, само собою, безъ вмѣшательства »ума«. Едва умъ вмѣшается въ дѣло и насильно захочетъ ускорять постепенность совершенствованія, все приходитъ въ разстройство, возникаютъ бури, льется кровь, и льется безполезно: мы это видѣли и видимъ. Всякой разъ, какъ умъ вздумалъ вмѣшиваться въ непреложные законы инстинктивнаго чувства, такъ же вѣрное какъ существованіе міра и его законовъ, онъ обыкновенно начиналъ съ того, что отвергалъ Бога, основную истину мірозданія, безъ которой ни бытіе, ни развитіе, ни совершенствованіе человѣка не возможны.

Стоитъ только вникнуть въ эти неопровержимые факты, чтобы убѣдиться, что не только изобрѣтенія человѣка, но и самыя формы этихъ изобрѣтеній не произвольны, искони предначертаны и опредѣлены въ сущности его природы, неизбѣжны въ порядкѣ, предписанномъ для ихъ постепенности у каждаго человѣческаго поколѣнія: и, тогда, о чемъ тутъ спорить, если вдругъ, въ двухъ противоположныхъ концахъ свѣта, напримѣръ въ Египтѣ и въ Мексикѣ, встрѣчаются пирамиды, іероглифы, толстые пиластры, безконечныя тяжелыя галлереи? За чѣмъ, въ противность всякому вѣроподобію и возможности, выводить одну образованность отъ другой? На какой конецъ переселять въ Америку то Египтянъ, то Этрусковъ, то Евреевъ? Неужели для того, чтобы объяснить себѣ эти случайныя сходства? Боже мой! да они объясняются очень просто законами нашей организаціи и врожденнымъ инстинктомъ человѣчества! Если однѣ и тѣ же формы, одни и тѣ же понятія, являются въ нѣкоторой части памятниковъ тутъ и тамъ, это показываетъ только то, что древніе Египтяне и древніе Мексиканцы, начавъ совершенствованіе своего быту каждый отдѣльно, находились во время паденія ихъ державъ, почти на одинаковой точкѣ развитія нашей природы, стояли на соотвѣтственныхъ градусахъ неумолимой постепенности въ идеяхъ, дѣйствіяхъ и формахъ этихъ дѣйствій.

Строеніе Американскихъ языковъ принадлежитъ безспорно къ системѣ нарѣчій, господствующихъ на сѣверозападной оконечности Азіи. Старая Америка, по всей вѣроятности населилась потомствомъ выходцевъ изъ этой части свѣта. Но дикіе переселенцы съ береговъ Охотскаго или Желтаго моря не могли привести туда ни религіи, ни письменъ, ни искусствъ Египтянъ или Этрусковъ. Образованность эта развилась тамъ добровольно. Стоило только смышлённому поколѣнію Краснокожихъ поселиться въ странѣ, столь же плодородной и благодатной какъ Египетъ, и черезъ нѣсколько столѣтій потомки этого поколѣнія добились бы до искусства писать іероглифами, строить пирамиды, изображать исторію своей жизни барельефами, подпирать храмы рядами толстыхъ, расписанныхъ столбовъ, и такъ далѣе. Не покори ихъ другое поколѣніе, дикое и свирѣпое, оставайся они неизвѣстными Европѣ до сихъ поръ и будь Мексика открыта нами въ прошломъ году, мы нашли бы навѣрное, что іероглифическое письмо у нихъ уже замѣнилось алфавитнымъ и они уже давно печатаютъ книги: можетъ быть, оказалось бы даже, что въ изобрѣтеніи фельетоннаго романа Мексиканцы опередили насъ цѣлымъ тысячелѣтіемъ, и что атмосферическія желѣзныя дороги, которыя у насъ все еще нейдутъ, тамъ уже въ полномъ дѣйствіи съ 1591 года! Китайцы и Европейцы изобрѣли же книгопечатаніе каждый для себя, не совѣтуясь другъ съ другомъ, въ двѣ совершенно разныя эпохи? Не явно ли, что это великое орудіе образованности человѣка лежитъ, всегда на днѣ его организаціи и что онъ долженъ гдѣ бы ни находился, непремѣнно найти его въ себѣ, какъ скоро достигнетъ до извѣстной точки постепеннаго развитія? Почему жъ Мексиканцы не могли бы изобрѣсть его въ третій разъ на третьемъ концѣ свѣта? Кто у кого выучился рыть каналы, прокладывать дороги и строить мосты, Европейцы ли у Китайцевъ или Китайцы у Европейцевъ? Конечно, это создалось само собою и въ Китаѣ и въ Европѣ, по простымъ законамъ человѣческаго инстинкта. Зачѣмъ же то же самое, по тѣмъ же законамъ, не могло создаться и въ Америкѣ безъ посторонней указки? Какъ знать? — можетъ статься и пчеламъ кажется, будто архитектуру своего сота, искусство собирать и дѣлать

медъ, и законы своихъ правленій, онѣ были вольны изобрѣсть или не изобрѣсть, и онѣ чистосердечно удивляются »творчеству« своего ума, которой выдумалъ, сообразилъ и »создалъ« все это. Для счастія тварей своихъ, Творецъ окружилъ тяжкіе труды ихъ волшебствомъ самолюбія и высокимъ наслажденіемъ приписывать своему генію то, чему велѣлъ Онъ быть неизбѣжно для ихъ блага и что должно состояться, какъ бы ихъ лѣнь ни старалась откладывать.

28. Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ?

Одинъ тотъ, кто способенъ наслаждаться семейственною жизнію, есть прямо добрый и слѣдовательно прямо счастливый человѣкъ

Свѣтъ называютъ театромъ; — всякій человѣкъ, въ одно время и дѣйствующій и зритель. Актеры стараются блеснуть искусствомъ, зрители восклицаютъ: великій умъ! чудесное дарованіе! Но мало однихъ блистательныхъ успѣховъ на театрѣ свѣта, чтобъ пріобрѣсть благородное названіе — добрый, чтобы имѣть право называться счастливымъ.

Ты съ честію служишь отечеству, судья справедливый: — всѣ приговоры твои сходны съ приговорами закона и совѣсти; смѣлый, благоразумный полководецъ: — никто не видалъ, чтобы ты блѣднѣлъ въ виду непріятеля, чтобы терялъ присутствіе духа въ минуту неуспѣха или замѣшательства. Въ обществѣ называютъ тебя пріятнымъ, ласковымъ, забавнымъ; не льзя не плѣниться твоимъ разговоромъ; все окружающее тебя оживлено твоимъ остроуміемъ, твоими словами, взглядами, усмѣшками. Говорю смѣло: умный, дѣятельный, любезный, необыкновенный человѣкъ! Скажу ли: добрый и счастливый?

Нѣтъ! — я вижу тебя на сценѣ, въ уборѣ, въ минуту представленія, въ минуту торжества: прельщаюсь однимъ наружнымъ, временнымъ твоимъ блескомъ. Ты дѣйствуешь не собственною силою, ты окруженъ безчисленными подпорами: общее мнѣніе хранитель

твоихъ добродѣтелей; быть можетъ, источникъ ихъ единое твое честолюбіе. Хочу ли узнать совершенно твой характеръ? — я долженъ послѣдовать за тобою во внутренность семейства. Семейство есть тихое, сокрытое отъ людей поприще, на которомъ совершаются самые безкорыстные подвиги добродѣтельнаго. Здѣсь человѣкъ одинъ, — всѣ призраки исчезли; онъ дѣйствуетъ безъ свидѣтелей, въ кругу знакомцевъ, слишкомъ короткихъ, слѣдственно для него нестрашныхъ; не можетъ удивлять ложнымъ блескомъ; не слышитъ рукоплесканій; онъ можетъ наслаждаться единымъ скромнымъ, для другихъ непримѣтнымъ, но сладостнымъ и неотъемлемымъ счастіемъ. Здѣсь онъ снимаетъ съ себя заимственные покровы; свободно предается естественнымъ своимъ склонностямъ; никому, кромѣ самого себя, не даетъ отчета; и если я вижу его спокойнымъ, веселымъ, неизмѣняемымъ въ тѣсномъ кругу любезныхъ; когда приходъ его къ супругѣ и дѣтямъ есть сладостная минута общаго торжества; когда отъ взора его развеселяются лица домашнихъ; когда, возвращаясь изъ путешествія, приноситъ онъ въ домъ свой новую жизнь, новую дѣятельность, новое счастіе; когда замѣчаю окрестъ его порядокъ, спокойствіе, довѣренность, любовь, — тогда рѣшительно говорю: онъ добръ, онъ счастливъ!

Великіе подвиги, въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей, бываютъ нерѣдко однимъ чрезвычайнымъ усиліемъ. Нерѣдко человѣкъ, котораго дѣятельность и обширный умъ въ дѣлахъ государственныхъ, котораго пріятность и живость въ блестящемъ кругу свѣта приводятъ насъ въ изумленіе, бываетъ задумчивъ и скученъ среди своихъ домашнихъ, гдѣ онъ свободенъ, гдѣ надобно дѣйствовать безъ всякаго внѣшняго возбужденія; гдѣ все почерпается во внутренности души, гдѣ можешь быть веселъ только тогда, когда твое сердце наполнено чистыми, живыми, неизмѣняющимися ни въ какихъ обстоятельствахъ жизни чувствами.

Быть счастливымъ есть наслаждаться самимъ собою. — Гдѣ же сіе счастіе, какъ не въ семействѣ? и что его источникъ, какъ не спокойное, невинное, доброе сердце? Человѣкъ - гражданинъ, пользуясь покровомъ общества, трудами своими покупаетъ у него почести и отличія; но добрый получаетъ сіи

отличія и почести на ряду съ недобрымъ, имѣющимъ одинакое съ нимъ искусство, дѣятельность, скажу — дарованіе. Въ чемъ же его преимущество, собственное, ни съ кѣмъ нераздѣляемое? Въ счастіи добраго сердца, въ тѣхъ наслажденіяхъ, которыя вкушаетъ онъ въ кругу семейственномъ — плодъ, заповѣданный для порочнаго.

Не имѣвъ добраго сердца, можно быть въ нѣкоторомъ отношеніи добрымъ гражданиномъ: будь съ дарованіемъ, и будешь успѣшно дѣйствовать на той сценѣ, которая окружена безчисленною толпою судей любопытныхъ и строгихъ. Честолюбіе замѣнитъ для тебя внутреннюю доброту; и та и другая причины произведутъ одинакое видимое дѣйствіе. Но быть хорошимъ семьяниномъ, въ полномъ значеніи сего слова, — добрымъ супругомъ, отцемъ, покровителемъ своихъ домашнихъ, — говорю безъ исключенія, не льзя, не имѣвъ добраго, нѣжнаго чувствительнаго сердца. Семейство есть малый свѣтъ, въ которомъ должны мы исполнять, въ маломъ видѣ, всѣ разнообразныя обязанности, налагаемыя на насъ большимъ свѣтомъ, но съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь никакое ложное достоинство не можетъ увѣнчано быть должною наградою; здѣсь видятъ тебя такимъ точно, каковъ ты въ самомъ дѣлѣ, и вотъ причина того печальнаго отдаленія, въ которомъ многіе, такъ называемые счастливцы міра, живутъ отъ тихаго, уединеннаго семейственнаго круга: они боятся вступить въ сіе священное общество! Что принесутъ они въ него съ собою? — мертвое или испорченное сердце, чуждое наслажденій невинныхъ, смутное посреди спокойствія и порядка, непостоянное въ кругу удовольствій, однообразныхъ, но всегда сладостныхъ для души ясной, веселой и непорочной!

Ты ищешь вѣрнаго счастія? Почитай обязанностію быть дѣятельнымъ для пользы отечества; но лучшія твои наслажденія, но самыя драгоцѣнныя награды твои, да будутъ заключены для тебя въ нѣдрѣ семейства. Если душа твоя невинна, если пылаетъ въ ней тихое пламя добра, то въ мирномъ семействѣ найдешь безмятежное, постоянное счастіе. Гдѣ можешь любить съ такою полнотою, съ такою взаимностію, съ такимъ забвеніемъ самаго себя? Гдѣ можешь быть столь добродѣтельнымъ

и столь непосредственно получать за добродѣтели твои воздаяніе? Гдѣ найдешь такихъ вѣрныхъ, согласныхъ съ тобою товарищей и въ радости и въ печали? Стремись воображеніемъ къ сему блаженству, когда его еще не имѣешь; образуй для него свою душу; помни, что оно существуетъ для одного невиннаго, благороднаго, исполненнаго высокими чувствами сердца; благодѣтельная, животворящая мечта о немъ, да будетъ сопутницею твоихъ юношескихъ лѣтъ! Совершенствуя себя для мирной обители семейства, ты избѣжишь опасной заразы разврата: плѣнишься ли блестящимъ безобразіемъ порока, имѣя передъ глазами тѣ чистыя наслажденія, ту благородную дѣятельность, которыя неразлучны съ семейственною жизнію? И если твой выборъ уже сдѣланъ, если душа твоя замѣтила существо, для нее необходимое, то окружи себя его воспоминаніемъ, воспоминаніе объ немъ будетъ твоею добродѣтелію, твоею совѣстію! — Такъ, если Провидѣніе опредѣлило тебѣ насладиться симъ благомъ — рѣдкимъ, но рѣдкимъ потому, что рѣдки сіи люди, которые полагали бы въ немъ первую и самую благородную цѣль своей жизни, которые минутнаго, живѣйшаго наслажденія, если невѣрной и блистательнѣйшей выгоды не предпочли бы сему спокойному, скромному и неразлучному со всѣми добродѣтелями счастію, — если Провидѣніе, говорю, опредѣлило тебѣ насладиться симъ благомъ, то смѣло можешь присвоить себѣ титулъ счастливца; ты возвратишь сему титлу его утраченное достоинство: на языкѣ твоемъ счастіе будетъ знаменовать добродѣтель, наслажденіе самимъ собою, прямое просвѣщеніе, истинную мудрость.

Какое зрѣлище, возвышающее душу, представляетъ вамъ добрый семьянинъ — истинно добрый и счастливый человѣкъ! Войдите въ его домъ, веселый, скромный, гдѣ царствуетъ опрятность и чистота: — при первомъ шагѣ не окружаетъ ли васъ какое-то неизъяснимое, невидимое, трогательное очарованіе? — не чувствуете ли во глубинѣ души того утѣшительнаго спокойствія, того внутренняго наслажденія собственнымъ бытіемъ, которое всегда возбуждаетъ въ васъ присутствіе счастія? Вы видите передъ собою довольныя лица, плѣняетесь окружающимъ васъ порядкомъ;

здѣсь время пролетаетъ быстро: для каждой минуты есть собственное, необходимое занятіе, минуты отдѣльнаго труда приготовляютъ къ минутамъ свиданія, къ минутамъ общаго удовольствія, и всякій трудъ приноситъ съ собою награду. Послѣдуйте за добрымъ семьяниномъ — и въ свѣтъ, гдѣ исполняетъ онъ обязанности гражданина, и въ домъ его, гдѣ онъ представляется вамъ супругомъ, отцемъ, хозяиномъ, и въ уединенный кабинетъ, гдѣ онъ останется одинъ съ собою, и къ смертному одру, на которомъ онъ ожидаетъ конца, спокойный, увѣренный въ бытіи Божества, неотрицаемаго для сердца, насладившагося истиннымъ счастіемъ, уповающій на безсмертіе, которое ощутительно для сердца, испытавшаго прямую любовь — вездѣ найдете вы его одинаковымъ. Въ тѣхъ самыхъ чувствахъ, которыя дѣлаютъ его счастливымъ посреди домашнихъ, хранится и чистый источникъ гражданскихъ его добродѣтелей. Разлучась на время съ своимъ семействомъ для исполненія обязанностей въ свѣтѣ, онъ соединенъ съ своими любезными, нѣжнымъ, никогда не покидающимъ его сердца, о нихъ воспоминаніемъ; ихъ мысленное присутствіе хранитъ его во всѣхъ рѣшительныхъ случаяхъ жизни. Какъ можетъ онъ не дорожить непорочностію своего имени, котораго слава есть слава его любезныхъ? Какъ можетъ не уклоняться отъ зла, когда онъ долженъ приходить невиннымъ передъ судилище безпристрастное, для него драгоцѣнное и святое, передъ судилище своего семейства, гдѣ обитаетъ неизмѣнный товарищъ, который, вмѣстѣ съ нимъ, одною дорогою, стремится къ одной и той же цѣли — къ счастію, основанному на совершенствѣ нравственномъ, — который не узнаетъ его, унизившагося порокомъ, — котораго довольный, одобряющій взоръ есть самая утѣшительная для него награда! Но всѣ обязанности, всѣ удовольствія свѣта почитаетъ онъ только посторонними: главная дѣятелность его внутри семейства — мирная, счастливая дѣятельность, которая животворитъ душу его, отдаляетъ отъ него унылость и скуку, возвышаетъ ее, усиливаетъ, исцѣляетъ. Онъ веселъ, онъ спокоенъ, среди порядка и тишины, которые окрестъ его царствуютъ. Перенеситесь мысленно въ обитель согласныхъ супруговъ, согласныхъ въ понятіи своемъ о жизни, согласныхъ

въ выборѣ способовъ ею наслаждаться; здѣсь минуты заботъ не имѣютъ того безпокойства, которое преслѣдуетъ насъ, когда трудимся для однихъ себя: онѣ услаждаются трогательнымъ воспоминаніемъ о существахъ, намъ любезныхъ, которымъ посвятили мы всю свою жизнь. Здѣсь всякое благородное чувство души становится живѣе, возвышеннѣе, непорочнѣе; благотворительность награждается не однимъ тайнымъ одобреніемъ сердца, но вмѣстѣ и нѣжнымъ участіемъ милаго существа, которое въ глазахъ твоихъ есть образъ всѣхъ добродѣтелей; оно сопутствуетъ тебѣ въ хижину печальнаго и нищаго; ты дѣйствуешь не въ одномъ невидимомъ присутствіи Промысла: ты видишь передъ собою Его посланника въ своемъ товарищѣ, къ которому относишь всякое доброе дѣло, всякое доброе чувство. — Что можетъ быть трогательнѣе и пламеннѣе молитвы, произносимой въ присутствіи милой супруги, вмѣстѣ съ нею, въ полнотѣ своего счастія? Для кого можетъ быть ощутительнѣе Провидѣніе, для кого легче любить своего Создателя, какъ не для нѣжнаго супруга и отца, окруженнаго драгоцѣннѣйшими залогами Его милосердія? Молитва одинокаго человѣка есть требованіе, молитва семьянина есть благодарность.

Но представляя себѣ счастіе, должно воображать и горестныя потери. Супругъ нерѣдко, и слишкомъ рано, лишается супруги; отецъ переживаетъ дѣтей — утраты незамѣняемыя, ибо онѣ разрушаютъ главное счастіе жизни, къ которому относили мы всякое другое. Но развѣ съ утратою любезныхъ теряется для насъ воспоминаніе? Развѣ тому, кто наслаждался настоящимъ, не остается меланхолической, усладительной привязанности къ прошедшему? Ты жилъ для нихъ; ты жилъ вмѣстѣ съ ними! ты радостно летѣлъ къ своей цѣли, окруженной милыми спутниками; спутники твои исчезли . . . но ты самъ не измѣнился; поприще твое опустѣло . . . но оно все то же, и та же цѣль представляется глазамъ твоимъ въ отдаленіи; стремись къ ней, окруженный знакомыми, дружественными тѣнями! Кто разъ насладился семейственными радостями, тотъ никогда, никогда не узнаетъ уже одиночества: горесть будетъ для него нѣкоторымъ образомъ любовію.

Жуковскій.

Рѣчь,

произнесенная въ собраніи Россійской Академіи, 5 Декабря 1818 года.

Милостивые Государи!

Первымъ словомъ моимъ должна быть благодарность за честь, которой вы меня удостоили, — честь, дѣлить съ вами труды полезные въ то время, когда Великій Монархъ новыми щедротами, изліянными на Академію, даровалъ ей новыя средства дѣйствовать съ успѣхомъ для образованія языка, для ободренія талантовъ, для славы отечества. Цѣль важная и достойная ревности знаменитаго Общества, основаннаго Екатериною Второю, утвержденнаго Александромъ Первымъ. Не здѣсь нужно доказывать пользу сихъ благородныхъ упражненій разума. Вы знаете, Милостивые Государи, что языкъ и Словесность суть не только способы, но и главные способы народнаго просвѣщенія; что богатство языка есть богатство мыслей; что онъ служитъ первымъ училищемъ для юной души, незамѣтно, но тѣмъ сильнѣе впечатлѣвая въ ней понятія, на коихъ основываются самыя глубокомысленныя науки; что сіи науки занимаютъ только особенный, весьма немногочисленный классъ людей, а Словесность бываетъ достояніемъ всякаго, кто имѣетъ душу; что успѣхи наукъ свидѣтельствуютъ вообще о превосходствѣ разума человѣческаго, успѣхи же языка и Словесности свидѣтельствуютъ о превосходствѣ народа, являя степень его образованія, умъ и чувствительность къ изящному.

Академія Россійская ознаменовала самое начало бытія своего твореніемъ важнѣйшимъ для языка, необходимымъ для авторовъ, необходимымъ для всякаго, кто желаетъ предлагать мысли съ ясностію, кто желаетъ понимать себя и другихъ. Полный Словарь, изданный Академіею, принадлежитъ къ числу тѣхъ феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иностранцевъ: наша, безъ сомнѣнія, счастливая судьба, во всѣхъ отношеніяхъ, есть какая-то необыкновенная скорость: мы зрѣемъ не вѣками, а десятилѣтіями. Италія, Франція, Англія, Германія, славились уже многими великими писателями, еще не имѣя Словаря; мы имѣли церковныя,

духовныя книги; имѣли стихотворцевъ, писателей, но только одного истинно классическаго (Ломоносова), и представили систему языка, которая можетъ равняться съ знаменитыми твореніями Академій Флорентинской и Парижской. Екатерина Великая.... кто изъ насъ и въ самый цвѣтущій вѣкъ Александра I можетъ произносить имя Ея безъ глубокаго чувства любви и благодарности?... Екатерина, любя славу Россіи, какъ собственную, и славу побѣдъ и мирную славу разума, приняла сей счастливый плодъ трудовъ Академіи съ тѣмъ лестнымъ благоволеніемъ, коимъ она умѣла награждать все достохвальное, и которое осталось для васъ, Милостивые Государи, незабвеннымъ, драгоцѣннѣйшимъ воспоминаніемъ.

Утвердивъ значеніе словъ, избавивъ писателей отъ многотрудныхъ изысканій, недоумѣній, ошибокъ, Академія предложила и систему правилъ для составленія рѣчи, — твореніе не первое въ семъ родѣ: ибо Ломоносовъ, давъ намъ образцы вдохновенной поэзіи и сильнаго краснорѣчія, далъ и Грамматику; но Академическая рѣшитъ болѣе вопросовъ, содержитъ въ себѣ болѣе основательныхъ замѣчаній, которыя служатъ руководствомъ для писателей.

Не имѣвъ участія въ сихъ трудахъ, я только пользовался ими: слѣдственно могу хвалить ихъ безъ нарушенія скромности и съ чувствомъ внутренняго удостовѣренія.

Но дѣятельность Академіи, при новыхъ лестныхъ знакахъ Монаршаго къ ней вниманія, не должна ли, если можно, удвоиться? Изданіемъ Словаря и Грамматики заслуживъ нашу благодарность, Академія заслужитъ конечно и благодарность потомства ревностнымъ, неутомимымъ исправленіемъ сихъ двухъ главныхъ для языка книгъ, всегда богатыхъ, такъ сказать, бѣлыми листами для дополненія, для перемѣнъ необходимыхъ по естественному, безпрестанному движенію живаго слова къ дальнѣйшему совершенству, — движенію, которое пресѣкается только въ языкѣ мертвомъ. Сколько еще трудовъ ожидаетъ васъ, Милостивые Государи! Выгодою или пользою всякаго общества бываетъ свободное, взаимное сообщеніе мыслей, наблюденій, — судъ, возраженія, утверждающія истину. Здѣсь нѣтъ личности, нѣтъ самолюбія:

честь и слава принадлежать всей Академіи, не лицамъ особеннымъ. Главнымъ дѣломъ вашимъ было и будетъ систематическое образованіе языка: непосредственное же его обогащеніе зависитъ отъ успѣховъ общежитія и Словесности, отъ дарованія писателей, — а дарованіе единственно отъ судьбы и природы. Слова не изобрѣтаются Академіями: они раждаются вмѣстѣ съ мыслями или въ употребленіи языка, или въ произведеніяхъ таланта, какъ счастливое вдохновѣніе. Сіи новыя, мыслію одушевленныя слова, входятъ въ языкъ самовластно, украшаютъ, обогащаютъ его, безъ всякаго ученаго законодательства съ нашей стороны: мы не даемъ, а принимаемъ ихъ. Самыя правила языка не изобрѣтаются, а въ немъ уже существуютъ: надобно только открыть или показать оныя.

Но Академія, облегчая для таланта способы пріобрѣтать нужныя ему свѣденія, можетъ еще содѣйствовать успѣхамъ его и другими средствами: наградами, опредѣленными въ уставѣ, и еще болѣе справедливымъ оцѣненіемъ всякаго новаго труда, имѣющаго признаки истиннаго дарованія, хотя еще и незрѣлаго, хотя еще и слабаго, неукрашеннаго искусствомъ: ибо слабый лучъ бываетъ иногда предтечею яркаго свѣта; и кедръ выходитъ изъ земли наравнѣ съ низкимъ злакомъ. Никто не предпишетъ законовъ публикѣ: она властна судить и книги и сочинителей; но ея мнѣніе всегда ли ясно, всегда ли опредѣлительно? Сіе мнѣніе ищетъ опоры; если Академія посвятитъ часть досуговъ своихъ критическому обозрѣнію Россійской Словесности, то удовлетворитъ, безъ сомнѣнія, и желанію общему и желанію писателей, слѣдуя правилу, внушаемому намъ и любовію къ добру и самою любовію къ изящному: болѣе хвалить достойное хвалы, нежели осуждать, что осудить можно. Иногда чувствительность бываетъ безъ дарованія, но дарованія не бываютъ безъ чувствительности; должно щадить ее. Употребимъ сравненіе не новое, но выразительное: что дыханіе хлада для цвѣтущихъ растеній, то излишно строгая критика для юныхъ способностей души: мертвитъ, уничтожаетъ, а мы должны оживлять и питать — привѣтствовать славолюбіе, не устрашать его: ибо оно ведетъ ко славѣ, а слава автора принадлежитъ отечеству. Пусть низкое самолюбіе утѣшаетъ себя нескромнымъ охуж-

деніемъ, въ надеждѣ возвыситься уничиженіемъ другихъ: но вамъ извѣстно, что самый легкій умъ находитъ несовершенства; что только умъ превосходный открываетъ красоты въ сочиненіяхъ. Гдѣ нѣтъ предмета для хвалы, тамъ скажемъ все — молчаніемъ. Когда увидимъ важныя злоупотребленія, новости неблогобразумныя въ языкѣ, замѣтимъ, предостережемъ безъ язвительной укоризны. Судя о произведеніяхъ чувства и воображенія, не забудемъ, что приговоры наши основываются единственно на вкусѣ, неизъяснимомъ для ума; что они не могутъ быть всегда рѣшительны; что вкусъ измѣняется въ людяхъ и въ народахъ; что удовольствіе читателей раждается отъ ихъ тайной симпатіи съ авторомъ, и не подлежитъ закону разсудка; что мы никогда не согласимся съ Англичанами или Нѣмцами во мнѣніи о Шекспирѣ, или Шиллерѣ; что примѣръ изящнаго сильнѣе всякой критики дѣйствуетъ на успѣхи Литературы; что мы не столько хотимъ учить писателей, сколько ободрять ихъ нашимъ къ нимъ вниманіемъ, нашимъ сужденіемъ, исполненнымъ доброжелательства. Какъ ни пріятна для автора хвала публики и самое одобреніе Академіи, но будетъ еще пріятнѣе, если соединится съ благонамѣреннымъ разборомъ книги его, съ показаніемъ ея красотъ особенныхъ; когда опытный любитель искусства углубится взоромъ, такъ сказать, въ сокровенность души писателя, чтобы вмѣстѣ съ нимъ чувствовать, искать выраженій и стремится къ какому-то образцу мысленному, который бываетъ цѣлію болѣе или менѣе ясною для всякаго дарованія. Самолюбіе грубое довольствуется и нѣмою похвалою: она нѣма, когда не изъясняетъ своего предмета; но самолюбіе нѣжное требуетъ хвалы краснорѣчивой: она краснорѣчива, когда изображаетъ хвалимое.

Академія, желая возбудить дѣятельность умовъ, и прежде задавала темы писателямъ, обѣщая награды успѣху: сей способъ, одобряемый примѣромъ знаменитѣйшихъ ученныхъ Обществъ, Французской Академіи и другихъ, безъ сомнѣнія, также весьма дѣйствителенъ, когда выборъ предметовъ, соотвѣтствуя образованію народа, заманчивъ для ума и воображенія, благопріятствуетъ новости, богатству идей или картинъ, обращаетъ вниманіе на истинное состояніе искусства, гдѣ

вещество ждетъ руки художника, или мысль изображенія. Скажутъ, что всякій писатель слѣдуетъ собственному внутреннему влеченію: избираетъ, что ему нравится и не имѣетъ нужды въ указаніяхъ. Нѣтъ! сіи указанія бываютъ иногда плодотворны: чуждое, новое, неожидаемое имѣетъ особенную силу для разума дѣятельнаго; онъ спѣшитъ присвоить данную ему мысль, въ слѣдъ за нею стремится къ другимъ, и находитъ сокровища, которыя, безъ сего внѣшняго побужденія, остались бы для него, можетъ быть, недоступными. Обширное поле предъ нами: Философія нравственная съ своими наблюденіями, Исторія съ преданіями, Поэма съ вымыслами, свѣтская и семейственная жизнь съ картинами и характерами: вездѣ предметы для генія, нечуждаго Россіянамъ и въ самыя темныя времена невѣжества: ибо онъ не ждетъ иногда наукъ и просвѣщенія, — летитъ, и блескомъ своимъ озаряетъ пустыни. Такъ въ остаткахъ нашей древности, въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ народныхъ, сочиненныхъ, можетъ быть, дѣйствительно во мракѣ пустынь, видимъ явное присутствіе сего генія, видимъ живость мыслей, ему свойственную; чувствуемъ, такъ сказать, его дыханіе. Но онъ любитъ искусство, и гражданское образованіе мелькаетъ и во мракѣ, но красуется постоянно во свѣтѣ разума: не есть наука, но заимствуетъ отъ нея силу для вышняго паренія. Не дикіе имѣютъ Гомеровъ и Виргиліевъ. Прекрасный союзъ дарованія съ искусствомъ заключенъ въ колыбели человѣчества: они братья, хотя и не близнецы Жалѣемъ объ утраченныхъ пѣсняхъ древняго соловья, Бояна; жалѣемъ, что Слово о полку Игоревѣ одно служитъ для насъ памятникомъ Россійской Поэзіи XII вѣка; но вѣкъ Перикловъ, Августовъ, еще впереди для Россіи: да настанетъ онъ въ благословенное царствованіе Александра I, и да назовется Его великимъ именемъ!

По крайней мѣрѣ желаемъ того. Видимъ новыя училища, новыя средства воспитанія, новыя ободренія для наукъ и талантовъ; видимъ счастливыя дарованія, любовь къ знаніямъ и къ изящному, несомнительные успѣхи языка и вкуса, сильнѣйшее движеніе въ умахъ — и слѣдственно можемъ надѣяться. Пусть смѣлые приговоры нѣкоторыхъ критиковъ осуждаютъ

нашу Словесность на подражаніе, утверждая, что она не имѣетъ въ себѣ ничего самороднаго, особеннаго: можемъ согласиться съ ними, не охлаждая ревности нашихъ писателей, или не согласиться, доказавъ неосновательность сего приговора. Петръ Великій, могущею рукою своею преобразивъ отечество, сдѣлалъ насъ подобными другимъ Европейцамъ. Жалобы безполезны. Связь между умами древнихъ и новѣйшихъ Россіянъ прервалася навѣки. Мы не хотимъ подражать иноземцамъ, но пишемъ, какъ они пишутъ, ибо живемъ, какъ они живутъ, читаемъ, какъ они читаютъ, имѣемъ тѣ же образцы ума и вкуса; участвуемъ въ повсемѣстномъ, взаимномъ сближеніи народовъ, которое есть слѣдствіе самаго ихъ просвѣщенія. Красоты особенныя, составляющія характеръ Словесности народной, уступаютъ красотамъ общимъ: первыя измѣняются, вторыя вѣчны. Хорошо писать для Россіянъ: еще лучше писать для всѣхъ людей. Если намъ оскорбительно идти позади другихъ, то можемъ идти рядомъ съ другими къ цѣли всемірной для человѣчества, путемъ своего вѣка; не Мономахова, и даже не Гомерова, ибо потомство не будетъ искать въ нашихъ твореніяхъ ни красотъ Слова о полку Игоревѣ, ни красотъ Одиссеи, но только свойственныхъ нынѣшнему образованію человѣческихъ способностей. Тамъ нѣтъ бездушнаго подражанія, гдѣ говоритъ умъ, или сердце, хотя и общимъ языкомъ времени; тамъ есть особенность личная, или характеръ, вседа новый, подобно какъ всякое твореніе физической природы входитъ въ классъ, статью, въ семейство ему подобныхъ, но имѣетъ свое частное знаменіе. Съ другой стороны, Великій Петръ, измѣнивъ многое, не измѣнилъ всего кореннаго Русскаго — для того ли, что не хотѣлъ, или для того, что не могъ: ибо и власть Самодержцевъ имѣетъ предѣлы. Сіи остатки, дѣйствіе ли природы, климата, естественныхъ обстоятельствъ, еще образуютъ народное свойство Россіянъ, подобно какъ юноша еще сохраняетъ въ себѣ нѣкоторыя особенныя черты своего младенства, въ физическомъ и нравственномъ смыслѣ. Сходствуя съ другими Европейскими народами, мы и разнствуемъ съ ними въ нѣкоторыхъ способностяхъ, обычаяхъ, навыкахъ; такъ, что хотя и не можно иногда отличить

Россіянина отъ Британца, но всегда отличимъ Россіянъ отъ Британцевъ: во множествѣ открывается народное. Сію истину отнесемъ и къ Словесности: будучи зерцаломъ ума и чувства народнаго, она также должна имѣть въ себѣ нѣчто особенное, незамѣтное въ одномъ авторѣ, но явное во многихъ. Имѣя вкусъ Французовъ, имѣемъ и свой собственный: хвалимъ чего они не хвалятъ; молчимъ, гдѣ они восхищаются. Есть звуки сердца Русскаго, есть игра ума Русскаго въ произведеніяхъ нашей Словесности, которая еще болѣе отличится ими въ своихъ дальнѣйшихъ успѣхахъ. Молодые писатели не рѣдко подражаютъ у насъ иноземнымъ, ибо думаютъ, ложно или справедливо, что мы еще не имѣемъ великихъ образцевъ искусства: если бы сіи писатели не знали творцевъ чужеземныхъ, чтобы одѣлали? — подражали бы своимъ; но и тогда списки ихъ остались бы бездушными. А кто рожденъ съ избыткомъ внутреннихъ силъ, тотъ и нынѣ, начавъ подражаніемъ, свойственнымъ юной слабости, будетъ наконецъ самъ собою, — оставитъ путеводителей и свободный духъ его, какъ орелъ дерзновенный, уединенно воспаритъ въ горнихъ пространствахъ

Сему-то возвышенію отечественныхъ талантовъ мы должны содѣйствовать, Милостивые Государи, для ихъ и нашей славы, для ихъ и нашего удовольствія. Слава! — чье сердце, пока живо, можетъ совершенно охладѣть къ ея волшебнымъ прелестямъ, не смотря на всю обманчивость ея наслажденія? Плѣняя юношу своими лучезарными призраками, вѣнкомъ лавровымъ и плескомъ народнымъ, она манитъ и старца къ своимъ монументамъ долговѣчнымъ, къ памятникамъ заслугъ и благодарности. Мы желали бы изъ самаго гроба дѣйствовать на людей подобно невидимымъ добрымъ геніямъ, и по смерти своей еще имѣть друзей на землѣ. Но ежели слава измѣняетъ, то есть другая, вѣрнѣйшая, существеннѣйшая награда для писателя, отъ рока и людей независимая — внутреннее услажденіе дѣятельнаго таланта, изъясняющее для насъ удивительную любовь къ трудамъ и терпѣніе, коему мы обязаны столь многими безсмертными твореніями, и которое Бюффонъ называлъ превосходнѣйшимъ даромъ: ибо не одни сочинители фоліантовъ, не одни антикваріи имѣютъ нужду

въ терпѣніи; оно, можетъ быть, еще нужнѣе для великаго поэта, для великаго оратора, или великаго живописца природы.—»Удаленный отъ свѣта (сказалъ мнѣ, въ юности моей, старецъ Виландъ), не имѣя ни читателей, ни слушателей, въ дикой пустынѣ, среди необитаемаго острова, я въ восторгѣ бесѣдовалъ бы съ уединенною музою, неутомимо исправляя стихи мои, хотя бы и неизвѣстные міру.« Вотъ тайна писателей, часто, но не всегда ласкаемыхъ славою! Сильная мысль, истина, красота образа, выразительное слово, внезапно представляясь уму, оживляютъ душу и питаютъ ее такимъ чистымъ, полнымъ, ей сроднымъ удовольствіемъ, что она въ сіи счастливыя минуты забываетъ всякое иное земное счастіе. Когда, въ торжественномъ безмолвіи храма и пышнаго Двора Лудовикова, указывая на гробъ Великаго Конде, безсмертный Боссюэтъ гремѣлъ священнымъ гласомъ вѣры, совлекалъ блестящіе покровы съ суетнаго величія, обнажалъ ничтожность мірскихъ идоловъ, унижалъ гордыню, но возвышалъ душу откровеніями Неба: тогда, волнуя сердца, видя вездѣ слезы и самъ обливаясь ими, онъ безъ сомнѣнія, наслаждался полнотою чувствъ своихъ и дѣйствія ихъ на слушателей; но, можетъ быть, еще болѣе наслаждался, когда писалъ сію вдохновеніемъ ознаменованную рѣчь; когда углубляясь въ свою душу, черпалъ въ ней сіи разительныя слова и мысли! Юноши, рожденные съ истинными дарованіями! призываемъ васъ къ ученію и къ трудамъ; вы въ нихъ найдете для себя благороднѣйшія, неизъяснимыя пріятности — награду, которая выше похвалъ и славы!

Внутреннее удовольствіе любимца музъ дѣйствуетъ всегда и на душу читателей: они вмѣстѣ съ нимъ восхищаются умомъ или сердцемъ, забывая иногда житейскія безпокойства, переселяясь духомъ въ тихій, спокойный міръ умозрѣній, гдѣ обитаютъ вѣчныя истины, или вкушая сладость чувствъ добродѣтельныхъ, которыя одни имѣютъ силу приводить насъ въ умиленіе Видимъ иногда злоупотребленіе таланта; но цвѣты его на ядовитомъ полѣ разврата скоро увядаютъ и тлѣютъ: неувядаемость принадлежитъ единственно благу. Въ самыхъ мнимыхъ красотахъ порочнаго есть безобразіе, оскорбительное не только для

чувства нравственнаго, но и для вкуса въ изящномъ, коего единство съ добрымъ тайно для разума, но извѣстно сердцу. Низкія страсти унижаютъ, охлаждаютъ дарованіе; пламень его — есть пламень добродѣтели.

Будучи источникомъ душевныхъ удовольствій для человѣка, Словесность возвышаетъ и нравственное достоинство государствъ. Великія тѣни Паскалей, Боссюэтовъ, Фенелоновъ, Расиновъ, спасали знаменитость ихъ отечества и въ самыя ужасныя времена его мятежей народныхъ. Если бы Греки, если бы самые Римляне только побѣждали, мы не произносили бы ихъ имени съ такимъ уваженіемъ, съ такою любовію; но мы плѣнялись Иліадою и Энеидою; вмѣстѣ съ Аѳинянами слушали Демосѳена, съ Римлянами Цицерона. Побѣждали и Моголы: Тамерланы затмили бы Ѳемистокловъ и Цесарей; но Моголы только убивали, а Греки и Римляне питаютъ душу самаго отдаленнаго потомства вѣчными красотами своихъ твореній. Для того ли образуются, для того ли возносятся державы на земномъ шарѣ, чтобы единственно изумлять насъ грознымъ колоссомъ силы и его звучнымъ паденіемъ; чтобы одна, низвергая другую, чрезъ нѣсколько вѣковъ обширною своею могилою служила вмѣсто подножія новой державѣ, которая въ чреду свою падетъ неминуемо? Нѣтъ! и жизнь наша и жизнь имперій должны содѣйствовать раскрытію великихъ способностей души человѣческой; здѣсь все для души, все для ума и чувства; все безсмертно въ ихъ успѣхахъ! Сія мысль среди гробовъ и тлѣнія, утѣшаетъ насъ какимъ-то великимъ утѣшеніемъ. — Возвеличенная, утвержденная побѣдами, да сіяетъ Россія всѣми блестящими дарами ума безсмертнаго; да умножаетъ богатства наукъ и Словесности; да слава Россіи будетъ славою человѣчества — и да исполнится такимъ образомъ желаніе Екатерины Второй и Александра Перваго.

Карамзинъ.

30. На погребеніе Бецкаго.

Итакъ — мужъ, исполненный долготою дней, скончался вмалѣ. — Рука приближенныхъ закрыла хладными вѣждями померкшій навѣки взоръ его. — Бездыханное тѣло его предается благочестно гробу. — Признательность начертаетъ на камени имя его. — Чувствительное сердце оросить слезою гробницу его. . . И симъ ли свершилось воздаяніе тѣмъ подвигамъ его прехвальнымъ, извѣстнымъ престолу, отечеству, свѣту? — Потомство сплететъ ему вѣнецъ хвалы? — Но глава, увядшая подъ смертнымъ серпомъ, носить его уже не можетъ. — Бытописанія возвѣстятъ дѣла его? — Но сему не внемлетъ болѣе слухъ, прилегшій къ сердцу земли, котораго и гласъ грома не потрясаетъ. Воздвигнутъ въ честь его мѣдь или мраморъ? — Но подъ тяжестію сего изнемогаютъ кости, кои природа тихимъ маніемъ преклонила въ мирѣ уснуть и почить.

Боже великій! для сего ли всемогущая благость Твоя призываетъ человѣка во страну сію отцевъ и матерей, дабы только родиться и умереть? — Что жъ будетъ онъ предъ злакомъ, гибнущимъ отъ зноя на полѣ сельномъ, — или предъ муравіемъ, издыхающимъ подъ ногою путника скоротечнаго? Богоподобная добродѣтель! для сего ли любители твои жертвуютъ, изъ ревности къ тебѣ, всѣмъ сердцемъ и душею, всею крѣпостію силъ и самою жизнію, дабы, собравъ всеобщія хвалы дань, оставить ее у отверзтія гроба? — Но и сего стяжанія не имѣютъ тѣ, кои любви своея къ тебѣ имѣли свидѣтелемъ одну совѣсть и Бога.

Свѣтъ сей есть для добродѣтели подвигъ; но не въ немъ ея награда. Мы память ея украшаемъ тлѣнными вѣнцами, ибо не можемъ украсить ее нетлѣнными. Такъ! самая смерть добродѣтельныхъ есть доказательствомъ безсмертія и того блаженства, которое подвигамъ благочестивымъ предоставлено во странахъ небесныхъ, въ царствѣ вѣчности!

Добродѣтель, съ которой стороны ни воззримъ на лице ея, вездѣ чиста, прекрасна, божественна. Обращено ли оно къ Богу? На немъ изображено исполненіе всѣхъ тѣхъ отношеній, каковыми разумная тварь обязана къ своему Создателю. Обращено ли оно къ

человѣку? На немъ сіяютъ сіи сердечныя мысли: се ближній мой! я люблю его, яко самого себя. Обращено ли оно на грудь свою? На немъ зрится напечатлѣнно вниманіе къ собственнымъ и достоинствамъ и обязанностямъ своимъ: азъ есмь церковь Бога живаго, прославлю Бога и въ душѣ и въ тѣлеси своемъ. — Добродѣтель и во свѣтѣ просвѣщенія тѣмъ сіятельнѣе: она блистательна и среди мрака заблужденій. Зерцало ея есть солнце, или паче Богъ; да будетъ истина и правда ея яко полудне, яко совершенства Бога. Она величественна въ порфирѣ; она и въ рубищахъ любезна. Преславна подъ шлемомъ и щитомъ; знаменита и на нивѣ при ралѣ. Достохвальна во храмѣ у священнаго олтаря; благословенна и въ домѣ, во градѣ и веси.

Украшенъ ли добродѣтелію умъ? Тогда размышленія его невинны, познанія спасительны, предпріятія кротки, намѣренія безвредны, совѣты благіе. Тогда мысль возносится къ Виновнику бытія, дабы повергнуться предъ Нимъ со благоговѣніемъ. Разсматриваетъ дѣла Божія, дабы прославить премудрость Его. Познаетъ совершенства Господа своего, дабы имѣть ихъ основаніемъ и закономъ жизни. — Любитель мудрости уже есть нѣчто большее, нежели человѣкъ, который иногда предъ очами высокомѣрія является презрѣннѣе праха; но когда при мудрости сіяетъ душа его красотою добродѣтели, не есть ли онъ, яко Ангелъ Божій?

Воодушевлено ли добродѣтелію сердце? Тогда желанія его непорочны, надежды небесныя, любовь къ Богу чистѣйшая, человѣколюбіе безъ лицепріятія, искренность безъ лести, благотвореніе безъ величавости. Тогда сердце кротко, яко агнецъ; мирно, яко утренняя заря. Его страсти не раздираютъ, не влекутъ въ плѣнъ рабства чувственныя прелести. Не намъ, не намъ токмо таковое сердце любезно. Оно обращаетъ на себя взоръ Сердцевѣдца. Небесная нѣкая радость и неизобразимое удовольствіе суть или знаменіемъ присутствующаго уже въ немъ Божества, или вѣстниками приближенія Его, по обѣщанію: Имѣяй заповѣди моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя, и азъ возлюблю его, и явлюся ему Самъ, глаголетъ Спаситель.

Сопутствуетъ ли добродѣтель по степенямъ счастія, на которое возводитъ промыслъ Вышняго? Тогда власть и могущество для прибѣгающихъ подъ кровъ ихъ суть яко матернія крылія для птенцовъ невооперенныхъ. Тогда богатство и изобиліе проливаются рѣкою, коея благотворными струями утоляетъ бѣдность жажду свою. Тогда слава есть торжественный примѣръ — или мужества, коего трепещетъ не меньше высокомѣрный врагъ, какъ и лукавый порокъ, — или великодушія, столь же терпѣливо преносящаго удары напастей, какъ и беззлобно прощающаго обиды, — или ревности къ вѣрѣ и закону, или вѣрности къ отечеству и любви къ Государю. — Сіи опыты добродѣтели не суть плодъ воображенія и мечты.

Воскресите, воскресите въ памяти вашей тѣхъ мужей, кои были красотою и утѣшеніемъ человѣческаго рода. Всевышній хранилъ ихъ, яко зѣницу ока, и для добродѣтелей ихъ усугублялъ благословенія свои въ людяхъ. Онъ взирая на нихъ, преклонялся долготерпѣніемъ и къ тѣмъ, кои служили идолу порока, кои достойны были Его праведнаго пораженія. — Вообразите и нынѣ, въ теченіе сея нашея жизни, въ нашемъ отечествѣ, въ Россійстѣй Церкви, во градѣ семъ, и въ семъ, безъ сомнѣнія, храмѣ находящихся, кои красотою души и сердца своего, красотою дѣяній своихъ плѣняютъ сердца и души наши. Мы съ радостію жертвуемъ имъ удивленіемъ, любовію, благодарностію, прославленіемъ: ибо принесть другой жертвы не можемъ. Такъ уже ли мысль, воспаряющая чрезъ предѣлы міра ко престолу Предвѣчнаго, созерцающая совершенства Его, и на земли для служенія Ему сооружающая духовный алтарь, — мысль, обтекающая во едино мгновеніе и небо и землю, прошедшіе вѣки и грядущіе, и даже въ вѣчности не находящая быстрому полету своему предѣловъ, смѣшается со прахомъ? Уже ли тотъ духъ, духъ мудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія, духъ страха Господня, погаснетъ подобно смертному факелу? Уже ли то сердце, украшенное благостію и правдою, истиною и святостію, кротостію и человѣколюбіемъ, доброжелательствомъ и благотвореніемъ, пожерто будетъ тлѣніемъ?

Тѣ желанія святыя, тѣ надежды небесныя исчезнутъ какъ дымъ, какъ мечта? Для сего ли премудрость Божія возвышаетъ человѣка до такой степени совершенствъ въ естественномъ и нравственномъ свѣтѣ, дабы тѣмъ стремительнѣе повергнуть его въ бездну ничтожества? Для сего ли хвалимся носити образъ Предвѣчнаго Создателя нашего, дабы содѣлаться тѣмъ вожделѣннѣйшею добычею все чувственное поглощающія смерти? — Гдѣ же тѣ обѣщанія Евангельскія: Вѣруяй въ Мя не погибнетъ, но имать животъ вѣчный? Гдѣ та отрада, которую добродѣтель вливаетъ въ сердце среди горести и несчастія? Гдѣ та совѣсть, внушающая любити честность ни по страху человѣческому, ни для похвалъ внѣшнихъ? Гдѣ вѣра? гдѣ законъ? гдѣ праведный Богъ? — Что чувствовалъ тогда порфироносный Пророкъ, когда, разсматривая суетность гибнущихъ удовольствій, сказалъ: Азъ правдою явлюся лицу Твоему, Боже! насыщуся, внегда явити-ми-ся славѣ Твоей? Какою надеждою столь живо, столь несомнительно былъ воодушевленъ Божественный Апостолъ, когда произнесъ: Дерзаемъ и благоволимъ паче отъити отъ тѣла и внити ко Господу? Откуда та радость, съ которою страдальцы святые послѣднее испускали дыханіе, вѣщая: Боже! въ руцѣ Твои предаю духъ мой? И мы, благочестивые Христіане! и мы не речемъ ли съ Апостоломъ Павломъ: Аще въ животѣ семъ точію уповающи есмы во Христа, окаяннѣйши всѣхъ человѣковъ есмы?

По понятію, какое имѣли ненаказанные еще во дни Соломона, что съ тѣломъ, обратившимся въ пепелъ, и духъ разліется, яко мягкій воздухъ, — по сему немилосердому и вмѣстѣ богохульному понятію, что была бы жизнь наша, какъ не время проклинать день рожденія своего, и оплакивать будущее свое изчезновеніе? О таковой кончинѣ праведника не воздохнутъ ли небеса, гдѣ душа его полагала отечество свое? Не возстенаетъ ли вѣчность, которыя блаженствомъ уже преднаслаждалось сердце его? По сему понятію Богъ, нѣсть Богъ живыхъ и мертвыхъ.

Упоенный прелестями нечестія и разврата порокъ! онъ-то плѣннику своему льститъ конечнымъ бытія разрушеніемъ. По его внушеніямъ вѣчность

мечта: ибо всѣ удовольствія его остаются по сю сторону гроба. Онъ восхищая иногда временное достоляніе добродѣтели, мнитъ быти честность и правоту ея суетными, и тщетными всѣ подвиги ея. — Дѣламъ, совершаемымъ изъ любви Бога и Его закона, остаться безъ воздаянія, есть то же, что душѣ богоподобной обратиться въ ничто. Если бы праведнику за подвиги его, кои онъ сѣетъ иногда при толикихъ озлобленіяхъ, орошаетъ не рѣдко толь многими слезами, предоставлено было собирать здѣсь на земли воздаяній жатву: то возмогъ ли бы кто лишить его принадлежащаго ему права? Злымъ зло, благо добрымъ: истина сія вѣчна. Гдѣ же она воздѣйствуетъ во всей силѣ, когда жизнь сія есть брань, гдѣ побѣда не рѣдко остается на противной сторонѣ? Судъ Бога нѣсть яко же судъ человѣка. Азъ, глаголетъ Господь, азъ воздамъ комуждо по дѣломъ его. Есть Богъ, Богъ праведный. Воздаяніе добродѣтели въ руцѣ Его. Оно столь же нетлѣнно, какъ безсмертная душа, столь велико, сколь благъ мздовоздаятель Господь. — Такъ мужъ, исполненный небесныхъ надеждъ, совершивъ подвиги благіе, возлегаетъ съ веселіемъ на смертный одръ! Святая вѣра разсыпаетъ весь тотъ страхъ, отъ котораго не можетъ не содрогаться сердце, воображающее, кто есть Богъ; и какая къ Нему обязанность человѣка. Онъ оставляетъ память о себѣ въ имени и въ дѣлахъ — въ имени, написанномъ въ книгѣ вѣчнаго живота, — въ дѣлахъ, увѣнчанныхъ небесною славою. Если память его можно по достоинству почтить на землѣ, то подражаніемъ жизни его, взирая на кончину его. Добродѣтель не пресе-ляется во страну вѣчности, не напечатлѣвъ красными стопами на мѣстѣ бытія своего любезнѣйшихъ слѣдовъ.

Такъ! . . . и гдѣ почившаго нынѣ сего знаменитаго мужа, предлежащаго въ сей гробницѣ, въ семъ храмѣ, предъ очами нашими, гдѣ душа его не ознаменовала доброты своея? Священная память временъ Отца Отечества, Петра Великаго, есть началомъ бытія его, яко человѣка, и жизни его, яко сына отечества: тридесять пятый годъ благословеннаго царствованія премудрыя Екатерины II, Матери нашея, есть предѣломъ девяти-десятилѣтняго теченія дней его.

Сіи едины, толь великія, толь высокознаменитыя во вселенной эпохи, уже дѣлаютъ періодъ жизни его достопримѣчательнымъ. Но, при благородномъ сердцѣ, при нѣжномъ чувствованіи честнаго и похвальнаго, при свѣтѣ любомудрія Божественнаго и человѣческаго, при мудромъ правленіи толь великихъ скипетровъ, стяжалъ онъ и по личнымъ достоинствамъ право на общее отъ всѣхъ уваженіе къ особѣ своей. — Кто сидящаго на престолѣ человѣколюбія исполнилъ ревностно волю призрѣть на ничтожныхъ сиротъ, повергаемыхъ на распутія? — Онъ. Кто во храмѣ художествъ, воздвигнутомъ мудростію, пекущеюся о просвѣщеніи подчиненныхъ, поспѣшествовалъ усердно намѣреніямъ Ея, соблюлъ свято Ея уставы? — Онъ. Кого Великая Монархиня, при изліяніи щедротъ своихъ на новое учрежденіе и распространеніе воспитанія благороднаго юношества обоего пола, удостоила быть правителемъ? — Его. Кому Высочайше благоволила повѣрить смотрѣніе надъ сооруженіемъ безсмертнаго памятника Петру Первому Екатерина Вторая? — Ему. Нева! Нева, гордясь красотою бреговъ, свидѣтельствуетъ о тщаніи его къ исполненію велѣній Монаршихъ. — Его любовь къ человѣчеству не щадила иждивеній, не болящимъ токмо подавая помощь, но самой природѣ, мучащейся рожденіемъ во свѣтъ безсильнаго младенца. — Сколько воспитанниковъ запечатлѣли въ сердцѣ своемъ его благодѣянія! Великая Государыня благоволила наконецъ, при многихъ знакахъ отличностей, украсить его собственнымъ его изображеніемъ: такъ онъ былъ подобенъ себѣ въ намѣреніяхъ, въ совѣтахъ, въ благоразуміи, въ некорыстолюбіи, въ вѣрности, въ любви къ отечеству и законамъ.

Боже Праведный! Боже Спасителю! у Тебе мѣрило нашихъ дѣлъ. — Къ Тебѣ, яко Создателю своему, восходитъ духъ, когда мертвенное жилище его разрушается. — Тебѣ любезна добродѣтель: ибо Ты Святъ; упокой душу раба Твоего, Болярина Іоанна, идѣже праведные водворяются.

Анастасій.

31. Слово, при совершеніи годичнаго поминовенія по воинахъ, на брани Бородинской животъ свой положившихъ.

Смерть есть общій всѣхъ человѣковъ жребій. Но умереть за Вѣру, за царя, за отечество, есть подвигъ, исполненный безсмертія и славы. Герой, вооружающійся для защищенія святыни, имъ почитаемой, ради спасенія соплеменныхъ своихъ, любезенъ и великъ предъ очами Божіими и человѣческими, — и память его во благословеніихъ.

Какая брань можетъ сравниться съ тою ужасною бранію, которая въ сей день Россійскихъ воиновъ покрыла славою на Поляхъ Бородинскихъ? Гордый и ненасытный завоеватель кровавый мечъ свой внесъ уже во внутренность отечества нашего, уже разрушилъ древнюю твердыню, уже достигъ предѣловъ той счастливой области, гдѣ возноситъ златые верхи свои первопрестольная, величественная, священная столица Россійской Державы. Восхищенный успѣхами, онъ воскликнулъ: еще шагъ, - и Москва падетъ къ ногамъ нашимъ. — Но что жъ? — Посѣдѣвшій во бранѣхъ вождь противопоставляетъ ему твердыню крѣпче мѣди и мрамора; противопоставляетъ ему собственную опытность, благоразуміе и мужество; противопоставляетъ вѣрность и храбрость воиновъ, имъ предводительствуемыхъ —Засверкали мечи, загремѣли громы, восколебался воздухъ, потряслися сердца горъ; крѣпкая Моавля пріятъ трепетъ. Самый врагъ, который заставлялъ все трепетать предъ собою, вострепеталъ, и неустрашимый устрашился, и непобѣдимый отчаялся въ побѣдѣ. — Вселенная, взирая на сіе кровавое позорище, познала могущество и храбрость Россовъ; гадая, она рекла въ сердцѣ своемъ: рано ли, поздо ли, кроткій Давидъ побѣдитъ гордаго Голіаѳа.— Поля Бородинскія! откуда безчисленные холмы сіи, которые доселѣ не покрывали васъ? Не могилы ли избіенныхъ враговъ, стремившихся разрушить Россійское Царство, и подъ развалинами оныхъ погребсти блаженство наше? — Чѣмъ исполнены пространныя нѣдра ваши? Не костями ли злодѣевъ нечестивыхъ, хотѣвшихъ истребить вѣру отецъ нашихъ? Тмы

темъ падоша иноплеменныхъ, и сокрушишася оружія бранная.

Но ахъ! въ семъ толь славномъ для воинства нашего сраженіи, сколь великія потери претерпѣли мы сами? Сколько погибло опытныхъ и мощныхъ воиновъ? Сколько благороднаго дворянства еще въ цвѣтѣ юности, подобно нѣжной розѣ, увяло отъ громовъ сея кровопролитныя брани? Сколько пало или уязвлено искусныхъ и мужественныхъ вождей? — Храбрый Багратіонъ! и твои геройскіе подвиги кончились на поляхъ Бородинскихъ.

Православные воины, положившіе животъ свой за вѣру, за царя, за отечество! кіими похвальными вѣнцы увяземъ васъ? Какія почести воздадимъ безсмернымъ подвигамъ вашимъ? какую жертву благодаренія и признательности принесемъ? — Защитники Церкви и отечества, возлюбленніи и прекрасніи, неразлучни въ вѣрѣ и вѣрности, благолѣпни въ животѣ своемъ, и въ смерти своей не разлучистеся, паче орловъ легцы, и паче львовъ крѣпцы. Такъ, пали они отъ ударовъ врага, но гласъ крове ихъ, яко гласъ крове Авелевой, возопіялъ отъ земли, умоляя Господа Силъ о отмщеніи. Такъ, ихъ пламенное рвеніе и мужество не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, и сынъ нечестія плѣнилъ столицу; съ мечемъ и пламенникомъ вошелъ въ достояніе Господне, и осквернилъ храмъ святый Его, но силы его уже были ослаблены, лукъ преломленъ, щитъ сокрушенъ. Пораженные врагомъ положили начало того ужаснаго пораженія, которое ожидало его самого. Среди пламени, пожиравшаго градъ сей, смущаемый страхомъ, терзаемый злобою, онъ, яко Каинъ, трясся и трепеталъ. Наконецъ, гонимый свыше, предался постыдному бѣгству; — и вои его, колесницы, тристаты его, погрязли въ пучинахъ снѣжныхъ. Кто Богъ велій яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ творяй чудеса!

И такъ много потеряло отечество во брани сей: но можно ли цѣнить то, что оно пріобрѣло? Сею жестокою битвою спасена цѣлость государства, сохранено величіе и слава народа, возвращена безопасность и тишина, и гордый Фараонъ позналъ, что Россіяне суть языкъ избранный, людіе Божіи, и Россія есть страна, покровительствуемая Небомъ.

Сколь убо ни велики потери наши, утѣшимся, прекратимъ стенанія, отремъ слезы! — Но ахъ, нѣжная супруга! гдѣ отецъ милыхъ дѣтей твоихъ? Онъ не возвращался еще съ Полей Бородинскихъ. Онъ тамъ; и дѣти твоя сироты. — Прижми, прижми ихъ къ сердцу своему, ороси слезами. — Онъ тамъ; — да почіетъ съ миромъ почтенный прахъ его! Ты разлучилась съ нимъ на вѣки, но любовь его къ тебѣ и дѣтямъ прешла съ нимъ въ вѣчность. Небесный Отецъ будетъ отцемъ сиротъ твоихъ и утѣшителемъ тебя самой. Отецъ отечества, Помазанникъ Господень, призритъ на васъ окомъ Своея всеобъемлющія благости, милостями Своими усладитъ горести ваши. — Сердобольные родители! и вашъ сынъ палъ среди кровавой брани: оплачьте его; но вмѣстѣ и утѣшьтесь, тою вѣрою, въ которой вы сами наставляли и утверждали его и словомъ и примѣромъ. Онъ убитъ еще въ цвѣтѣ юности; но онъ довольно жилъ для отечества, довольно для чести своей и вашей. Онъ не достигъ высшихъ и знаменитыхъ почестей; но вѣнецъ страдальческій уготованъ ему въ небеси. Онъ не наслѣдуетъ достоянія вашего, но получитъ наслѣдіе Іисусъ Христово. Святая Церковь не престанетъ молить Господа, какъ о немъ, такъ и о всѣхъ сподвижникахъ его; да воздастъ имъ за временные труды и язвы животъ вѣчный и блага вѣчная, да проліетъ имъ источники блаженства небеснаго и увѣнчаетъ славою у Себе самого.

Земля отечественная! храни въ нѣдрахъ своихъ любезные останки поборниковъ и спасителей отечества; не отяготи собою праха ихъ, вмѣсто росы и дождя, окропятъ тебя благодарныя слезы сыновъ Россійскихъ. Зеленѣй и цвѣти до того великаго и просвѣщеннаго дне, когда возсіяетъ заря вѣчности, когда солнце правды оживотворитъ вся сущая во гробѣхъ. — Аминь.

Августинъ.

32. На коронованіе Императора Александра I.

И такъ сподобилъ насъ Богъ узрѣть Царя своего вѣнчанна и превознесенна! — Что же теперь возглаголемъ мы, что сотворимъ, о Россійстіи сынове! Возблагодаримъ ли Вышнему Царю царей за таковое о любезномъ Государѣ нашемъ и о насъ благоволеніе? И мы благодаримъ всеусерднѣйше. — Возслемъ ли къ Нему моленія, да добротѣ сей подастъ силу? И мы молимъ Его всею вѣрою нашею. — Принесемъ ли что-либо въ даръ Господу? И Онъ благихъ нашихъ не требуетъ; а и сей самый вѣнецъ, и скипетръ, и державу, и Россію, и всѣхъ насъ, сердца и утробы, приносимъ Ему, и вручаемъ Ему. — Привѣтствовать ли Ваше Императорское Величество съ симъ облеченіемъ славы? И мы привѣтствуемъ всеподданнѣйше. — Изъявлять ли намъ Вашему Величеству свое усердіе и вѣрность? И мы то свидѣтельствуемъ предъ лицемъ неба и земли, предъ лицемъ сего алтаря, и предъ лицемъ Бога и Ангеловъ Его. — Пожелать ли Вашему Императорскому Величеству счастливаго и долголѣтняго царствованія? О! забвенна буди десница наша, аще не всегда будемъ оную воздѣвать къ небесамъ въ жару моленій нашихъ — Молиться ли, да Богъ Самъ управляетъ Тобою, просвѣщая мысль и удобряя сердце? О! прильпни языкъ нашъ къ гортани нашей, аще на что другое онъ будетъ обращенъ, а не на таковыя токмо моленія. — Пасть ли намъ предъ престоломъ величества Божія, да находя въ Монархѣ своемъ чадолюбиваго отца, будемъ мы къ Нему привержены любовію, ако чада? И мы падаемъ и громко предъ Нимъ вопіемъ: Премудрый Художникъ! мы предъ Тобою бреніе; сотвори изъ бренія сего сосуды не въ безчестіе, но сосуды въ честь. — Таковымъ образомъ многоразличныя обращая въ сердцахъ чувствія, усматриваемъ нѣчто особаго вниманія и озабочиванія достойное.

Вселюбезнѣйшій Государь! сей вѣнецъ на главѣ Твоей есть слава наша: но Твой подвигъ. Сей скипетръ есть нашъ покой: но Твое бдѣніе. Сія держава есть наша безопасность: но Твое попеченіе. Сія порфира есть наше огражденіе: но Твое ополченіе.

Вся сія утварь Царская есть намъ утѣшеніе: но Тебѣ бремя.

Бремя по истинѣ и подвигъ! Предстанетъ бо лицу Твоему пространнѣйшая въ свѣтѣ Имперія, каковую едва ли когда видѣла вселенная, и будетъ отъ мудрости Твоея ожидать во всѣхъ своихъ членахъ и во всѣмъ тѣлѣ совершеннаго согласія и благоустройства. — Узриши сходящіе съ небесъ вѣсы правосудія, со гласомъ отъ Судіи неба и земли: да судиши судъ правый, и вѣсы Его да не уклониши ни на шуее, ни на десное. — Узриши въ лицѣ благаго Бога сходящее къ Тебѣ милосердіе, требующее, да милостивъ будеши ко вручаемымъ Тебѣ народамъ. — Достигнутъ бо престола Твоего вдовицы, и сироты, и бѣдные, утѣсняемые во зло употребленною властію, и лицепріятіемъ, и мздоимствомъ лишаемые правъ своихъ, и вопить не престанутъ, да защитиши ихъ, да отреши ихъ, слезы, да устроиши ихъ вездѣ проповѣдывать Твою промыслительную державу. — Предстанетъ и самое человѣчество въ первородной своей и нагой простотѣ, безъ всякаго отличія порожденій и происхожденій: взирай, возопіетъ, общій Отецъ, на права человѣчества: мы равно всѣ чада Твои. Никто не можетъ быть предъ Тобою извергомъ, развѣ утѣснитель человѣчества и подымающій себя выше предѣловъ его. — Наконецъ благочестію Твоему предстанетъ и Церковь, сія мать, возродившая насъ духомъ, облеченная въ одежду, обагренную кровію Единороднаго Сына Божія. Сія Августѣйшая Дщерь Неба хотя довольно для себя находитъ защиты въ единой Главѣ своей, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, яко огражденная силою креста Его, но и къ Тебѣ, Благочестивѣйшій Государь, яко къ первородному сыну своему, прострετъ она свои руки, и ими объявъ Твою любезнѣйшую выю, умолять не престанетъ: да сохраниши залогъ вѣры цѣлъ и невредимъ, да сохраниши не для Себя токмо, но паче да явиши Собою примѣръ благочестія, и тѣмъ да заградиши нечестивыя уста вольнодумства, и да укротиши злый духъ суевѣрія и невѣрія.

Но съ Ангелами Божіими не усомнятся предстать и духи злобы. Отважатся окрестъ престола Твоего пресмыкатися и ласкательство, и клевета, и пронырь-

ство, со всѣмъ своимъ злымъ порожденіемъ, и дерзнутъ подумать, что аки бы подъ видомъ раболѣпности можно имъ возобладать Твоею прозорливостію. Откроетъ безобразную главу свою мздоимство и лицепріятіе, стремясь превратить вѣсы правосудія. Появится безстыдно и роскошь, со всѣми видами нечистоты, къ нарушенію святости супружествъ и къ пожертвованію всего единой плоти и крови въ праздности и суетѣ:

При таковомъ злыхъ полчищъ окруженіи, обымутъ Тя истина и правда, и мудрость, и благочестіе, и будутъ, охраняя державу Твою, вкупѣ съ Тобой желать и молить: да воскреснетъ въ Тебѣ Богъ, и расточатся врази Твои.

Се подвигъ Твой, Державнѣйшій Государь! се брань, требующая, да препояшеши мечь Твой по бедрѣ Твоей, о Герой! и наляцы, и успѣвай, и царствуй, и наставитъ Тя дивно десница Вышняго.

Дивно, глаголемъ; ибо отъ всего того предохранить себя, все то превозмочь, все управить въ мирѣ и благоустройствѣ, требуетъ силъ болѣе нежели человѣческихъ. Почему судя о Тебѣ, хотя превознесенномъ паче всѣхъ человѣкъ, но яко о человѣкѣ, и должны бы мы свои радости и восторги торжественные въ своихъ предѣлахъ удержать.

Удержать, — но что же означаетъ сіе, днесь надъ Тобою совершившееся дѣйствіе? Состоитъ ли оно въ одной наружности? составляетъ ли только одинъ простой обрядъ? — Ахъ, нѣтъ! О Давидѣ, егда избранъ онъ былъ Богомъ въ Царя Израилю, и святымъ елеемъ помазанъ, слово Божіе гласитъ: и ношашеся Духъ Господень надъ Давидомъ отъ того дне и потомъ. Сіе духа Господня ношеніе въ день сей осѣнило и освятило главу Твою. Не тщетны желанія всея Россіи; не тщетны моленія всея Церкви. Призираетъ Господь на молитву смиренныхъ и не уничижитъ моленія ихъ.

Да и самое души Твоея расположеніе привлекаетъ таковое призрѣніе Господне; ибо точно можемъ мы о Тебѣ, Государь! то же сказать, что сказано о помазанникѣ Давидѣ: и Давидъ красенъ, добръ очами, и благъ взоромъ Господеви. Что само по себѣ не толико бъ было важно, ежели бъ оно не было

точнымъ знаменіемъ Твоея красоты душевныя, доброты мыслей и благости сердечныя.

И такъ, великодушнѣйшій Государь! симъ укрѣпися и ободрися. Съ такою помощію небесною, съ таковымъ дарованнымъ Тебѣ духомъ Владычнимъ, подвигъ Твой будетъ удобенъ, бдѣніе Твое будетъ сладостно, попеченіе Твое будетъ успѣшно, бремя легко, и ополченіе Твое будетъ побѣдительно и торжественно.

Но се! и еще подаетъ Тебѣ Богъ своего о Державѣ Твоей промышленія печать видимую. Вложилъ Онъ въ сердце Вашему Императорскому Величеству, да и любезнѣйшую Свою Супругу, Ея Императорское Величество, сотвориши участну Своея чести и славы вѣнчанія и помазанія. Сіе сходственно съ уставомъ Предвѣчнаго. Когда священный супружества союзъ совокупилъ Васъ во едино, и когда уставлено Богомъ быти женѣ помощницею своему мужу, то и честь ихъ должна быть нераздѣльна. Благоразуміе же и добродѣтели Ея Величества оправдятъ благую всѣхъ насъ о Ней надежду; конечно оправдитъ Она слово Господне, дабы быть вѣрною Вашему Величеству въ ношеніи общественнаго бремени помощницею.

Видя таковымъ образомъ отвсюду огражденна и укрѣпленна Тебе, Великій Государь! и радуемся, и торжествуемъ, и привѣтствуемъ, и благодаримъ Господа, и вопіемъ: Благословенъ Господь, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ, и вознесе рогъ Христа Своего!

Но прежде всѣхъ и паче всѣхъ да возрадуется душа Твоя, Благочестивѣйшая Государыня Императрица Марія Θеодоровна, о благословенномъ плодѣ чрева Твоего! О коль сладостенъ, коль питателенъ для насъ есть сей плодъ Твой! Святая Твоя кровь течетъ по жиламъ Его, и все, что въ ней есть животворное и добротное, сообщено и Ему. Давно Апостолъ провозгласилъ: аще корень святъ, то и вѣтви. Корень вѣтви оживляетъ, а вѣтви корень украшаютъ. Не есть ли сіе въ сердцѣ Твоемъ, Благочестивѣйшая Государыня! живоноснымъ источникомъ полныя радости? Ежели какая была и есть въ душѣ Твоей скорбь: не доволенъ ли источникъ сей оную усладить? Ежели какія бурныя тучи помрачили мысль

Твою: сіе возсіявшее отъ Тебя свѣтило не довольно ли разогнать весь мракъ сей? — И такъ, видя днесь, яко матерь Соломонова, Сына Своего вѣнчана и превознесенна, возрадуйся и возвеселися и возблагодари Господу, столь милостиво Тя посѣтившему. А мы всѣ вкупѣ, со всею Россіею, послѣдуя Тебѣ, яко ликоначальницѣ Маріамѣ, ударяя въ тимпаны и кимвалы нашихъ сердецъ, предъ священнѣйшимъ лицемъ Боговѣнчаннаго Монарха нашего взыграемъ и воспоемъ, и услышано будетъ до послѣднихъ земли: съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся! могущіи покоряйтеся! Аще бо паки возможете, и паки побѣждени будете, яко съ нами Богъ!

Платонъ.

33. Богъ.

О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ: Богъ!

Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ,
Хотя и могъ бы умъ высокій, —
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ:
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,
Въ Твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.

Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ;
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ себѣ самомъ Ты основалъ.
Себя собою составляя,
Собою изъ себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ?
Создавый все единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есь, Ты будешь ввѣкъ!

Ты цѣпь существъ въ себѣ вмѣщаешь.
Ее содержишь и живишь,
Конецъ съ началомъ сопрягаешь,
И смертію животъ даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ Тебя родятся;
Какъ въ мразный ясный день зимой
Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сіяютъ:
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.

Свѣтилъ возжженныхъ милліоны
Въ неизмѣримости текутъ;
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ.
Но огненны сіи лампады,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эѳиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры —
Передъ Тобой, какъ нощь предъ днемъ.

Какъ капля въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія.
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣономъ,
Міры ужножа милліономъ.
Стократъ другихъ міровъ — и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною:
А я передъ Тобой — ничто.

Ничто! — Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ;
Во мнѣ себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю;
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты;
Тебя душа моя быть чаетъ,
Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ:
Я есмь; — конечно есь и Ты!

Ты есь! — природы чинъ вѣщаетъ,
Гласитъ мое мнѣ сердце то,
Меня мой разумъ увѣряетъ,
Ты есь — и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной

Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ,
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.

Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайняя степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества;
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю;
Умомъ громамъ повелѣваю;
Я Царь — я рабъ, я червь — я богъ!
Но будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ произшелъ? — безвѣстенъ;
А самъ собой я быть не могъ.

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе;
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе Твое.

Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души мой
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей!
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ни чѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить.

Державинъ.

34. На смерть К. Мещерскаго.

Глаголъ временъ! металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ;
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ и къ гробу приближаетъ.

Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
Уже зубами смерть скрежещетъ,
Какъ молнiей, косою блещетъ,
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.

Ничто отъ роковыхъ когтей,
Никая тварь не убѣгаетъ;
Монархъ и узникъ снѣдь червей,
Гробницы злость стихiй снѣдаетъ;
Зiяетъ время славу стерть.
Какъ въ море льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы;
Глотаетъ царства алчна смерть.

Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся;
Прiемлемъ съ жизнью смерть свою;
На то, чтобъ умреть, родимся.
Безъ жалости все смерть разитъ:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мiрамъ она грозитъ.

Не мнитъ лишь смертный умирать,
И быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ;
Приходитъ смерть къ нему, какъ тать,
И жизнь внезапу похищаетъ.
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе:
Ея и громы не быстрѣе
Слетаютъ къ гордымъ вышинамъ.

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскiй! ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился;
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ жъ онъ?—Онъ тамъ.—Гдѣ тамъ?—Не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!

Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравiемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь
И духъ мятется отъ печали.
Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воютъ клики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ.

Глядитъ на всѣхъ — и на Царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы;
Глядитъ на разумъ возвышенный;
Глядитъ на силы дерзновенны,
И точитъ лезвее косы.

Смерть, трепетъ естества и страхъ!
Мы гордость, съ бѣдностью совмѣстна,
Сегодня богъ, а завтра прахъ;
Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра — гдѣ ты, человѣкъ?
Едва часы протечь успѣли,
Хаоса въ бездну улетѣли,
И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ.

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта
Изчезла и моя ужъ младость;
Не сильно нѣжитъ красота,
Не столько восхищаетъ радость;
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ;
Желаніемъ честей размученъ,
Зоветъ, я слышу, славы шумъ.

Но такъ и мужество пройдетъ.
И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье;
Богатствъ стяжаніе минетъ,
И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье
Прейдетъ, прейдетъ въ чреду свою:
Пойдите счастья прочь возможны!
Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны!
Я въ дверяхъ вѣчности стою.

Сей день иль завтра умереть,
Перфильевъ! должно намъ конечно:
По что жъ терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?
Жизнь есть Небесъ мгновенный даръ:
Устрой ее себѣ къ покою.
И съ чистою твоей душою
Благословляй судебъ ударъ.

Державинъ.

35. Властителямъ и судіямъ.

Возсталъ Всевышній Богъ, — да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ
»Доколѣ, рекъ, доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?

»Вашъ долгъ есть: сохранять законы,
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставлять.

»Вашъ долгъ: спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ,
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ.«

Не внемлютъ! Видятъ — и не знаютъ!
Покрыты мздою очеса;
Злодѣйства землю потрясаютъ;
Неправда зыблетъ небеса.

Цари! я мнилъ: вы Боги властны,
Никто надъ вами не судья;
Но вы, какъ я, подобно страстны,
И также смертны, какъ и я.

И вы подобно такъ падете,
Какъ съ древъ увядшій листъ падетъ!
И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умретъ!

Воскресни, Боже, Боже правыхъ!
И ихъ моленію внемли:
Пріиди, суди, карай лукавыхъ,
И будь единъ Царемъ земли!

Державинъ.

36. Надежда.

Мой духъ! довѣренность къ Творцу!
Мужайся, будь въ терпѣньи камень
Не Онъ ли къ лучшему концу
Меня провелъ сквозь бранный пламень?
На полѣ смерти чья рука
Меня таинственно спасала,

И жадный крови мечь врага,
И градъ свинцовой отражала?
Кто, кто мнѣ силу далъ сносить
Труды, и гладъ и непогоду,
И силу въ бѣдствѣ сохранить —
Души возвышенной свободу?
Кто велъ меня отъ юныхъ дней
Къ добру стезею потаенной,
И въ бурѣ пламенныхъ страстей
Мой былъ вожатый неизмѣнной?

Онъ! Онъ! Его все даръ благой!
Онъ есть источникъ чувствъ высокихъ,
Любви къ изящному прямой,
И мыслей чистыхъ и глубокихъ!
Все даръ Его: и краше всѣхъ
Даровъ надежда лучшей жизни!
Когда жъ узрю спокойный брегъ,
Страну желанную отчизны? —
Когда струей небесныхъ благъ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье.

Батюшковъ.

37. Черепъ.

Усопшій братъ! кто сонъ твой возмутилъ?
Кто пренебрегъ святынею могильной?
Въ разрытый домъ къ тебѣ я нисходилъ,
Я въ руки бралъ твой черепъ желтый, пыльной!

Еще носилъ волосъ остатки онъ;
Я зрѣлъ на немъ ходъ постепенный тлѣнья:
Ужасный видъ! какъ сильно пораженъ
Имъ мыслящій наслѣдникъ разрушенья!

Со мной толпа безумцевъ молодыхъ
Надъ ямою безумно хохотала:
Когда бъ тогда, когда бъ въ рукахъ моихъ
Глава твоя внезапно провѣщала!

Когда бъ она цвѣтущимъ, пылкимъ намъ
И каждый часъ грозящимъ смертнымъ часомъ,
Всѣ истины извѣстныя гробамъ
Произнесла своимъ безстрастнымъ гласомъ!

Что говорю? Стократно благъ законъ,
Молчаньемъ ей уста запечатлѣвшій;
Обычай правъ, усопшихъ важный сонъ
Намъ почитать издревле повелѣвшій.

Живи живой, спокойно тлѣй мертвецъ!
Всесильнаго ничтожное созданье,
О человѣкъ! увѣрься наконецъ
Не для тебя, ни мудрость, ни всезнанье!

Намъ надобны и страсти и мечты,
Въ нихъ бытія условіе и пища:
Не подчинишь однимъ законамъ ты
И свѣта шумъ и тишину кладбища!

Природныхъ чувствъ мудрецъ не заглушитъ
И отъ гробовъ отвѣта не получитъ:
Пусть радости живущимъ жизнь даритъ,
А смерть сама ихъ умереть научитъ.

Баратынскій.

38. Послѣдняя смерть.

Есть бытіе; но именемъ какимъ
Его назвать? Ни сонъ оно, ни бдѣнье;
Межъ нихъ оно и въ человѣкѣ имъ
Съ безуміемъ граничитъ разумѣнье.
Онъ въ полнотѣ понятья своего,
А между тѣмъ, какъ волны, на него
Одни другихъ мятежнѣй, своенравнѣй,
Видѣнія бѣгутъ со всѣхъ сторонъ:
Какъ будто бы своей отчизны давней
Стихійному смятенью отданъ онъ;
Но иногда, мечтой воспламененный,
Онъ видитъ свѣтъ другимъ не откровенный.

Созданье ли болѣзненной мечты,
Иль дерзкаго ума соображенье,
Во глубинѣ полночной темноты
Представшее очамъ моимъ видѣнье?
Не вѣдаю; но предо мной тогда
Раскрылися грядущіе года;
Событія вставали, развивались,
Волнуяся подобно облакамъ
И полными эпохами являлись

Отъ времяни до времяни очамъ,
И наконецъ я видѣлъ безъ покрова
Послѣднюю судьбу всего живаго.

Сначала міръ явилъ мнѣ дивный садъ:
Вездѣ искусствъ, обилія примѣты;
Близь веси весь и подлѣ града градъ,
Вездѣ дворцы, театры, водометы,
Вездѣ народъ и хитрый свой законъ
Стихіи всѣ признать заставилъ онъ:
Ужъ онъ морей мятежныя пучины
На островахъ искусственныхъ селилъ,
Ужъ разсѣкалъ небесныя равнины
По прихоти имъ вымышленныхъ крилъ;
Все на землѣ движеніемъ дышало,
Все на землѣ какъ будто ликовало.

Изчезнули безплодные года,
Оратаи по волѣ призывали
Вѣтра, дожди, жары и холода;
И вѣрною сторицей воздавали
Посѣвы имъ, и хищный звѣрь изчезъ
Во тьмѣ лѣсовъ и въ высотѣ небесъ
И въ безднѣ водъ, сраженный человѣкомъ,
И царствовалъ повсюду свѣтлый миръ.
Вотъ, мыслилъ я прельщенный дивнымъ вѣкомъ,
Вотъ разума великолѣпный пиръ!
Врагамъ его и въ стыдъ и въ поученье,
Вотъ до чего достигло просвѣщенье!

Прошли вѣка. Яснѣть очамъ моимъ
Видѣніе другое начинало:
Что человѣкъ? что вновь открыто имъ?
Я гордо мнилъ, и что же мнѣ предстало?
Наставшую эпоху я съ трудомъ
Постигнуть могъ смутившимся умомъ.
Глаза мои людей не узнавали;
Привыкшіе къ обилью дольныхъ благъ,
На все они спокойные взирали,
Что суеты рождало въ ихъ отцахъ,
Что мысли ихъ, что страсти ихъ бывало
Влеченіемъ всесильнымъ увлекало.

Желанія земныя позабывъ,
Чуждаяся ихъ грубова влеченья,
Душевныхъ сновъ, высокихъ сновъ призывъ
Имъ замѣнилъ другія побужденья
И въ полное владѣніе свое
Фантазія взяла ихъ бытіе,
И умственной природѣ уступила

Тѣлесная природа между нихъ:
Ихъ въ Эмпирей и въ хаосъ уносила
Живая мысль на крыліяхъ своихъ;
Но по землѣ съ трудомъ они ступали
И браки ихъ безплодны пребывали.

Прошли вѣка, и тутъ моимъ очамъ
Открылася ужасная картина:
Ходила смерть по сушѣ, по водамъ,
Свершалася живущаго судьбина.
Гдѣ люди? гдѣ? — скрывалися въ гробахъ!
Какъ древніе столпы на рубежахъ
Послѣднія семейства истлѣвали;
Въ развалинахъ стояли города,
По пажитямъ заглохнувшимъ блуждали
Безъ пастырей безумныя стада;
Съ людьми для нихъ исчезло пропитанье:
Мнѣ слышалось ихъ гладное блѣянье.

И тишина глубокая во слѣдъ
Торжественно повсюду воцарилась,
И въ дикую порфиру древнихъ лѣтъ
Державная природа облачилась.
Величественъ и грустенъ былъ позоръ
Пустынныхъ водъ, лѣсовъ, долинъ и горъ.
По прежнему животворя природу,
На небосклонъ свѣтило дня взошло;
Но на землѣ ничто его восходу
Произнести привѣта не могло:
Одинъ туманъ надъ ней синѣя вился
И жертвою чистительной дымился.

Баратынскій.

39. Могила.

Я въ мірѣ боецъ; да, я биться хочу —
    Смотрите: я бросилъ ужъ лиру;
Я мечъ захватилъ, и открыто лечу
    На встрѣчу нечистому міру.

И Богъ да поможетъ мнѣ зло поразить,
    И въ битвѣ глубоко, глубоко,
Могучей рукою сталь правды вонзить
    Въ шипучее сердце порока!

Не бойтесь, друзья, не падетъ вашъ пѣвецъ!
    Пусть грозно враговъ ополченье!

Какъ левъ я дерусь; какъ разумный боецъ,
    Упрочилъ себѣ отступленье.

Могила за мною, какъ генiй, стоитъ
    И въ сердце вливаетъ отвагу;
Когда же боренье меня истомитъ,
    Туда — и подъ холмикомъ лягу.

И пламенный духъ изъ темницы своей
    Торжественнымъ крыльевъ размахомъ
Къ Отцу возлетитъ, а ползучихъ гостей
    Земля угоститъ моимъ прахомъ.

Но съ мiромъ не конченъ кровавый расчетъ!
    Нѣтъ, — въ бурныя силы природы
Вражда моя въ новой красѣ перейдетъ
    И въ воздухъ, и въ пламя, и въ воды.

На хладныхъ людей я вулканомъ дохну,
    Кипящею лавой нахлыну;
Средь водной равнины волною плесну —
    Злодѣя ладью опрокину!

Порою злымъ вихремъ прорвусь на просторъ,
    И вихрей-собратiй накличу,
И прахомъ засыплю я хищника взоръ,
    Коварно слѣдящiй добычу!

Чрезъ горы преградъ путь свободный найду —
    Сквозь камень стѣны безпредѣльной
Къ сатрапу въ чертоги заразой войду
    И язвою лягу смертельной.

Бенедиктовъ.

40. Горныя выси.

Одѣты ризою тумановъ
И льдомъ заоблачной зимы,
Въ рядахъ какъ войско великановъ,
Стоятъ державные холмы.
Привѣтъ мой вамъ, столпы созданья,
Нерукотворная краса,
Земли могучiя возстанья,
Побѣги праха въ небеса!
Здѣсь — съ грустной цѣпи тяготѣнья

Земная масса сорвалась,
И, какъ въ порывѣ вдохновенья,
Съ кипящей думой отторженья,
Въ отчизну молній унеслась;
Рванулась выше . . . но открыла
Нѣмую вѣчность впереди:
Чело отъ ужаса застыло,
А пламя спряталось въ груди; —
И вотъ — на тучахъ отдыхая,
Виситъ громада вѣковая,
Чужая долу и звѣздамъ.
Она съ высотъ, гдѣ громъ рокочетъ,
Въ міръ дольній ринутся не хочетъ,
Не можетъ прянуть къ небесамъ.

О горы — первыя ступени
Къ широкой, вольной сторонѣ!
Съ челомъ открытымъ на колѣни
Предъ вами пасть отрадно мнѣ.
Какъ праха сынъ клонюсь главою
Я къ вашимъ каменнымъ пятамъ
Съ какой-то робостью, — а тамъ,
Какъ сынъ небесъ, пройду пятою
По вашимъ бурнымъ головамъ!

Бенедиктовъ.

41. Кавказъ.

Отчизна горъ въ моихъ очахъ,
Окаменѣлые гиганты предо мною;
Громады мрачныя, какъ будто на часахъ
　Стоятъ гранитною стѣною,
Въ вѣнцѣ изъ темнаго кустарника одна,
Зеленымъ бисеромъ унизана другая;
Тамъ — голыхъ скалъ семья чернѣетъ вѣковая,
Надъ ней волнистыхъ тучъ клубится пелена . . .
　Подъ тяжкими ея стопами
Вокругъ богатыми махровыми коврами
　Луга холмистые лежатъ.
На нихъ, изъ сердца горъ, кипучіе фонтаны,
Бушуя, серебромъ ростопленнымъ летятъ;
　Въ гранитныхъ броняхъ великаны,
Склонясь на пропасти, ихъ грозно сторожатъ,
　И тихо рѣчка голубая,
Змѣей сапфирною утесы обвивая,

Журчитъ межъ каменныхъ стремнинъ.
Но кто сей мрачный властелинъ?
Иль замокъ мрачнаго громадъ сихъ властелина?
Огромный, съ башнями зубчатыми дворецъ;
Рядъ острыхъ скалъ его вѣнецъ,
Сѣдая дымка тучь одежда исполина.
Ты ль, пасмурный Бешту, колоссъ сторожевой,
Въ туманѣ облаковъ чело свое скрывая,
Горъ пятиглавый царь, чернѣешь предо мной
Въ дали, какъ туча громовая?
Такъ, такъ, ужъ не во снѣ я новый зрю Парнассъ!
Ужъ не восторженный богинею разсказа,
О люди, здѣсь я выше васъ
Всей дивной вышиной Кавказа!
Здѣсь, на скалахъ Бешту, въ утробѣ сихъ громадъ —
Въ чертогахъ матери-природы;
Здѣсь, гдѣ гранитные ихъ своды
Со мною о вѣкахъ минувшихъ говорятъ!
Проснитесь, спящіе подъ ихъ навѣсомъ годы!
Вѣщай, отчизна горъ, которая скала
Кровь Прометееву пила? . . .
Скажи, какъ онъ страданій вѣчность,
Неволи горькой безконечность
За дружбу къ смертному сносилъ?
И никогда душой высокой
Глухую непреклонность рока
О примиреньи не молилъ? . . .
Но посмотрите, какъ съ востока
Завѣса палевыхъ, свинцовыхъ облаковъ
Свернулась, движется, сбѣгаетъ. . . .
И что жъ? — за нею міръ духовъ,
Изъ перловъ созданный мелькаетъ!
Я вижу зданія янтарныхъ городовъ,
Покрытыхъ тонкими изъ снѣга кружевами:
Тамъ Сфинксы дивные; тамъ странныхъ ликовъ рядъ,
Изида, Озирисъ — живой хрустальный садъ
Въ туманѣ розовомъ, сліялись съ небесами!
Но ты, Эльбрусъ, ты будто конь сѣдой,
На коемъ смерть предстанетъ міру,
Къ свѣтилу вѣчному, къ далекому эѳиру
Вознесся снѣжною главой!
Ровесникъ міра величавый,
Какой орелъ взлеталъ на твой вѣнецъ двуглавый!
Всемірный океанъ тебя не поглотилъ:
Твой верхъ, какъ мавзолей надменный,
Бѣлѣлъ надъ влажною могилою вселенной
И первой пристанью любимца Неба былъ!
Ты видѣлъ, какъ на міръ тотъ ураганъ могучій
Своихъ несмѣтныхъ силъ мчалъ громовыя тучи;
Ты слышалъ вой ихъ стрѣлъ, ихъ бурной Керны гласъ...

Но страшный метеоръ угасъ —
И силы грознаго — дымъ пепла прахъ летучій!
О вы которыхъ всѣ мечты
Къ землѣ продажною прикованы душою,
Рабы ничтожной суеты,
Пріидите съ дикою громадъ сихъ красотою
Кумиръ души своей сравнить!
Но нѣтъ! — Пигмеямъ ли о мелкихъ ихъ заботахъ,
О ихъ тщеславіи, о хладныхъ ихъ расчетахъ
Съ престолами громовъ небесныхъ говорить?
Степей обширною темницей утомленный,
Какъ радостно, отчизна горъ,
Мой на тебя открылся взоръ!
Восторженный, обвороженный
Красой твоихъ пустынныхъ скалъ,
Какъ часто въ дикіе дедалы
Я на залетномъ ихъ питомцѣ проникалъ!
Какъ часто пировать въ порфировыя залы
Чадъ Эпикуровыхъ сбиралася семья!
Но вы ужъ скрылися, счастливые друзья,
Какъ это солнце золотое,
Какъ это небо голубое,
Какъ эта теплая Кавказская весна!
Какъ ты мертва теперь, пустынная страна,
Какъ молчалива ты! Лишь вѣтръ въ ущельяхъ мшистыхъ
Трепещетъ — и съ вершинъ кремнистыхъ
Отъ скалъ отторженный гранитъ
Въ глухія пропасти катитъ. . . .

Викторъ Тепляковъ.

42. Ключъ.

Сокрытъ въ глуши, въ тѣни древесной,
Любимецъ музъ и тихихъ думъ,
Фонтанъ живой, фонтанъ безвѣстной,
Какъ сладокъ мнѣ твой легкій шумъ!
Поэта чистая отрада,
Тебя не сыщетъ въ жаркій день
Копыто жаждущаго стада
Иль поселянъ бродящихъ лѣнь;
Лѣсовъ зеленая пустыня
Тебя широко облегла,
И вѣры ясная святыня
Тебя подъ кровъ свой приняла;
И не скуютъ тебя морозы;
Тебя не ссушитъ лѣтній зной;

И льешь ты сребряные слезы
Неистощимою струей.

Въ твоей груди, моя Россія,
Есть также тихій свѣтлый ключъ:
Онъ также воды льетъ живыя,
Сокрытъ, безвѣстенъ, но могучъ.
Не возмутятъ людскія страсти
Его кристальной глубины,
Какъ прежде холодъ чуждой власти
Не заковалъ его волны.
И онъ течетъ неиссякаемъ,
Какъ тайна жизни невидимъ,
И чистъ, и міру чуждъ, и знаемъ
Лишь Богу, да Его Святымъ.

Но водоема въ тѣсной чашѣ
Не вѣчно будетъ заключенъ.
Нѣтъ, съ каждымъ днемъ живѣй и краше
И глубже будетъ литься онъ.
И вѣрю я: тотъ часъ настанетъ,
Рѣка свой край перебѣжитъ,
На небо голубое взглянетъ
И небо все въ себѣ вмѣститъ. —
Смотрите, какъ широко воды
Зеленымъ доломъ разлились,
Какъ къ брегу чуждые народы
Съ духовной жаждой собрались!
И солнце яркими огнями
Съ лазурной свѣтитъ вышины,
И осіянъ весь міръ лучами
Любви, святыни, тишины.
Смотрите! мчатся черезъ волны
Съ богатствомъ мыслей корабли,
Любимцы неба, силы полны,
Плодотворители земли.

А. Хомяковъ.

43. Россіи.

»Гордись!« тебѣ льстецы сказали:
Земля съ увѣнчаннымъ челомъ,
Земля несокрушимой стали,
Полміра взявшая мечемъ.
Предѣловъ нѣтъ твоимъ владѣньямъ,
И, прихотей твоихъ раба,

Внимаетъ гордымъ повелѣньямъ
Тебѣ покорная судьба;
Красны степей твоихъ уборы,
И горы въ небо уперлись,
И, какъ моря, твои озеры. . . .
Не вѣрь, не слушай, не гордись!
Пусть рѣкъ твоихъ глубоки волны,
Какъ волны синія морей,
И нѣдра горъ алмазовъ полны,
И хлѣбомъ пышенъ тукъ степей;
Пусть предъ твоимъ державнымъ блескомъ
Народы робко клонятъ взоръ,
И семь морей немолчнымъ плескомъ
Тебѣ поютъ хвалебный хоръ;
Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись. . . .
Всей этой силой, этой славой;
Всѣмъ этимъ прахомъ не гордись!
Грознѣй тебя былъ Римъ великій,
Царь седмихолмнаго хребта,
Желѣзныхъ силъ и воли дикой
Осуществленная мечта;
И нестерпимъ былъ огнь булата
Въ рукахъ Алтайскихъ дикарей;
И вся зарылась въ груди злата
Царица западныхъ морей:
И что же Римъ? и гдѣ Монголы?
И, внявъ въ груди предсмертный стонъ,
Куетъ безсильныя крамолы,
Дрожа надъ бездной, Альбіонъ.
Безплоденъ всякій духъ гордыни,
Невѣрно злато, сталь хрупка;
Но крѣпокъ ясный міръ святыни,
Сильна молящихся рука. . . .
И вотъ за то, что ты смиренна,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаньи сердца, сокровенно
Законъ Творца пріяла ты,
Онъ далъ тебѣ свое призванье,
Тебѣ Онъ свѣтлый далъ удѣлъ —
Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
Хранить племенъ святое братство,
Любви живительный сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду, и безкровный судъ,
Твое все то, чѣмъ духъ святится,
Въ чемъ жизнь грядущихъ дней таится,
Начало славы и чудесъ. . . .
О, вспомни свой удѣлъ высокій,

Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему — и, всѣ народы
Обнявъ любовію своей,
Скажи имъ таинство свободы,
Сіянье вѣры имъ пролей:
И станешь въ славѣ ты чудесной
Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ,
Какъ этотъ синій сводъ небесный,
Прозрачный Вышняго покровъ.

Хомяковъ.

44. Изъ Пѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ.

На полѣ бранномъ тишина!
Огни между шатрами!
Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами!
Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружнѣе! руку въ руку!
Запьемъ виномъ кровавый бой,
И съ падшими разлуку,

Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья! уже могучихъ нѣтъ;
Ужъ нѣтъ вождей побѣды!
Ихъ домы вихорь разметалъ,
Ихъ гробы срыли плуги,
И пламень ржавчины сожралъ
Ихъ шлемы и кольчуги. . . .
Но духъ отцевъ воскресъ въ сынахъ:
Ихъ поприще предъ нами!
Мы тамъ найдемъ ихъ славный прахъ
Съ ихъ славными дѣлами!

Смотрите въ грозной красотѣ,
Воздушными полками
Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ
Надъ вашими шатрами
О Святославъ! бичъ древнихъ лѣтъ!
Се твой полетъ орлиной!
»Погибнемъ! мертвымъ срама нѣтъ!«
Гремитъ передъ дружиной!
И ты, невѣрнымъ страхъ, Донской!
Съ четой двухъ соименныхъ

Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменныхъ!

И ты, нашъ Петръ, въ толпѣ вождей!
Внимайте кличъ: Полтава!
Орды пришельца снѣдь мечей!
И міръ оттрянулъ: слава!
Давно ль, о хищникъ! пожиралъ
Ты взоромъ наши грады?
Бѣги! твой конь и всадникъ палъ!
Твой слѣдъ — костей громады!
Бѣги! и стыдъ и страхъ сокрой
Въ лѣсу съ твоимъ Сарматомъ!
Отчизны врагъ сопутникъ твой!
Злодѣй владыкѣ братомъ!

Но кто сей рьяный великанъ,
Сей витязь полуночи?
Друзья! на спящій вражій станъ
Вперилъ онъ страшны очи!
Его завидя въ облакахъ,
Шумящимъ, смутнымъ роемъ,
На снѣжныхъ Альповъ высотахъ
Возникли тѣни съ воемъ!
Блѣднѣетъ Галлъ, дрожитъ Сарматъ
Въ шатрахъ отъ гнѣвныхъ взоровъ!
О горе, горе, супостатъ!
То грозный нашъ Суворовъ!

Хвала вамъ, чада прежнихъ лѣтъ!
Хвала вамъ, чада славы!
Дружиной смѣлой вамъ во слѣдъ
Бѣжимъ на пиръ кровавый!
Да мчится вашъ побѣдный строй
Предъ нашими орлами!
Да сѣетъ, намъ предтеча въ бой,
Погибель надъ врагами!
Наполнимъ кубокъ! мечь во длань!
Внимай намъ, вѣчный Мститель! . . .
»За гибель — гибель, брань — за брань!
»И казнь тебѣ, губитель!»

Отчизнѣ кубокъ сей друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ,
И первыхъ лѣтъ уроки,

Что вашу прелесть замѣнитъ?
  О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
  Тебя благословляя!

Тамъ все — тамъ родшихъ милый домъ,
  Тамъ наши жены, чада, —
О насъ ихъ слезы предъ Творцомъ;
  Мы жизни ихъ ограда! —
Тамъ дѣвы, прелесть нашихъ дней,
  И сонмъ друзей безцѣнный!
И Царскій тронъ, и прахъ Царей,
  И предковъ прахъ священный!
За нихъ, друзья, всю нашу кровь
  На вражьи грянемъ силы!
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
  Зажгутъ отцевъ могилы!

Тебѣ сей кубокъ, Русскій Царь!
  Цвѣти Твоя Держава!
Священный тронъ Твой намъ алтарь!
  Предъ нимъ обѣтъ нашъ: слава!
Не измѣнимъ: мы отъ отцовъ
  Пріяли вѣрность съ кровью!
О Царь! здѣсь сонмъ Твоихъ сыновъ!
  Къ тебѣ горимъ любовью!
Нашъ каждый ратникъ — Славянинъ,
  Всѣ долгу здѣсь послушны;
Бѣжитъ предатель сихъ дружинъ,
  И чуждъ имъ малодушный!

Сей кубокъ ратнымъ и вождямъ!
  Въ шатрахъ, на полѣ чести,
И жизнь, и смерть — все пополамъ!
  Тамъ дружество безъ лести,
Рѣшимость, правда, простота
  И нравовъ непритворство,
И смѣлость — бранныхъ красота,
  И твердость и покорство!
Друзья! мы чужды низкихъ узъ!
  Къ вѣнцамъ стезею правой!
Опасность твердый нашъ союзъ;
  Одной пылаемъ славой!

Тотъ нашъ, кто первый въ бой летитъ
  На гибель супостата!
Кто слабость падшаго щадитъ
  И грозно мститъ за брата!
Онъ взоромъ жизнь даетъ полкамъ!
  Онъ махомъ мощной длани
Ихъ мчитъ во срѣтенье врагамъ,

Въ среду шумящей брани!
Ему веселье битвы гласъ!
Спокоенъ подъ громами!
Онъ свой послѣднiй видитъ часъ
Безстрашными очами!

Хвала тебѣ, нашъ бодрый вождь!
Герой подъ сѣдинами!
Какъ юный ратникъ, вихрь и дождь
И трудъ онъ дѣлитъ съ нами!
О сколь съ израненнымъ челомъ
Предъ строемъ онъ прекрасенъ!
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,
И сколь врагу ужасенъ!
О диво! се орелъ пронзилъ
Надъ нимъ небесъ равнины;
Могущiй вождь главу склонилъ! . . .
Ура! кричатъ дружины.

Лети ко прадѣдамъ, орелъ,
Пророкомъ славной мести!
Мы тверды: вождь нашъ перешелъ
Путь гибели и чести!
Съ нимъ опытъ, сынъ труда и лѣтъ;
Онъ бодръ и съ сѣдиною;
Ему знакомъ побѣды слѣдъ:
Довѣренность къ Герою! . . .
Нѣтъ, други нѣтъ! не предана
Москва на разрушенье!
Тамъ стѣны! — въ Россахъ вся она!
Мы здѣсь! — и Богъ нашъ мщенье!

Хвала, нашъ вихорь Атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для сопостатовъ!
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ;
Бѣдой имъ въ уши свищешь!
Они лишь къ лѣсу — ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы!
Они лишь къ мосту — мостъ изчезъ!
Лишь къ селамъ — пышутъ селы!

Друзья! кипящiй кубокъ сей
Вождямъ, сраженнымъ въ боѣ!
Уже не прiидутъ въ сонмъ друзей,
Не станутъ въ ратномъ строѣ;
Ужъ для врага ихъ грозный ликъ
Не будетъ вѣстникъ мщенья,
И не помчитъ ихъ мощный кликъ

Дружину въ пылъ сраженья!
Ихъ празденъ мечь, безмолвенъ щитъ,
Ихъ ратники унылы,
И сиръ могучихъ конь стоитъ
Близъ тихой ихъ могилы.

Гдѣ Кульневъ нашъ, рушитель силъ,
Свирѣпый пламень брани?
Онъ палъ, главу на щитъ склонилъ,
И стиснулъ мечь во длани.
Гдѣ жизнь судьба ему дала,
Тамъ брань его сразила;
Гдѣ колыбель его была,
Тамъ днесь его могила!
И тихъ его послѣдній часъ:
Съ молитвою священной
О милой матери угасъ
Герой нашъ незабвенной!

А ты, Кутайсовъ, вождь младой . . .
Гдѣ прелести? гдѣ младость?
Увы! онъ видомъ и душой
Прекрасенъ былъ какъ радость!
Въ бронѣ ли грозный выступалъ —
Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударялъ —
Одушевлялись струны. . . .
О горе! вѣрный конь бѣжитъ
Окровавленъ изъ боя;
На немъ его разбитый щитъ,
И нѣтъ на немъ Героя.

И гдѣ же твой, о витязь, прахъ!
Какою взятъ могилой?
Пойдетъ прекрасная въ слезахъ
Искать, гдѣ пепелъ милой. . . .
Тамъ чище ранняя роса,
Тамъ зелень ароматнѣй,
И сладостнѣй цвѣтовъ краса,
И свѣтлый день пріятнѣй;
И къ ней твой геній прилетитъ
Изъ таинственной сѣни,
И трепетъ сердца возвѣститъ
Ей близость дружней тѣни.

И ты, и ты, Багратіонъ? . . .
Вотще друзей молитвы!
Вотще ихъ плачь — во гробѣ онъ.
Добыча лютой битвы!
Еще дружинъ надежда въ немъ;
Все мигъ: съ одра возстанетъ!

И робко шепчетъ врагъ съ врагомъ:
»Увы намъ! скоро грянетъ!«
А онъ? . . . навѣки взоръ смежилъ,
Рѣшитель бранныхъ споровъ!
Онъ въ область славныхъ воспарилъ —
Къ тебѣ, отецъ Суворовъ!

И честь вамъ падшіе друзья!
Ликуйте въ горней сѣни!
Тамъ ваша вѣрная семья,
Вождей минувшихъ тѣни!
Хвала вамъ будетъ оживлять.
И позднихъ лѣтъ бесѣды:
»Отъ нихъ учитесь умирать!«
Такъ скажутъ внукамъ дѣды.
При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ
И водрузитъ тамъ знамя.

Сей кубокъ мщенью; други въ строй!
И къ небу грозны длани!
Сразить иль пасть! нашъ роковой
Обѣтъ предъ Богомъ брани.
Вотще, о врагъ, изъ тмы племенъ
Ты зиждешь ополченья:
Они бѣгутъ твоихъ знаменъ!
И жаждутъ низложенья!
Сокровищъ нѣтъ у насъ въ домахъ!
Тамъ стрѣлы и кольчуги!
Мы села въ пепелъ, грады въ прахъ!
Въ мечи — серпы и плуги!

Злодѣй! онъ лестью приманилъ
Къ Москвѣ свои дружины!
Онъ низкимъ миромъ намъ грозилъ
Съ Кремлевскія вершины!
»Пойду по стогнамъ съ торжествомъ!
»Пойду — и все восплещетъ,
»И въ прахъ падутъ съ своимъ Царемъ!«
Притекъ — и самъ трепещетъ!
Подвигло мщеніе Москву!
Вспылала предъ врагами,
И грянулась на ихъ главу
Губящими стѣнами!

Веди жъ своихъ Царей-рабовъ
Съ ихъ стаей въ область хлада;
Пробей тропу среди снѣговъ
Во срѣтеніе глада!

Зима, союзникъ нашъ, гряди!
Имъ заперть путь возвратный!
Пустыни въ пеплѣ позади!
Предъ ними сонмы ратны!
Отвѣдай, хищникъ! что сильнѣй,
Духъ алчности, иль мщенье?
Пришлецъ! мы въ родинѣ своей!
За правыхъ Провидѣнье!

Жуковскій.

45. Переходъ чрезъ Рейнъ.

Межъ тѣмъ, какъ воины вдоль идутъ по полямъ,
Завидя вдалекѣ твои, о Рейнъ, волны,
Мой конь, веселья полный,
Отъ строя отдѣлясь, стремится къ берегамъ,
На крыльяхъ жажды прилетаетъ,
Глотаетъ хладную струю,
И грудь усталую въ бою,
Желанной влагой обновляетъ. . .

О радость! я стою при Рейнскихъ водахъ!
И жадные съ холмовъ въ окрестность брося взоры,
Привѣтствую поля и горы,
И замки рыцарей въ туманныхъ облакахъ;
И всю страну, обильну славой,
Воспоминаньемъ древнихъ дней,
Гдѣ съ Альповъ, вѣчною струей
Ты льешься, Рейнъ величавой!

Свидѣтель древности, событій всѣхъ временъ,
О Рейнъ, ты поилъ несчетны легіоны,
Мечемъ писавшіе законы
Для гордыхъ Германа кочующихъ племенъ;
Любимецъ счастья, бичъ свободы,
Здѣсь Кесарь бился, побѣждалъ,
И конь его переплывалъ
Твои священны, Рейнъ, воды.

Вѣка мелькнули: міръ крестомъ преображенъ;
Любовь и честь въ душахъ суровыхъ пробудились.
Здѣсь витязи вооружились
Копьемъ за жизнь сиротъ, за честь прелестныхъ женъ;
Тутъ совершались ихъ турниры,
Тутъ бились храбрые — и здѣсь

Не умеръ, мнится, и поднесь
Звукъ сладкой Трубадуровъ лиры.

Такъ! здѣсь, подъ тѣнію смоковницъ и дубовъ,
При шумѣ сладостномъ нагорныхъ водопадовъ,
Въ тѣни цвѣтущихъ селъ и градовъ,
Восторгъ живетъ еще средь избранныхъ сыновъ.
Здѣсь все питаетъ вдохновенье:
Простые нравы праотцовъ,
Святая къ родинѣ любовь
И праздной роскоши презрѣнье.

Все, все, и видъ полей и видъ священныхъ водъ,
Туманной древности и Бардамъ современныхъ,
Для чувствъ и мыслей дерзновенныхъ.
И силу новую и крылья придаетъ.
Свободны горды, полудики,
Природы вѣрные жрецы,
Тевтонски пѣли здѣсь пѣвцы . . .
И смолкли ихъ волшебны лики.

Ты самъ родитель водъ, свидѣтель всѣхъ временъ,
Ты самъ, до нашихъ дней, спокойный, величавый,
Съ паденіемъ народной славы,
Склонилъ чело, — увы! — позналь и стыдъ и плѣнъ. . .
Давно ли брегъ твой подъ орлами
Аттилы новаго стеналъ,
И ты, — уныло протекалъ
Между враждебными полками?

Давно ли земледѣлъ, вдоль красныхъ береговъ,
Средь виноградниковъ завѣтныхъ и священныхъ,
Полки встрѣчалъ иноплеменныхъ
И ненавистный взоръ Зареинскихъ сыновъ?
Давно ль они, кичася, пили
Вино изъ синихъ хрусталей,
И кони ихъ, среди полей
И зрѣлыхъ нивъ твоихъ, бродили?

И часъ судьбы насталъ! Мы здѣсь — сыны снѣговъ,
Подъ знаменемъ Москвы съ свободой и съ громами! . . .
Стеклись съ морей, покрытыхъ льдами,
Отъ струй полуденныхъ, отъ Каспія валовъ,
Отъ волнъ Улеи и Байкала,
Отъ Волги, Дона и Днѣпра,
Отъ града нашего Петра,
Съ вершинъ Кавказа и Урала! . . .

Стеклись, нагрянули, за честь твоихъ граждамъ,
За честь твердынь и селъ и нивъ опустошенныхъ,
И береговъ благословенныхъ,

Гдѣ разцвѣло въ тиши блаженство Россіянъ?
　Гдѣ Ангелъ мирный, свѣтозарный
　Для странъ полуночи рожденъ
　И Провидѣньемъ обреченъ
　Царю, отчизнѣ благодарной.

Мы здѣсь, о Рейнъ, здѣсь! ты видишь блескъ мечей!
Ты слышишь шумъ полковъ и новыхъ коней ржанье,
　Ура побѣды и взыванье
Идущихъ, скачущихъ къ тебѣ богатырей.
　Взвивая къ небу прахъ летучій
　По трупамъ вражескимъ летятъ,
　И вотъ — коней лихихъ поятъ,
　Кругомъ застава долъ зыбучій.

Какой чудесный пиръ для слуха и очей!
Здѣсь пушекъ свѣтла мѣдь сіяетъ за конями,
　И ружья длинными рядами,
И стяги древніе средь копій и мечей.
　Тамъ шлемы воевъ оперенны,
　Тяжелой конницы строи.
　И легкихъ всадниковъ рои —
　Въ текучей влагѣ отраженны!

Тамъ слышенъ стукъ сѣкиръ, — и палъ угрюмый лѣсъ!
Костры надъ Рейномъ дымятся и пылаютъ!
　И чаши радости сверкаютъ,
И клики воиновъ восходятъ до небесъ!
　Тамъ ратникъ ратника объемлетъ;
　Тамъ точитъ пѣшій штыкъ стальной;
　И конный грозною рукой
　Крылатый дротикъ свой колеблетъ.

Тамъ всадникъ, опершись на свѣтлу сталь копья,
Задумчивъ и одинъ, на берегѣ высокомъ
　Стоитъ, и жаднымъ ловитъ окомъ
Рѣки излучистой послѣдніе края.
　Быть можетъ, онъ воспоминаетъ
　Рѣку своихъ родимыхъ мѣстъ —
　И на груди свой мѣдный крестъ
　Невольно къ сердцу прижимаетъ. . . .

Но тамъ готовится, по манію вождей,
Безкровный жертвенникъ средь гибельныхъ трофеевъ
　И Богу сильныхъ Маккавеевъ
Колѣнопреклоненъ служитель алтарей:
　Его шумя пріосѣняетъ
　Знаменъ отчизны грозный лѣсъ;
　И солнце юное съ небесъ
　Алтарь сіяньемъ осыпаетъ.

Всѣ крики бранные умолкли, и въ рядахъ
Благоговѣніе внезапу воцарилось;
Оружье долу преклонилось,
И вождь и ратники чело склонили въ прахъ:
Поютъ Владыкѣ вышней силы,
Тебѣ, Подателю побѣдъ,
Тебѣ, незаходимый Свѣтъ!
Дымятся мирныя кадилы.

И се подвигнулись — валитъ за строемъ строй,
Какъ море шумное волнуется все войско:
И эхо вторитъ кликъ геройской,
Досель неслышанный, о Ренъ, надъ тобой!
Твой стонетъ брегъ гостепріимной,
И мостъ подъ воями дрожитъ!
И врагъ, завидя ихъ, бѣжитъ —
Отъ глазъ въ дали терясь дымной! . . .

Батюшковъ.

46. Клеветникамъ Россіи.

О чемъ шумите вы, народные витіи!
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? — волненія Литвы?
Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ? — вотъ вопросъ.

Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы насъ. . . .

За что жъ? — отвѣтствуйте; за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы,
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?
Вы грозны на словахъ — попробуйте на дѣлѣ.
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій штыкъ?
Иль Русскаго Царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?
Такъ высылайте жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи
Среди нечуждыхъ имъ гробовъ.

А. Пушкинъ.

47. Бородинская Годовщина.

Великій день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «шли же племена,
«Бѣдой Россіи угрожая;
«Не вся ль Европа тутъ была?
«А чья звѣзда ее вела?! . . .
«Но стали жъ мы пятою твердой,
«И грудью приняли напоръ
«Племенъ, послушныхъ волѣ гордой,
«И равенъ былъ неравный споръ.

«И что жъ? — свой бѣдственный побѣгъ,
«Кичась, они забыли нынѣ;
«Забыли Русскій штыкъ и снѣгъ,
«Погребшій славу ихъ въ пустынѣ.
«Знакомый пиръ ихъ манитъ вновь;
«Хмѣльна для нихъ Славяновъ кровь:
«Но долгъ будетъ сонъ гостей

«На тѣсномъ, хладномъ новосельѣ,
«Подъ злакомъ сѣверныхъ полей!

«Ступайте жъ къ намъ: васъ Русь зоветъ!
«Но знайте, прошеные гости!
«Ужъ Польша васъ не поведетъ:
«Черезъ ея шагнете кости!»
Сбылось — и, въ день Бородина,
Вновь наши вторглись знамена
Въ проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, какъ бѣгущій полкъ,
Во прахъ бросаетъ стягъ кровавый —
И бунтъ раздавленный умолкъ.

Въ бореньѣ падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ;
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ.
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица,
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры Русскаго пѣвца.

Но вы, мучители палатъ;
Легкоязычные витіи,
Вы черни бѣдственный набатъ,
Клеветники, враги Россіи!
Что взяли вы? . . . Еще ли Россъ
Больной, разслабленный колоссъ?
Еще ли сѣверная слава
Пустая притча, лживый сонъ?
Скажите: скоро ль намъ Варшава
Предпишетъ гордый свой законъ?

Куда отдвинемъ строй твердынь?
За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
За кѣмъ останется Волынь?
За кѣмъ наслѣдіе Богдана?
Признавъ мятежныя права,
Отъ насъ отторгнется ль Литва?
Нашъ Кіевъ дряхлый, златоглавый,
Сей пращуръ Русскихъ городовъ,
Сроднитъ ли съ буйною Варшавой
Святыню всѣхъ своихъ гробовъ?

Вашъ бурный шумъ и хриплый крикъ
Смутили ль Русскаго Владыку?

Скажите, кто главой поникъ?
Кому вѣнецъ: мечу иль крику?
Сильна ли Русь? — Война, и моръ,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ
Ее, бѣснуясь, потрясали —
Смотрите жъ: все стоитъ она!
А вкругъ нея волненья пали —
И Польши участь рѣшена. . . .

Побѣда! сердцу сладкій часъ!
Россія! встань и возвышайся!
Греми восторговъ общій гласъ! . . .
Но тише, тише раздавайся
Вокругъ одра, гдѣ онъ лежитъ,
Могучій мститель злыхъ обидъ,
Кто покорилъ вершины Тавра,
Предъ кѣмъ смирилась Эривань,
Кому Суворовскаго лавра
Вѣнокъ сплела тройная брань.

Возставъ изъ гроба своего,
Суворовъ видитъ плѣнъ Варшавы:
Вострепетала тѣнь его
Отъ блеска имъ начатой славы!
Благословляетъ онъ, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоихъ сподвижниковъ отвагу,
И вѣсть тріумфа твоего,
И съ ней летящаго за Прагу
Младаго внука своего. —

А. Пушкинъ.

---

48. Смерть Олега.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
  Отмстить неразумнымъ Хазарамъ;
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
  Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ,
Съ дружиной своей, въ Цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣсу, на встрѣчу ему,
  Идетъ вдохновенный кудесникъ,

Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ;
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня,
Въ награду любаго возьмешь ты коня.

«Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
«А Княжескій даръ имъ не нуженъ;
«Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ,
«И съ волей небесною друженъ.
«Грядущіе годы таятся во мглѣ,
«Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

«Запомни же нынѣ ты слово мое:
«Воителю слава — отрада;
«Побѣдой прославлено имя твое,
«Твой щитъ на вратахъ Цареграда,
«И волны и суша покорны тебѣ,
«Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

«И синяго моря обманчивый валъ,
«Въ часы роковой непогоды,
«И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ,
«Щадятъ побѣдителя годы . . .
«Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ,
«Незримый хранитель могущему данъ.

«Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
«Онъ, чуя господскую волю,
«То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
«То мчится по бурному полю;
«И холодъ и сѣча ему ничего,
«Но пріимешь ты смерть отъ коня своего!»

Олегъ усмѣхнулся; — однако чело
И взоръ омрачилися думой;
Въ молчаньѣ, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ и треплетъ по шеѣ крутой. —

«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга!
«Разстаться настало намъ время:
«Теперь отдыхай! — ужъ не ступитъ нога

«Въ твое позлащенное стремя!
«Прощай, утѣшайся да помни меня;
«Вы, Отроки, други, возьмите коня.

«Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ;
«Въ мой лугъ подъ уздцы отведите; — —
«Купайте, кормите отборнымъ зерномъ;
«Водой ключевою поите.»
И Отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А Князю другаго коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ,
При звонѣ веселомъ стакана; —
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана. . . .
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

«А гдѣ мой товарищъ? — примолвилъ Олегъ:
«Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
«Здоровъ ли? все также ль легокъ его бѣгъ?
«Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?»
И внемлютъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ!

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: «что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье!
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня!»
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости:
И видятъ — на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ,
И молвилъ: «спи, другъ одинокой!
«Твой старый хозяинъ тебя пережилъ;
«На тризнѣ — уже недалекой,
«Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь,
«И жаркою кровью мой прахъ напоишь.

«Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
«Мнѣ смертію кость угрожала!» . . . .
Изъ мертвой главы, гробовая змія,
Шипя, между тѣмъ выползала;

Какъ черная лента, вкругъ ногъ обвилась,
И вскрикнулъ внезапно ужаленный Князь. — —

Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега; —
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ,
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

А. Пушкинъ.

49. Свѣтлана.

Разъ въ Крещенской вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачокъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Разстилали бѣлой платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсеньки подблюдны.

Тускло свѣтится луна
Въ сумракѣ тумана;
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана.
«Что, подруженька, съ тобой?
«Вымолви словечко!
«Слушай пѣсни круговой,
«Вынь себѣ колечко!
«Пой, красавица: кузнецъ,
«Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ,
«Скуй кольцо златое!
«Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,
«Обручаться тѣмъ кольцомъ
«При святомъ налоѣ!»

— Какъ могу, подружки, пѣть?
Милый другъ далеко!
Мнѣ судьбина умереть

В грусти, одинокой.
Годъ промчался — вѣсти нѣтъ;
Онъ ко мнѣ не пишетъ.
Ахъ! а имъ лишь красенъ свѣтъ,
Имъ лишь сердце дышетъ. . . .
Иль не вспомнитъ обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?
Гдѣ твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью.
Утоли печаль мою,
Ангелъ-утѣшитель! —

Вотъ, въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
Бѣлой пеленою;
И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчою;
Два прибора на столѣ.
«Загадай, Свѣтлана!
«Въ чистомъ зеркала стеклѣ
«Въ полночь, безъ обмана
«Ты узнаешь жребій свой:
«Стукнетъ въ двери милый твой
«Легкою рукою;
«Упадетъ съ дверей запоръ;
«Сядетъ онъ за свой приборъ
«Ужинать съ тобою.»

Вотъ красавица одна;
Къ зеркалу садится;
Съ тайнымъ трепетомъ она
Въ зеркало глядится;
Темно въ зеркалѣ; кругомъ
Мертвое молчанье;
Свѣчка трепетнымъ огнемъ
Чуть лïетъ сïянье. . . .
Робость въ ней волнуетъ грудь,
Страшно ей назадъ взглянуть,
Страхъ туманитъ очи. . . .
Съ трескомъ вспыхнулъ огонекъ;
Крикнулъ жалобно сверчокъ,
Вѣстникъ полуночи.

Подпершися локоткомъ,
Чуть Свѣтлана дышетъ. . . .
Вотъ — легохонько замкомъ
Кто-то стукнулъ, слышитъ;
Робко въ зеркало глядитъ:
За ея плечами
Кто-то, чудилось, блеститъ
Яркими глазами. . . .

Занялся отъ страха духъ. . . .
Вдругъ — въ ея влетаетъ слухъ
  Тихій, легкій шопотъ:
«Я съ тобой, моя краса!
«Укротились небеса;
  «Твой услышанъ ропотъ!»

Оглянулась . . . милый къ ней
  Простираетъ руки.
«Радость, свѣтъ моихъ очей,
  «Нѣтъ для насъ разлуки!
«Ѣдемъ! — Попъ ужъ въ церкви ждетъ
  «Съ дьякономъ, дьячками;
«Ликъ вѣнчальну пѣснь поетъ;
  «Храмъ блеститъ свѣчами.»
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ;
Идутъ на широкій дворъ,
  Въ ворота тесовы;
У воротъ ихъ санки ждутъ,
Съ нетерпѣнья кони рвутъ
  Повода шелковы.

Сѣли . . . кони съ мѣста въ разъ;
  Пышутъ дымъ ноздрями;
Отъ копытъ ихъ поднялась
  Вьюга надъ санями.
Скачутъ . . . . пусто все вокругъ;
  Степь въ очахъ Свѣтланы;
На лунѣ туманный кругъ;
  Чуть блестятъ поляны.
Сердце вѣщее дрожитъ;
Робко дѣва говоритъ:
  «Что ты смолкнулъ, милый?» —
Ни полъ-слова ей въ отвѣтъ;
Онъ глядитъ на лунный свѣтъ
  Блѣденъ и унылый.

Кони мчатся по буграмъ;
  Топчутъ снѣгъ глубокой. . . .
Вотъ въ сторонкѣ Божій храмъ
  Видѣнъ одинокой;
Двери вихорь отворилъ;
  Тма людей во храмѣ;
Яркой свѣтъ паникадилъ
  Тускнетъ въ ѳиміамѣ;
На срединѣ черный гробъ;
И гласитъ протяжно попъ:
  «Буди взятъ могилой!»
Пуще дѣвица дрожитъ;
Кони мимо; другъ молчитъ,
  Блѣденъ и унылой.

Вдругъ мятелица кругомъ;
  Снѣгъ валитъ клоками;
Черный вранъ, свистя крыломъ,
  Вьется надъ санями;
Вѣщій стонъ гласитъ: печаль!
  Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темну даль,
  Воздымая гривы;
Брежжетъ въ полѣ огонекъ;
Видѣнъ мирный уголокъ —
  Хижина подъ снѣгомъ.
Кони борзые быстрѣй,
Снѣгъ взрываютъ, прямо къ ней
  Мчатся дружнымъ бѣгомъ.

Вотъ примчалися — и въ мигъ
  Изъ очей пропали:
Кони, сани и женихъ
  Будто не бывали.
Одинокая, въ потьмахъ,
  Брошена отъ друга
Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ;
  Вкругъ мятель и вьюга.
Возвратиться — слѣду нѣтъ!
Видѣнъ ей въ избушкѣ свѣтъ;
  Вотъ перекрестилась;
Въ дверь съ молитвою стучитъ. . . .
Дверь шатнулася . . . скрыпитъ. . . .
  Тихо растворилась.

Что жъ? . . . Въ избушкѣ гробъ, накрытъ
  Бѣлою запоной;
Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ;
  Свѣчка предъ иконой. . . .
Ахъ, Свѣтлана! что съ тобой?
  Въ чью пришла обитель?
Страшенъ хижины пустой
  Безотвѣтный житель.
Входитъ съ трепетомъ, въ слёвахъ;
Предъ иконой пала въ прахъ,
  Спасу помолилась;
Со крестомъ своимъ въ рукѣ,
Подъ Святыми въ уголкѣ
  Робко притаилась.

Все утихло . . . вьюги нѣтъ. . . .
  Слабо свѣчка тлится;
То прольетъ дрожащій свѣтъ,
  То опять затмится. . . .
Все въ глубокомъ, мертвомъ снѣ!
  Страшное молчанье. . . .

Чу, Свѣтлана! . . . въ тишинѣ
  Легкое журчанье. . . .
Вотъ, глядитъ: къ ней въ уголокъ
Бѣлоснѣжный голубокъ,
  Съ свѣтлыми глазами,
Тихо вѣя, прилетѣлъ,
Къ ней на перси тихо сѣлъ;
  Обнялъ ихъ крылами.

Смолкло все опять кругомъ. . . .
  Вотъ, Свѣтланѣ мнится,
Что подъ бѣлымъ полотномъ
  Мертвый шевелится. . . .
Сорвался покровъ; мертвецъ
  (Ликъ мрачнѣе ночи)
Видѣнъ весь — на лбу вѣнецъ,
  Затворенны очи.
Вдругъ — въ устахъ сомкнутыхъ стонъ;
Силится раздвинуть онъ
  Руки охладѣлы. . . .
Что же дѣвица? . . . Дрожитъ. . . .
Гибель близко. . . . но не спитъ
  Голубочекъ бѣлый.

Встрепенулся, развернулъ
  Легкія онъ крилы;
Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ. . . .
  Всей лишенный силы,
Простенавъ, заскрежеталъ
  Страшно онъ зубами,
И на дѣву засверкалъ
  Грозными очами. . . .
Снова блѣдность на устахъ;
Въ закатившихся глазахъ
  Смертъ изобразилась. . . .
Глядь Свѣтлана . . . . о Творецъ!
Милый другъ ея — мертвецъ!
  Ахъ! . . . и пробудилась.

Гдѣ жъ? . . . У веркала, одна
  Посреди свѣтлицы.
Въ тонкій занавѣсъ окна
  Свѣтитъ лучь денницы;
Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ,
  День встрѣчая пѣньемъ;
Все блеститъ . . . Свѣтланинъ духъ
  Смутенъ сновидѣньемъ.
«Ахъ! ужасный, грозный сонъ!
«Не добро вѣщаетъ онъ —
  «Горькую судьбину.

«Тайный мракъ грядущихъ дней,
«Что сулишь душѣ моей,
«Радость или кручину?»

Сѣла — (тяжко ноетъ грудь) —
Подъ окномъ Свѣтлана;
Изъ окна широкій путь
Виденъ сквозь тумана;
Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,
Паръ алѣетъ тонкой. . . .
Чу! . . . въ дали пустой гремитъ
Колокольчикъ звонкой;
На дорогѣ снѣжный прахъ;
Мчатъ, какъ будто на крылахъ,
Санки кони рьяны;
Ближе; вотъ ужъ у воротъ;
Статный гость къ крыльцу идетъ. . . .
Кто? . . . Женихъ Свѣтланы.

Что же твой, Свѣтлана, сонъ,
Прорицатель муки?
Другъ съ тобой! все тотъ же онъ
Въ опытѣ разлуки;
Та жъ любовь въ его очахъ;
Тѣ жъ пріятны взоры;
Тѣ жъ на сладостныхъ устахъ
Милы разговоры.
Отворяйся жъ, Божій храмъ!
Вы летите къ небесамъ,
Вѣрные обѣты!
Соберитесь, старъ и младъ;
Сдвинувъ звонки чаши, въ ладъ
Пойте: многи лѣты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
Въ ней большія чудеса,
Очень мало складу.
Взоромъ счастливый твоимъ,
Не хочу и славы;
Слава, — насъ учили, — дымъ!
Свѣтъ — судья лукавый.
Вотъ баллады толкъ моей:
«Лучшій спутникъ въ жизни сей
Вѣра въ Провидѣнье!
Благъ Зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье — лживый сонъ;
Счастье — пробужденье.

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ
  Ты, моя Свѣтлана! . . .
Будь, Создатель, ей покровъ;
  Ни печали рана,
Ни минутной грусти тѣнь
  Къ ней да не коснется;
Въ ней душа, какъ ясный день;
  Ахъ! да пронесется
Мимо бѣдствія рука;
Какъ пріятный ручейка
  Блескъ на лонѣ луга,
Будь вся жизнь ея свѣтла;
Будь веселость, какъ была,
  Дней ея подруга.

В. Жуковскій.

50. Финляндія.

Въ свои расселины вы приняли пѣвца,
Граниты Финскія, граниты вѣковые,
  Земли ледянаго вѣнца
  Богатыри сторожевые.
Онъ съ лирой между васъ. Поклонъ его, поклонъ
  Громадамъ, міру современнымъ:
  Подобно имъ да будетъ онъ
  Во всѣ годины неизмѣннымъ!
Какъ все вокругъ меня плѣняетъ чудно взоръ
  Тамъ, необъятными водами,
  Слилося море съ небесами;
Тутъ, съ каменной горы, къ нему дремучій боръ
  Сошелъ тяжелыми стопами,
Сошелъ — и смотрится въ зерцалѣ гладкихъ водъ!
Ужъ поздно, день погасъ; но ясенъ неба сводъ,
На скалы Финскія безъ мрака ночь нисходитъ
  И только что себѣ въ уборъ
  Алмазныхъ звѣздъ ненужный хоръ
  На небосклонъ она выводитъ!
Такъ вотъ отечество Одиновыхъ дѣтей,
  Грозы народовъ отдаленныхъ!
Такъ это колыбель ихъ безпокойныхъ дней,
  Разбоямъ громкимъ посвященныхъ!

Умолкъ призывный щитъ, не слышенъ Скальда гласъ,
  Воспламененный дубъ угасъ,

Развѣялъ буйный вѣтръ торжественные клики;
Сыны не вѣдаютъ о подвигахъ отцовъ;
И въ дольномъ прахѣ ихъ боговъ
Лежатъ низверженные лики!
И все вокругъ меня въ глубокой тишинѣ!
О вы, носившіе отъ брега къ брегу бои,
Куда вы скрылися, полночные герои?
Вашъ слѣдъ исчезъ въ родной странѣ.
Вы ль, на скалы ея вперивъ скорбящи очи,
Плывете въ облакахъ туманною толпой?
Вы ль? — дайте мнѣ отвѣтъ, услышьте голосъ мой,
Зовущій къ вамъ среди молчанья ночи.
Сыны могучіе сихъ грозныхъ, вѣчныхъ скалъ!
Какъ отдѣлились вы отъ каменной отчизны?
Зачѣмъ печальны вы? зачѣмъ я прочиталъ
На лицахъ сумрачныхъ улыбку укоризны?
И вы сокрылися въ обители тѣней!
И ваши имена не пощадило время!
Что жь наши подвиги, что слава нашихъ дней,
Что наше вѣтренное племя?
О, все своей чредой исчезнетъ въ безднѣ лѣтъ!
Для всѣхъ одинъ законъ, законъ уничтоженья,
Во всемъ мнѣ слышится таинственный привѣтъ
Обѣтованнаго забвенья!

Но я, въ безвѣстности, для жизни жизнь любя,
Я, беззаботливый душою,
Вострепещу ль передъ судьбою?
Не вѣчный для временъ, я вѣченъ для себя:
Не одному ль воображенью
Гроза ихъ что-то говоритъ?
Мгновенье мнѣ принадлежитъ,
Какъ я принадлежу мгновенью!
Что нужды до былыхъ, иль будущихъ племенъ?
Я не для нихъ бренчу незвонкими струнами?
Я, не внимаемый, довольно награжденъ
За звуки звуками, а за мечты мечтами.

Баратынскій.

51. Сельская элегія.

Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ,
Дубравы мирныя, священный сердцу кровъ!
Я возвращуся къ вамъ, домашнія иконы!
Пускай другіе чтутъ приличія законы;

Пускай другіе чтутъ ревнивый судъ невѣждъ;
Свободный наконецъ отъ суетныхъ надеждъ,
Отъ безпокойныхъ сновъ, отъ вѣтреныхъ желаній,
Испивъ безвременно всю чашу испытаній,
Не призракъ счастія, но счастье нужно мнѣ.
Усталый труженикъ, спѣшу къ родной странѣ
Заснуть желаннымъ сномъ, подъ кровлею родимой.
О домъ отеческій! о край всегда любимой!
Родныя небеса! незвучный голосъ мой,
Въ стихахъ задумчивыхъ, васъ пѣлъ въ странѣ чужой,
Вы мнѣ повѣете спокойствіемъ и счастьемъ.
Какъ въ пристани пловецъ, испытанный ненастьемъ,
Съ улыбкой слушаетъ, надъ бездною возсѣвъ,
И бури грозный свистъ и волнъ мятежный ревъ;
Такъ, небо не моля о почестяхъ и златѣ,
Спокойный домосѣдъ, въ моей безвѣстной хатѣ,
Укрывшись отъ толпы взыскательныхъ судей,
Въ кругу друзей своихъ, въ кругу семьи своей,
Я буду издали глядѣть на бури свѣта.
Нѣтъ, нѣтъ, не отмѣню священнаго обѣта!
Пускай летитъ къ шатрамъ безтрепетный герой;
Пускай кровавыхъ битвъ любовникъ молодой
Съ волненьемъ учится, губя часы златые,
Наукѣ размѣрять окопы боевые:
Я съ дѣтства полюбилъ сладчайшіе труды.
Прилежный, мирный плугъ, взрывающій бразды,
Почтеннѣе меча; полезный въ скромной долѣ,
Хочу воздѣлывать отеческое поле.
Оратай, ветхихъ дней достигшій надъ сохой,
Въ заботахъ сладостныхъ наставникъ будетъ мой;
Мнѣ дряхлаго отца сыны трудолюбивы
Помогутъ утучнять наслѣдственныя нивы.
А ты, мой старый другъ, мой вѣрный доброхотъ,
Усердный пестунъ мой, ты, первый огородъ
На отческихъ поляхъ разведшій въ дни былые,
Ты поведешь меня въ сады свои густые,
Деревьевъ и цвѣтовъ разскажешь имена;
Я самъ, когда съ небесъ роскошная весна
Повѣетъ нѣгою воскреснувшей природѣ,
Съ тяжелымъ заступомъ явлюся въ огородѣ;
Прійду съ тобой садить коренья и цвѣты.
О подвигъ благостный! не тщетенъ будешь ты:
Богиня пажитей признательнѣй фортуны!
Для нихъ безвѣстный вѣкъ, для нихъ свирѣль и струны;
Онѣ доступны всѣмъ, и мнѣ за легкій трудъ
Плодами сочными обильно воздадутъ.
Отъ грядъ и заступа спѣшу къ полямъ и плугу;
А тамъ, гдѣ ручеекъ по бархатному лугу
Катитъ задумчиво пустынныя струи,
Въ весенній ясный день, я самъ, друзья мои,

У брега насажу лѣсокъ уединенный,
И липу свѣжую и тополь осребренный;
Въ тѣни ихъ отдохнетъ мой правнукъ молодой;
Тамъ дружба нѣкогда сокроетъ пепелъ мой,
И вмѣсто мрамора, положитъ на гробницу
И мирный заступъ мой и мирную цѣвницу.

Баратынскій.

52. Истина.

О счастіи съ младенчества тоскуя,
Все счастьемъ бѣденъ я;
Или во вѣкъ его не обрѣту я
Въ пустынѣ бытія?

Младые сны отъ сердца отлетѣли,
Не узнаю я свѣтъ;
Надеждъ своихъ лишенъ я прежней цѣли,
А новой цѣли нѣтъ.

Безуменъ ты и всѣ твои желанья:
Мнѣ тайный голосъ рекъ;
И лучшія мечты моей созданья
Отвергнулъ я на вѣкъ.

Но для чего души разувѣренье
Свершилось не вполнѣ?
За чѣмъ же въ ней слѣпое сожалѣнье
Живетъ о старинѣ?

Такъ нѣкогда обдумывалъ съ роптаньемъ
Я тяжкій жребій свой;
Вдругъ Истину (то не было мечтаньемъ)
Узрѣлъ передъ собой.

«Свѣтильникъ мой укажетъ путь ко счастью!
(Вѣщала) захочу,
И страстнаго отрадному безстрастью
Тебя я научу.»

«Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь,
Пускай, узнавъ людей,
Ты, можетъ быть, испуганный, разлюбишь
И ближнихъ и друзей.»

«Я бытія всѣ прелести разрушу,
Но умъ наставлю твой;
Я обольщу суровымъ хладомъ душу,
Но дамъ душѣ покой.»

Я трепеталъ, словамъ ея внимая,
И горестно въ отвѣтъ
Промолвилъ ей: о гостья не-земная!
Печаленъ твой привѣтъ.

Свѣтильникъ твой — свѣтильникъ погребальный
Послѣднихъ благъ моихъ!
Твой міръ, увы! могилы міръ печальный
И страшенъ для живыхъ.

Нѣтъ, я не твой! въ твоей наукѣ строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня: кой-какъ моей дорогой
Одинъ я побреду.

Прости! иль нѣтъ: когда мое свѣтило
Во звѣздной вышинѣ
Начнетъ блѣднѣть, и все, что сердцу мило,
Забыть прійдется мнѣ,

Явись тогда! раскрой тогда мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти:
Чтобъ жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
Безропотно сойти.

Баратынскій.

53. Двѣ доли.

Дало двѣ доли Провидѣніе
На выборъ мудрости людской:
Или надежду и волненіе,
Иль безнадежность и покой.

Вѣрь тотъ надеждѣ обольщающей,
Кто бодръ неопытнымъ умомъ,
Лишь по молвѣ разновѣщающей
Съ судьбой насмѣшливой знакомъ.

Надѣйтесь, юноши кипящіе!
Летите: крылья вамъ даны;

Для васъ и замыслы блестящіе
И сердца пламенные сны.

Но вы, судьбину испытавшіе,
Тщету утѣхъ, печали власть,
Вы, знанье бытія пріявшіе,
Себѣ на тягостную часть!

Гоните прочь ихъ рой прельстительный.
Такъ! доживайте жизнь въ тиши,
И берегите хладъ спасительный
Своей бездѣйственной души.

Своимъ безчувствіемъ блаженные,
Какъ трупы мертвыхъ изъ гробовъ,
Волхва словами пробужденные,
Встаютъ со скрежетомъ зубовъ;

Такъ вы, согрѣвъ въ душѣ желанья,
Безумно вдавшись въ ихъ обманъ,
Проснетесь только для страданія,
Для боли новой прежнихъ ранъ.

Баратинскій.

54. Умирающій Тассъ.

Какое торжество готовитъ древній Римъ?
Куда текутъ народа шумны волны?
Къ чему сихъ ароматъ и мирры сладкій дымъ,
Душистыхъ травъ кругомъ кошницы полны?
До Капитолія отъ Тибровыхъ валовъ,
Надъ стогнами всемірныя столицы,
Къ чему раскинуты средь лавровъ и цвѣтовъ
Безцѣнные ковры и багряницы?
Къ чему сей шумъ? къ чему тимпановъ звукъ и громъ?
Веселья онъ, или побѣды вѣстникъ?
Почто съ хоругвіей течетъ въ молитвы домъ
Подъ митрою Апостоловъ Намѣстникъ?
Кому въ рукѣ его сей зыблется вѣнецъ,
Безцѣнный даръ признательнаго Рима?
Кому тріумфъ? — Тебѣ, божественный пѣвецъ!
Тебѣ сей даръ . . . пѣвецъ Ерусалима!
И шумъ веселія достигъ до кельи той,
Гдѣ борется съ кончиною Торквато:

Гдѣ надъ божественной страдальца головой
Духъ смерти носится крылатой.
Ни слезы дружества, ни иноковъ мольбы,
Ни почестей, столь поздніи награды,
Ничто не укротитъ желѣзныя судьбы,
Не знающей къ великому пощады;
Полуразрушенный, онъ видитъ грозный часъ,
Съ веселіемъ его благословляетъ,
И, лебедь сладостный, еще въ послѣдній разъ
Онъ съ жизнію прощаясь, восклицаетъ:

«Друзья, о! дайте мнѣ взглянуть на пышный Римъ,
Гдѣ ждетъ пѣвца безвременно кладбище,
Да встрѣчу взорами холмы твои и дымъ,
О древнее Квиритовъ пепелище!
Земля священная героевъ и чудесъ!
Развалины и прахъ краснорѣчивый!
Лазурь и пурпуры безоблачныхъ небесъ,
Вы, тополи, вы, древніи оливы,
И ты, о вѣчный Тибръ, поитель всѣхъ племенъ,
Засѣянный костьми гражданъ вселенной:
Васъ, васъ привѣтствуетъ изъ сихъ унылыхъ стѣнъ
Безвременной кончинѣ обреченной!
Свершилось! Я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій;
И лавры славные надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли.
Отъ самой юности игралище людей,
Младенцемъ былъ уже изгнанникъ;
Подъ небомъ сладостнымъ Италіи моей
Скитаяся, какъ бѣдный странникъ,
Какихъ не испыталъ превратностей судебъ?
Гдѣ мой челнокъ волнами не носился?
Гдѣ успокоился? гдѣ мой насущный хлѣбъ
Слезами скорби не кропился?
Соренто! колыбель моихъ несчастныхъ дней,
Гдѣ я въ ночи, какъ трепетный Асканій,
Отторженъ былъ судьбой отъ матери моей,
Отъ сладостныхъ объятій и лобзаній:
Ты помнишь, сколько слезъ младенцемъ пролилъ я!
Увы! съ тѣхъ поръ, добыча злой судьбины
Всѣ горести узналъ, всю бѣдность бытія.
Фортуною изрытыя пучины
Разверзлись подо мной, и громъ не умолкалъ!
Изъ веси въ весь, изъ странъ въ страну гонимый,
Я тщетно на земли пристанища искалъ:
Повсюду перстъ ея неотразимый!
Повсюду молніи карающей пѣвца!
Ни въ хижинѣ оратая простаго,

Ни подъ защитою Альфонсова дворца,
Ни въ тишинѣ безвѣстнѣйшаго крова,
Ни въ дебряхъ, ни въ горахъ, не спасъ главы моей,
Бесславіемъ и славой удрученной,
Главы изгнанника, отъ колыбельныхъ дней
Карающей Богинѣ обреченной. . .

Друзья! но что мою стѣсняетъ страшно грудь?
Что сердце такъ и ноетъ и трепещетъ?
Откуда я, какой прошелъ ужасный путь,
И что за мной еще во мракѣ блещетъ?
Феррара . . . Фуріи . . . и зависти змія! . . .
Куда? — куда, убійцы дарованья?
Я въ пристани. Здѣсь Римъ. Здѣсь братья и семья!
Вотъ слезы ихъ и сладки лобызанья. . . .
И въ Капитоліи — Виргиліевъ вѣнецъ!
Такъ, я свершилъ назначенное Фебомъ.
Отъ первой юности его усердный жрецъ,
Подъ молніей, подъ разъяреннымъ небомъ,
Я пѣлъ величіе и славу прежнихъ дней,
И въ узахъ я душой не измѣнился.
Музъ сладостныхъ восторгъ не гасъ въ душѣ моей,
И геній мой въ страданьяхъ укрѣпился.
Онъ жилъ въ странѣ чудесъ, у стѣнъ твоихъ, Сіонъ,
На берегахъ цвѣтущихъ Іордана;
Онъ вопрошалъ тебя, мутящійся Кедронъ,
Васъ, мирныя убѣжища Ливана!
Предъ нимъ воскресли вы, герои древнихъ дней,
Въ величіи и блескѣ грозной славы:
Онъ зрѣлъ тебя, Готфредъ, владыко, вождь Царей,
Подъ свистомъ стрѣлъ, спокойный, величавый;
Тебя, младой Ринальдъ, кипящій какъ Ахиллъ,
Въ любви, въ войнѣ счастливый побѣдитель:
Онъ зрѣлъ, какъ ты леталъ по трупамъ вражьихъ силъ,
Какъ огнь, какъ смерть, какъ Ангелъ-истребитель. . .

И тартаръ низложенъ сіяющимъ крестомъ!
О доблести неслыханной примѣры!
О, нашихъ праотцевъ, давно почившихъ сномъ,
Тріумфъ святой! побѣда чистой вѣры!
Торквато васъ исторгъ изъ пропасти временъ:
Онъ пѣлъ — и вы не будете забвенны —
Онъ пѣлъ: ему вѣнецъ безсмертья обреченъ,
Рукою Музъ и славы соплетенный.
Но поздно! я стою надъ бездной роковой,
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
И лавры славные надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли!» —

Умолкъ. Унылый огнь въ очахъ его горѣлъ,
Послѣдній лучъ таланта предъ кончиной;
И умирающій, казалося, хотѣлъ
У Парки взять тріумфа день единой.
Онъ взоромъ все искалъ Капитолійскихъ стѣнъ,
Съ усиліемъ еще приподнимался;
Но мукой страшною кончины изнуренъ,
Недвижимый на ложѣ оставался.
Свѣтило дневное ужъ къ западу текло,
И въ заревѣ багряномъ утопало;
Часъ смерти близился . . . и мрачное чело
Въ послѣдній разъ страдальца просіяло.
Съ улыбкой тихою на западъ онъ глядѣлъ. . . .
И оживленъ вечернею прохладой,
Десницу къ небесамъ внимающимъ воздѣлъ,
Какъ праведникъ съ надеждой и отрадой.
— «Смотрите, онъ сказалъ рыдающимъ друзьямъ,
Какъ царь свѣтилъ на западѣ пылаетъ!
Онъ, онъ зоветъ меня къ безоблачнымъ странамъ,
Гдѣ вѣчное Свѣтило засіяетъ. . . .
Ужъ Ангелъ предо мной, вожатай оныхъ мѣстъ;
Онъ осѣнилъ меня лазурными крылами. . . .
Приблизьте знакъ любви, сей таинственный крестъ. . . .
Молитеся съ надеждой и слезами. . . .
Земное гибнетъ все . . . и слава и вѣнецъ. . . .
Искусствъ и Музъ творенья величавы:
Но тамъ — все вѣчное, какъ вѣченъ самъ Творецъ,
Податель намъ вѣнца небренной славы!
Тамъ все великое, чѣмъ духъ питался мой,
Чѣмъ я дышалъ отъ самой колыбели.
О братья! о друзья! не плачьте надо мной:
Вашъ другъ достигъ давно желанной цѣли.
Отыдетъ съ миромъ онъ, и вѣрой укрѣпленъ,
Мучительной кончины не примѣтитъ;
Тамъ, тамъ . . . о счастіе! . . . средь непорочныхъ женъ,
Средь Ангеловъ, Элеонора встрѣтитъ!»

И съ именемъ любви божественной погасъ;
Друзья надъ нимъ въ безмолвіи рыдали.
День тихо догаралъ . . . и колокола гласъ
Разнесъ кругомъ по стогнамъ вѣсть печали.
Погибъ Торквато нашъ! воскликнулъ съ плачемъ Римъ,
Погибъ пѣвецъ, достойный лучшей доли! . . .
На утро факеловъ узрѣли марчный дымъ;
И трауромъ покрылся Капитолій.

Батюшковъ.

55. Зимній вечеръ.

Когда порой зимы такъ рано вечерѣетъ,
И солнце безъ лучей на западѣ тускнѣетъ,
Зачѣмъ, зачѣмъ такъ грустно мнѣ?
Когда природы день такъ молодъ умираетъ,
И день подложный нашъ его переживаетъ,
Зачѣмъ печаль встаетъ въ душѣ? . . .

Смотрю, какъ стелются туманы черной мглою,
Внимаю птицъ ночныхъ пронзительному вою —
И мысли грезой замѣня,
Видѣнья мрачныя, тоскующія думы,
Чернѣе внѣшней мглы, станицею угрюмой
Уныньемъ вѣютъ на меня.

Зачѣмъ? . . . какая связь межъ сердцемъ безпокойнымъ,
Кипящимъ жизнію, и этимъ дивно-стройнымъ,
Но хладнымъ, мертвымъ естествомъ? . . .
Зачѣмъ мечты мои цвѣтъ неба отражаютъ?
Зачѣмъ сочувствія міръ видимый сдружаютъ
Съ неосязаемымъ умомъ? . . .

Иль перстъ зиждительный всему даетъ значенье?
Иль все окрестное есть притча и сравненье,
Прообразъ нашего житья?
Иль это таинство созвучій сокровенныхъ,
Въ мигъ посвященія, въ часъ сумеркъ вдохновенныхъ,
Чутьемъ души постигла я? . . .

И, можетъ быть, затѣмъ такъ сердце пріуныло,
Что есть и у него закатное свѣтило,
И безотрадная зима. . . .
Что полдень радости и утро упованья
Недолго рдѣютъ намъ . . . что всякое сіянье
Невѣрно, бѣгло какъ мечта!

Не разъ младую жизнь страданья облекали
Могильнымъ саваномъ; нерѣдко ночь печали
Смѣняетъ счастья красный день. . . .
И жертвы тайныя скорбей неизлечимыхъ
Живутъ, живутъ свой вѣкъ, и въ ихъ сердцахъ томимыхъ
Все холодъ, пустота и тѣнь.

Когда порой зимы такъ рано вечерѣетъ,
И солнце безъ лучей на западѣ тускнѣетъ,
Мнѣ жаль, мнѣ жаль младаго дня. . . .

Когда съ отцвѣтшею душею я встрѣчаюсь,
Я за нее грущу, участьемъ съ ней сливаюсь,
Мнѣ страшно . . . страшно за себя! . . .

Графиня Е. Ростопчина.

56. Рыбаки.

Таланты отъ Бога, богатство отъ рукъ человѣка.

I.

На островѣ Невскомъ, омытомъ рѣкою и моремъ,
Подъ кущей однею два рыбаря жили пришельцы;
Одинъ престарѣлый, другой лишь брадой опушался.
Гонимые нуждой изъ милаго края роднаго,
На промыслъ товарищи вмѣстѣ пришли на чужбину;
Лишь честную бѣдность они принесли за спиною
И вмѣстѣ и нужду и трудъ земляки раздѣляли.
Въ печальныхъ трудахъ для убогаго пѣсни услада,
И младшій прекрасно игралъ ихъ на звонкой свирѣли.
Есть тайныя чувствій минуты, когда вдохновенье
Сердца и простыя природы сыновъ посѣщаетъ.
Въ часъ утра златаго, какъ день загарается лѣтній,
И все на землѣ воскресаетъ для счастія жизни;
Иль въ вечеръ, какъ солнце въ багряныя волны тонуло;
Иль въ ясныя ночи, когда онъ смотря дивовался
На мѣсяцъ, на звѣзды, на высь безпредѣльную неба:
То тайную радость, то тайныя грустныя чувства
Любилъ изливать онъ въ простыхъ, безъискуственныхъ звукахъ,
Но чистыхъ, но свѣжихъ, какъ юныя листья на вѣтвяхъ.
Давно онъ окрестность плѣнялъ вдохновенной свирѣлью;
Онъ, звуками сердца но свѣтлой Невѣ разливаясь,
Не разъ у гребцовъ останавливалъ шумныя весла;
Но, сердцемъ невинный, чудесъ имъ творимыхъ не вѣдалъ.
Однажды, уставши отъ ловли несчастливой, оба
Сидѣли у кущи, изъ вѣтвей древесныхъ сложенной.
Старѣйшій работалъ изъ гибкія вербы кошницу,
А младшій у брега, главою на руку поникшій,
Уныло смотрѣлъ на бѣгущія, темныя волны.
Шумѣли, бѣжали въ пучину незримую волны:
Такъ юноши думы въ синѣвшуюсь даль уносились!
По долгомъ молчаньѣ къ устамъ поднесъ онъ цѣвницу
И въ пѣсни унылой излилъ вдохновенное сердце.
Но рыбарь старѣйшій, работая, началъ бесѣду:

Рыбакъ стар.

Любезный товарищъ! вѣдь пѣснями рыбы не ловятъ!
Ты сладко играешь, и мнѣ твои пѣсни отрадны;
Но вижу, ты часто работу мѣняешь на пѣсни;
Поешь ты до птицъ, для свирѣли и сонъ забываешь.
Охота другая неволя; по молвлю я слово:
Нашъ неводъ изорванъ и верша твоя не въ исправѣ.
Не пѣснями ль, милой, ты здѣсь затѣваешь кормиться?
Ты съ голоду сгибнешь, иль съ сумкой воротишься къ дому.

Рыбакъ млад.

Не сгибну, товарищъ: насъ пѣсни до бѣдъ не доводятъ?
Любилъ ихъ, ты помнишь, и дѣдъ мой. Р. ст. Пастухъ горемычный!
Что дѣтямъ оставилъ онъ? Р. мл. Доброе имя! Р. ст. и бѣдность.
Отецъ твой рыбакъ и дѣтей бы не въ скудѣ оставилъ,
Когда бъ не пришли на семью его черные годы:
Пожаръ за пожаромъ его разорилъ до основы.
Р. мл. А кто же помогъ намъ?—и кто на дорогу снабдилъ насъ,
Отдавши послѣднее? Дѣдъ мой, пастухъ горемычный.
Онъ, онъ подарилъ мнѣ и эту пастушью цѣвницу;
Онъ къ пѣснямъ меня заохотилъ. Р. ст. Такъ что же, товарищъ!
Знать, хочешь ты кинуть наслѣдственный промыслъ отцовскій?
Но промыслъ рыбачій есть промыслъ и чистый и честный:
Рыбакъ не губитель, своей онъ руки не кровавитъ;
Рыбакъ не обманщикъ, товаръ продаетъ неподдѣльный.
Симъ промысломъ честнымъ отцы наши хлѣбъ добывали.
Знать, другъ мой любезный, тяжелъ тебѣ трудъ рыболова?
Такъ лучше бъ съ свирѣлью остался ты дома при стадѣ.
Тамъ ясное небо, тамъ ясныя души, и пѣсни
Тамъ милы людямъ; а здѣсь, братъ, и люди, какъ небо,
Суровы: здѣсь хлѣба не выпоешь, выплачешь легче.
Опомнись, землякъ; что скажетъ и мать, какъ услышитъ?
Р. мл. Услышитъ любезный, о мнѣ она добрыя вѣсти;
А ты понапрасну меня не кори, обижаешь.
Рыбачій я промыслъ люблю и его не чуждаюсь;
Быть можетъ, лѣнивъ я, а больше того безталанливъ;
Но справлюсь, товарищъ. Сулитъ рыболовъ мнѣ приморскій
Клубъ нитокъ и вершу за выручку пѣсней свирѣльныхъ.
Вотъ, видишь ты, пѣсни любятъ и здѣшніе люди;
Ихъ слушаютъ часто, па шлюбкахъ по взморью гуляя,
Бояре градскіе, ихъ любятъ всѣ добрыя люди?
Я помню изъ-дѣтства, какъ въ нашемъ селеніи старецъ,
Захожій слѣпецъ наигрывалъ пѣсни на струнахъ

Про старыя войны, про воиновъ Русскихъ могучихъ.
Какъ вижу его: и сума за плечами и кобза,
Сѣдая брада и волосы до плечъ сѣдые;
Съ клюкою въ рукахъ проходилъ онъ по нашей деревнѣ
И, зазванный дѣдомъ, подъ нашею хатой усѣлся.
Онъ долго сперва по струнамъ рокоталъ молчаливый,
То важною думой сѣдое чело осѣняя,
То къ небу подъемля незрячія, бѣлыя очи.
Какъ вдругъ проствѣтлѣло сѣдое чело пѣснопѣвца,
И вдругъ по струнамъ залетали костистые пальцы;
Въ рукахъ задрожала струнчатая кобза, и пѣсни,
Волшебныя пѣсни изъ старцевыхъ устъ полетѣли!
Мы всѣ, ребятишки, какъ вкопаны въ землю, стояли;
А дѣдъ мой старикъ, на ладонь опираяся, думный
На лавкѣ сидѣлъ, и изъ глазъ его капали слезы.
О, кто бы меня изучилъ сладкогласнымъ тѣмъ пѣснямъ,
Тому бъ я отдалъ изъ счастливѣйшихъ всю мою тоню!
Вотъ тамъ, на Невѣ, подъ высокимъ теремомъ свѣтлымъ,
Изъ камня гдѣ львы у порога стоятъ, какъ живые, —
Подъ теремомъ тѣмъ бояринъ живетъ именитый,
Уже престарѣлый, но знать въ немъ душа молодая:
Подъ теремомъ тѣмъ, ты слыхалъ ли, какъ въ лѣтнія ночи
И струны рокочутъ и вѣщіе носятся гласы?
Знать старцы слѣпцые боярина пѣснями тѣшатъ.
Землякъ, и свирѣль тамъ слышна: соловьемъ распѣваетъ!
Всю душу проходитъ, какъ трель поведетъ и зальется!
Ты видишь, землякъ, и бояре разумные любятъ.
Свирѣль. Не хули же моей ты сердечной забавы.
Люблю свое ремесло, но и пѣсни люблю я;
А дѣдъ мой говаривалъ: что въ кого Богъ поселяетъ,
То вѣрно не къ худу. И что же въ пѣсняхъ худаго?
Мнѣ сладко, мнѣ весело, радостно, словно я въ небѣ,
Когда на свирѣли играю! Да самъ ты, товарищъ,
Ты самъ, какъ пою я про сторону нашу родную,
Про рѣки знакомыя, гдѣ мы училися ловлѣ,
Про долы зеленые, гдѣ мы играли младые,
За чѣмъ ты, любезный, глаза закрываешь рукою?
Да ты же меня и коришь и сумою стращаешь!
Мнѣ бѣдность знакома изъ-дѣтства; ее не боюся,
Поколѣ жъ есть руки, я ихъ не простру за подачей.
Р. ст. Задѣлъ я тебя, да и самъ уже каюсь; рѣчистъ ты!
Но если бы столько въ сей день наловилъ ты и рыбы,
Какъ словъ насказалъ, повѣрнѣе была бъ наша прибыль.
Р. мл. Что правда, то правда! но день вѣдь еще не оконченъ;
А видишь ли, другъ, надо мною какъ ласточка вьется?
Вѣдь это не къ худу; о! ласточка вѣстница счастья!
Сего дня, сказалъ ты, не станемъ закидывать неводъ;
У берега рыба гуляетъ. Одинъ попытаюсь;

Сажуся на лодку, беру я и сѣти и уды.
Р. ст. Берешь и свирѣль ты, землякъ? Р. мл. Разстаюсь ли
я съ нею?
Р. ст. Худое предвѣстве! Р. мл. Да ласточка вѣстница
счастья!
Смотри, вѣдь опять надо мной и щебечетъ и вьется.
О, ловля, счастливая ловля! лишь день вечерѣетъ,
Лишь солнце садится, и рыба стадами играетъ.
«Ловися мнѣ рыба, ловися и окунь и щука.»
И пѣснь-рыболова исчезла у дальняго брега.

II.

Уже надъ Невою сіяетъ безвнойное солнце,
Уже вечерѣетъ, а рыбаря нѣтъ молодаго.
Вотъ солнце зашло, загорѣлся безоблачный западъ;
Съ пылающимъ небомъ, сліясь, загорѣлося море,
И пурпуръ и золото залило рощи и домы.
Шпицъ тверди Петровой возвышенный вспыхнулъ надъ гра-
домъ,
Какъ огненный столпъ на лазури небесной играя.
Угасъ онъ; но пурпуръ на западномъ небѣ не гаснетъ.
Вотъ вечеръ, но сумракъ за нимъ не слетаетъ на землю;
Вотъ ночь, а свѣтла синевою одѣтая дальность:
Безъ звѣздъ и безъ мѣсяца небо ночное сіяетъ,
И пурпуръ заката сливается съ златомъ востока,
Какъ будто денница за вечеромъ слѣдомъ выводитъ
Румяное утро. Была то година златая,
Какъ лѣтніе дни похищаютъ владычество ночи;
Какъ взоръ иноземца на сѣверномъ небѣ плѣняетъ
Сліянье волшебное тѣни и сладкаго свѣта,
Какимъ никогда не украшено небо полудня;
Та ясность, подобная прелестямъ сѣверной дѣвы,
Которой глаза голубые и алыя щеки
Едва отѣняются русыми локонъ волнами.
Тогда надъ Невой и надъ пышнымъ Петрополемъ видятъ
Безъ сумрака вечеръ и быстрыя ночи безъ тѣни;
Тогда Филомела полночныя пѣсни лишь кончитъ,
И пѣсни заводитъ, привѣтствуя день восходящій.
Но поздно; повѣяла свѣжесть; на Невскія тундры
Роса опустилась, а рыбаря нѣтъ молодаго.
Вотъ полночь; шумѣвшая вечеромъ тысячью веселъ
Нева не колыхнетъ; разъѣхались гости градскіе.
Ни гласа на брегѣ, ни зыби на влагѣ, все тихо;
Лишь изрѣдка гулъ отъ мостовъ надъ водой раздается,
Да изрѣдка крикъ изъ деревни протяжный промчится,
Гдѣ въ ночь окликается ратная стража со стражей.

Все спитъ; надъ деревнею дымъ ни единый не вьется;
Огонь лишь дымится предъ кущею рыбаря старца.
Котелъ у огнища стоитъ уже снятый съ треного:
Старикъ заварилъ въ немъ уху, въ ожиданіи друга;
Уха, ужъ остывши, подернулась пѣной янтарной.
Не ужиналъ онъ и скучалъ, земляка ожидая;
Лежалъ у огня, раскинувъ свой кожаный запонъ,
И часто посматривалъ вдоль по Невѣ сребpopводной.
Но сскучилъ старикъ, безпокоимый грустью и гладомъ,
И въ первый онъ разъ безъ товарища ужинать думалъ:
Взялъ чашу изъ древа, блестящую лакомъ златистымъ;
Лишь началъ, уху черезъ край, призадумавшись, пролилъ,
И, въ сердцѣ на друга, промолвилъ суровое слово.
Присѣлъ и лишь руку для крестнаго знаменья поднялъ,
Шумъ веселъ раздался, и крестъ сотворилъ онъ не къ яствѣ,
Но къ радости сердца: ладья на рѣкѣ показалась,
И голосъ знакомый ударился въ берегъ отзывный:
Р. мл. Ты спишь ли, товарищъ? вставай, помогай выгружаться!
Р. ст. Люби тебя Богъ, наважденный свирѣльникъ несчастный!
Не сонъ на глаза, а кручину на сердце навелъ ты.
Пропасть до полночи! Я, Богъ знаетъ, что передумалъ.
Р. мл. А что же ты думалъ? Р. ст. Что думалъ? Свѣтаетъ, повѣса!
По Новой деревнѣ, ты слышишь, стучатъ ужъ телеги:
И гдѣ разъѣзжалъ ты? Свѣтло, всѣ окольности видно;
А лодки твоей, просмотрѣлъ я глаза, не завидѣлъ.
Хожу, окликаю: съ Невы ни отвѣта, ни гласа.
Палъ на сердце страхъ: до бѣды далеко ль человѣку!
Такихъ, братъ, какъ ты, подцѣпляли не разъ Водяные;
А мать за тебя у кого бы отвѣта спросила,
Негодный повѣса? . . . Здорово! дай руку, товарищъ!
Р. мл. Другъ милый, другъ милый! вѣдь ласточка намъ не солгала.
Ты сердцемъ не чуялъ, что я привезу тебѣ радость?
Р. ст. Что? щуку съ перомъ голубымъ, или лосося жирнаго пѣснью
Сманилъ ты на уду? О, рыба вѣдь лакома къ пѣснямъ!
Не рыбу, мой другъ, а сердца подгородныхъ красавицъ
Ловилъ ты свирѣлью. Удаченъ ли ловъ, признавайся;
Разсказывай все. . . . Но на челнѣ, какъ видится, неводъ?
Ты невода не бралъ? Р. мл. О неводѣ послѣ, товарищъ!
А эта свирѣль какова? посмотри, полюбуйся!
Р. ст. Свирѣль дорогая, сдается; уже ли купилъ ты?
Нѣтъ, поднялъ у мызъ понадрѣчныхъ; навѣрно бояринъ
Ее обронилъ: дорогая, заморской работы!
Изъ пальмова древа, съ слоновою костью и златомъ;
А скважины въ ней, какъ пчела на сотахъ вылѣпляетъ!

На ней-то, землякъ, соловьиныя трели ты бъ вывелъ!
Сознай ты ее, объяви, чтобъ тебя не клепали;
Чужое добро не въ корысть. Р. мл. Не присвою чужаго.
И эта свирѣль, мой любезный, и неводъ на челнѣ,
Мои! Р. ст. Перестань, молодой, старика ты морочить.
Р. мл. Такъ счастью, землякъ, моему и не вѣришь ты? Р. ст. Счастью?
Ума приложить не могу, и не знаю какому?
Р. мл. Вотъ этой простою, пастушеской дѣда свирѣлью
И неводъ, что въ лодкѣ, и эту свирѣль дорогую
Я выигралъ! Р. ст. Что? Р. мл. И за что бы купилъ я!
За эту свирѣль рыболовнаго мало снаряда.
Нѣтъ, Богъ, о товарищъ, мнѣ Богъ даровалъ ихъ за пѣсни!
Р. ст. Да молви же, кто? не томи, разскажи мнѣ скорѣе!
Отъ радости сердце играетъ; пропалъ мой и голодъ;
На умъ не идетъ мнѣ и ужинъ. Товарищъ, ты веселъ?
Скорѣй подѣлися весельемъ, порадуй и друга!
Р. мл. О, радостно будетъ объ этомъ всю жизнь говорить мнѣ.
Но сядемъ мы тамъ, на холмѣ, подъ душистою липой,
Гдѣ въ ясныя ночи съ тобою рыбу мы удимъ.
Оттолѣ намъ видны далекія рощи и мызы
По брегу Невы сребророводной; оттолѣ увидимъ
И домъ, о которомъ тебѣ поведу мое слово,
Тотъ теремъ, котораго мнѣ не забыть до могилы!
Какъ солнце садилось, подъѣхалъ я съ удами въ челнѣ
Къ противному берегу. Рыба, какъ день вечерѣетъ,
Тамъ рунами ходитъ; и вправду, стадами металась.
Рука уставала закидывать гибкія уды;
Двухъ щукъ изловилъ, окунямъ и счетъ ужъ терялъ я;
Запасная верша кипѣла серебряной рыбой.
Но скоро, не вѣдаю какъ, противъ мызы боярской
Съ ладьей очутился я. Ночь между тѣмъ наступала,
Чудесная ночь! ни единой звѣзды на лазури,
А сребряный свѣтъ разливался по небу ночному!
Все было такъ тихо! не дрогнулъ ни листъ на осинѣ;
Все было безмолвно! И вотъ, надъ Невою недвижной
Понесся изъ терема сладостный гулъ тихострунный.
Мнѣ радостно стало! и началъ я робкой свирѣлью
Подыгрывать тихо подъ струны; какъ вдругъ межъ древами
Почулся мнѣ шорохъ, и слуги боярскіе вышли
И съ берега стали меня зазывать въ его теремъ.
Я сѣть отвязалъ, чтобъ боярину рыбу живую,
Огромную щуку и окуней несть красноперыхъ.
«Не съ рыбой, съ свирѣлью!» веселые вскрикнули слуги:
«Въ свой теремъ высокій тебя призываетъ бояринъ.»
Р. ст. Царю мой небесный! идти ты, землякъ, не боялся?
Р. мл. Боялся, товарищъ! въ груди моей дрогнуло сердце;
Какъ вотъ и бояринъ изъ теремныхъ оконъ хрустальныхъ
Свой ласковый голосъ мнѣ подалъ; и пролилъ онъ въ душу

Веселость и смѣлость! Вступилъ я въ хоромы; но страшно
Мнѣ стало опять, какъ я началъ идти по хоромамъ.
Со стѣнъ ихъ люди глядятъ на тебя какъ живые!
Изъ мрамора дѣвы прелестныя, только не дышатъ!
Но диву я дался, увидѣвши теремъ высокій!
Чудесный, прозрачный! какъ въ сказкѣ, землякъ, говорится:
Что на небѣ звѣзды, и въ теремѣ звѣзды, и мѣсяцъ,
И вся въ терему красота поднебесная видна!
Въ немъ старецъ-бояринъ сидѣлъ сребровласый въ семействѣ
Цвѣтущихъ дѣтей, средь бояръ и вельможъ именитыхъ.
Смутился я, другъ; у порога стоялъ полумертвый;
Но ожило сердце, забилось весельемъ, и слезы
Изъ глазъ у меня проступили, какъ добрый бояринъ
Привѣтно взглянулъ на меня и ласково молвилъ:
«Люблю я невинныхъ сердецъ вдохновенья простыя,
«Люблю я свирѣльныя пѣсни, а ты ихъ пріятно играешь.
«Не разъ и ко мнѣ доходили ихъ сладкіе звуки;
«Давно я желалъ насладиться твоею свирѣлью;
«Давно приготовилъ награду, достойную пѣсней:
«Тебя подарю я прекрасной свирѣлью изъ пальмы.
«Сыграй намъ, о рыбарь, пріятную сельскую пѣсню!»
За чѣмъ ты, товарищъ, подъ теремомъ не былъ со мною?
Напомнилъ бы ты мнѣ, какія я пѣсни играю;
Отъ радости всё позабылъ я, стоялъ безотвѣтный;
Но очи лишь поднялъ и взоры боярина встрѣтилъ,
Безвѣстная, другъ обняла меня дивная сила!
Взыгралъ я, и пѣснь разлилась по зеленому саду!
И вотъ мнѣ награда. Р. ст. Постой, товарищъ, ты видишь,
Досадныя слезы мѣшаютъ мнѣ слушать. — Ну далѣ?
Р. мл. Но лучшей наградой мнѣ было боярское слово:
«Кто былъ твой учитель?» измолвилъ онъ. — Богъ, отвѣчалъ я.
Бояринъ, изъ рукъ подавая свирѣль дорогую,
«Играй, мнѣ примолвилъ; безъ Бога, какъ ты, не играютъ.
«Но въ промыслѣ ты не лѣнишься ли, рыбарь, для пѣсней?
«Таланты отъ Бога, богатство отъ рукъ человѣка.»
Нашъ промыслъ, я молвилъ, есть промыслъ и чистый и честный:
Твои предъ бояриномъ смѣло я высказалъ рѣчи.
«Разумныя рѣчи, бояринъ мнѣ весело молвилъ:
«За нихъ я тебя дарю еще неводомъ новымъ;
«Ты жъ лучшій твой ловъ продавай для меня на трапезу.»
Р. ст. Какъ сказку я слышу! правдиво предвѣстіе птицы!
Р. мл. Не птицы, а дѣда правдиво мнѣ вѣщее слово;
Онъ, дѣдъ мой, говаривалъ: что въ кого Богъ поселяетъ,
То вѣрно не къ худу. — Молчишь ты, любезный! Р. ст. Усталъ я

Отъ радости сердца; скажу я короткое слово:
Отъ дѣда въ наслѣдство ты принялъ цѣвницу изъ липы,
А внукамъ своимъ передай цѣвницу изъ пальмы.
Р. м л. И имя того, кто почтилъ дарованіе Бога,
Я внукамъ моимъ передамъ съ любовію къ пѣснямъ!

Гнѣдичъ.

57. Чужой толкъ.

«Что за диковинка? лѣтъ двадцать ужъ прошло,
Какъ мы, напрягши умъ, наморщивши чело,
Со всеусердіемъ все оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ ни имъ похвалъ нигдѣ не слышимъ!
Ужели выдалъ Фебъ свой именной указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ насъ
Быть Флакку, Рамлеру и ихъ собратьи равнымъ,
И столько жъ, какъ они, во пѣснопѣньи славнымъ?
Какъ думаешь? . . . Вчера случилось мнѣ сличать
И ихъ и нашу пѣснь? въ ихъ . . . нечего читать:
Листочекъ, много три, а любо, какъ читаешь —
Не знаю, какъ-то самъ какъ будтобы летаешь!
Судя по краткости, увѣренъ, что они
Писали ихъ рѣзвясь, а не четыре дни;
То какъ бы намъ не быть еще и ихъ счастливѣй,
Когда мы во сто разъ прилежнѣй, терпѣливѣй?
Вѣдь нашъ начнетъ писать, то всѣ забавы прочь:
Надъ парою стиховъ просиживаетъ ночь,
Потѣетъ, думаетъ, чертитъ и жжетъ бумагу;
И иногда беретъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной!
И подлинно ужъ весь приложитъ разумъ свой!
Ужъ прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода;
Но очень полная, иная въ двѣсти строфъ!
Судите жъ, сколько тутъ хорошихъ есть стишковъ!
Къ тому жъ и въ правилахъ: сперва прочтешь вступленье,
Тутъ предложеніе, а тамъ и заключенье —
Точь въ точь, какъ говорятъ учены по церквамъ!
Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ, читать, охоты, вижу самъ.
Возьму ли, напримѣръ, я оды на побѣды;
Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли Шведы:
Всѣ тутъ подробности сраженья нахожу,
Гдѣ было, какъ, когда, — короче я скажу:

Въ стихахъ реляція! прекрасно! . . . а зѣваю!
Я, бросивши ее, другую раскрываю,
На праздникъ, иль на что подобное тому:
Тутъ найдешь то, чего бъ нехитрому уму
Не выдумать и ввѣкъ: зари багряны персты,
И райскій кринъ, и Фебъ, и небеса отверзты!
Такъ громко, высоко! . . . а нѣтъ, не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ни чуть не шевелитъ!»

Такъ дѣдовскихъ временъ съ любезной простотою
Вчера одинъ старикъ бесѣдовалъ со мною.
Я, будучи и самъ товарищъ тѣхъ пѣвцовъ,
Которыхъ дѣйствію дивился онъ стиховъ,
Смутился и не зналъ, какъ отвѣчать мнѣ должно;
Но къ счастью — ежели назвать то счастьемъ можно,
Чтобъ слышать и себѣ ужасный приговоръ —
Какой-то Аристархъ съ нимъ началъ разговоръ:

«На это, онъ сказалъ, есть многія причины;
Не обѣщаюсь ихъ открыть и половины,
А нѣкоторы вамъ охотно объявлю.
Я самъ языкъ боговъ, поэзію люблю,
И нашей, какъ и вы, утѣшенъ также мало;
Однако жъ, здѣсь въ Москвѣ, толкался я бывало
Межъ нашихъ Пиндаровъ, и всѣхъ ихъ замѣчалъ:
Большая часть изъ нихъ — лейб-гвардіи капралъ,
Ассесоръ, офицеръ, какой-нибудь подъячій,
Иль изъ Кунсткамеры антикъ въ пыли ходячій —
Уродовъ стражъ — народъ все нужный, должностной;
Такъ часто я видалъ, что истинно иной
Въ два, въ три дни риѳму лишь прибрать едва успѣетъ,
За тѣмъ, что въ хлопотахъ досуга не имѣетъ.
Лишь только мысль къ нему счастливая пріидетъ,
Вдругъ било шесть часовъ! уже карета ждетъ, —
Пора въ театръ, а тамъ на балъ, а тамъ къ Ліону,
А тутъ и ночь . . . когда жъ заѣхать къ Аполлону?
Назавтра лишь глаза откроетъ, ужъ билетъ:
На пробу въ пять часовъ. . . Куда же? — Въ модный свѣтъ,
Гдѣ лирикъ нашъ и самъ взялъ арлекина ролю.
До оды ль тутъ? Тверди, скачи два раза къ Кролю;
Потомъ опять домой: здѣсь холься да рядись,
А тамъ въ спектакль, и такъ со днемъ опять простись.

Къ тому жъ у древнихъ цѣль была у насъ другая:
Горацій, на примѣръ, восторгомъ грудь питая,
Чего желалъ? О! — онъ — онъ бралъ не съ высока:
Въ вѣкахъ безсмертія, а въ Римѣ лишь вѣнка
Изъ лавровъ иль изъ миртъ, — чтобъ Делія сказала:
Онъ славенъ, чрезъ него и я безсмертна стала!
А нашихъ многихъ цѣль — награда перстенькомъ,

Не рѣдко сто рублей, иль дружество съ княземъ,
Который отъ роду не читывалъ другова,
Кромѣ придворнаго подъ часъ мѣсяцослова;
Иль похвала своихъ пріятелей; а имъ
Печатный всякій листъ быть кажется святымъ.
Судя жъ, сколь разные и тѣхъ и нашихъ виды,
Навѣрно льзя сказать, не дѣлая обиды
Ретивымъ господамъ, питомцамъ Русскихъ Музъ,
Что долженъ быть у нихъ и особливый вкусъ,
И въ сочиненіи лирической поэмы
Другіе способы, особые пріемы;
Какіе же они, сказать вамъ не могу,
А только объявлю — и право не солгу —
Какъ думалъ о стихахъ одинъ стихотворитель,
Котораго трудовъ Меркурій нашъ и Зритель
И книжный магазинъ и лавочки полны:
«Мы съ риѳмами на свѣтъ, онъ мыслилъ рождены;
Такъ не смѣшно ли намъ поэтамъ согласиться,
На взморьѣ въ хижину, какъ Демосѳенъ, забиться;
Читать, да думать все, — и то, что вздумалъ самъ,
Разсказывать однѣмъ шумящимъ лишь волнамъ?
Природа дѣлаетъ пѣвца, а не ученье;
Онъ не учась ученъ, какъ пріидетъ въ восхищенье;
Науки будутъ все науки, а не даръ;
Потребный же запасъ: отвага, риѳмы, жаръ.»
И вотъ какъ писывалъ поэтъ природный оду:
Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть народу,
Что Рымникскій Алкидъ Поляковъ разгромилъ,
Иль Ферзенъ ихъ вождя Костюшку полонилъ;
Онъ тотчасъ за перо, и разомъ вывелъ — ода!
Потомъ, въ одинъ присѣстъ: такого дня и года!
«Тутъ какъ? . . . Пою! . . . Иль нѣтъ, ужъ это старина!
«Не лучше ль: Даждь мнѣ, Фебъ? . . . Иль такъ: Не ты одна
«Попала подъ пяту, о чалмоносна Порта!
«Но что же мнѣ прибрать къ ней въ риѳму, кромѣ чорта?
«Нѣтъ, нѣтъ! не хорошо, я лучше поброжу,
«И воздухомъ себя открытымъ освѣжу.»
Пошелъ, и на пути такъ въ мысляхъ разсуждаетъ:
«Начало никогда пѣвцовъ не устрашаетъ;
«Что хочешь, то мели! Вотъ штука, какъ хвалить
«Героя-то пріидетъ! Не знаю, съ кѣмъ сравнить?
«Съ Румянцевымъ его, иль съ Грейгомъ, иль съ Орловымъ?
«Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ! а съ новымъ —
«Не ловко что-то все, — да просто напишу:
«Ликуй, герой! ликуй, герой ты! возглашу.
«Изрядно! тутъ же что? Тутъ надобенъ восторгъ!
«Скажу: Кто завѣсу мнѣ вѣчности расторгъ?
«Я вижу молній блескъ! я слышу съ горня свѣта
«И то, и то . . . . А тамъ? . . . Извѣстно: многи лѣта!
«Брависсимо! и планъ и мысли, все ужъ есть!

«Да здравствуетъ поэтъ! осталося присѣсть,
«Да только написать, да и печатать смѣло!»
Бѣжитъ на свой чердакъ, чертитъ — и въ шляпѣ дѣло.
И оду ужъ его тисненью предаютъ,
И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продаютъ.
Вотъ какъ пиндарилъ онъ, и всѣ ему подобны,
Едва ли вывѣски надписывать способны!
Желалъ бы я, чтобъ Фебъ хотя во снѣ имъ рекъ:
«Кто въ громкой славою Екатерининъ вѣкъ
Хвалой ему сердецъ другихъ не восхищаетъ,
И лиры сладкою слезой не орошаетъ,
Тотъ брось ее, разбей, и знай: онъ не поэтъ.»
Да вѣдаетъ же всякъ по одамъ мой клевретъ,
Какъ дерзостный языкъ безславилъ насъ, ничтожилъ,
Какъ лириковъ цѣнилъ? Воспрянемъ! Марсій ожилъ!
Товарищи! къ столу, за перья! отомстимъ!
Надуемся, напремъ, ударимъ, поразимъ!
Напишемъ на него предлинную Сатиру,
И оправдаемъ тѣмъ Россійску громку лиру!

Дмитріевъ.

58. Тщета Сатиры.

Смирись, разсудокъ мой, къ чему такое рвенье?
Сатира для людей худое наставленье!
Съ симъ страшнымъ ремесломъ ты будь всегда готовъ
Пріязни рушить связь, нажить себѣ враговъ;
Всѣ скажутъ о тебѣ: насмѣшникъ сей несчастный
Есть язва общества, умъ вредный и опасный;
Бѣги его, страшись! для остраго словца
Готовъ онъ уязвить и матерь и отца!
И тѣ, которые слывутъ тебѣ друзьями
И смѣлыми подъ часъ плѣняются стихами,
Въ обиженномъ лицѣ портретъ увидя свой,
Смѣяся въ слухъ надъ нимъ, а тайно надъ тобой,
Къ толпѣ твоихъ враговъ тотчасъ передадутся
И дружества съ тобой подъ клятвой отрекутся.
Сатира, въ коей желчь и злоба лишь видна,
Безъ пользы для другихъ, писателю вредна.
Исправишь ли порокъ насмѣшкою одною,
Стихи ль подѣйствуютъ надъ злобною душою?
Напрасно! всѣ труды останутся вотще,
Такія чудеса не слыханы еще!
Ты будешь обличать Грабилина злодѣйства,

Имъ разоренныя исчитывать семейства:
Что нужды? хищникъ сей покоя и добра
Иль другъ съ вельможами, иль силенъ у Двора;
Хоть всѣми бранными осыпь его словами,
Онъ, откупъ новый снявъ, сравненъ съ полубогами,
И день и ночь пиры друзьямъ своимъ даетъ,
На коихъ, крокодилъ, онъ кровь и слезы пьетъ.
Ты скажешь, на судѣ предъ взорами Клеона
Уснула грозная блюстительность закона,
Невинный осужденъ, оправданъ плутъ, — а онъ?
Онъ знатенъ, онъ богатъ! — на что ему законъ?
Суда для сильныхъ нѣтъ! онъ слабымъ лишь ужасенъ!
Преступникъ чѣмъ знатнѣй, тѣмъ болѣ безопасенъ.
Явишься ль въ общество осмѣивать порокъ,
Иль юности давать спасительный урокъ,
Бранить невѣжество, пустую знатность рода,
Что жъ будетъ? — всѣ тебя въ немъ примутъ за урода,
Который должнаго почтенья не хранитъ,
И смѣло знатному о чести говоритъ.
Писателей дурныхъ исправить ты желаешь?
Вотъ цѣль премудрая! какъ будто выставляешь,
Себя лишь одного для нихъ ты образцомъ!
Въ сатирѣ, гдѣ едва смыслъ вяжется съ стихомъ,
Пришелъ, вскричатъ они, давать намъ наставленья!
Мы сами знаемъ все, къ чему намъ поученья?
Начнешь ли Валдуса порочить скучный бредъ:
Онъ добрый человѣкъ, услышишь ты въ отвѣтъ;
Кто право далъ тебѣ бранить его нещадно?
Всякъ воленъ здѣсь писать и складно и нескладно;
Простительно отцу лелѣять милыхъ чадъ;
Къ тому жъ, ввели ль кого стихи его въ развратъ,
Недолговѣчныя, невинныя творенья,
Сей плодъ вседневнаго простаго приключенья?
Вралева упрекнешь, — всѣ ахнутъ: Боже мой!
Что трудъ Безсмыслова возноситъ онъ хвалой. —
Чего же хочешь ты? — вражды между друзьями,
Которые живутъ взаимными хвалами?
Оставь, оставь навѣкъ такое ремесло,
Пока оно тебѣ вреда не принесло!
Поэма вздорная, нелѣпо пѣснопѣнье,
Герою и пѣвцу есть вмѣстѣ посрамленье;
Пусть тонетъ, пусть горитъ невидимо никѣмъ,
Сокровищей такихъ не выкупишь ничѣмъ;
Печатный всякій вздоръ исчезнетъ самъ собою,
Его ли воскресить осмѣлишься хулою?
Театра нашего и слава нашихъ лѣтъ,
Сумбека, Радамистъ, Электра и Гамлетъ,
Довольно на себя враговъ вооружили:
Пыль, черви, сырость, мгла войну имъ объявили.
И ты, на сцену вновь явившійся Эдипъ

Изъ нищаго Царемъ, безжалостно погибъ;
Предтечу своего вотще затмить стремился:
Слѣпецъ Аѳинскій живъ, а Царь Эдипъ сокрылся
При плескѣ зрителей высокаго райка!
Но можно ли сочесть, упомнить хоть слегка
Трагедій, драмъ соборъ, добычу рока злова,
Которы погреблись въ подвалахъ Глазунова?
Пусть клятвой отягчась разсчетливыхъ купцовъ,
Скрываютъ тамъ себя и стыдъ своихъ творцовъ!
Нѣтъ, мало! для твоей обидной имъ забавы
Ты отыскалъ въ пыли валявшійся Храмъ Славы,
Біона съ Мосхомъ вновь несчастный переводъ,
И Федру Бавія и кучу разныхъ одъ,
Улику жалкую безсмыслія, безумства:
Но мщенье ждетъ тебя за дерзость и кощунство!
Ужъ Вздоркинъ для тебя по днямъ и по ночамъ
Терзаетъ бѣдный умъ для жалкихъ эпиграммъ,
Ужъ вновь безсвязное посланіе готовитъ,
Въ которомъ очернитъ тебя и озлословитъ;
И въ гибельномъ бреду бумажный витязь сей
Съ костра возопіетъ къ дружинѣ такъ своей:
«За что мы, другъ, съ тобой на семъ кострѣ палящемъ?
Я съ роду не писалъ ни абіе, ни аще!
Онъ врагъ мой! онъ злодѣй! въ посланіяхъ моихъ
Жестокій обличилъ въ безсмысльи каждый стихъ;
А ихъ хвалилъ и ты, хвалилъ мой благодѣтель:
Самъ въ радостныхъ слезахъ я былъ тому свидѣтель:
О! вѣчно я ему сей злобы не прощу,
Иль абіе скорѣй въ стихи мои вмѣщу!» . . .
Такъ Вздоркинъ на тебя въ посланьѣ ополчится;
Брани его, иль нѣтъ, ужъ онъ не примирится;
Тисненію себя безжалостно предастъ.
Ты шепчешь: въ добрый часъ! не такъ-то онъ гораздъ!
Согласенъ въ томъ съ тобой; но развѣ не случалось,
Что даже Балдусу не рѣдко удавалось
Насмѣшкою платить насмѣшникамъ своимъ?
Не самъ ли онъ тебя подъ именемъ чужимъ
Недавно разбранилъ и съ другомъ поплатился,
Чтобъ глупость тотъ его назвать своей рѣшился?
Въ немногихъ сыщешь ты ума и остроты,
Во всѣхъ достанетъ силъ для подлой клеветы;
И брань ли требуетъ таланта здѣсь какова,
Коль льется намъ она съ пера и устъ Злослова?
Пусть Балдусъ не страшитъ; пускай его весь вѣкъ
Въ кропаніи стиховъ уродливыхъ протекъ;
Но Бавій, Мевій, Ѳирсъ, поющій доброгласно,
Но злобныхъ риѳмачей сборище ужасно! . . .
Одинъ ужъ предъ тебя съ ругательствомъ предсталъ,
Торгашъ безсмыслицы и продавецъ похвалъ,
Который всѣхъ моритъ въ горячкѣ стихотворной

Журналомъ, виршами и прозою поворной;
Страшись, страшись толпы разсерженныхъ пѣвцовъ;
Ужъ громъ ихъ на тебя обрушиться готовъ.
Неистовый порокъ обиды не прощаетъ,
И гибельный конецъ злословье ожидаетъ.
Но тише — ты въ отвѣтъ и въ споръ со мной идешь;
Ты видъ злорѣчію совсѣмъ иной даешь:
Когда бы, на примѣръ, въ горячности безмѣрной
Открылъ предъ свѣтомъ я тотъ путь неимовѣрной,
По коему достигъ Рубеллій до честей,
Сталъ властвовать людьми, рабъ низкій всѣхъ страстей,
Когда бы гнусную сорвавъ съ него личину,
Я подлыхъ дѣлъ его открылъ хоть половину,
И въ видѣ собственномъ представивъ на позоръ,
Ужасный произнесъ надъ нимъ бы приговоръ; —
Когда бы обличилъ я страшны злодѣянья,
Которы въ позднія минуты покаянья,
Ханжихинъ, устрашась и смертныхъ и боговъ,
Смиренно облачилъ въ монашескій покровъ; —
Когда бы, позабывъ къ прелестнымъ уваженье,
Всѣхъ тайнъ Кокеткиной я сдѣлалъ откровенье,
Иль жизнь Распутина порочить сталъ бы въ слухъ,
Какъ въ ветхой хижинѣ храня онъ бодрый духъ,
И мудрость съ ранними обрѣтши сѣдинами,
Насъ жалкими о ней смѣшитъ проповѣдями: —
По праву бъ ты меня злорѣчивымъ назвалъ.
Но чтобы надъ глупцомъ смѣяться я престалъ,
Чтобъ Вадія стихи внимая на мученье,
Я могъ выказывать въ лицѣ моемъ терпѣнье;
Чтобъ стоя съ низостью предъ знатнымъ подлецомъ,
Престалъ бы соглашать я сердце съ языкомъ;
Иль чтобъ въ кругу друзей, съ людьми, иль межъ стѣнами,
Буруна, Бавія назвалъ бы я пѣвцами;
Чтобъ оды Балдуса читая не зѣвалъ,
Въ нихъ каждой бы строки съ досады не маралъ;
На жалкій переводъ Расина и Вольтера
Спокойно бы смотрѣлъ и хлопалъ изъ партера:
На это нѣтъ моей покорности къ тебѣ,
Я это повелѣть не въ силахъ самъ себѣ!
Предавши своему печатный вздоръ сужденью,
Мѣшаю ль отъ того купцовъ обогащенью?
Благодаря уму своихъ покупщиковъ,
Какъ Крезъ отъ глупыхъ книгъ разжился Глазуновъ;
И въ чемъ же виненъ я, когда за наказанье
Купивши и прочтя Безсмыслова маранье,
Скажу, что лучше бъ онъ его не издавалъ,
Тогда его глупцомъ никто бы не назвалъ?
Полезный сей совѣтъ всякъ право дать имѣетъ
Тому, кто пишетъ вздоръ и вздоръ печатать смѣетъ.
Пусть авторъ плачущій унижетъ пять страницъ,

Гдѣ проситъ милости, пощады, павши ницъ:
Не внемлетъ ничему читатель безпристрастный,
Стихи летятъ въ огонь, и гибнетъ трудъ напрасный!
Къ тому же въ силахъ ли сатирой я своей
Хоть мало обратить на разумъ риѳмачей?
Я Балдусу твержу: ты не рожденъ поэтомъ!
Будь другомъ, будь отцемъ, полезенъ будь совѣтомъ,
Иль помощью другимъ. — Лишь кончу мой совѣтъ,
А Балдусъ за перо, и вновь полился бредъ!
И мнѣ жъ, за доброе пріязни наставленье
Несносные стихи читаются въ мученье!
Я Вздоркину сто разъ стыдъ тяжкій предрекалъ,
Когда онъ въ свѣтъ свои посланья выдавалъ;
А Вздоркинъ, что ни день, то басня или ода!
А Вздоркинъ, новаго произведя урода,
Скропавши два стиха, надулся и кричитъ:
«О радость! о восторгъ! и я, и я піитъ!»
Вотще предъ Бавіемъ всѣ силы истощаю,
И къ смыслу здравому склонить его желаю:
Риѳмачъ неколебимъ, и съ каждою луной
Насъ новою даритъ въ журналѣ чепухой!
Совѣтомъ оскорбясь, себѣ жъ къ стыду и сраму,
Смѣшную на меня пускаетъ эпиграмму! . . .
И это ль ты во мнѣ злорѣчіемъ зовешь,
За это ли конца ужаснаго мнѣ ждешь?
Не мнѣ ли одолженъ тѣмъ Балдусъ многоплодный,
Что, можетъ быть, прочтетъ его потомокъ поздный?
Безвѣстны имена Ѳирсъ, Мевій и Злословъ,
Извѣстность обрѣтутъ цѣной моихъ стиховъ,
И, можетъ быть, съ гудкомъ мой Бавій, вмѣсто лиры,
По смерти разсмѣшитъ читателей сатиры.
За это ль на себя ихъ мщенье привлеку,
Что я имъ лишній годъ прибавлю на вѣку?
Но, Муза, замолчимъ, покорствовать умѣя,
До перваго глупца и перваго злодѣя!

Милоновъ.

59. А. С. Пушкину.

Я не сержусь на ѣдкій твой упрекъ;
На немъ печать твоей открытой силы!
И, можетъ быть, взыскательный урокъ
Ослабшія мои возбудитъ крылы.
Твой гордый гнѣвъ, скажу безъ лишнихъ словъ,

Утѣшнѣе хвалы простонародной:
Я знаю судью моихъ стиховъ,
А не льстеца съ улыбкою холодной.

Притворство прочь. На поприщѣ моемъ
Я не свершилъ достойное поэта:
Но мысль моя божественнымъ огнемъ
Въ минуты думъ не разъ была согрѣта.
Въ набросанныхъ съ небрежностью стихахъ
Ты не ищи любимыхъ мной созданій:
Они живутъ въ несказанныхъ мечтахъ;
Я ихъ храню въ толпѣ моихъ желаній.
Не вырвешь вдругъ изъ сердца вонъ заботъ,
Снѣдающихъ бездѣйственные годы;
Не упредишь судьбы могущей ходъ,
И до поры не обоймешь свободы.
На мнѣ лежитъ властительная цѣпь
Суровыхъ нуждъ, желаній безнадежныхъ;
Я прохожу уныло жизни степь,
И радуюсь средь радостей ничтожныхъ.
Такъ выростетъ случайно дикій цвѣтъ
Подъ сумракомъ безсолнечной дубравы,
И, теплотой отрадной не согрѣтъ,
Не распустясь, свой листъ роняетъ новый.
Минетъ ли срокъ изнеможенья силъ?
Минетъ ли срокъ заботъ моихъ унылыхъ?
Съ какимъ бы я веселіемъ вступилъ
На путь трудовъ, для сердца вѣчно милыхъ!
Всю жизнь мою я имъ бы отдалъ въ даръ;
Я обнялъ бы мелькнувшія мнѣ тѣни,
Ихъ оживилъ, въ нихъ пролилъ бы мой жаръ,
И кончилъ дни средь чистыхъ наслажденій.

Но жизни цѣпь (ты хладно скажешь мнѣ)
Презрительна для гордаго поэта:
Онъ духомъ царь въ забвенной сторонѣ;
Онъ сердцемъ мужъ въ младенческія лѣта.
Я бъ думалъ такъ: но пренеси меня
Въ тотъ край, гдѣ все живетъ одушевленьемъ;
Гдѣ мыслію, исполненны огня,
Всѣ дѣлятся, какъ лучшимъ наслажденьемъ;
Гдѣ вѣрный вкусъ торжественно взялъ власть
Надъ мнѣніемъ невѣжества и лести;
Гдѣ передъ нимъ молчитъ слѣпая страсть,
И даръ одинъ идетъ дорогой чести!
Тамъ рубище и хижина пѣвца
Безцѣннѣе вельможескаго злата:
Тамъ изъ оковъ для славнаго вѣнца
Зовутъ во храмъ гонимаго Торквата.

Еще бы я въ душѣ безчувственъ былъ
Къ ничтожному невѣжества презрѣнью,
Когда бъ вполнѣ съ друзьями Музъ дѣлилъ
И жребій мой и жажду къ пѣснопѣнью.
Но я вотще стремлюся къ нимъ душой;
Напрасно жду сердечнаго участья:
Вдали отъ нихъ поставленъ я судьбой
И волею враждебнаго мнѣ счастья.
Межъ тѣмъ, какъ въ слѣдъ за днемъ проходитъ день,
Мой трудъ на нихъ слѣдовъ не налагаетъ,
И медленно съ ступени на ступень
Въ безсиліи мой даръ переступаетъ.
Невольникъ думъ, невольникъ гордыхъ Музъ,
И страстію объятый неразлучной,
Я бъ утомилъ взыскательный ихъ вкусъ
Бесѣдою довѣрчивости скучной.
Къ кому прійдти отъ жизни отдохнуть,
Оправиться среди дороги зыбкой,
Безъ робости вокругъ себя взглянуть
И передать съ надежною улыбкой
Простую пѣснь, первоначальный звукъ
Младой души, согрѣтой первымъ чувствомъ,
И по струнамъ движенье робкихъ рукъ,
Не правимыхъ довѣрчивымъ искусствомъ?
Кому сказать: «Искусства въ общій кругъ
«Какъ братьевъ насъ на-вѣкъ соединили:
«Другъ съ другомъ мы и трудъ свой, и досугъ,
«И жребій нашъ съ любовію дѣлили;
«Ихъ счастіемъ я счастливъ былъ равно;
«Въ моей тоскѣ я видѣлъ ихъ унылыхъ;
«Мнѣ въ славѣ ихъ участіе дано:
«Я буду жить безсмертіемъ мнѣ милыхъ?
Напрасно жду. Съ любовію моей
Къ поэзіи, въ душѣ съ тоской глубокой,
Быть можетъ, я подъ бурей грозныхъ дней
Склонюсь къ землѣ, какъ тополь одинокой.

Плетневъ.

60. Казнь Кочубея.

(Изъ поэмы: Полтава.)

Тиха Украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь

Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой Церковью сіяетъ
И пышныхъ Гетмановъ сады
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шопотъ и смятенье.
Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
Въ глубокомъ тяжкомъ размышленьѣ,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.

Заутра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслитъ объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему? — желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дрема долитъ. Но, Боже правый!
Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть,
Какъ безсловесное созданье,
Царемъ быть отдану во власть
Врагу Царя на поруганье,
Утратить жизнь — и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху весть
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ,
И смерти кинуться въ объятья,
Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему! . . .

И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни насладился,
Что добровольно бросилъ онъ,
И для чего? —
Но ключь въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ — и пробужденъ,
Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ Креста,
Грѣховъ могучій разрѣшитель,
Духовной скорби врачь, служитель

За насъ распятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной пріобщусь!

И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святаго,
Онъ гостя узнаетъ инаго:
Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
И отвращеніемъ томимъ,
Страдалецъ горько вопрошаетъ:
Ты здѣсь, жестокой человѣкъ?
Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
Еще Мазепа возмущаетъ?

Тиха Украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Но мрачны странныя мечты
Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи,
Какъ обвинительныя очи,
За нимъ насмѣшливо глядятъ.
И тополи, стѣснившись въ рядъ,
Качая тихо головою,
Какъ судьи, шепчутъ межъ собою.
И лѣтней, теплой ночи тма
Душна, какъ черная тюрьма.

Вдругъ.. слабый крикъ.. невнятный стонъ
Какъ бы изъ замка слышитъ онъ.
То былъ ли сонъ воображенья,
Иль плачь совы, иль звѣря вой,
Иль пытки стонъ, иль звукъ иной —
Но только своего волненья
Преодолѣть не могъ старикъ,
И на протяжный, слабый крикъ
Другимъ отвѣтствовалъ — тѣмъ крикомъ,
Которымъ онъ въ весельи дикомъ
Поля сраженья оглашалъ,
Когда съ Забѣлой, съ Гамалѣемъ,

И — съ нимъ . . . и съ этимъ Кочубеемъ
Онъ въ бранномъ пламени скакалъ.

Зари багряной полоса
Объемлетъ ярко небеса.
Блеснули долы, холмы, нивы,
Вершины рощъ и волны рѣкъ.
Раздался утра шумъ игривый,
И пробудился человѣкъ.

Пестрѣютъ шапки. Копья блещутъ.
Бьютъ въ бубны. Скачутъ сердюки,
Въ строяхъ равняются полки.
Толпы кипятъ. Сердца трепещутъ.
Дорога, какъ змѣиный хвостъ,
Полна народу, шевелится.
Средь поля роковой помостъ.
На немъ гуляетъ, веселится
Палачь и алчно жертвы ждетъ:
То въ руки бѣлыя беретъ,
Играючи, топоръ тяжелой,
То шутитъ съ чернію веселой.
Въ гремучій говоръ все слилось:
Крикъ женскій, брань, и смѣхъ, и ропотъ.
Вдругъ восклицанье раздалось
И смолкло все. Лишь конскій топотъ
Былъ слышенъ въ грозной тишинѣ.
Тамъ, окруженный сердюками,
Вельможный Гетманъ съ старшинами
Скакалъ на вороном конѣ.
А тамъ по Кіевской дорогѣ
Телега ѣхала. Въ тревогѣ
Всѣ взоры обратили къ ней.
Въ ней, съ міромъ, съ небомъ примиренный,
Могущей вѣрой укрѣпленный,
Сидѣлъ безвинный Кочубей,
Съ нимъ, Искра, тихій, равнодушный,
Какъ агнецъ, жребію послушный.
Телега стала. Раздалось
Моленье ликовъ громогласныхъ.
Съ кадилъ куренье поднялось.
За упокой души несчастныхъ
Безмолвно молится народъ,
Страдальцы за враговъ. И вотъ
Идутъ они, взошли. На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Какъ будто въ гробѣ тмы людей
Молчатъ. Топоръ блеснулъ съ размаху,

И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслѣдъ за ней, мигая.
Зардѣлась кровію трава —
И сердцемъ радуясь во злобѣ,
Палачъ за чубъ поймалъ ихъ обѣ
И напряженною рукой
Потрясъ ихъ обѣ надъ толпой.

Свершилась казнь. Народъ безпечный
Идетъ, разсыпавшись, домой
И про свои работы вѣчны
Уже толкуетъ межъ собой.
Пустѣетъ поле по-немногу.
Тогда чрезъ пеструю дорогу
Перебѣжали двѣ жены
Утомлены, запылены;
Онѣ, казалось, къ мѣсту казни
Спѣшили, полныя боязни.
Ужъ поздно, кто-то имъ сказалъ
И въ поле перстомъ указалъ.
Тамъ роковой помостъ ломали,
Молился въ черныхъ ризахъ попъ,
И на телегу подымали
Два казака дубовый гробъ.

А. Пушкинъ.

61. Наталья Долгорукая.
(Отрывокъ).

Большой Владимірской дорогой,
Въ одеждѣ сельской и убогой,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ,
Шла тихо путница младая;
Въ усталомъ взорѣ тайный страхъ.
«Какъ быть? Москва въ семи верстахъ?
Дорога межъ холмовъ лѣсная;
А въ полѣ дымномъ тѣнь ночная
Ужъ скоро ляжетъ; и луна
Лишь въ полночь на небѣ видна.»

Она идетъ, и сердце бьется;
Поляна съ рощей передъ ней,

И вотъ въ село тропинка вьется:
Она туда дойдетъ скорѣй;
Ночлегъ радушный тамъ найдется.
Уже, пылая между тучъ,
Зари багровой гаснетъ лучъ;
Уже предъ ночью, къ бурѣ склонной,
Поднялся вѣтеръ, боръ шумитъ;
Ея младенецъ полусонной
Озябъ, и плачетъ, и дрожитъ.
Она спѣшитъ въ пріютъ укромной,
Подходитъ скоро къ рощѣ темной,
Но, чѣмъ-то вдругъ поражена,
Стоитъ уныла и блѣдна.
Въ ея очахъ недоумѣнье,
Ей будто страшно то селенье;
Нейдетъ въ него, нейдетъ назадъ,
Кругомъ обводитъ робкій взглядъ
«О, если тамъ! . . . А мнѣ таиться
«Велитъ судьба . . . быть можетъ . . . нѣтъ!
«Кому узнать! . . . и сколько лѣтъ!
«Забыто все; но вечеръ тмится,
«Пора!» И къ рощѣ съ быстротой
Приблизилась, остановилась,
Подумала, перекрестилась,
Потомъ пошла, махнувъ рукой,
И скрылася въ тѣни густой.

За рощей темною въ долинѣ,
При зеркальной пруда равнинѣ,
Вельможи знатнаго село
Красой привѣтною цвѣло;
Высокихъ липъ въ тѣни зеленой
Хоромы барскіе стоятъ;
Они видъ древности хранятъ;
Въ гербѣ, подъ графскою короной,
Щитъ красный въ полѣ золотомъ
Лавровымъ окруженъ вѣнкомъ
Съ двумя блестящими крестами,
А въ полѣ свѣтломъ мечъ съ копьемъ,
И полумѣсяцъ вверхъ рогами;
Но садъ, и воды, и мосты,
И розъ душистые кусты
Въ забвеньи долгомъ сиротѣли.
Хозяинъ, честь страны родной,
Давно лежитъ въ землѣ сырой;
Его хоромы опустѣли,
Широкій дворъ заросъ травой.
Простясь съ родимою Москвою,
Въ столицѣ пышной надъ Невою
Живетъ наслѣдникъ молодой;

А здѣсь одни воспоминанья
Во мракѣ сельской тишины
И рода знатнаго преданья. . . .
Священный отзывъ старины.

У церкви сельской за оградой,
Въ уютномъ домикѣ своемъ,
Въ кругу семьи, предъ тихимъ сномъ,
Дыша вечернею прохладой,
Священникъ у окна сидѣлъ;
Онъ въ думѣ набожной смотрѣлъ,
Какъ, на закатѣ догорая,
Багряный блескъ смѣнялся тьмой:
Такъ ясно жизнь его святая
Клонилась къ сѣни гробовой.
Давно украшенъ сѣдинами,
Небесный житель на землѣ,
У Шереметева въ селѣ,
Онъ сердцемъ, словомъ и дѣлами
Творцу и ближнему служилъ;
Умъ здравый съ дѣтской простотою
Былъ свѣтелъ праведной душою;
Покойный графъ его любилъ;
И прахъ владѣльца незабвенной
Былъ святъ душѣ его смиренной;
Для старца графъ не умиралъ.
Онъ часто, часто поминалъ
Его богатство, знатность рода,
Какъ онъ со Шведомъ воевалъ,
И, послѣ шумнаго похода,
Въ тиши села у нихъ живалъ.

Но, полонъ важности старинной,
Святаго старца кротокъ видъ;
На немъ подрясникъ объяринной,
И катауръ широкій шитъ
Узорно яркими шелками,
И на груди его виситъ
Изъ кипариса крестъ съ мощами,
Хранитель вѣрный съ давнихъ поръ:
Одинъ монахъ, съ Аѳонскихъ горъ,
Тотъ крестъ принесъ. Его обитель
Была убога и скромна
И, какъ ея радушный житель,
Какой-то святости полна:
Въ углу, въ серебряномъ окладѣ
Икона Спасова блеститъ,
И передъ ней огонь горитъ

Въ хрустальной на цѣпяхъ лампадѣ;
На полкѣ рядъ церковныхъ книгъ;
Бумага, перья подлѣ нихъ;
У зеркала часы стѣнные,
Портретъ, задернутый тафтой,
Двѣ канарейки выписныя,
И полотенцо съ бахрамой
Виситъ на вербѣ восковой.

Уже готовъ идти молиться,
Да снидетъ тихъ грядущій сонъ,
Бесѣды Златоуста онъ
Хотѣлъ закрыть; но вдругъ стучится
Легонько кто-то у воротъ,
И кто-то на крыльцо идетъ;
И дверь шатнулась: у порога
Съ младенцемъ путница стоитъ,
И голосъ жалобный дрожитъ,
Прося ночлега ради Бога.

«Войди подъ мой убогій кровъ»
(Сказалъ онъ ей): «пора ночная,
«Кругомъ все лѣсъ, ночлегъ готовъ,
«И есть у насъ хлѣбъ-соль простая;
«Переночуй, ты съ новымъ днемъ
«Пойдешь опять своимъ путемъ.»
И старецъ мать благословляетъ,
Младенца соннаго креститъ,
И къ огоньку ее сажаетъ,
И съ ней привѣтно говоритъ;
Но — и блѣдна, и боязлива —
Она сидѣла молчалива;
На рѣчь привѣтную его
Полусловами отвѣчала,
И лишь младенца своего
Со вздохомъ къ сердцу прижимала;
Украдкою бросая взглядъ,
На барскій домъ, на темный садъ,
Какъ будто узнавала что-то,
Какъ бы искала тамъ кого-то.
И вдругъ, то пламень на щекахъ,
То слезы крупныя въ очахъ.
Души встревоженной волненье,
Порывы томные страстей,
Ея печаль, ея смятенье
Замѣтилъ онъ: и старца въ ней
Дивило все. «Не та осанка,
«Не тѣ ухватки въ деревняхъ;
«Видна не грубая крестьянка
«Въ ея застѣнчивыхъ рѣчахъ;

«Въ ней горесть тихая пріятна,
«И хоть бѣдна, но какъ опрятна
«Одежда путницы простой!
«На пальцѣ перстень золотой. . . .
«Куда жъ теперь не въ часъ урочный
«Одна дорогою большой? . . .
«Ахъ, нѣтъ, какъ ангелъ непорочный
«Она глядитъ, и за нее
«Порукой сердце мнѣ мое!»

И чувствамъ тяжкимъ и мятеженымъ
Онъ мнилъ преграду положить,
И съ горемъ, въ жизни неизбѣжнымъ,
Ее невольно помирить;
Онъ, какъ родной, ее ласкаетъ,
И веселитъ, и начинаетъ
Разскáзъ любимый старины;
Но сердце, полное волненій,
Чуждалось новыхъ впечатлѣній,
И думы, грустью стѣснены,
Далеко мрачныя летали
И межъ сомнѣній замирали.
Священникъ рѣчь свою прервалъ,
И вдругъ, съ душой отца во взорѣ,
Вздохнувши самъ, онъ ей сказалъ:
«Что такъ задумалась? Ты въ горѣ?»
Путн. Я, мой отецъ? . . . Свящ. Твоя тоска,
Повѣрь, къ душѣ моей близка;
Въ томъ нужды нѣтъ, что я не знаю,
Кто ты; мой долгъ того любить,
Кто въ горѣ. Путн. Ахъ, мнѣ тяжко жить!
Я день безъ радости встрѣчаю,
Я плачу ночь. Свящ. Лукавый свѣтъ.
Обманчивъ, другъ! Путн. И сколько бѣдъ.
Уже сбылось, и сколькихъ снова
Должна я ждать, и какъ сурова. . . .
Свящ. Такъ Богъ велѣлъ; предъ нимъ смирись,
Пріими съ любовью крестъ тяжелый,
Терпи, надѣйся и молись;
Онъ Самъ носилъ вѣнецъ терновый;
Не унывай, не смѣй роптать,
Терпи — въ страденьи благодать!
Путн. Отецъ ты мой! Въ ужасной долѣ
Кто ропотъ слышалъ отъ меня?
Теперь дрожу не за себя,
И слезы льются по неволѣ.
Свящ. Не бойся воли дать слезамъ;
Но только, слезы проливая,
Стреми взоръ грустный къ небесамъ;
Кто плачетъ здѣсь, утѣшенъ тамъ,

Сказалъ Господь. Пути. О, рѣчь святая!
Отрадна ты. Свящ. И гдѣ же тотъ,
Кто жизнь безъ горя проживетъ!
Твои, мой другъ, младые годы
Не разцвѣли отъ непогоды;
Но ты, какъ видно, рождена
Въ семьѣ безвѣстной; ты бѣдна:
Тебя судьба не баловала,
Къ веселой участи она
Ничѣмъ тебя не пріучала.
А часто гибельный ударъ
Надежды знатныхъ разрушаетъ. . . .
О нашемъ графѣ кто не знаетъ?
Онъ былъ бояринъ межъ бояръ.
Петровой правою рукою,
И прямо — Русскою душою
Отчизну и царя любилъ;
Былъ славенъ; въ золотѣ ходилъ;
И что же? Дочь его родная
Не знаетъ радости земной,
И гибнетъ въ бурѣ роковой,
Какъ гибнетъ травка полевая. . . .
Суди жъ, дивна ль судьба твоя?
Она была не ты. Пути. Не я!
Свящ. Давно отъ насъ она ужъ скрылась,
Но все живетъ въ душѣ моей.
Я разскажу тебѣ о ней:
Почти при мнѣ она родилась,
Я на рукахъ ее носилъ,
Ребенкомъ грамотѣ училъ
И здѣсь, куда, мой другъ, ни взглянешь,
Вездѣ о ней, вездѣ помянешь.
Вотъ тамъ, въ тѣни густыхъ березъ,
Ты видишь кустъ махровыхъ розъ:
Она сама его садила;
Онѣ цвѣтутъ . . . ее одну
Печаль такъ рано сокрушила;
Она одна свою весну
Отъ нихъ далеко погубила.
Теперь я вижу, есть у насъ
Какой-то въ сердцѣ вѣщій гласъ:
Она, забавы убѣгая,
Въ шуму роскошнаго села,
Тиха, задумчива росла,
Какъ будто горя ожидая,
Покорна будущей судьбѣ.
Могу ль я выразить тебѣ
Весь жаръ усердія святаго
Сыскать, утѣшить нищету?
Въ слезахъ-ли видитъ сироту:

Родная бѣдствія чужаго,
Она отдать готова ей
Свои сережки изъ ушей,
И сверхъ подарка дорогаго,
Бывало, плачетъ вмѣстѣ съ ней.
Съ невинной, нѣжною тоскою
Въ ея плѣнительныхъ чертахъ
Сливался непонятный страхъ,
И что-то схожее съ тобою
Въ ней было: такъ лице твое
Напоминаетъ мнѣ ее;
Рѣсницы, какъ у ней, густыя,
И очи темно-голубыя,
И цвѣтъ каштановыхъ волосъ;
Она была тебя стройнѣе
И воска яраго бѣлѣе;
Не диво: солнце и морозъ
Ея въ поляхъ не заставали,
Полоть и жать не посылали,
И одѣвалъ красивый станъ
Не твой кумачный сарафанъ.

И. Козловъ.

62. Причудница.

Въ Москвѣ, которая и въ древни времена
Прелестными была обильна и славна, —
Не знаю подлинно при коемъ Государѣ,
А только слышалъ я, что Русскіе бояре
Тогда ужъ бросили запоры и замки,
Не запирали женъ въ высоки чердаки,
Но, слѣдуя Нѣмецкой модѣ,
Ужъ позволяли имъ въ пріятной жить свободѣ,
И свѣтская тогда жена
Могла безъ опасенья
Со другомъ дома иль одна
И на качеляхъ быть въ день свѣтла воскресенья,
И въ кукольный театръ отъ скуки завернуть,
И въ рощѣ Марьиной подъ тѣнью отдохнуть, —
Въ Москвѣ, я говорю, Вѣтрана процвѣтала;
Она пригожествомъ лица,
Здоровьемъ и умомъ блистала.
Имѣла мать, отца,
Имѣла лестну власть щелчки давать супругу;

Имѣла, словомъ, все: большой тесовой домъ,
Съ берлинами сарай, изрядную услугу,
Гуслиста, карлицу, шутовъ и дуръ содомъ,
И даже двухъ сорокъ, которыя болтали
Такъ точно, какъ она — однако меньше знали.
Вѣтрана куколкой всегда разряжена,
И каждой день окружена
Знакомыми, родней и нѣжными сердцами;
Но всѣ они при ней казались быть льстецами,
Затѣмъ что всякъ изъ нихъ завидовалъ то ей,
То цугу вороныхъ коней,
То парчевому ея платью,
И всякъ хотѣлъ бы жить съ такою благодатью.
Одна Вѣтрана лишь не вѣдала цѣны
Всѣхъ благъ, какія ей Фортуною даны;
Ни блескъ, ни дружество, ни пляски, ни забавы,
Ни самая любовь, — вѣдь есть же на свѣту
Такіе чудны нравы! —
Не трогали мою надменну красоту.
Ей царствующій градъ казался пустъ и скученъ,
И всякъ, кто ни былъ ей знакомъ,
Съ какимъ-нибудь да былъ пятномъ:
«Тотъ глупъ, другой уродъ; тотъ ужасть неразлученъ;
Сердечкинъ ноетъ все, вздыханьемъ гонитъ вонъ;
Такой-то все молчитъ и погружаетъ въ сонъ;
Та все чинится, та болтлива;
А эта слишкомъ зла, горда, самолюбива.»
Такой отзывъ ея знакомыхъ всѣхъ отбилъ!
Родня и другъ ее забылъ;
Любившій разлюбилъ;
Пріѣздъ къ пригоженькой невѣжѣ
Часъ отъ часу сталъ рѣже, рѣже —
Осталась, наконецъ, лишь съ гордостью одной. —
Утѣшно ли кому съ подругой жить такой,
Надутой, но пустой?
Она лишь пучитъ въ насъ, а не питаетъ душу!
Пожалуй, я въ глаза сказать ей то не струшу.
И такъ Вѣтрана съ ней начала ну зѣвать;
Потомъ ужъ и грустить, потомъ и тосковать,
И плакать и гонцовъ повсюду разсылать
За крестной матерью, — а та, извольте знать,
Чудесной силою невѣдомой науки
Творила на Руси неслыханныя штуки! —
О если бы востсталъ изъ гроба ты въ сей часъ,
Драгунской витязь мой, о ротмистръ Брамербасъ!
Ты, бывшій столько лѣтъ въ Малороссійскомъ краѣ
Игралищемъ злыхъ вѣдьмъ!... Я помню, какъ во снѣ,
Что ты разсказывалъ еще ребенку мнѣ,
Какъ вѣдьма нѣкая въ сараѣ,
Оборотя тебя въ драгунскаго коня,

Гуляла на хребтѣ твоемъ до полуночи,
Доколѣ ты уже не выбился изъ мочи.
Какимъ ты ужасомъ разилъ тогда меня!
Съ какой, бывало, ты разсказывалъ размашкой,
Въ колетѣ вохряномъ и въ длинныхъ сапогахъ,
За круглымъ столикомъ, дрожащимъ съ чайной
чашкой!
Какой огонь тогда пылалъ въ твоихъ глазахъ!
Какъ волосы твои сѣдые съ желтизною
Въ природной простотѣ ввѣвали по плечамъ!
Съ какимъ безмолвіемъ ты былъ внимаемъ мною!
Въ подобномъ твоему я страхѣ былъ и самъ.
Стоялъ какъ вкопаный, тебя глазами мѣрилъ,
И что ужъ ты не конь.... еще тому не вѣрилъ!
О если бы теперь ты, витязь мой, воскресъ,
Я бъ смѣлый былъ пѣвецъ неслыханныхъ чудесъ!
Не сталъ бы истину я закрывать подъ маску —
Но, ахъ! тебя ужъ нѣтъ, и быль идетъ за сказку!
Простите, виноватъ! немного отступилъ,
Но истинно не я, восторгъ причиной былъ.
Однако я клянусь моимъ Пермесскимъ богомъ,
Что буду продолжать обыкновеннымъ слогомъ;
И такъ дослушайте жъ. — Однажды вечеркомъ
Сидитъ облокотясь Вѣтрана подъ окномъ,
И возведя свои уныло-ясны очи
Къ задумчивой лунѣ, сестрицѣ смуглой ночи,
Груститъ и думаетъ: «прекрасная луна!
Скажи, не ты ли та счастливая страна,
Гдѣ матушка моя ликуетъ?
Увы! неужель ей, которой небеса
Вручили власть творить различны чудеса,
Невѣдомо теперь, что дочь ея тоскуетъ;
Что крестница ея оставлена отъ всѣхъ,
И въ жизни никакихъ не чувствуетъ утѣхъ?
Ахъ! если бы она хоть глазки показала!»
И съ этой мыслью вдругъ Всевѣда ей предстала.
Здорово, дитятко! Вѣтранѣ говоритъ:
Какъ поживаешь ты?... Но что твой кажетъ видъ?
Ты такъ стара, такъ похудѣла!
И бывши розовою какъ лилія блѣдна!
Скажи мнѣ, отъ чего такъ скоро ты созрѣла!
Откройся... — «Матушка, отвѣтствуетъ она:
Я жизнь мою во скукѣ трачу;
Настанетъ день, тоскую, плачу;
Покроетъ ночь, опять грущу,
И все чего-то я ищу.»
Чего же, свѣтикъ мой? Или ты нездорова?
«О! нѣтъ, грѣшно сказать.» — Иль домъ вашъ
не богатъ? —
«Повѣрьте, не хочу ни маморныхъ палатъ.» —

Иль мужъ обычая лихова!
«Напротивъ, врядъ найти другова,
«Который бы жену столь горячо любилъ.» —
Иль онъ не нравится? — «Нѣтъ, онъ довольно милъ?»
Такъ развѣ отъ своихъ знакомыхъ неспокойна? —
«Я болѣе отъ нихъ любима, чѣмъ достойна.» —
Чего же, глупенька, тебѣ не достаетъ? —
»Признаться, матушка, мнѣ такъ наскучилъ свѣтъ,
И такъ я все въ немъ ненавижу,
Что то одно и сплю и вижу,
Чтобъ какъ-нибудь попасть отсель
Хотя за тридевять земель,
Да только чтобы все въ глазахъ моихъ блистало,
Все новостію поражало
И рѣдкостью мой умъ и взоръ;
Гдѣ бъ разныхъ дивностей соборъ
Представилъ былъ, какъ небылицу. . . .
Короче: дай свою увидѣть мнѣ столицу!»
Старуха хитрая, кивая головой,
Что дѣлать, мыслила, мнѣ съ просьбою такой?
Желанье дерзко . . . . безразсудно,
То правда, но его исполнить мнѣ не трудно;
За чѣмъ же дурочку отказомъ огорчить? . . .
Ктому жъ, я тѣмъ могу ее и проучить.
Изрядно! наконецъ, сказала:
Исполнится, какъ ты желала. —
И вдругъ, о чудеса!
И крестница и мать взвились подъ небеса
На лучезарной колесницѣ,
Подобной въ быстротѣ синицѣ,
И меньше, нежель въ три мига,
Спустились въ новый міръ, отъ нашего отмѣнный,
Въ которомъ тронъ веснѣ воздвигнутъ неизмѣнный.
Въ немъ рѣки какъ хрусталь, какъ бархатъ берега;
Деревья яблонны, кусточки ананасны;
А горы всѣ или янтарны, иль топазны.
Каковъ же Феинъ былъ дворецъ — признаться вамъ:
То врядъ изобразитъ и Богдановичъ самъ.
Я только то скажу, что всѣ матеріалы —
(А впрочемъ выдаю я это вамъ за слухъ), —
Изъ коихъ Феинъ кумъ, какой-то славный духъ,
Дворецъ сей сгромоздилъ, — лишь изумрудъ, опалы,
Порфиръ, лазурь, пиропъ, кристаллъ,
Жемчугъ и лаллъ,
Всѣ, словомъ, рѣдкости богатыя природы,
Какими свадебны набиты Русски оды.
А садъ — повѣрите ль? — не только описать,
Иль въ сказкѣ разсказать,
Но даже и во снѣ его намъ не видать.
Пожалуй выдумать не трудно;

Но все то будетъ мало, скудно,
Иль много что во тьмѣ кудрявыхъ словъ
Удастся Царское село тебѣ представить,
Армидинъ садъ, иль Петергофъ;
Такъ лучше трудъ оставить
И далѣ продолжать: Вѣтрана николи
Диковинокъ такихъ не видя на земли,
Со изумленьемъ всѣ предметы озираетъ,
И мыслитъ, что мечта во снѣ надъ ней играетъ.
Войдя же въ храмины чудесницы своей,
И пуще щурится: то блескъ отъ хрусталей,
Сребристыя луны сражался съ лучами,
Которые бъ почлись за солнечные нами,
Какъ яркой молніей слѣпитъ Вѣтранинъ взоръ;
То перламутръ хруститъ подъ ней или фарфоръ....
Ахти! опятъ понесъ великолѣпный вздоръ!
Но быть ужъ такъ, когда пустился.
И такъ, переступя одинъ, другой порогъ,
Лишь къ третьему пришли, богатый вдругъ чертогъ
Не вѣтеркомъ, но самъ собою растворился!
Ну, дочка! поживай и веселися здѣсь!
Всевѣда говоритъ: не только дворъ мой весь,
Но даже и духовъ подземныхъ и воздушныхъ,
Велѣніямъ моимъ послушныхъ,
Даю во власть твою; сама же я, мой свѣтъ,
Отправлюся на мало время, —
Вѣдь у меня заботъ беремя, —
Къ сестрѣ, съ которою не видѣлась сто лѣтъ;
Она недалеко живетъ отсюда — въ Колѣ;
Да по дорогѣ ужъ оттолѣ
Зайду и къ брату я,
Камчатскому Шаману.
Прощай, душа моя!
Надѣюсь, что тебя довольнѣе застану.» —
Тутъ коврикъ самолетъ она подостлала,
Ступила, свиснула, и въ мигъ изъ глазъ ушла,
Какъ будто бы и не была.
А удивленная Вѣтрана,
Какъ новая Діана,
Осталась между Нимфъ, исполненныхъ заразъ;
Онѣ тотчасъ ее подъ руки подхватили,
Помчали и за столъ роскошный посадили,
Какого и видомъ не видано у насъ.
Вѣтрана кушаетъ, а дѣвушки прекрасны,
Изъ коихъ каждая почти, какъ ты . . . мила,
Поджавши руки вкругъ стола,
Поютъ ей аріи веселыя и страстны,
Стараясь слухъ ея и сердце услаждать.
Потомъ она едва задумала вставать,
Вдругъ — дѣвушекъ, стола не стало,

И залы будто не бывало?
Ужъ спальней сдѣлалась она!
Вѣтрана чувствуетъ пріятну томность сна,
Спускается на пухъ изъ розъ въ сплетенномъ нишѣ;
И въ тотъ же мигъ смычокъ невидимый запѣлъ,
Какъ будто бы самъ Дицъ за пологомъ сидѣлъ;
Смычокъ часъ отъ часу пѣлъ тише, тише, тише,
И вмѣстѣ, наконецъ, съ Вѣтраною уснулъ.

Прошла спокойна ночь. Натура пробудилась;
Зефиръ вспорхнулъ,
И жертва отъ цвѣтовъ душистыхъ воскурилась;
Взыгралъ и солнца лучь; и голосъ соловья,
Сліянный съ сладостнымъ журчаніемъ ручья
И съ шумомъ рѣзваго фонтана,
Воспѣлъ: «проснись, проснись счастливая Вѣтрана!»
Она проснулася, — и спальная ужъ садъ,
Жилище райское веселій и прохладъ!
Повсюду чудеса Вѣтрана обрѣтала:
Гдѣ только ступитъ лишь, тутъ роза разцвѣтала!
Здѣсь рядомъ передъ ней лимонны дерева,
Тамъ миртовый кустокъ, тамъ нѣжна мурава
Отъ солнечныхъ лучей, какъ бархатъ, отливаетъ;
Тамъ рѣчка по песку златому протекаетъ;
Тамъ свѣтлаго пруда на днѣ
Мелькаютъ рыбки золотыя;
Тамъ птички гимнъ поютъ природѣ и веснѣ,
И попугаи голубые
Со эхомъ въ запуски твердятъ:
«Вѣтрана! насыщай свой взглядъ!»
А къ полднямъ новая картина:
Садъ превратился въ храмъ,
Украшенный по сторонамъ
Столпами изъ рубина,
И съ сводомъ, сдѣланнымъ на образъ облаковъ
Изъ разныхъ въ хрусталѣ цвѣтовъ.
И вдругъ отъ свода опустился
На розовыхъ цѣпяхъ столъ круглый изъ сребра
Съ такою жь пищей, какъ вчера,
И въ воздухѣ остановился;
А подъ Вѣтраной очутился
Съ подушкой бархатною тронъ,
Чтобы съ него ей кушать.
И пѣніе, какимъ гордился бъ Амфіонъ,
Тѣхъ Нимфъ, которыя вчера служили, слушать.
«По чести! это рай! ну, если бы теперь,»
Вѣтрана думаетъ, подкрался въ эту дверь...»
И слова не скончавъ, въ трюмо она взглянула,
Сошла со трона и вздохнула...

И въ сновидѣніяхъ представила тебѣ,
Что мы, всегда чужой завидуя судьбѣ
И новыхъ благъ желая,
Изъ доброй воли въ адъ влечемъ себя изъ рая.
Гдѣ лучше, какъ въ своей родимой жить семьѣ?
И такъ, впередъ страшись ты покидать ее!
Будь добрая жена и мать чадолюбива,
И будешь всѣми ты почтенна и счастлива. —
Съ симъ словомъ бросилась Вѣтрана обнимать
Супруга, всѣхъ родныхъ и добрую Всевѣду.
Потомъ всѣ сродники приглашены къ обѣду;
Наѣхали, нашли, и сѣли пировать.
Ужъ липецъ зашипѣлъ, все стало веселѣе,
Всякъ пьетъ и говоритъ, любуясь на бокалъ:
«Что матушки Москвы и краше и милѣе?» —
На силу доказалъ.

Дмитріевъ.

---

63. Сонъ Татьяны.

И снится чудный сонъ Татьянѣ:
Ей снится, будто бы она
Идетъ по снѣговой полянѣ,
Печальной мглой окружена;
Въ сугробахъ снѣжныхъ передъ нею
Шумитъ, клубитъ волной своею
Кипучій, темный и сѣдой
Потокъ, не скованный зимой;
Двѣ жердочки, склеены льдиной,
Дрожащій гибельный мостокъ,
Положены черезъ потокъ;
И предъ шумящею пучиной,
Неудомѣнія полна,
Остановилася она.

Какъ на досадную разлуку,
Татьяна ропщетъ на ручей;
Не видитъ никого, кто руку
Съ той стороны подалъ бы ей;
Но вдругъ сугробъ зашевелился,
И кто жъ изъ подъ него явился?
Большой взъерошенный медвѣдь;
Татьяна: ахъ! а онъ реветъ —
И лапу съ острыми когтями
Ей протянулъ; она, скрѣпясь,

Дрожащей ручкой оперлась,
И боязливыми шагами
Перебралась черезъ ручей;
Пошла — и что жъ? медвѣдь за ней.

Она, взглянуть назадъ не смѣя,
Поспѣшный ускоряетъ шагъ;
Но отъ косматаго лакея
Не можетъ убѣжать никакъ.
Кряхтя, валитъ медвѣдь несносный;
Предъ ними лѣсъ; недвижны сосны
Въ своей нахмуренной красѣ;
Отягчены ихъ вѣтви всѣ
Клоками снѣга; сквозь вершины
Осинъ, березъ и липъ нагихъ
Сіяетъ лучъ свѣтилъ ночныхъ;
Дороги нѣтъ; кусты, стремнины
Метелью всѣ занесены,
Глубоко въ снѣгъ погружены.

Татьяна въ лѣсъ — медвѣдь за нею;
Снѣгъ рыхлый по колѣно ей,
То длинный сукъ ее за шею
Зацѣпитъ вдругъ, то изъ ушей
Златыя серги вырветъ силой;
То въ хрупкомъ снѣгѣ съ ножки милой
Увязнетъ мокрый башмачекъ;
То выронитъ она платокъ;
Поднять ей нѣкогда; боится,
Медвѣдя слышитъ за собой,
И даже трепетной рукой
Одежды край поднять стыдится;
Она бѣжитъ, онъ все во слѣдъ;
И силъ уже бѣжать ей нѣтъ.

Упала въ снѣгъ; медвѣдь проворно
Ее хватаетъ и несетъ;
Она безчувственно покорна;
Не шевелится, не дохнетъ;
Онъ мчитъ ее лѣсной дорогой. . . .
Вдругъ межъ деревъ шалашъ убогой;
Кругомъ все глушь; отвсюду онъ
Пустыннымъ снѣгомъ занесенъ;
И ярко свѣтится окошко,
И въ шалашѣ и крикъ и шумъ;
Медвѣдь промолвилъ: здѣсь мой кумъ:
Погрѣйся у него немножко! —
И въ сѣни прямо онъ идетъ,
И на порогъ ее кладетъ.

Опомнилась, глядитъ Татьяна:
Медвѣдя нѣтъ; она въ сѣняхъ:
За дверью крикъ и звонъ стакана,
Какъ на большихъ похоронахъ;
Не видя тутъ ни капли толку,
Глядитъ она тихонько въ щелку.
И что же видитъ? . . . за столомъ
Сидятъ чудовища кругомъ:
Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой,
Другой съ пѣтушьей головой,
Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой.
Тутъ остовъ чопорный и гордой,
Тамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ
Полу-журавль и полу-котъ.

Еще страшнѣй, еще чуднѣе:
Вотъ ракъ верхомъ на паукѣ,
Вотъ черпъ на гусиной шеѣ
Вертится въ красномъ колпакѣ,
Вотъ мельница въ присядку пляшетъ
И крыльями трещитъ и машетъ;
Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и хлопъ,
Людская молвь и конскій топъ!

А. Пушкинъ.

64. Конекъ Горбунокъ.

Поѣздка Ивана.

Ну-съ, такъ ѣдетъ нашъ Иванъ
За кольцомъ на Окіанъ;
Горбунокъ летитъ какъ вѣтеръ,
И еще на первый вечеръ
Верстъ сто тысячъ отмахалъ
И нигдѣ не отдыхалъ.

Подъѣзжая къ Окіяну,
Говоритъ конекъ Ивану:
«Ну, Иванушка, смотри,
«Вотъ минуты черезъ три
«Мы пріѣдемъ на поляну —
«Прямо къ морю-Окіяну;
«Поперегъ его лежитъ
«Чудо-юдо рыба китъ,

«Десять лѣтъ ужъ онъ страдаетъ,
«А доселева не знаетъ,
«Чѣмъ прощенье получить.
«Онъ учнетъ тебя просить,
«Чтобъ ты въ солнцевомъ селеньѣ —
«Попросилъ ему прощенье;
«Ты исполнить обѣщай,
«Да смотри жъ, не забывай!»

Вотъ въѣзжаютъ на поляну
Прямо къ морю-Окіяну;
Поперегъ его лежитъ
Чудо-юдо рыба китъ
Всѣ бока его изрыты,
Частоколы въ ребра вбиты,
На хвостѣ сыръ боръ шумитъ,
На спинѣ село стоитъ,
Мужички на губѣ пашутъ.
Между глазъ мальчишки пляшутъ.
А въ дрбравѣ межъ усовъ
Ищутъ дѣвушки грибовъ.

Вотъ конекъ бѣжитъ по киту,
По костямъ стучитъ копытомъ.
Чудо-юдо рыба китъ
Такъ проѣзжимъ говоритъ,
Ротъ широкій отворяя,
Тяжко, горко воздыхая;
«Путь-дорога, господа!
«Вы откуда и куда?»
— «Мы посланники царицы,
«Ѣдемъ оба изъ столицы,
(Говоритъ киту конекъ),
«Къ солнцу прямо на востокъ.
«Во хоромы золотые.»
— «Такъ не льзя ль, отцы родные,
«Вамъ у Солнышка спросить:
«Долго ль мнѣ въ опалѣ быть,
«И какое повелѣнье
«Мнѣ исполнить для прощенья?»
— «Ладно, ладно рыба-китъ!» —
Нашъ Иванъ ему кричитъ.
— «Будь отецъ мой милосердый!
«Вишь, какъ мучуся я — бѣдный!
«Десять лѣтъ ужъ здѣсь лежу. . . .
«Я и самъ тѣ услужу. . . .»
(Китъ Ивана умоляетъ,
Самъ же тяжко воздыхаетъ).
«Ладно, ладно рыба китъ!»
Нашъ Иванъ ему кричитъ.

Тутъ конекъ подъ нимъ забился,
И по берегу пустился;
Только видно какъ песокъ
Вьется вихоремъ у ногъ,
Будто сдѣлалась погодка.

Ѣдутъ долго ли, коротко.
И увидѣли ль кого —
Я не знаю ничего.
Скоро сказка говорится,
Дѣло мѣшкотно творится.
Только, братцы, я узналъ.
Что конекъ туда вбѣжалъ.
Гдѣ (я слышалъ стороною)
Небо сходится съ землею,
Гдѣ крестьянки ленъ прядутъ,
Прялки на небо кладутъ.

Тутъ Иванъ на небо въѣхалъ,
Да по небу и поѣхалъ,
Избоченясь, будто Князь,
Шапку на бокъ, подбодрясь:
«Эко диво! эко диво!
«Наше царство хоть красиво,
(Говоритъ коньку Иванъ,
Средь лазуревыхъ полянъ),
«А какъ съ небомъ-то сравнится,
«Такъ подъ стельку не годится.
«Вѣдь у насъ земля черна,
«И темна-то и грязна;
«Здѣсь земля-то голубая,
«А ужъ свѣтлая какая! . . . .
«Посмотри-ка, горбунокъ,
«Видишь, вонъ-гдѣ, на востокъ,
«Словно свѣтится гнилушка. . . .
«Чай крестьянская избушка?
«Что-то больно высока!»
(Такъ спросилъ Иванъ конька).
— «Это теремъ Царь-Дѣвицы,
«Нашей будущей Царицы,
(Горбунокъ ему кричитъ),
«По ночамъ здѣсь солнце спитъ;
«А какъ день денской приходитъ,
«То сюда и мѣсяцъ входитъ.»

Подъѣзжаютъ къ воротамъ
Сто столбовъ по сторонамъ;
Всѣ столбы тѣ голубые,
А верхушки золотые;
На верхушкахъ три звѣзды
Вокругъ терема сады;
На серебряныхъ тамъ вѣткахъ,

Въ раззолоченныхъ во клѣткахъ,
Птицы райскія живутъ,
Пѣсни царскія поютъ.
А вѣдь теремъ съ теремами,
Будто городъ съ деревнями;
А на теремѣ изъ звѣздъ —
Православный Русскій крестъ.

Вотъ конекъ во дворъ въѣзжаетъ;
Нашъ Иванъ съ него слѣзаетъ,
Въ теремъ къ мѣсяцу идетъ,
И такую рѣчь ведетъ:
«Здравствуй, Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ!
«Я — Иванушка Петровичъ!
«Изъ далекихъ я сторонъ
«И привезъ тебѣ поклонъ.»
— «Сядь Иванушка Петровичъ!
(Молвилъ Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ),
«И повѣдай мнѣ вину —
«Въ нашу свѣтлую страну —
«Твоего съ земли прихода;
«Изъ какого ты народа,
«Какъ явился въ сей странѣ, —
«Все вполнѣ повѣдай мнѣ.»
— «Я съ земли пришелъ землянской,
«Изъ страны вѣдь христіанской,
(Говоритъ ему Иванъ),
«Переѣхалъ Окіянъ —
«Съ порученьемъ отъ Дѣвицы,
«Нашей будущей Царицы,
«Чтобъ тебя отъ ней спрошать,
«Послѣ ей пересказать:
«Для чего дескать три ночи
«Не показывалъ ты очи,
«И зачѣмъ де три ужъ дня
«Солнце скрылось отъ меня?»
— «А какая то Царица?» —
— «Это, знаешь, Царь-Дѣвица. . .» —
— «Царь-Дѣвица? . . . такъ она
«Что ль тобой увезена?» —
(Вскрикнулъ Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ).
Тутъ Иванушка Петровичъ
Говоритъ: «извѣстно, мной!
«Вишь, я царской Стремянной.

Тутъ Иванушка поднялся,
Въ путь дороженьку собрался.

Вдругъ онъ дважды привскочилъ:
«Эхъ! немножко не забылъ!
«Есть къ тебѣ, родной, прошенье —
«То о китовомъ прощеньѣ. . . .
«Есть, вишь, море: чудо-китъ
«Поперегъ его лежитъ;
«Всѣ бока его изрыты,
«Частоколы въ ребра вбиты.
«Онъ, бѣднякъ, меня прошалъ,
«Чтобы я тебѣ сказалъ:
«Скоро ль кончится мученье?
«Чѣмъ сыскать ему прощенье?
«И за что онъ тутъ лежитъ?
Мѣсяцъ ясной говоритъ:
«Онъ за то несетъ мученье,
«Что безъ Божія велѣнья
«Проглотилъ онъ средь морей
«Три десятка кораблей.
«Если дастъ онъ имъ свободу,
«То сними съ него невзгоду.»
Поклонившись, какъ умѣлъ,
На конька Иванъ тутъ сѣлъ,
Свистнулъ, будто витязь знатной.
И пустился въ путь обратной.

На другой день нашъ Иванъ
Вновь пришелъ на Окіянъ.
Вотъ конекъ бѣжитъ по киту,
По костямъ стучитъ копытомъ.
Чудо-юдо рыба китъ
Такъ, вздохнувши говоритъ:
«Что, отецъ мой, въ небѣ былъ ли?
«Мнѣ прощенье испросилъ ли?»
Тутъ конекъ ему кричитъ:
«Погоди ты, рыба китъ!»

Вотъ въ селенье прибѣгаетъ.
Мужичковъ къ себѣ сзываетъ,
Черной гривкою трясетъ,
И такую рѣчь ведетъ:
«Эй! послушайте, міряне!
«Православны христіяне!
«Коль не хочетъ кто изъ васъ
«Къ водяному сѣсть въ приказъ,
«Убирайся въ мигъ отсюда!
«Здѣсь тотчасъ случится чудо:
«Море сильно закипитъ,
«Повернется рыба китъ. . .»

Тутъ крестьяне и міряне,
Православны христіяне,

Закричали: «быть бѣдамъ!»
И пустились по домамъ.
Всѣ телѣги собирали;
Въ нихъ, не мѣшкая, поклали
Все, что было живота,
И оставили кита,
Лишь на небѣ засмеркалось,
То на китѣ не осталось
Ни одной души живой,
Будто шелъ Мамай войной!

Тутъ конекъ на хвостъ взбѣгаетъ,
Къ перьямъ скоро прилегаетъ
И что мочи есть кричитъ:
«Чудо-юдо рыба китъ!
«Отъ того твое мученье,
«Что безъ Божія велѣнья
«Проглотилъ ты средь морей
«Три десятка кораблей.
«Если дашь ты имъ свободу,
«Не потерпишь ужъ невзгоду.»
И окончивъ это, вмигъ
Горбунокъ на берегъ прыгъ,
И на немъ остановился.

Чудо-китъ поворотился,
Началъ море волновать,
И изъ челюстей бросать
Корабли за кораблями,
Съ парусами и гребцами. . .

Тутъ поднялся шумъ такой,
Что проснулся царь морской:
Въ пушки мѣдныя палили,
Въ трубы кованы трубили,
Бѣлый парусъ поднялся,
Флагъ на мачтѣ развился,
Попъ съ причетомъ всѣмъ служебнымъ
Пѣлъ на палубѣ молебны,
А гребцовъ веселый рядъ
Грянулъ пѣсню на подхватъ:
«Какъ по моречку по морю,
«По широкому раздолью,
«Въ отдаленьи отъ земли,
«Выбѣгаютъ корабли. . .»

Волны моря заклубились.
Корабли изъ глазъ сокрылись.
Чудо-юдо рыба китъ
Громкимъ голосомъ кричитъ,
Ротъ широкій отворяя,
Плесомъ волны разбивая:

„Чѣмъ тебѣ мнѣ услужить?
„Чѣмъ за дружбу наградить?
„Надо ль раковинъ цвѣтистыхъ?
„Надо ль рыбокъ золотистыхъ?
„Надо ль крупныхъ жемчуговъ? —
„Все достать тебѣ готовъ!“
— „Нѣтъ, китъ-рыба, мнѣ не надо
„Крупныхъ жемчуговъ въ награду,
(Говоритъ ему Иванъ):
„Лучше перстень мнѣ достань,
„Перстень красной Царь-Дѣвицы,
„Нашей будущей царицы.“ —
— „Ладно, ладно!“ (рыба-китъ
Стремянному говоритъ):
„Отыщу я до зарницы
„Перстень красной Царь-Дѣвицы.“
Такъ китъ-чудо отвѣчалъ,
И, всплеснувъ, на дно упалъ.

Вотъ онъ плесомъ ударяетъ,
Громкимъ голосомъ сзываетъ
Осетриный весь народъ,
И такую рѣчь ведетъ:
„Вы достаньте до зарницы
„Перстень красной Царь-Дѣвицы,
„Скрытый въ ящикѣ на днѣ.
„Кто его доставитъ мнѣ,
„Награжу того я чиномъ: —
„Будетъ думнымъ дворяниномъ.
„Если жъ умный мой приказъ
„Не исполните . . . . я васъ!“
Осетры тутъ поклонились
И въ порядкѣ удалились.

Черезъ нѣсколько часовъ
Двое бѣлыхъ осетровъ
Къ киту медленно подплыли
И смиренно говорили:
„Царь Великій! не гнѣвись!
„Мы все море ужъ, кажись,
„Ваша милость, обыскали,
„А все перстня не видали.
„Только ершъ одинъ изъ насъ
„Могъ исполнить твой приказъ:
„Онъ по всѣмъ морямъ гуляетъ,
„Такъ ужъ вѣрно перстень знаетъ:
„Но его, какъ бы на зло,
„Ужъ куда-то унесло.“
— „Отыскать его въ минуту,
„И послать въ мою каюту!“ —

Китъ во гнѣвѣ закричалъ
И усами закачалъ.

Осетры тутъ поклонились,
Въ Земской Судъ потомъ пустились
И велѣли въ тотъ же часъ
Отъ кита писать указъ;
Чтобъ гонцевъ скорѣй послали
И ерша скорѣй поймали.
Лещъ, услыша сей приказъ,
Имянной писалъ указъ;
Сомъ (исправникомъ онъ звался)
Подъ указомъ подписался;
Черный ракъ указъ сложилъ,
И печати приложилъ;
Двухъ дельфиновъ тутъ призвали
И, отдавъ указъ, сказали,
Чтобъ отъ имени царя
Всѣ объѣхали моря,
И того ерша гуляку,
Крикуна и забіяку,
Гдѣ бы ни было нашли,
Къ государю привели.
Тутъ дельфины поклонились
И ерша искать пустились.

Ищутъ часъ они въ моряхъ,
Ищутъ часъ они въ рѣкахъ,
Всѣ озера исходили,
Всѣ проливы переплыли —
Не могли ерша сыскать,
И вернулися назадъ,
Чуть не плача отъ печали.
Вдругъ дельфины услыхали
Недалеко на прудѣ
Крикъ неслыханной въ водѣ. . . .
Въ прудъ дельфины завернули
И на дно его нырнули, —
Глядь: въ прудѣ подъ камышемъ
Ершъ дерется съ карасемъ!
„Смирно! черти бъ васъ побрали!
„Вишь, содомъ какой подняли,
„Словно важные бойцы!“
Закричали имъ гонцы.
— „Ну, а вамъ какое дѣло?
(Ершъ кричитъ дельфинамъ смѣло),
„Я шутить вѣдь не люблю,
„Разомъ всѣхъ переколю!“
— „Охъ, ты вѣчная гуляка,
„И крикунъ и забіяка!

„Все бы, дрянь, тебѣ гулять.
„Все бы драться да кричать;
„Дома нѣтъ вѣдь не сидится. . .
„Ну, да что съ тобой рядиться?
„Вотъ тебѣ Царевъ указъ,
„Чтобъ ты плылъ къ нему тотчасъ.“

Тутъ проказника дельфины
Подхватили за щетины
И отправились назадъ,
Ершъ ну рваться и кричать:
„Будьте милостивы, братцы!
„Дайте чуточьку подраться.
„Распроклятой тотъ карась
„Поносилъ меня вчерась,
„При честномъ при всемъ собраньи,
„Бесурманской разной бранью. . . .“
Долго ершъ еще кричалъ,
Наконецъ и замолчалъ;
А проказника дельфины
Все тащили за щетины,
Ничего не говоря, —
И явились предъ Царя.

„Что ты долго не являлся?
„Гдѣ ты, вражій сынъ, шатался?“
(Китъ со гнѣвомъ закричалъ).
На колѣни ершъ упалъ
И признавшись въ преступленьи,
Онъ испрашивалъ прощенья.
„Ну, ужъ Богъ тебя проститъ!“
(Китъ державный говоритъ):
„Но за это преступленье
„Ты исполни повелѣнье.
— „Все исполню, славный китъ!“ —
(На колѣняхъ ершъ пищитъ),
— „Ты по всѣмъ морямъ гуляешь
„Такъ ужъ вѣрно перстень знаешь
„Царь — Дѣвицы? . . . Какъ не знать?
„Можемъ разомъ отыскать.“ —
— „Такъ ступай же поскорѣе,
„Да неси его живѣе.“

Тутъ, отдавъ Царю поклонъ,
Ершъ пошелъ оттуда вонъ:
Съ полминуты порѣзвился,
Въ черный омутъ опустился
И, разрывъ на днѣ песокъ,
Вырылъ красный сундучекъ —
Пудъ по крайней мѣрѣ во сто.
„Здѣсь братъ дѣло-то не просто!“

И давай изъ всѣхъ морей
Ершъ скликать къ себя сельдей.

Сельди разомъ собралися,
Сундучекъ тащить взялися,
Только слышно и всего,
Что у-у! да о-о-о!
Но сколь сильно ни кричали,
Сундучка все не подняли.
Ершъ, не тратя много словъ,
Кликнулъ десять осетровъ.

Вотъ десятокъ приплываетъ
И безъ крика поднимаетъ,
Крѣпко ввязнувшій въ песокъ,
Съ перстнемъ красный сундучекъ.
„Ну, ребятушки, смотрите,
„Вы къ Царю теперь плывите,
„Я пойду теперь ко дну,
„Да немножко отдохну:
„Что-то сонъ одолѣваетъ,
„Такъ глаза вотъ и смыкаетъ. . . .“
Осетры къ Царю плывутъ;
Ершъ-гуляка прямо въ прудъ,
(Изъ котораго дельфины
Утащили за щетины)
Чай додраться съ карасемъ,
Я не вѣдаю о томъ.
Но теперь мы съ нимъ простимся,
И къ Ивану возвратимся.

Тихо море-Окіянъ.
На пескѣ сидитъ Иванъ,
Ждетъ кита изъ синя моря
И мурлыкаетъ отъ горя;
Повалившись на песокъ,
Дремлетъ вѣрный горбунокъ.
Время къ вечеру клонилось;
Вотъ ужъ солнышко спустилось;
Тихимъ пламенемъ горя,
Развернулася заря.
А кита не тутъ-то было.
„Чтобъ те вора задавило!
„Вишь, какой морской шайтанъ!
(Говоритъ себѣ Иванъ);
„Обѣщался до зарницы
„Вынесть перстень Царь-Дѣвицы,
„А доселѣ не сыскалъ,
„Окаянной зубоскалъ!
„А ужъ солнышко-то сѣло,

„И“ . . . Тутъ море закипѣло:
Появился чудо-китъ
И къ Ивану говоритъ:
„За твое благодѣянье,
„Я исполнилъ обѣщанье.“
Съ этимъ словомъ сундучекъ
Брякнулъ крѣпко на песокъ,
Только берегъ закачался.
„Если жъ нуженъ буду я,
„Позови опять меня;
„Твоего благодѣянья
„Не забыть мнѣ. . . . До свиданья!“
Тутъ китъ-чудо замолчалъ
И, всплеснувъ, на дно упалъ.

Ершовъ.

65. Гуси.

Предлинной хворостиной
Мужикъ Гусей гналъ въ городъ продавать;
И правду истинну сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиной:
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню
(А гдѣ бы прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ и людямъ достается).
Я мужика и не виню.
Но Гуси иначе объ этомъ толковали
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пеняли:
»Гдѣ можно насъ, Гусей, несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ
И насъ, какъ птицъ простыхъ, гоняетъ;
А этого не смыслитъ неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ,
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ Гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ.
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены.»
А вы хотите быть за что отличены?
Спросилъ прохожій ихъ. — «Да наши предки». . . — Знаю,
И все читалъ; но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?
«Да наши предки Римъ спасли.» —
Все такъ, — да вы что сдѣлали такое?
«Мы? . . . ничего!» Такъ что жъ и добраго въ васъ есть?

Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по дѣламъ была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое.

Басню эту можно бы и болѣ пояснить:
Да чтобъ гусей не раздразнить.

Крыловъ.

66. Котъ и Поваръ.

Какой-то Поваръ грамотѣй
Съ поварни побѣжалъ своей
Въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ,
И въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ),
А дома стеречи съѣстное отъ мышей
Кота оставилъ.
Но что же, возвратясь, онъ видитъ? — На полу
Объѣдки пирога; — а Васька котъ въ углу,
Припавъ за уксуснымъ боченкомъ,
Мурлыча и ворча, трудится надъ курченкомъ.
„Ахъ ты, обжора! ахъ злодѣй!"
Тутъ Ваську Поваръ укоряетъ:
„Не стыдно ль стѣнъ тебѣ, не только что людей?
(А Васька все-таки курченка убираетъ)
Какъ бывъ честнымъ котомъ до этихъ поръ —
Бывало за примѣръ тебя смиренства кажутъ, —
А ты! . . . ахти какой позоръ! . . .
Теперя всѣ сосѣды скажутъ:
Котъ Васька плутъ! Котъ Васька воръ!
И Ваську де не только что въ поварню,
Пускать не надо и на дворъ,
Какъ волка жаднаго въ овчарню;
Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!"
(А Васька слушаетъ, да ѣстъ).
Тутъ риторъ мой, давъ волю словъ теченью,
Не находилъ конца нравоученью.
Но что жъ? — пока его онъ пѣлъ,
Котъ Васька все жаркое съѣлъ.

А я бы Повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по пустому,
Гдѣ надо власть употребить.

Крыловъ.

67. Демьянова уха.

Сосѣдушка мой свѣтъ!
Пожалуй-ста покушай.“
Сосѣдушка! я сытъ по горло. — „Нужды нѣтъ;
Еще тарелочку; послушай,
Ушица ей-же-ей на славу сварена!“
Я три тарелки съѣлъ. — „И, полно! что за счеты?
Лишь стало бы охоты,
А то, во здравье, ѣжъ до дна.
Что за уха! Да какъ жирна!
Какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь же, миленькой дружечекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку. Да кланяйся, жена!“
Такъ подчивалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку
И не давалъ ему ни отдыха, ни сроку.
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однако же еще тарелку онъ беретъ,
Сбирается съ послѣдней силой
И очищаетъ всю. — „Вотъ друга я люблю,
Вскричалъ Демьянъ, за то ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милой!“
Тутъ бѣдной Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охабку
Кушакъ и шапку,
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Писатель! счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь;
Но если помолчать во время не умѣешь,
И ближняго ушей ты не жалѣешь:
То вѣдай, что твои и проза и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи.

Крыловъ.

68. Оселъ и Соловей.

Оселъ увидѣлъ Соловья
И говоритъ ему: „Послушай-ко, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣтъ великій мастерище:
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ли въ тебѣ умѣнье.“

Тутъ соловей являть свое искусство сталъ:
Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной въ далекѣ свирѣлью отдавался;
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры;
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада;
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
«Изрядно,» — говоритъ — «сказать не ложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ!
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился.» —
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ — и полетѣлъ за тридевять полей.

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей!

Крыловъ.

69. Квартетъ.

Проказница Мартышка,
Оселъ,
Козелъ.
Да косолапый Мишка,
Затѣяли сыграть квартетъ.
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки,
И сѣли на лужокъ подъ липки
Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки, дерутъ — а толку нѣтъ! —
«Стой, братцы, стой!» кричитъ Мартышка, «погодите! —
Какъ музыкѣ идти? Вѣдь вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта,
Я прима сяду противъ вторы;
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!» —
Расѣлись, начали квартетъ;

Онъ все таки на ладъ нейдетъ.
— «Постойте жъ, я сыскалъ секретъ.»
Кричитъ Оселъ: «мы верно ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ.» —
Послушались Осла, уселись чинно въ рядъ;
А все квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ пуще прежняго пошли у нихъ разборы
И споры
Кому и какъ сидѣть.
Случилось Соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье.
«Пожалуй», говорятъ, «возьми на часъ терпѣнье,
Чтобы квартетъ въ порядокъ нашъ привесть:
И ноты есть у насъ, и инструменты есть;
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть?» —
«Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣй,»
Имъ отвѣчаетъ Соловей:
«А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь!»

Крыловъ.

70. Лжецъ.

Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
Какой-то дворянинъ (а можетъ быть и Князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ.
Нѣтъ, говоритъ, что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце прячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.
Вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнить, такъ душѣ отрада!
Ни шубъ, ни свѣчъ совсѣмъ не нада;
Не знаешь вѣкъ, что есть ночная тѣнь;
И круглый Божій годъ все видишь Майскій день.
Никто тамъ ни садитъ, ни сѣетъ;
А если бъ посмотрѣлъ, что тамъ растетъ и зрѣетъ!
Вотъ въ Римѣ, на примѣръ, я видѣлъ огурецъ:
Ахъ, мой Творецъ!

И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь ли? — ну, право, былъ онъ съ гору.
«Ну что жъ диковинки?» пріятель отвѣчалъ:
На сей землѣ чудесъ разсѣяно повсюду,
Да не вездѣ ихъ всякой примѣчалъ.
Мы сами вотъ теперь подходимъ къ чуду,
Какого ты нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ,
И я въ томъ спорить буду. —
Вонъ видишь ли черезъ рѣку тотъ мостъ,
Куда намъ путь лежитъ? — Онъ кажется и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣетъ;
До половины не дойдетъ,
Провалится и въ воду упадетъ;
Но кто не лжетъ,
Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ.» —
— А какова у васъ рѣка?
— «Да не мелка.
Такъ видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ!
Хоть Римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ:
Вѣдь съ гору, кажется, ты такъ сказалъ объ немъ?» —
Гора хоть не гора: но, право, будетъ съ домъ. —
«Повѣрить трудно!
Однако жъ какъ ни чудно
А все чуднѣе мостъ, по коемъ мы пойдемъ,
Что онъ лжеца никакъ не поднимаетъ;
И нынѣшней еще весной
Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)
Два журналиста, да портной.
Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной
Диковинка, коль это справедливо.» —
Ну, не такое еще диво;
Вѣдь надо знать, какъ вещи есть:
Не думай, что вездѣ по нашему хоромы;
Что тамъ за домы:
Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзть,
И то ни стать, ни сѣсть. —
«Пусть такъ; но все признаться должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,
Въ которомъ двумъ усѣсться можно.
Однако жъ мостъ-атъ нашъ каковъ,
Что лгунъ не сдѣлаетъ на немъ пяти шаговъ,
Какъ тотчасъ въ воду?
Хоть Римской твой и чуденъ огурецъ». . .
Послушай-ка, тутъ перервалъ мой лжецъ:
Чѣмъ на мостъ намъ идти, поищемъ лучше броду.

Крыловъ.

71. Собачья дружба.

У кухни подъ окномъ
На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ лежа грѣлись.
Хоть у воротъ передъ дворомъ
Пристойнѣе бъ стеречь имъ было домъ;
Но какъ они ужъ понаѣлись,
И вѣжливые жъ псы притомъ
Ни на кого не лаютъ днемъ,
Такъ разсуждать они пустилися вдвоемъ
О всякой всячинѣ: о ихъ собачьей службѣ,
О худѣ, о добрѣ и наконецъ о дружбѣ. —
Что можетъ, говоритъ Полканъ, пріятнѣй быть,
Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить;
Во всемъ оказывать взаимную услугу;
Не спить безъ друга и не съѣсть,
Стоять горой за дружню шерсть
И наконецъ въ глаза глядѣть другъ другу,
Чтобъ только улучить счастливый часъ,
Не льзя ли друга чѣмъ потѣшить, позабавить,
И въ дружнемъ счастьѣ все свое блаженство ставить.
Вотъ если бъ, на примѣръ, съ тобой у насъ
Такая дружба завелась,
Скажу я смѣло,
Мы бъ и не видѣли, какъ время бы летѣло. —
«А что же? это дѣло,»
Барбосъ отвѣтствуетъ ему:
«Давно, Полкапушка, мнѣ больно самому,
Что бывши одного двора съ тобой собаки,
Мы дня не проживемъ безъ драки:
И изъ чего? . . . Спасибо господамъ,
Ни голодно, ни тѣсно намъ!
Притомъ же право стыдно:
Песъ дружества слыветъ примѣромъ съ давнихъ дней,
А дружбы между псовъ, какъ будто межъ людей,
Почти совсѣмъ не видно.“
Явимъ же въ ней примѣръ мы въ наши времена,
Вскричалъ Полканъ — дай лапу! — «Вотъ она!» —
И новые друзья ну обниматься,
Ну цѣловаться;
Не знаютъ съ радости къ кому и прировняться:
«Орестъ мой! мой Пиладъ! прочь свары, зависть, злость!»
Ттъ поваръ на бѣду изъ кухни кинулъ кость.
Вотъ новые друзья къ ней взапуски несутся;
Гдѣ дѣлся и совѣтъ и ладъ?
Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся,
Лишь только клочья вверхъ летятъ;
Насилу наконецъ ихъ розлили водою.

Свѣтъ полонъ дружбою такою:

Про нынѣшнихъ друзей льзя молвить, не грѣша,
Что въ дружбѣ всѣ они едва ль не одинаки;
Послушать, кажется, одна у нихъ душа:
А только кинь имъ кость, — такъ что твои собаки!

Крыловъ.

72. Два человѣка и кладъ.

Бѣднякъ, которому наскучило поститься
И нужду крайнюю всегда во всемъ терпѣть,
Задумалъ удавиться:
Отъ голода еще вѣдь хуже умереть!
Избушку ветхую, пустую,
Для мѣста казни онъ по близости избралъ
И петлю укрѣпивъ вокругъ гвоздя глухую,
Вколачивать лишь въ стѣну сталъ,
Какъ вдругъ изъ потолка, карниза и панели
Червонцы на полъ полетѣли —
И молотокъ изъ рукъ къ червонцамъ полетѣлъ!
Бѣднякъ вздрогнулъ, остолбенѣлъ,
Протеръ глаза, перекрестился
И деньги подбирать пустился.
Онъ въ торопяхъ ужъ не считалъ,
А просто, такъ безъ счета,
Въ карманы, въ сапоги, за пазуху наклалъ;
Пропала у него давиться тутъ охота,
И съ деньгами бѣдняжка мой
Безъ памяти бѣжалъ домой. —
Лишь онъ отсюда удалился,
Хозяинъ золота явился:
Онъ всякій день свою казну ревизовалъ;
Увидя жъ въ кладовой большое разрушенье
И всѣхъ своихъ родныхъ червонцевъ похищенье,
Всплеснулъ руками и упалъ.
Лежалъ минуты двѣ, не говоря ни слова;
Потомъ, какъ бѣшеный, вскочилъ
И петлею себя, какъ должно, удавилъ;
А петля, къ счастію, была уже готова!
И эта выгода большая для скупова,
Что онъ веревки не купилъ.

Вотъ такъ-то иногда не знаешь,
Гдѣ что найдешь, гдѣ потеряешь;

Но впрочемъ вѣрно то: скупой какъ ни живетъ,
Спокойно не умретъ.

А. Измайловъ.

73. Кащей и его Сосѣдъ.

От сребролюбія Кащей ни ѣлъ, ни пилъ,
И много звонкой онъ монеты накопилъ;
Но въ ростъ отдать боялся,
Чтобы не потерять на курсѣ серебра;
Держать и дома опасался.
Ужъ скупость подлинно невѣжеству сестра.
Кащей такъ размышлялъ: „Богъ знаетъ, что случится!
Ну! если домъ мой загорится?
Ну! если въ ночь черезъ заборъ
Какой нибудь отважный воръ
Прійдетъ съ ножемъ искать въ моей каморкѣ кладу?
Да я и безъ воровъ самъ у себя украду.“
Наставилъ наконцъ его на разумъ бѣсъ —
Снести червонецы всѣ съ рублевиками въ лѣсъ
И тамъ предать ихъ погребенью.
Кащей, за слабостію силъ,
Похлопотать съ собой Сосѣда попросилъ.
Сосѣдъ былъ очень радъ такому порученью.
Взявъ деньги, оба въ лѣсъ пришли густой,
Подъ елью ихъ зарыли,
Огромную на нихъ колоду навалили —
Прекрасный памятникъ, и прочный и простой!
Повѣся голову, Кащей пришелъ домой,
Не зналъ онъ, отъ тоски, куда ему дѣваться:
Остался онъ одинъ — что дѣлать? чѣмъ заняться?
Считать ужъ нечего и не на что взглянуть.
Отъ страха передъ симъ Кащей не могъ заснуть,
Теперь не можетъ спать отъ скуки.
Двѣ ночи такъ прошло; на третью заступъ въ руки
И въ лѣсъ идетъ встрѣчать разсвѣтъ.
Колоду своротилъ онъ кой-какъ черезъ силу,
Разрылъ родныхъ могилу,
Взглянулъ — анъ мертвецовъ тамъ нѣтъ!
Какъ снопъ, Кащей свалился. . . .
Но послѣ всталъ и ухитрился:
Передъ Сосѣдомъ притворился,
И такъ ему сказалъ: „не льзя ли, братъ, помочь
Еще мѣшечка два, хоть въ будущую ночь,

Туда же отнести? — Зайди-ка ты за мною.“ —
Сосѣдъ, прельстясь казною,
Своими ужъ считалъ послѣдніе мѣшки
И деньги положилъ туда, гдѣ были прежде;
Но обманулся онъ въ надеждѣ:
Кащей ихъ воротилъ въ пустые сундуки.

А. Измайловъ.

74. Слонъ и собаки.

Брыланъ, задорный песъ,
Съ большой свиньей схватился,
Возился съ ней въ грязи, возился,
Свиною кровью обагрился,
Всю свинью искусалъ, прогналъ и . . . поднялъ носъ.
«Знай, наши каковы кусаки!»
Сказалъ онъ ей: «и вѣкъ Брылана поминай.»
Возрадовались всѣ его друзья собаки.
— Ай! ай!
Визжитъ, вертя хвостомъ, Брехъ, пудель сухощавой:
Покрылъ себя, Брыланъ, ты славой!
Ай, ученикъ! Ай, другъ!
Прославилъ ты нашъ кругъ! —
— Ай! ай! Брыланъ! ай! ай! — визжатъ тутъ и щенята:
Хвала, свиной герой! — «Послушайте, ребята!»
Брыланъ преважно возгласилъ:
«Чуть, чуть я у свиньи хвоста не откусилъ.
Когда же сдалилъ со свиньею,
Пріймусь и за Слона: ну что? въ родню хоть толстъ,
Да не въ родню, быть можетъ, простъ.
Друзья! за мной!
Я знаю, Слонъ идетъ теперь на водопой;
Маршъ на Волынскій Дворъ!» — За нимъ всѣ побѣжали. . .
Увидѣли Слона . . . смѣшались, задрожали,
Попятились. — «Стой, толстый, стой!»
Кричитъ Брыланъ: „какъ смѣлъ обидѣть ты дворняшку?“
— Какую? — „Завирашку.
Проси прощенія; не то, братъ, на дуэль!
Заставлю пролежать въ сараѣ шесть недѣль.“
— Да отвяжись! Чего ты хочешь?
Не прыгай высоко, вѣдь на клыки наскочишь.
„Что предъ дворняшкою ты виноватъ, скажи
И всею правдою въ неправдахъ намъ служи;
Велимъ ли проучить кого, такъ размозжи;

Лизать — лижи."
— Лизать? — Вотъ Слонъ тутъ осердился,
Брылана хоботомъ схватилъ,
Черезъ рѣшетку мигъ его въ каналъ спустилъ.
И гдѣ же? — въ полыньѣ, каналья, очутился.
А Пудель? . . . на языкъ хотя онъ и остеръ,
Но Нѣмецъ, такъ хитеръ
И совѣстнѣй притомъ: нѣтъ, онъ не горячился
И впереди щенятъ бѣжать назадъ пустился.

Хоть какъ собака ни сильна
Но гдѣ ей одолѣть Слона!
Бѣда, когда дойдетъ до драки.
Не трогайте жь слоновъ, собаки!

А. Измайловъ.

75. Стихотворецъ и Чортъ.

„Ну, есть ли кто на свѣтѣ
Несчастнѣе меня? . . . И не было и нѣтъ!"
Такъ говорилъ Дамонъ поэтъ,
Сидя одинъ въ полночь со свѣчкой въ кабинетѣ,
Вздыхая тяжело и нюхая табакъ,
Которымъ вымаралъ лицо, халатъ, колпакъ
И, съ позволенія сказать, свои творенья.
„Кляну день своего рожденья:
Такое горе я терплю!
Ужь сорокъ лѣтъ пишу, хвалю себя, хвалю;
Не вѣритъ мнѣ никто, какъ я ни увѣряю!
Ужь я ли не поэтъ? не знаю!
По смерти памятникъ мнѣ, вѣрно, сорудятъ,
А нынѣче — посидѣть со мною не хотятъ.
Начну читать стихи — смѣются;
Печатаю — не продаются;
Пришлось съ Парнасса въ петлю лѣзть.
Чтобъ уваженіе и славу пріобрѣсть,
Какихъ я не искалъ каналовъ!
Платилъ газетчикамъ, издателямъ журналовъ;
Свои самъ книги раскупалъ;
Все раздарилъ — а ихъ никто и не читалъ.
Врагамъ своимъ писалъ въ честь оды и посланья,
И въ книжныхъ лавкахъ сталъ предметомъ посмѣянья.
Радъ душу чорту я отдать,

Съ тѣмъ только, чтобъ онъ сталъ стихи мои читать!“
Едва слова сіи Дамонъ успѣлъ сказать,
  Чортъ страшный вылѣзъ изъ камина.
  — Я здѣсь, условимся со мной.
Что надобно тебѣ? — „Ахъ, мой отецъ родной!
Садитесь. . . . Перевелъ я сцену изъ Расина;
Послушайте“ . . . — О, нѣтъ! — „Да почему жъ?“ — Спѣшу. —
  „Послушайте, какъ я пишу;
Не читывали вы такого переводу.
Я вамъ прочту еще посланье, притчу, оду;
  Стишки, ей Богу, хороши!“
  — Мнѣ дѣло до твоей души;
Дай кровью мнѣ сперва свое рукописанье. —
„Въ стихахъ? — съ охотою, чуръ слушать напередъ!“
  Исполнилъ Чортъ его желанье,
  Садится, а Дамонъ беретъ
Престолстую тетрадь, потѣетъ и читаетъ.
  Чортъ бѣдный морщится, зѣваетъ
  И ничего не понимаетъ.
Бьетъ часъ, бьетъ два, бьетъ три, четыре, пять, —
  Дамонъ не устаетъ читать:
  Прочелъ трагедію, лирически творенья,
  За притчи принялся. . . . Чортъ потерялъ терпѣнье,
Ушелъ, и никогда назадъ ужъ не пріидетъ.
Пускай же кто другой такъ Чорта проведетъ.

А. Измайловъ

76. Умирающая собака.

  Султанка старый занемогъ,
  Султанка слегъ въ постелю.
  Лежитъ онъ день, лежитъ недѣлю,
Никто изъ медиковъ Султанкѣ не помогъ;
  Часъ отъ часу лишь только хуже:
  Всѣ ребра у него наружѣ;
  Какъ въ лихорадкѣ, онъ дрожитъ
  И ужъ едва, едва визжитъ.
  Въ канурѣ, у одра больнова,
  Соколка, внукъ его, стоялъ;
Не могъ онъ вымолвить отъ жалости ни слова
  И съ нѣжностью его лизалъ.
Султанка на него взглянулъ и такъ сказалъ:
  «Ну видно мой конецъ приходитъ!

Нельзя ни встать, ни сѣсть;
Душа изъ тѣла вонъ выходитъ. . . .
А передъ смертью какъ хотѣлось бы поѣсть!
Послушай, милый внукъ, что я тебѣ открою:
Двѣ кости спряталъ я, какъ былъ еще здоровъ;
Умру, вѣдь не возьму съ собою:
Онѣ вонъ тамъ лежатъ у дровъ;
Пойди же принеси ихъ обѣ
И старика утѣшь,
Который скоро будетъ въ гробѣ. . . .
Да только самъ смотри дорогою не ѣшь.»
Какъ изъ лука стрѣла, Соколка мой пустился,
Въ минуту воротился
И кости въ цѣлости принесъ.
Султанка тронутъ былъ до слезъ.
Ну нюхать кости онъ глодать уже не можетъ, —
Понюхалъ и промолвилъ такъ:
«Когда умру, пускай мой внучекъ это сгложетъ. . . .
Однако же теперь не тронь ты ихъ никакъ.
Кто знаетъ? — можетъ-быть, опять здоровъ я буду.
Коль вѣку Богъ продлитъ, тебя не позабуду:
Вотъ эту кость отдамъ тебѣ,
Большую же возьму себѣ.
Постой, что мнѣ на умъ приходитъ.
Есть славный у меня еще кусокъ одинъ;
Я спряталъ тамъ его, куда никто не ходитъ.
Сказать ли? — нѣтъ, боюсь: ты съѣшь, собачій сынъ!
Охъ жаль!» . . . и съ словомъ симъ Султанка умираетъ.

На что сокровища скупой весь вѣкъ сбираетъ? —
Ни для себя, ни для другихъ!
Несносна жизнь и смерть скупыхъ.

А. Измайловъ.

77. Лгунъ.

Павлушка — мѣдный лобъ (приличное прозванье!)
Имѣлъ ко лжи большое дарованье.
Мнѣ кажется, еще онъ въ колыбели лгалъ;
Когда же съ бариномъ въ Парижѣ побывалъ
И черезъ Лондонъ съ нимъ въ Россію возвратился,
Вотъ тутъ-то лгать пустился!
Однажды . . . ахъ, его лукавой побери! . . .

Однажды этотъ лгунъ бездушной
Разсказывалъ, что въ Тюльери
Спускали шаръ воздушной.
«Представьте» — говорилъ — «какъ этотъ шаръ великъ!
Клянуся честію такого не бывало!
Съ Адмиралтейство! . . . что? — нѣтъ, мало! —
А дѣлалъ кто его? — Мужикъ
Нашъ Русскій маркитантъ, Коломенскій мясникъ,
Софронъ Егоровичъ Куликъ,
Жена его Матрена
И Таня, маленькая дочь.
Случилось это лѣтомъ въ ночь
Въ день именинъ Наполеона.
На шарѣ вышиты гербъ, вензель и корона.
Я срисовалъ — хотите? — покажу. . . .
Но послѣ. . . . Слушайте, что я теперь скажу:
На лодочку при шарѣ посадили
Пять тысячь человѣкъ стрѣлковъ
И музыку со всѣхъ полковъ.
Всѣ лучшіе тутъ виртуозы были.
Пріѣхалъ Бонапартъ, и заиграли маршъ.
Наполеонъ махнулъ рукою —
И вотъ Софронъ Егорычъ нашъ,
Въ кафтанѣ бархатномъ, съ предлинной бородою,
Какъ хватитъ топоромъ —
Канатъ вмигъ пополамъ; раздался ружей громъ, —
Шаръ въ небѣ очутился
И вдругъ весь газомъ освѣтился.
Народъ кричитъ: diable! vive Napoléon!
Bravo, Monsieur Sophron!
Шаръ выше, выше все — и за звѣздами скрылся. . . .
А знаете ли гдѣ спустился?
На берегу морскомъ, въ Кале!
Да опускаяся къ землѣ,
За сосну какъ-то зацѣпился
И на суку повисъ;
Но по веревкамъ всѣ спустились тотчасъ внизъ;
Шаръ только прорвался и больше не годился.
Каковъ же мужичокъ Куликъ?»
— Повѣсилъ бы тебя на сосну за языкъ —
Сказалъ одинъ старикъ —
Ну Павелъ, исполатъ! Какъ ты людей морочишь!
Обманывалъ бы ты въ Парижѣ дураковъ,
Не земляковъ.
Смотри, братъ, на кого наскочишь! . . .
Какъ шаръ-то былъ великъ? —
«Свидѣтелей тебѣ представлю, если хочешь:
Въ объемѣ будетъ съ полверсты.»
— Ну какъ же прицѣпилъ его на сосну ты?
За олуховъ что ль насъ считаешь?

Прямой ты мѣдный лобъ! Ни крошки нѣтъ стыда! —
«Э! полно, миленькій, не уже ли не знаешь,
Что надобно прикрасить иногда.»

А. Измайловъ.

78. Приказные синонимы.

Какой-то человѣкъ имѣлъ въ приказѣ дѣло.
Онъ правъ былъ и богатъ; и такъ, взявъ денегъ, смѣло
Къ секретарю ранехонько идетъ,
Челомъ ему, а самъ мошонку вынимаетъ
И передъ нимъ на столъ крестовики кладетъ.
Тотъ, бросивши перо, просителя сажаетъ,
Но съ денегъ самъ не сводитъ глазъ.
«Вчерашняго числа въ приказъ
Я подалъ, батюшка, прошенье». . . .
— Читалъ его, ты правъ! все знаю! — «А рѣшенье
Когда послѣдуетъ? — осмѣлюся спросить.»
— Да стоитъ только доложить. . . .
А тамъ и въ городъ свой ты можешь убираться,
Чѣмъ здѣсь напрасно проживаться. —
«Счастливо жь оставаться!» —
Проситель черезъ день пришелъ опять въ приказъ.
«Что жь, батюшка, указъ
По дѣлу моему? Когда бъ сегодня можно». . . .
— Вѣдь я сказалъ тебѣ, что должить мнѣ должно. —
Проситель принужденъ былъ съ мѣсяцъ тутъ прожить
И слышалъ то жь, да то: лишь только доложить. —
Не зналъ что дѣлать челобитчикъ;
Но сжалился надъ нимъ повытчикъ:
«Ну полно, не тужи,»
Шепнулъ онъ такъ ему: «всю правду мнѣ скажи,
Что далъ секретарю?» — Да двадцать пять цѣлковыхъ. —
«Ну такъ десяточекъ еще ты доложи.
Да мнѣ пять рубликовъ. Учи васъ безтолковыхъ!
Не смыслите, что доложить
Все то же, что и приложить.
Фунтъ чаю взять еще съ тебя за объясненье!»
Истецъ исполнилъ все тотчасъ,
И на другой же день, какъ разъ,
Поспѣлъ экстрактъ, опредѣленье,
И выдали ему указъ.

А. Измайловъ.

79. Изъ Комедіи „Горе отъ ума".

Фамусовъ. Слуга.

Ф. Петрушка, вѣчно ты съ обновой,
Съ разодраннымъ локтемъ; достань-ка календарь;
Читай, не такъ какъ понамарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.
Постой же; на листѣ черкни на записномъ,
Противу будущей недѣли:
Къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ въ домъ,
Во вторникъ, званъ я на форели. —
Куда какъ чудно созданъ свѣтъ?
Пофилософствуй, умъ вскружится:
То бережешься; то обѣдъ;
Ѣшь три часа, а въ три дня не сварится! —
Отмѣть-ка въ тотъ же день . . . нѣтъ, нѣтъ,
Въ четвергъ я званъ на погребенье.
Охъ! родъ людской! пришло въ забвенье,
Что всякой самъ туда же долженъ лѣзть,
Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать, ни сѣсть.
Но память по себѣ намѣренъ кто оставить
Житьемъ похвальнымъ, вотъ примѣръ
Покойникъ: былъ почтенный Камергеръ,
Съ ключемъ, и сыну ключъ умѣлъ доставить;
Богатъ и на богатой былъ женатъ;
Переженилъ дѣтей, внучатъ,
Скончался, — всѣ о немъ прискорбно поминаютъ;
Кузьма Петровичъ! миръ ему.
Что за тузы живутъ въ Москвѣ и умираютъ!

(Вечеръ. Всѣ двери настежъ. Въ перспективѣ открывается рядъ освѣщенныхъ комнатъ. Слуги суетятся; одинъ изъ нихъ, главный, говоритъ:)

Эй! Филька, Ѳомка, ну ловчѣй!
Столы для картъ, мѣлъ, щетокъ и свѣчей.
(Стучится къ Софіи въ дверь)
Скажите барышнѣ скорѣе, Лизавета:
Наталья Дмитревна и съ мужемъ, и къ крыльцу
Еще подъѣхала карета. (Расходятся, остается одинъ Чацкій.)

Чацкій, Наталья Дмитріевна (молодая дама).

Н. Д. Не ошибаюсь ли! . . . Онъ точно по лицу.
Ахъ! Александръ Андреичъ, вы ли?
Ч. Съ сомнѣньемъ смотрите отъ ногъ до головы:
Неужъ-то такъ меня три года измѣнили?
Н. Д. Я полагала васъ далеко отъ Москвы...

Давно ли? — Ч. Нынче лишь. . . — Н. Д. На долго? . .
Ч. Какъ случится.
Однако кто, смотря на васъ, не подивится?
Полнѣе прежняго, похорошѣли страхъ;
Моложе вы, свѣжѣе стали;
Огонь, румянецъ, смѣхъ, игра во всѣхъ чертахъ.
Н. Д. Я замужемъ. — Ч. Давно бы вы сказали.
Н. Д. Мой мужъ, прелестный мужъ, вотъ онъ сей часъ войдетъ;
Я познакомлю васъ, хотите?
Ч. Прошу. — Н. Д. И знаю напередъ,
Что вамъ понравится. Взгляните и судите.
Ч. Я вѣрю, онъ вамъ мужъ. — Н. Д. О, нѣтъ-съ, не потому,
Самъ по себѣ, по нраву, по уму,
Платонъ Михайлычъ мой единственный, безцѣнной!
Теперь въ оставкѣ, былъ военной,
И утверждаютъ всѣ, кто только прежде зналъ,
Что съ храбростью его, съ талантомъ,
Когда бы службу продолжалъ,
Конечно былъ бы онъ Московскимъ Комендантомъ.

Чацкій, Наталья Дмитріевна, Платонъ Михайлычъ.

Н. Д. Вотъ мой Платонъ Михайлычъ! — Ч. Ба!
Другъ старый, мы давно знакомы; вотъ судьба!
П. М. Здорово, Чацкій, братъ! — Ч. Платонъ любезный, славно!
Похвальный листъ тебѣ, ведешь себя исправно!
П. М. Какъ видишь, братъ!
Московскій житель и женатъ.
Ч. Забытъ шумъ лагерный, товарищи и братья?
Спокоенъ и лѣнивъ? — П. М. Нѣтъ! есть таки занятья!
На флейтѣ я твержу дуэтъ
А-мольный. . . — Ч. Что твердилъ назадъ тому пять лѣтъ?
Ну, постоянный вкусъ въ мужьяхъ всего дороже.
П. М. Братъ! женишься, тогда меня вспомянь:
Отъ скуки будешь ты свистѣть одно и то же.
Ч. Отъ скуки? -- какъ? — ужъ ты ей платишь дань!
Н. Д. Платонъ Михайлычъ мой къ занятьямъ склоненъ разнымъ,
Которыхъ нѣтъ теперь: къ ученьямъ и смотрамъ,
Къ манежу . . . иногда скучаетъ по утрамъ.
Ч. А кто, любезный другъ, велѣтъ тебѣ быть празднымъ?
Въ полкъ, эскадронъ дадутъ. Ты оберъ или штабъ?
Н. Д. Платонъ Михайлычъ мой здоровьемъ очень слабъ.
Ч. Здоровьемъ слабъ! давно ли?
Н. Д. Все рюматизмъ и головныя боли.
Ч. Движенья болѣе. Въ деревню, въ теплый край.
Будь чаще на конѣ. Деревня лѣтомъ рай.
Н. Д. Платонъ Михайлычъ городъ любитъ,
Москву; за что въ глуши онъ дни свои погубитъ!

Ч. Москву и городъ . . . ты чудакъ?
А помнишь прежнее? — П. М. Да, братъ; теперь не такъ...
Н. Д. Ахъ! мой дружечекъ!
Здѣсь такъ свѣжо, что мочи нѣтъ;
Ты распахнулся весь и разстегнулъ жилетъ.
П. М. Теперь, братъ, я не тотъ. — Н. Д. Послушайся разо-
чекъ,
Мой милой, застегнись скорѣй. — П. М. (равнодушно.)
Сей часъ. — Н. Д. Да отойди подальше отъ дверей;
Сквозной тамъ вѣтеръ дуетъ сзади.
П. М. Теперь, братъ, я не тотъ . . . — Н. Д. Мой ангелъ,
Бога ради,
Отъ двери дальше отойди.
П. М. (глаза къ небу.) Ахъ, матушка! Ч. Но Богъ тебя
суди;
Ужъ точно сталъ не тотъ въ короткое ты время!
Не въ прошломъ ли году, въ концѣ,
Въ полку тебя я зналъ? — Лишь утро, ногу въ стремя,
И носишься на борзомъ жеребцѣ;
Осенній вѣтеръ дуй, хоть спереди, хоть съ тыла.
П. М. (вздыхаетъ) Эхъ! братецъ! славное тогда житье - то
было.

Тѣ же, Князь Тугоуховскій и Княгиня съ шестью дочерьми.

Н. Д. (тоненькимъ голоскомъ) Князь Петръ Ильичъ! Кня-
гиня! Боже мой!
Княжна Зизи! Мими!
(Громкія лобызанія; потомъ усаживаются и осматриваютъ одна другую съ головы до ногъ.)
1-я Княжна. Какой фасонъ прекрасный!
2-я К. Какія складочки! — 1-я К. Обшито бахрамой!
Н. Д. Нѣтъ, если бъ видѣли мой тюрлюрлю атласный!
3-я К. Какой эшарпъ cousin мнѣ подарилъ!
4-я К. Ахъ! да, барежевый. — 5-я К. Ахъ! прелесть! — 6-я К.
Ахъ! какъ милъ!
Княгиня. Ссъ! — Кто это въ углу, вошли мы, поклонился?
Н. Д. Пріѣзжій, Чацкій. — Княг. От-став-ной?
Н. Д. Да, путешествовалъ. недавно воротился.
Княг. И хо-ло-стой? — Н. Д. Да, не женатъ.
Княг. Князь, Князь, сюда! живѣе.
Князь (обращаетъ къ ней слуховую трубу). О' хмъ!
Княг. Къ намъ на вечеръ, въ четвергъ, проси скорѣе
Натальи Дмитревны знакомаго: вонъ онъ.
Князь. И хмъ! (отправляется, вьется около Чацкаго и по-
кашливаетъ).
Княг. Вотъ то-то дѣтки!
Имъ балъ, а батюшка таскайся на поклонъ!

Танцовщики ужасно стали рѣдки! . . .
Онъ Камеръ-Юнкеръ? — Н. Д. Нѣтъ. . . . — Княг. Богатъ.
Н. Д. О нѣтъ! — Княг. (громко, что есть мочи). Князь, Князь! назадъ!
. . . .

Тѣ же и Графини Хрюмины (бабушка и внучка).

Граф. внуч. Ахъ, grande maman! ну, кто такъ рано пріѣзжаетъ!
Мы первыя! (пропадаетъ въ боковую комнату.)
Княг. Вишь насъ честитъ!
Вотъ первая, и насъ за никого считаетъ!
Зла, въ дѣвкахъ цѣлый вѣкъ, ужъ Богъ ее проститъ.
Граф. внуч. (вернувшись, направляетъ на Чацкаго двойной лорнетъ).
Мсье Чацкій! вы въ Москвѣ! какъ были, все такіе?
Ч. На что мѣняться мнѣ? — Граф. внуч. Вернулись холостые!
Ч. На комъ жениться мнѣ? — Гр. внуч. Въ чужихъ краяхъ на комъ!
О! нашихъ тма, безъ дальнихъ справокъ.
Тамъ женятся и насъ дарятъ родствомъ
Съ искусницами модныхъ лавокъ.
Ч. Несчастные! должны ль упреки несть
Отъ подражательницъ модисткамъ,
За то, что смѣли предпочесть
Оригиналы спискамъ?

Грибоѣдовъ.

80. Изъ Комедіи „Говорунъ“.

Лиза и Графъ Звоновъ.

Гр. З. (не видя Лизы.) По чести, пресмѣшно! и ѣздить и ходить,
Не встрѣтя никого, чтобъ съ кѣмъ поговорить!
Увидѣвшись съ людьми, садишься, отдыхаешь,
Толкуешь, говоришь и что-нибудь узнаешь.
Графъ Звоновъ, на примѣръ, мнѣ Графъ старинный другъ;
Заѣхалъ къ Графу я — а Графу недосугъ!
Графини дома нѣтъ, и что жъ? вообразите. . . .
Л. Позвольте васъ спросить, вы съ кѣмъ здѣсь говорите?

Гр. З. А, а, здорова ли? — все къ лучшему идетъ;
Здорова, очень радъ. я зналъ то напередъ.
А барыня твоя? — Какое приключенье!
Представь, она сей часъ дала мнѣ порученье
Заѣхать къ Лелевой, кой-что ей разсказать.
Бѣгу, скачу, лечу — и могъ ли ожидать. . . .
Когда бъ я не былъ самъ, я счелъ бы то за враки;
Я въ домѣ не нашелъ ни бѣшеной собаки:
Все пусто, заперто, не встрѣтился ни съ кѣмъ
И ѣздивъ по нуждѣ, пріѣхалъ я ни съ чѣмъ!
Вчера я точно жъ такъ кружился по неволѣ:
Съ разсвѣтомъ поскакалъ къ обѣднѣ я къ Николѣ;
Обѣдня кончилась — поѣхалъ я въ Сенатъ,
Оттуда во дворецъ, оттуда въ Лѣтній садъ,
Изъ сада къ Знаменью, отъ Знаменья въ Морскую,
Съ Морской въ Фурштатскую, съ Фурштатской на Сѣнную,
Съ Сѣнной въ Литейную, съ Литейной на Пески,
Съ Песковъ въ Садовую, — какіе все скачки!
Съ Садовой къ Гавани, изъ Гавани къ Почтамтской,
Съ Почтамтской къ Невскому, изъ Невскаго къ Казанской;
Оттуда поскакалъ объѣхать острова, —
Отъ мысли сей одной кружится голова!
Я мигомъ облетѣлъ Васильевскій, Петровскій,
Елагинъ, Каменный, Аптекарскій, Крестовскій,
Съ Крестовскаго. . . . Л. (съ живостію перебивая) И я —
сего дня точно жъ такъ
Бросалась безъ ума разъ двадцать на чердакъ,
Оттуда въ лавочку, изъ лавочки въ людскую,
Оттуда въ погреба, оттуда въ кладовую;
Лишь съ лѣстницы сбѣгу — на лѣстницу опять;
Кричать: бѣги, подай, умѣй лишь успѣвать;
И мой, и шей, и гладь, чтобъ мигомъ все поспѣло!
Но къ счастью, наконецъ спроворила я дѣло,
Пока у барыни одинъ изъ жениховъ,
Извѣстный очень Графъ и страшный красноловъ,
Болталъ, болталъ, болталъ — весь домъ привелъ въ тревогу;
Но вспомня, что онъ гость — убрался слава Богу!
И барыня моя, не встрѣтиться чтобъ съ нимъ,
На цѣлый день, сударь, уѣхала къ роднымъ!
Гр. З. Ты слишкомъ, кажется, изволила забыться;
Такъ дерзко отвѣчать мнѣ всякій побоится;
И если бъ менѣе Прелесту я цѣнилъ,
Я бъ тотчасъ показалъ. . . . Но я тебѣ простилъ;
Совѣтую впередъ, что бъ не нажить худова,
Съ почтеньемъ отвѣчать, или не пикнуть слова.
Л. Нѣтъ! даръ молчанія наука не по насъ,
И въ этомъ я пошлюсь — на перваго на васъ.
Гр. З. И такъ за дерзости накажешься ты строго;
Такихъ, какъ я, людей, конечно здѣсь немного,
И это угадать могла бы ты сама;

Но я не виноватъ, что нѣтъ въ тебѣ ума.
Прелесту дѣлаю я знатной госпожею,
Я буду мужемъ ей, она моей женою.
Я скоро Генералъ, сомнѣнья въ этомъ нѣтъ.
Меня ль не произвесть? я въ службѣ двадцать лѣтъ.
Смѣшно бы оказать Модесту предпочтенье;
Я вѣрно передъ нимъ. . . Ну что тутъ за сравненье! . . .
Женидьбой услужить я могъ бы и другимъ:
Вѣтранѣ, Лелевой, — я ими страхъ любимъ!
Но впрочемъ для меня Прелеста ихъ милѣе:
Не такъ хоть хороша, за то она умнѣе;
Добра, ловка, скромна, — и трудно что сыскать,
Не любитъ никогда ни спорить, ни болтать.
Л. Я васъ благодарю, за ваше снисхожденье:
Какая честь для насъ! какое одолженье!
Гр. З. Прощай, теперь скачу Министровъ торопить.
Нѣтъ! мѣста у меня Модесту не отбить.
Да къ стати, вотъ и онъ. Л. Прощайте. . . . очень рада!
(уходитъ).
Гр. З. (съ улыбкой) Онъ бѣшенъ! На лицѣ написана досада!
Но онъ соперникъ мой . . . и я — я очень радъ.

Графъ Звоновъ и Модестъ.

Гр. З. (встрѣчая Модеста) А, здравствуйте, сударь! Я слышалъ, говорятъ,
Что вы, мнѣ странно то, но шутки тутъ не къ мѣсту,
Хотите у меня отбить мою невѣсту?
И мѣсто самое, котораго просилъ?
Которое умомъ и кровью заслужилъ!
Что вы, что вы сударь, въ числѣ моихъ злодѣевъ;
Что ищете пожать плоды моихъ трофеевъ;
Что вы, читавшіе мой списокъ послужной,
Равняться вздумали заслугами со мной!
Не смѣя отвѣчать. . . . М. Я время дожидался,
Пока вы кончите; но всякой бы признался,
Что вы сердиться такъ за это не должны,
И службой нашею мы, кажется, равны.
Гр. З. Какъ? мы равны сударь! Вы ль это говорите?
Заслуги ли свои съ моими вы сравните?
Я въ службу на лицо вступилъ въ пятнадцать лѣтъ.
Я былъ ужъ Офицеръ, — а вы, сударь, Кадетъ.
Я всюду поспѣвалъ: былъ въ тысячѣ сраженьяхъ,
Въ траншеяхъ, въ приступахъ побѣдахъ, пораженьяхъ;
Вездѣ торжествовалъ — и въ мирѣ и въ войнѣ;
Спросите всякаго! — всѣ знаютъ обо мнѣ:
Всѣ видѣли меня при тысячѣ осадахъ,
Переднимъ въ приступахъ и заднимъ въ ретирадахъ.
Могу ли позабыть я первый мой походъ?
То было въ Австріи, не вспомню только годъ,

Въ Іюлѣ мѣсяцъ, числа . . . числа шестаго.
Шестаго точно такъ; съ поста передоваго,
Сраженье началось по утру въ три часа;
И тутъ-то въ первый разъ я строилъ чудеса!
Графъ Знатовъ въ этотъ штурмъ чуть жизни не лишился!
Вы знаете его? Онъ выгодно женился;
Жена его мила, въ большихъ теперь связяхъ;
А лучше что всего, богата такъ, что страхъ!
Но грѣхъ завидовать такой его удачѣ.
Я былъ вчера у нихъ — они живутъ на дачѣ,
Представьте. . . . М. Знаю все — и право очень радъ,
Что вы изъ Австріи пріѣхали назадъ.
А что до нашихъ мѣстъ — успѣхи вамъ покажутъ,
Что я не безъ друзей. Гр. З. Имъ вѣрно ужъ откажутъ,
И мѣста моего конечно я дождусь:
Когда не вѣрите, такъ я вамъ побожусь.
Мои, сударь, друзья на вашихъ не похожи,
И ваши — кто-нибудь, а наши — все вельможи.
И чтобы наконецъ увѣрить въ этомъ васъ,
Такъ я съ однимъ письмомъ поѣду къ нимъ сей часъ.
По этому письму все сдѣлаютъ, что должно.
Узнайте жъ, чье оно? Но это не возможно:
Особа эта здѣсь со всѣми знакома;
Миленѣ другъ она, а мнѣ она кума;
Довольно ль этого! Но болѣе ни слова.
Она хоть и беретъ, но въ этомъ нѣтъ худова.
Условившись въ цѣнѣ, все сдѣлаетъ какъ разъ,
И я съ ея родней заѣду къ ней сей часъ.
М. (въ сторону) Миленѣ другъ? Да кто жъ? Вѣтрана? статься
можетъ;
Она мнѣ знакома и вѣрно мнѣ поможетъ.
Вотъ случай! — И теперь успѣть не мудрено —
Нарочно съѣзжу къ ней. Гр. З. Ужъ дѣло рѣшено.
Но если бъ даже мнѣ, — чего не можетъ статься, —
Пришлось бы какъ-нибудь отъ мѣста отказаться,
Такъ все-таки не вамъ Прелестой обладать,
И тетка можетъ ей. . . . М. (съ насмѣшкою) Любить васъ
приказать.
Гр. З. Не льзя ли помолчать, я говорю конечно
И лучше и скорѣй. . . . М. (перебивая) И страхъ безчело-
вѣчно!
Г. З. О зависть! — Но я васъ смѣяться отучу;
Я это говорю и этимъ не шучу.
Языкъ, сударь, для насъ всего дороже въ свѣтѣ;
Въ любви ли въ обществѣ ль? въ ученомъ ли совѣтѣ?
Искуснымъ языкомъ мы сдѣлать можемъ все.
Коль мало этого — прибавлю вамъ еще,
Что стыдно, и смѣшно, и глупо для инова. . . .
Съ терпѣньемъ слушать вздоръ и не сказать ни слова.
М. Нужнѣе, кажется, чтобъ дѣлу пособить,

Такъ больше хлопотать, и меньше говорить.
Болтанье лишнее и скучно и несносно. . . .
Гр. З. Или бѣсить меня хотите вы нарочно?
Васъ слушать и молчать — терпѣнья право нѣтъ.
Меня ли вамъ учить? Когда я былъ трехъ лѣтъ,
Такъ я ужъ говорилъ гораздо васъ бойчѣе,
И громче, и скорѣй, и лучше, и вольнѣе!
Однажды — съ братьями заспорилъ что-то я;
Но это такъ умно, что бабушка моя,
Взявъ на руки меня. . . . М. (въ сторону) Ну! люди ужъ
сбѣжались!

Тѣ же и слуга.

С. (Графу) Князь проситъ ѣхать васъ, куда вы съ нимъ сбирались.
Гр. З. (слугѣ) Сей часъ. (Модесту) Взявъ на руки. . . М. (въ сторону) Я бьюся объ закладъ,
Что онъ. . . . С. (Графу) Князь ждетъ, сударь. Гр. З. (слугѣ) Онъ ждетъ? я очень радъ.
Сей часъ (слуга уходитъ).

Графъ Звоновъ и Модестъ.

Гр. З. Взявъ на руки — простите повторенье —
Взявъ на руки меня, старуха въ восхищеньи
Сказала батюшкѣ: «припомни, мой сынокъ,
Я вижу по всему, въ ребенкѣ будетъ прокъ!»
И правда, одаренъ я памятью чудесной!
Я все перечиталъ, мнѣ все теперь извѣстно;
Я разомъ выучу хоть тысячу стиховъ
И такъ понаторѣлъ, что самъ писать готовъ.
И что жъ мудренаго? — я знаю всѣ размѣры
И мигомъ бы попалъ въ Софоклы иль Гомеры!
Здѣсь геніемъ прослыть трудъ право не великъ:
Лишь нуженъ Меценатъ и Греческій языкъ.
М. Имѣйте даръ и вкусъ — они для васъ нужнѣе.
Гр. З. Но я вамъ докажу, что этого сильнѣе?
Что въ рѣчи именно извѣстнаго творца
Публично признанъ тотъ чуть-чуть не за глупца,
Кто пишетъ и, къ стыду, по-Гречески не знаетъ!
Хоть самъ не доучась, другихъ онъ научаетъ;
Но кто безъ слабостей? У всякаго своя;
Онъ добрый человѣкъ, и Богъ ему судья!
А впрочемъ, почему жъ не тѣшиться отъ скуки?
Но кромѣ языковъ, я знаю всѣ науки:
Исторія изъ нихъ главнѣйшій мой предметъ.
Попробуйте спросить — я мигомъ дамъ отвѣтъ.
Я знаю все, сударь: героевъ, ихъ дѣянья,
Всѣ царства, города, и словомъ — всѣ преданья!

Тутъ Дарій въ торжествѣ, тамъ Александръ въ цѣпяхъ
Везется въ Персію. Простите, въ торопяхъ. . . .
Я въ произшествіяхъ, какъ кажется, сбиваюсь.
М. Я вашимъ знаніемъ, по чести, восхищаюсь!
И право бъ стоило, коль смѣю дать совѣтъ,
Такія свѣденья издать скорѣе въ свѣтъ.
Божусь, для рѣдкости, ихъ съ жадностью раскупятъ.
Гр. З. Съ твореніемъ такимъ не иначе поступятъ.

Хмѣльницкій.

81. Изъ „Воздушныхъ Замковъ".

Альнаскаровъ (одинъ).

Судя по всѣмъ вещамъ, я твердо убѣжденъ,
Что я къ чему-нибудь чудесному рожденъ!
Не помню гдѣ . . . читалъ я анекдотъ прекрасной:
Что кто-то изъ морскихъ, въ часъ бури преужасной,
Присталъ къ землѣ, дотоль незнаемой никѣмъ.
Онъ поселился тамъ, и кончилося тѣмъ,
Что вскорѣ жители рѣшили межъ собою
Республики своей избрать его главою.
Викторъ (входитъ и подслушиваетъ). Альн. (продолжая)
Онъ мудро управлялъ — и въ честь ему потомъ
Народа общій гласъ избралъ его Царемъ!
Что если бъ? — Почему жъ? — на счастье нѣтъ закона;
Да чѣмъ же, Боже мой, я хуже Робинзона?
И я могу открыть прелестный островокъ.
Тамъ, сдѣлавшись Царемъ . . . построю городокъ,
Займусь прожектами, народными дѣлами,
Устрою гавани, наполню ихъ судами —
И тутъ-то я до васъ, Алжирцы, доберусь!
Смиритеся! — не то . . . пойду, вооружусь,
И вы познаете воителя десницу!
Рѣшивши бой — лечу съ трофеями въ столицу.
Я встрѣченъ въ гавани народною толпой:
Иду . . . проходу нѣтъ! все ницъ передо мной!
Какой восторгъ! вездѣ одни лишь слышны клики:
Да здравствуетъ нашъ Царь! да здравствуетъ великій! . . .
В. Монархъ! — Ал. (въ жару мечтанья) Что хочешь ты? . . .
надѣйся и вѣщай!

В. Великій Государь! васъ просятъ — кушать чай.
Ал. Ахъ, Викторъ! это ты — я въ прелестныхъ мечтаньяхъ
Блаженствовалъ! мои свершалися желанья,
И ты, злодѣй, и ты — всего меня лишилъ!
В. И царство и вашъ флотъ я не мель посадилъ!
Ал. Вѣдь надобно жъ, когда мы якорь лишь спускаемъ. . . .
В. Мечтанія — никакъ не напоятъ васъ чаемъ;
И право, лучше вамъ, чтобъ время не терять,
Пойти къ хозяюшкѣ, заняться, погулять,
И распростившися, пуститься въ путь счастливо.
Ал. Ты судишь иногда довольно справедливо.
Пойду. (Уходитъ.)

Викторъ (одинъ).

Ну, — баринъ мой проказитъ не путемъ:
Онъ хочетъ сдѣлаться, — бездѣлица — Царемъ!
Вотъ мѣсто славное для Мичмана въ отставкѣ!
Тогда бъ не грѣхъ Царя . . . просить мнѣ о прибавкѣ
Сотнями лишней въ годъ! — Но что ни говори,
А вѣрно не прыгнешь изъ Мичмановъ въ Цари.
Какъ въ голову войдетъ дурачество такое?
Вотъ я такъ, на примѣръ, оно совсѣмъ другое:
Я лотерейный взялъ дорогою билетъ;
И какъ не взять, когда увидѣлъ изъ газетъ,
Что скоро разыграть хотятъ часы съ лихими
Курантами, ну такъ, что не разстался бъ съ ними!
Рискнулъ — и за билетъ внесъ кровныхъ пять рублей.
Въ сто тысячъ выигрышъ! да кто жъ себѣ злодѣй?
Сто тысячъ! Боже мой! въ Твоей все это волѣ;
Пусть баринъ мой себѣ храбрится на престолѣ,
Да сто-то тысячъ Ты — пошли его слугѣ!
А подлинно бъ онѣ пришлись мнѣ по рукѣ.
Что если бъ мнѣ . . . хоть часть досталася на долю!
Что сдѣлаю? . . . тотчасъ я выкуплюсь на волю, —
Тутъ въ службу, выслужусь и черезъ годъ, какъ разъ
Вдругъ Викторъ нашъ махнетъ въ четырнадцатый классъ!
О честолюбіе! оставь меня въ покоѣ. —
Нѣтъ, Викторъ, нѣтъ, мой другъ, затѣялъ ты пустое:
Изъ службы не всегда вѣдь выйдешь съ барышомъ. —
Такъ, лучше . . . рѣшено — я дѣлаюсь купцомъ
Хоть третьей гильдіи, чтобы поменьше сумму
Съ имѣнія платить мнѣ въ Городскую Думу.
Тутъ я, благословясь, пущусь тотчасъ въ торги. . . .
По лавочкамъ мои всѣ заплачу долги —
Потомъ куплю себѣ я домикъ презатѣйной,
Сперва въ полку, а тамъ, пожалуй, на Литейной!
Обзаведусь и самъ женюся наконецъ. . . .
И Саша мнѣ жена! и Викторъ ужъ отецъ!
И вотъ вокругъ меня цыпляточки — малютки. . . .

Я буду говорить имъ сказки, прибаутки,
И въ счастьи проживу конечно до ста лѣтъ!
Однако жъ — посмотрѣть, здоровъ ли мой билетъ?
(шаритъ въ карманахъ.)
Гдѣ же онъ? — Кой чортъ! не то все въ руки попадаетъ —
Билетъ! билетъ! — меня по кожѣ подираетъ!
Ахъ, Боже мой! — Саша (вбѣгая). Сей часъ васъ баринъ приказалъ
Позвать къ себѣ. — В. Я все билета не сыскалъ. . . .
Безъ васъ, со мной ударъ убійственный случился.
С. Да что же сдѣлалось? — В. (въ отчаяніи) Супругъ вашъ разорился!
Что будетъ съ нашими несчастными дѣтьми! . . .
(Убѣгаетъ.)

Хмельницкій.

---

82. Изъ „Пустодомовъ“.

Маша, Ванюша и Княгиня.

К. (входитъ) Какъ, Маша, ты скучна,
Куда дѣвалася? . . . Я утро все страдала:
Мигрень и спазмы. . . Ахъ! . . (садясь) Тебѣ меня не жаль!
М. Вашъ Князь услалъ меня. К. Мой мужъ, зачѣмъ? М. Чтобъ шаль
Отыскивать для васъ. К. А ты ему сказала?
М. Пришлося къ слову. . . . К. (съ сердцемъ) Ахъ! да кто тебя просилъ!
Не стыдно ль быть такой болтуньей. — Что жъ нашла ли?
М. Взгляните. К. Это что? М. Фарфоры, бронзы, шали
Вамъ присланы въ сюрпризъ отъ Князя. К. Какъ онъ милъ!
Однако ихъ принять мнѣ должно ли . . . не знаю.
И такъ Графиня всѣмъ кричитъ, что я мотаю,
Что я . . . но покажи. М. (показывая одну шаль) Я угадала ль? К. Нѣтъ.
Кайма совсѣмъ не та. М. (показывая другую) Постойте вотъ другая.
К. Такія ль пальмы, фи! М. (показывая еще одну) Такъ эта. . . К. Что за цвѣтъ!
М. Извольте посмотрѣть, вотъ точно шаль такая,

Какъ описали вы. Она ли? (показываетъ). К. не она.
М. Такъ вамъ не нравится, неужли? . . . К. Ни одна.
М. Ну, къ счастью, что взяла я ихъ на уговорѣ,
И отнесу назадъ. К. Оставь, я всѣ беру:
Годятся мнѣ таскать на дачѣ поутру.
М. Изъ экономіи. К. А въ бронзѣ и фарфорѣ
Посмотримъ выборъ твой М. Ихъ выбрала не я.
К. Да кто жъ? М. Мадамъ Каре; лишь только съ корабля
Успѣла получить и тотчасъ къ вамъ послала.
К. Неужели? М. Чтобъ вамъ пріятный былъ сюрпризъ,
Она все лучшее нарочно выбирала.
К. Какая умница! М. Вотъ къ завтраку сервизъ.
К. Ахъ, прелесть! что за цвѣтъ! М. А вазы? К. Заглядѣнье!
Какая форма, вкусъ. В. А бронзы? К. Восхищенье!
Какъ этотъ милъ Амуръ! Ну что видала ты
Плѣнительнѣй его? В. Лихая позолота!
Какъ жаръ горитъ. К. А тамъ въ корзинкѣ что? М. Цвѣты.
К. Подай. — Тотчасъ видна Парижская работа!
В. (въ сторону) А сдѣланы въ Морской. М. (разбирая цвѣты)
Такъ хочется нюхнуть
К. (любуясь) Почести, ландыши живые не живѣе.
Ахъ, Маша! подойди (примѣривая на нее). Не можетъ быть ловчѣе.
Что за гирляндочка! . . . М. Позвольте мнѣ взглянуть.
(Примѣривая на Ванюшу.) Чудесно! и божусь, пристало къ этой рожѣ.
К. (съ досадой) Фи, Маша! М. Несесеръ угодно ль вамъ купить?
К. На что? М. Что бъ за сюрпризъ сюрпризомъ заплатить.
К. Прекрасно! я сама хотѣла сдѣлать то же.
И кто тебѣ шепнулъ! М. Да развѣ мудрено
Мнѣ было угадать: я сердце ваше знаю.
К. Ахъ Маша! права ты, я мужа обожаю!
Онъ все на свѣтѣ мнѣ — онъ счастье мнѣ одно!
М. Такъ несесеръ послать къ нему скорѣе должно.
К. Сей часъ же. (Ванюшѣ) Гдѣ мой мужъ? В. Изволитъ за письмомъ
Сидѣть съ Инквартусомъ. К. Возьми жъ — и осторожно,
Чтобъ не примѣтилъ онъ поставь передъ окномъ
Совсѣмъ противъ бюра. Онъ вѣрно удивится. . . .
В. И будетъ очень радъ. К. Неси жъ скорѣй. В. Бѣгу! (уходитъ.)
К. (оглядывая вещи) Ни чѣмъ и никогда я такъ не восхищалась.
Ахъ! я отъ радости, боюсь, занемогу.

Тѣ же и Графиня.

Г. Что это! Боже мой! я не туда попалась!
М. (въ сторону) Ай! ай! Г. Куда меня, злодѣи, завели?

Здѣсь лавка модная. К. Какъ было мнѣ досадно,
Что я. . . . Г. Смотри, какъ все разставлено нарядно!
К. И вы не сердитесь? Г. Конечно корабли
Къ вамъ приплыли? К. А я занемогла отъ скуки
Г. Мнѣ жаль. — Да это что? К. Мой Князь прислалъ сей часъ. . . .
Г. Ужь не коммерціи ль открыть онъ хочетъ классъ?
К. Какъ можно? . . . Г. Для чего жь? Онъ знаетъ всѣ науки,
Такъ по ученому, быть можетъ, и разсчелъ,
Что этимъ промысломъ деревню, домъ и дачу
Изволитъ выкупить. К. Вы шутите! Г. нѣтъ, плачу,
Что по грѣхамъ моимъ злой духъ меня довелъ,
На старости моей, до сраму и до брани.
Ужъ достается мнѣ. К. За что? Г. За что? За васъ.
Не смѣю показать я къ добрымъ людямъ глазъ.
К. За насъ! Да отъ чего? Г. А вотъ отъ этой дряни,
Съ которой будетъ вамъ расплата не легка.
Вашъ благодатный домъ, съ крыльца до чердака,
Напичканъ бронзами; шалямъ твоимъ нѣтъ счета,
Фарфору нѣтъ числа, цвѣтами прудъ пруди,
А все: еще давай! — И какъ тебѣ охота
Обогащать плутовъ? Да, свѣтъ мой, погоди!
Ужъ ваши всѣ дѣла идутъ, что день, то хуже,
И должники уймутъ отъ мотовства тебя.
К. Кто? я мотаю? Г. Нѣтъ, — взгляни вокругъ себя.
К. Да это все мой мужъ. . . . Г. Въ твоемъ премудромъ мужѣ. . . .
Нѣтъ толку: въ этомъ я, коль надо, присягну;
Но въ томъ увѣрена и побожуся смѣло,
Что хочешь на него свалить свою вину.
К. По чести, Маша вамъ пусть скажетъ. . . . Г. Вотъ что — дѣло!
Признаться надобно, порука хороша.
М. Но я. . . . Г. Вѣдь ты, мой свѣтъ, взята изъ модной лавки?
М. Вы знаете. . . . Г. Скажи жь, по скольку съ барыша
Мадамъ тебѣ дарить изволитъ на булавки
Изъ денегъ, что она пересылаетъ къ ней?
М. Такъ можно ль обижать. Г. Кого? М. Честныхъ людей.
Мадамъ Каре и я. . . . Г. Кто вы, весь городъ знаетъ.
М. Тѣмъ лучше. Г. Замолчи! М. Извольте; я бѣдна;
Служу другимъ, и такъ молчать принуждена,
Хоть права. Г. Боже мой! и эта разсуждаетъ!
Что за мамзель? въ какомъ Парижѣ родилась?
Служанка, вотъ и все . . . откуда спѣсь взялась?
Что дѣлать! вѣкъ такой: отъ мала до велика
Всѣ лѣзутъ въ умницы; у всякаго есть честь,
Всѣ обижаются. . . . К. Да можно ль перенесть
Обиду безъ вины? Г. (показывая на товары) А вотъ стоитъ улика. (Машѣ)

Все это забрала ты въ вашей лавкѣ. М. Такъ;
Да развѣ показать никакъ не льзя? Г. Никакъ.
Тѣмъ менѣе грѣха, чѣмъ дальше отъ соблазна.
И что показывать? не вижу ничего
Завиднаго: все дрянь . . . (Княгинѣ) не правда ль? К. Съ вами розно
Мы видимъ, тетушка. Г. И точно отъ того
Ты будешь въ бѣдности, хоть и была богата;
А я изъ малаго скопила кое-что.
Пусть городъ весь кричитъ, что я не торовата;
Однако жъ на меня не плачется никто;
Не утираютъ слезъ моими векселями;
Живу себѣ своимъ, чужаго не люблю;
Нѣтъ бронзы у меня, не хвастаюсь шалями,
Не на фарфорѣ ѣмъ: за то спокойно сплю,
И отъ долговъ моя подушка не вертится.
Да ты гдѣ мотовству успѣла научиться?
Оставшись сиротой, въ дому моемъ взросла,
А въ немъ поважена къ издержкамъ не была.
К. Ахъ, правда, тетушка. Г. Вздыхай, вздыхай, а скоро
Прійдетъ, сударыня, и мнѣ съ тобою выть.
К. Что дѣлать я должна, чтобъ васъ развеселить?
Г. Не должно въ долгъ хватать ни бронзы, ни фарфора,
Ни шалей, ни цвѣтовъ, въ которыхъ проку нѣтъ.
М. (дѣлая знакъ Княгинѣ) Да знаете ль на что ихъ привесли? Г. Не знаю;
Да не хочу и знать. К. (Машѣ) Скажи что оставляю
Я шаль одну. Г. На что? К. (надѣвая шаль на Графиню) Позвольте. Г. Ахъ, мой свѣтъ!
Что это? К. Тетушка, день вашего рожденья
Въ Іюлѣ, кажется? Г. Нѣтъ, въ Маѣ. К. Все равно.
Имѣть такую шаль желали вы давно.
Г. Помилуй! К. Неужели хотите огорченье
Вы сдѣлать мнѣ? Г. Не то. . . . М. А вамъ она къ лицу.
Г. Да вѣрно въ долгъ взята? К. Ахъ, тетушка, какъ можно?...
М. Я деньги чистыя сей часъ свезла къ купцу.
Г. Ну то-то же, смотри! — Мой другъ, признаться должно,
Что ты добра, умна, имѣешь тихій нравъ,
И если разобрать, то мужъ одинъ не правъ,
Когда жена его мотаетъ. К. Согласитесь,
Для доказательства, что любите меня,
Еще бездѣлицу. . . . Г. Нѣтъ, право, жизнь моя. . . .
К. Въ знакъ дружбы чашечку. . . . М. Съ девизомъ. Г. Отвяжитесь.
К. Когда откажете, такъ я занемогу.
М. Неужли уморить хотите? Г. Не могу
К. Когда я вамъ мила. . . . Г. Беру, но съ уговоромъ.
К. Съ какимъ? Г. А съ тѣмъ, чтобъ ты не разорялась вздоромъ,
Чтобъ ты. . . . К. Согласна я, но вы въ послѣдній разъ

Должны принять за то. . . . Г. Нѣтъ, жизнь моя, не надо.
К. (даетъ вазу) Смотрите какъ легка. В. (вбѣгая) Исполненъ
вашъ приказъ.
К. Что, Князь доволенъ ли? В. Въ восторгѣ. К. Какъ я
рада!
В. И самъ сюда идти изволитъ. Г. Боже мой!
Чуть не забыла я увидѣться съ Княжной,
А дѣло важное. (Ванюшѣ) Вотъ чашка, а вотъ ваза.
Отдай Памфилкѣ ихъ, чтобъ онъ берегъ какъ глаза.
Прощай же, Ангелъ мой! (Княгиня ее провожаетъ.) М. (въ
слѣдъ) Ее спровадилъ страхъ,
Чтобъ Князю не попасть съ уликою въ рукахъ.

К. Шаховской.

---

82. Отрывокъ изъ комедіи: „Недовольные“.

Котомкинъ (кланяясь Жохову, который стоитъ у дверей кабинета князя)
Его Сіятельство. . . . Ж. Изволитъ заниматься,
И проситъ подождать. К. Что вижу! — Боже мой!
Прокофій Сидорычъ! — Да нѣтъ, не можетъ статься. . . .
Ж. Такъ точно — это я. К. Вы прошлою зимой
Здѣсь не были? Ж. Имѣлъ я порученье
Отъ барина и ѣздилъ кой-куда.
Вы знаете, что намъ досталося имѣнье;
Такъ я отправленъ былъ туда
Кой-что на первый разъ устроить:
Одно продать, другое заложить,
Поправить мужичковъ, оброки всѣ удвоить. . . .
К. Ну, какъ ему не дорожить
Такимъ служителемъ! . . . Вѣдь прежній управитель
Мошенникъ былъ. . . . Ж. Такой, сударь, грабитель,
Что Боже упаси! — Онъ вовсе разорилъ
Его Сіятельство. К. Я Князю говорилъ:
«Повѣрьте мнѣ, прикащикъ иностранецъ —
«Бѣда! Въ нихъ толку нѣтъ: одинъ наружный глянецъ,
«Да рѣчи красныя: долой его съ двора!
«У васъ вѣдь есть, по милости Господней,
«Прокофій Сидорычъ, — онъ, вѣрно благороднѣй
«И во сто разъ честнѣй, чѣмъ этотъ Нѣмчура.
«Помилуйте!» Ж. Я очень благодаренъ.

К. Насилу-то опомнился твой баринъ!
Еще годокъ иль два, такъ этотъ бы пострѣлъ
Совсѣмъ сгубилъ его. . . . А знаешь ли, пріятель,
Я все гляжу и все дивлюсь . . . ахъ, мой Создатель!
Почтеннѣйшій! . . . да какъ ты раздобрѣлъ!
(вынимая табатерку)
Прикажешь табачку! . . . Ж. Нѣтъ, сударь, извините!
Не нюхаю. — А если вы хотите,
Такъ грѣхъ не потаю. . . К. А что? куришь? Ж. Курю.
К. Вотъ что! — Такъ я жъ тебѣ, любезный, подарю.
Картузъ отличнаго, — достался мнѣ случайно:
Малина — не табакъ, и пахнетъ чрезвычайно.
Ж Нижайше васъ благодарю.
К. Такіе табаки въ привозѣ очень рѣдки;
Да вѣдь для милаго дружка,
Сережка изъ ушка!
Ж. Мнѣ совѣстно! К. И, вздоръ! Скажи-ка мнѣ, что дѣтки?
Каковъ твой старшій сынъ? Ж. Антошенька. К. Да, да!
Бывало, въ старину, онъ былъ со мной всегда
Товарищъ неразлучный.
Куда хорошъ! — такой ребенокъ тучный,
Красивъ! . . . А что, чай, сталъ ужъ все онъ понимать?
Ж. Давно, сударь. К. Вотъ я пришлю ему игрушку.
Ж. Теперь онъ нездоровъ. К. Какъ такъ? Ж. Да дура мать
Балуетъ все: вчера въ два фунта съѣлъ ватрушку,
Анъ вотъ и занемогъ. К. Бѣдняжечка! Ж. Пройдетъ!
К. Эхъ, жаль! . . . Ж. Пускай жена поохаетъ немножко,
Не станетъ баловать впередъ.
К. А что, скажи-ка мнѣ, здорова ль эта крошка? . . .
Ж. Кто, Феничка? . . . К. Ну, да! — Вотъ рѣдкое дитя!
Я помню, грамотѣ училася шутя.
Да умныя какія рѣчи! . . .
Куда какъ весело имѣть такую дочь!
Ж. Чего, сударь, проплакала всю ночь.
К. Что съ нею сдѣлалось? Ж. Свалилась какъ-то съ печи,
Да счастливо: разбила только носъ.
К. Голубушка моя! Ж. Да это ничего-съ,
Бездѣлица! Ее лечить не надо,
И такъ пройдетъ. К. Позволь еще одинъ вопросъ:
За службу вѣрную должна же быть награда, —
Неужто князь въ твоей судьбѣ
Участья не возьметъ? Ж. Я былъ всегда въ надеждѣ. . . .
К. А что, чай, вольнымъ быть? Да это было прежде.
Теперь ему легко не только что тебѣ,
И дѣтямъ-то твоимъ открыть дорогу:
Вѣдь онъ въ ходу, почти Министръ . . . и слава Богу!
Побольше намъ давай такихъ людей!
Твой баринъ человѣкъ отличный и умнѣйшій. . . .
А что, мой любезнѣйшій,
Сего-дня не было у васъ другихъ гостей,

Опричь меня? Ж. Нѣтъ, сударь, не бывало·
Никто не пріѣзжалъ. К. (съ радостью) Никто? — такъ
стало,
Пріѣхалъ первый я? . . . Не льзя ли какъ нибудь,
Вотъ такъ . . . межъ словъ, за туалетомъ
Шепнуть Его Сіятельству объ этомъ? . . .
Пожалуйста, любезный, не забудь!
Ж. Помилуйте! — Ужъ вѣрно не забуду.
К. Ну то-то же! . . . въ полголаса) Смотри, не говори!
Вѣдь я и самъ тебѣ пригоднымъ буду;
Быть можетъ, Князь возьметъ меня въ секретари,
Глядишь, тогда — рука вѣдь руку моетъ —
Прокофій Сидорычъ имѣньце удвоитъ,
Домишко выстроитъ. . . . Ну что, любезный? . . . такъ?
Ж. Конечно, сударь, такъ! К. Ты малый не дуракъ;
Съ другимъ толкуй себѣ, никакъ не понимаетъ;
А ты смышленъ и смѣтка есть.
Ж. Давно, сударь, живу. Графъ Мишурской (за кулисами).
Князь, вѣрно, принимаетъ?

Иванъ (растворяя обѣ половинки).

Пожалуйте!

Загоскинъ.

~~~

83. Изъ комедіи „Урокъ холостымъ или Наслѣдники“.

Любимъ и Турусинъ; за нимъ Маша и пятеро другихъ дѣтей.

Т. (дѣтямъ) Смотрите: не шумѣть, не бѣгать и не драться!
(Любиму) Да гдѣ же дядюшка? Л. Онъ вышелъ одѣваться;
Угодно вамъ къ нему? Т. Нѣтъ, милой, все равно,
И здѣсь я подожду. Да онъ ушелъ давно?
Л. Сей часъ. Т. Не льзя ль сказать . . . вотъ такъ . . . между словами,
Что здѣсь я жду его съ моими сиротами.
Л. Извольте, я скажу. (Уходитъ.)

~~~

Тѣ же, безъ Любима.

Т. Сюда ко мнѣ въ кружокъ!
Вамъ надо повторить сегоднишій урокъ:
Чтобъ дѣдушкѣ отъ васъ не стало безпокойно,
Прошу вести себя и тихо и пристойно.
Вы помните, что я твердилъ вамъ на дому!
Лишь только онъ войдетъ, бросайтесь всѣ къ нему.
М. Да я боюсь. Т. Чего, сударыня? — пустое!
Ты дѣдушку цѣлуй въ плечо, а ты въ другое;
Вы также всѣ его старайтеся ласкать,
И если вамъ руки не будетъ онъ давать,
Хватайте на лету! (одному изъ дѣтей) Проклятая привычка!
Опять разинулъ ротъ! (другому) На что похожъ чумичка!
Испачканъ весь: утрись! (третьему) А ты растерпанъ какъ!
Ну что стоишь? поправь манжеты-то, дуракъ!
Но, кажется, идутъ . . . смотрите же — смѣлѣе!
Подходятъ ужъ къ дверямъ . . . ну, милые, дружнѣе!

Тѣ же и Звонкина.

Зв. Что это? Боже мой! здѣсь цѣлая орда!
За чѣмъ изволили пожаловать сюда?
Т. За чѣмъ, невѣстушка? — По чести это странно!
Вѣдь дѣдушка у васъ, такъ очень натурально,
Что имъ хотѣлося. . . . Зв. Не имъ, сударь, а вамъ.
Повѣрьте, толкъ давать умѣю я словамъ,
И ваши хитрости проникнуть мнѣ не трудно.
Т. Позвольте мнѣ сказать, мѣ право очень чудно. . . .
Зв. А я такъ не дивлюсь — другаго не ждала:
Обманы, подлости, всѣ гнусныя дѣла
Приличны вамъ. Т. Да я . . . Зв. Конечно позабыли?
Давно ли, кажется, вотъ здѣсь вы говорили (передразнивая):
«Да я, невѣстушка, и самъ не очень гнусь!»
Скамейку подаешь! Т. Такъ что же, не запрусь:
Я къ старости всегда имѣю уваженье.
И что за важное, скажите, преступленье —
Скамеечку подать? — а врядъ ли я отца
Встрѣчать я побѣгу у самаго крыльца.
Зв. Какъ будто вѣжливость есть подлая услуга!
Т. Повѣрьте, намъ краснѣть не должно другъ отъ друга;
Притомъ же и бѣды не вижу я большой:
Не мы одни кривимъ подъ часъ своей душой!
Зв. Возможно ли? и онъ еще себя изволитъ
Равнять со мной! Т. Слѣпецъ слѣпцу всегда глазъ колетъ.
Зв. Да ты забылъ весь стыдъ, подлѣйшій изъ людей.
Т. И ваша память-то не лучше вѣдь моей. —
З. Наглецъ! Т. Помилуйте.

Тѣ же и Здравосудовъ.

Зв. (не примѣтя Здравосудова) Ужъ подлинно не даромъ

Зовутъ тебя вездѣ. . . . Здр. О чемъ съ такимъ вы жаромъ
Ведете разговоръ?. . . Зв. Ахъ! . . . такъ-съ . . . былъ споръ
у насъ. . . .
Т. Мы спорили о томъ, кто больше любитъ васъ.
Здр. Спасибо, милые! Т. (указывая на дѣтей) Позвольте вамъ
представить. . . .
Здр. (не слушая его) Я знаю, вы со мной не станете лукавить.
Т. Почтенный дядюшка! здѣсь вся моя семья.
(Дѣтямъ тихо) Бѣгите всѣ къ нему! (дѣти не трогаются съ
мѣста.) Здр. А! здравствуйте, друзья!
Вы здѣсь? я очень радъ. Т. О глупыя ребята!
Ну, что же стали въ пень? — ступайте, пострелята!
Д. (кромѣ Маши, подбѣгая къ Здравосудову) Ахъ! дѣдушка!
Зв Смотри! чуть, чуть не сшибли съ ногъ!
Здр. Здорово, милые! — Т Молитвы ваши Богъ
Услышалъ наконецъ! — повѣрите ль? — бывало
Лишь только и рѣчей — ну такъ что скучно стало:
«Да скоро ль дѣдушку увидимъ своего?
«Когда пріѣдетъ онъ? — Дождемся ль мы его?»
А вотъ и дождались. Здр Совсѣмъ не тѣ ужъ стали. (показывая на Машу)
Вѣдь это Машенька? Т. Такъ, вы ее узнали;
Пойди же къ дѣдушкѣ (тащитъ, а она нейдетъ). Здр За чѣмъ,
не принуждай.
Т. (громко) Не бойся, душенька! — (тихо ей) Вотъ я тебя!
ступай! (подходитъ ее насильно.)
Ужъ какъ застѣнчива! — взглянуть, такъ скажешь, дура;
А право нѣтъ! робка — ужъ такъ ея натура.
Здр. Пойди сюда, мой другъ! вѣдь мы, чай, года три
Не видѣлись съ тобой Т. Ну что же? — говори!
Скажи хоть что нибудь! (тихо) ужъ быть тебѣ безъ чаю.
(громко) Ты любишь дѣдушку. М. Люблю! Здр. За что? М.
Не знаю!
Т. За то-молъ, дѣдушка, что вы одни у насъ
Отецъ — и дѣдъ — и все. . . .

Загоскинъ.

84. Изъ „Бориса Годунова".

Ночь. Келья въ Чудовомъ Монастырѣ. (1603 г.)

Отецъ Пименъ, Григорій спящій.

Пименъ (пишетъ передъ лампадой).

Еще одно, послѣднее сказанье —
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безъимянный,
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу.
Своихъ Царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро —
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я сызнова живу:
Минувшее проходитъ предо мною. —
Давно ль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море-океанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Не много словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно! . . .
Но близокъ день, лампада догораетъ —
Еще одно, послѣднее сказанье. (Пишетъ.)

Григорій (пробуждается).

Все тотъ же сонъ! Возможно ль? въ третій разъ!
Проклятый сонъ! . . . А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ, да пишетъ — и дремотой
Знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда душой, въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ; и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ Татаръ?
О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ ли Новогородскомъ Вѣчѣ?

О славѣ ли отечества? напрасно:
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ смиренный, величавый.
Такъ точно дьякъ, въ Приказѣ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновыхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.
П. Проснулся, братъ. Г. Благослови меня,
Честный отецъ. П. Благослови, Господь,
Тебя и днесь и присно и во вѣки.
Г. Ты все писалъ и сномъ не позабылся;
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ и страшно становилось,
И, падая стремглавъ, я пробуждался. . . .
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли? П. Младая кровь играетъ?
Смиряй себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ — если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи, —
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ;
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ.
Г. Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ Дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! А я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ
И въ тихую обитель затвориться.
П. Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладился;

Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о Царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный Царь игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный, тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я Царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней;
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
«Отцы мои! желанный день придетъ,
«Предстану здѣсь алкающій спасенья;
«Ты, Никодимъ, ты Сергій, ты Кириллъ,
«Вы всѣ — обѣтъ пріимите мой духовный:
«Пріиду къ вамъ преступникъ окаянный
«И схиму здѣсь честную воспріиму,
«Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ, припадши.»
Такъ говорилъ державный Государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной.
А сынъ его Ѳеодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ царскіе чертоги
Преобратилъ въ молитвенную келью;
Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе Царя,
И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась; а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, Царю едино зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать Ѳеодоръ
И называть великимъ Патріархомъ,

И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый Владыка предъ Царемъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его какъ солнце просіялъ.
Ужъ не видать такаго намъ Царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли. Г. Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія Царевича; въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ. П. Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ посланъ послушанье;
Пришелъ я въ ночь. Наутро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ Царицы. Я
Спѣшу туда жъ, а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный Царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ, остервенясь, волочитъ
Безбожную предательницу-мамку. . . .
Вдругъ между нихъ свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда-Битяговскій.
«Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль,
И въ мигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо! — вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
«Покайтеся! народъ имъ загремѣлъ:
И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись — и назвали Бориса.
Г. Какихъ былъ лѣтъ Царевичъ убіенный?
П. Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ . . . нѣтъ больше:
Двѣнадцать лѣтъ) — онъ былъ бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.
Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій,
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы,
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
Описывай, не мудрствуя лукаво,

Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу Государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны,
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду. . . . Но звонятъ
Къ заутрени . . . благослови, Господь,
Своихъ рабовъ! . . . подай костыль, Григорій.
(Уходитъ)
Г. Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ,
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца;
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

---

85. Москва. Домъ Шуйскаго.

(Оттуда же.)

Пушкинъ.

Племянникъ мой, Гаврила Пушкинъ, мнѣ
Изъ Кракова гонца прислалъ сегодня.

Шуйскій.

Ну. П. Странную племянникъ пишетъ новость.
Сынъ Грознаго . . . постой. (Идетъ къ дверямъ и оснатриваетъ) Державный отрокъ,
По манію Бориса убіенный. . . .
Ш. Да это ужъ не ново. П. Погоди:
Димитрій живъ. Ш. Вотъ-на! какая вѣсть!
Царевичь живъ! Ну подлинно чудесно.
И только-то. П. Послушай до конца:
Кто бъ ни былъ онъ, спасенный ли Царевичь,
Иль нѣкій духъ во образѣ его,
Иль смѣлый плутъ, безстыдный самозванецъ,
Но только тамъ Димитрій появился.
Ш. Не можетъ быть. П. Его самъ Пушкинъ видѣлъ,
Какъ пріѣзжалъ впервой онъ во дворецъ
И сквозь ряды Литовскихъ пановъ прямо
Шелъ въ тайную палату Короля.
Ш. Кто жъ онъ такой? откуда онъ? П. Не знаютъ,
Извѣстно то, что онъ слугою былъ
У Вишневецкаго; что на одрѣ болѣзни

Открылся онъ духовному отцу;
Что гордый панъ, сію провѣдавъ тайну,
Ходилъ за нимъ, поднялъ его съ орда,
И съ нимъ потомъ уѣхалъ къ Сигизмунду.
Ш. Что жъ говорятъ объ этомъ удальцѣ?
П. Да слышно, онъ уменъ, привѣтливъ, ловокъ,
По нраву всѣмъ; Московскихъ бѣглецовъ
Обворожилъ. Латинскіе попы
Съ нимъ за одно. Король его ласкаетъ
И, говорятъ, помогу обѣщалъ.
Ш. Все это, братъ, такая кутерьма,
Что голова кругомъ пойдетъ невольно.
Сомнѣнья нѣтъ, что это самозванецъ,
Но признаюсь, опасность не мала.
Вѣсть важная! — и если до народа
Она дойдетъ, то быть грозѣ великой!
П. Такой грозѣ; что врядъ Царю Борису
Сдержать вѣнецъ на умной головѣ.
И по дѣломъ ему: онъ правитъ нами,
Какъ Царь Иванъ (не къ ночи будь помянутъ).
Что пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ,
Что на полу кровавомъ всенародно
Мы не поемъ каноновъ Іисусу,
Что насъ не жгутъ на площади, а Царь
Своимъ жезломъ не подгребаетъ углей?
Увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей!
Насъ каждый день опала ожидаетъ,
Тюрьма, Сибирь клобукъ иль кандалы,
А тамъ въ глуши голодна смерть, иль петля.
Знатнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?
Гдѣ Сицкіе Князья, гдѣ Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены въ изгнаньѣ.
Дай срокъ: тебѣ такая жъ будетъ участь.
Легко ль, скажи: мы дома, какъ Литвой,
Осаждены невѣрными рабами:
Все языки, готовые продать,
Правительствомъ подкупленные воры.
Зависимъ мы отъ перваго холопа,
Котораго захочемъ наказать.
Вотъ — Юрьевъ день задумалъ уничтожить.
Невластны мы въ помѣстіяхъ своихъ.
Не смѣй согнать лѣнивца! Радъ не радъ,
Корми его. Не смѣй переманить
Работника! — не то, въ Приказъ Холопей.
Ну, слыхано ль хоть при Царѣ Иванѣ
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванецъ
Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
Такъ и пойдетъ потѣха. Ш. Правъ ты, Пушкинъ.

Но знаешь ли? Объ этомъ обо всемъ
Мы помолчимъ до времени. П. Вѣстимо,
Знай про себя. Ты человѣкъ разумный;
Всегда съ тобой бесѣдовать я радъ,
И если что меня подъ часъ тревожитъ,
Не вытерплю, чтобъ не сказать тебѣ;
Къ тому жъ твой медъ, да бархатное пиво
Сегодня такъ языкъ мнѣ развязали. . . .
Прощай же, Князь. Ш. Прощай, братъ, до свиданья.
(Провожаетъ Пушкина.)

---

86. Царскія палаты.

(Оттуда же.)

Царь.

Что скажешь мнѣ, Семенъ Никитичь?

Семенъ Годуновъ.

Нынче
Ко мнѣ, чѣмъ свѣтъ, дворецкій Князь-Василья
И Пушкина слуги пришли съ доносомъ.
Ц. Ну. С. Г. Пушкина слуга донесъ сперва,
Что поутру вчера къ нимъ въ домъ пріѣхалъ
Изъ Кракова гонецъ и черезъ часъ
Безъ грамоты отосланъ былъ обратно.
Ц. Гонца схватить. С. Г. Ужъ послано въ догоню.
Ц. О Шуйскомъ что? С. Г. Вечоръ онъ угощалъ
Своихъ друзей, обоихъ Милославскихъ,
Бутурлиныхъ, Михайла Салтыкова,
Да Пушкина, да нѣсколько другихъ;
А разошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ
Наединѣ съ хозяиномъ остался
И долго съ нимъ бесѣдовалъ еще.
Ц. Сейчасъ послать за Шуйскимъ. С. Г. Государь!
Онъ здѣсь уже. Ц. Позвать его сюда. (Годуновъ уходитъ.)
Ц. Сношенія съ Литвою! это что? . . .
Противенъ мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный,
А Шуйскому не должно довѣрять.
Уклончивый, но смѣлый и лукавый. . . . (Входитъ Шуйскій.)
Мнѣ нужно, Князь, съ тобою говорить.
Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ:
И выслушать хочу тебя сперва.
Ш. Такъ Государь: мой долгъ тебѣ повѣдать
Вѣсть важную. Ц. Я слушаю тебя.
Ш. (тихо указывая на Θеодора) Но Государь. . . . Ц. Царевичъ можетъ знать,

Что вѣдаетъ Князь Шуйскій. Говори.
Ш. Царь, изъ Литвы пришла намъ вѣсть. . . Ц. Не та ли,
Что Пушкину привезъ вечоръ гонецъ.
Ш. Все знаетъ онъ! . . . Я думалъ, Государь,
Что ты еще не вѣдаешь сей тайны.
Ц. Нѣтъ нужды, Князь: хочу сообразить
Извѣстія; иначе не узнаемъ
Мы истины. Ш. Я знаю только то,
Что въ Краковѣ явился самозванецъ,
И что король и паны за него.
Ц. Что жъ говорятъ? Кто этотъ самозванецъ?
Ш. Не вѣдаю. Ц. Но . . . чѣмъ опасенъ онъ?
Ш. Конечно, Царь, сильна твоя держава,
Ты милостью, радѣньемъ и щедротой
Усыновилъ сердца своихъ рабовъ;
Но знаешь самъ: безсмысленная чернь
Измѣнчива, мятежна, суевѣрна,
Легко пустой надеждѣ предана,
Мгновенному внушенію послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится безстыдная отвага;
Такъ если сей невѣдомый бродяга
Литовскую границу перейдетъ,
Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
Димитрія воскреснувшее имя.
Ц. Димитрія! . . . какъ? этого младенца?
Димитрія! . . . Царевичъ, удались.
Ш Онъ покраснѣлъ: быть бурѣ! . . . Ѳеодоръ. Государь,
Дозволишь ли! . . . Ц. Не льзя, мой сынъ, пойди. (Ѳеодоръ уходитъ.)
Димитрія! . . . Ш. Онъ ничего не зналъ.
Ц. Послушай, Князь: взять мѣры сей же часъ;
Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась
Заставами; чтобъ ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ
Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ
Не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай.
Ш. Иду. Ц. Постой. Не правда ль, эта вѣсть
Затѣйлива? Слыхалъ ли ты когда,
Чтобъ мертвые изъ гроба выходили
Допрашивать Царей, Царей законныхъ,
Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
Увѣнчанныхъ великимъ Патріархомъ?
Смѣшно? а? что? что жъ не смѣешься ты?
Ш. Я, Государь? . . . Ц. Послушай, Князь Василій:
Какъ я узналъ, что отрока сего . . . .
Что отрокъ сей лишился какъ-то жизни,
Ты посланъ былъ на слѣдствіе: теперь
Тебя Крестомъ и Богомъ заклинаю,

По совѣсти мнѣ правду объяви:
Узналъ ли ты убитаго младенца
И не было ль подмѣна? Отвѣчай.
Ш. Клянусь тебѣ. . . . Ц. Нѣтъ, Шуйскій, не клянись,
Но отвѣчай: то былъ Царевичъ! Ш. Онъ.
Ц. Подумай, Князь. Я милость обѣщаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь — тебя постигнетъ злая казнь,
Такая казнь, что Царь Иванъ Васильичъ
Отъ ужаса во гробѣ содрогнется.
Ш. Не казнь страшна, страшна твоя немилость;
Передъ тобой дерзну ли я лукавить?
И могъ ли я такъ слѣпо обмануться,
Что не узналъ Димитрія? Три дня
Я трупъ его въ Соборѣ посѣщалъ,
Всѣмъ Угличемъ туда сопровожденный.
Вокругъ него тринадцать тѣлъ лежало,
Растерзанныхъ народомъ, и по нимъ
Ужъ тлѣніе примѣтно проступало,
Но дѣтскій ликъ Царевича былъ ясенъ
И свѣжъ и тихъ, какъ будто усыпленный;
Глубокая не запекалась язва,
Черты жъ лица совсѣмъ не измѣнились.
Нѣтъ, Государь, сомнѣнья нѣтъ: Димитрій
Во гробѣ спитъ. Ц. Довольно, удались
(Шуйскій уходитъ.)
Ухъ, тяжело! . . . дай духъ переведу!
Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лице
Мнѣ кинулась и тяжко опускалась. . . .
Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ сряду
Все снилося убитое дитя!
Да, да — вотъ что! теперь я понимаю.
Но кто же онъ, мой грозный супостатъ?
Кто на меня? Пустое имя, тѣнь —
Уже ли тѣнь сорветъ съ меня порфиру,
Иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣдства?
Безуменъ я! чего жъ я испугался?
На призракъ сей подуй — и нѣтъ его.
Такъ рѣшено: не окажу я страха;
Но презирать не должно ничего. . . .
Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

А. Пушкинъ.

-⁂-

87. Отрывокъ изъ драмы „Князь Василій Скопинъ Шуйскій“.

Екатерина (одна). Вотъ адъ! Онъ здѣсь! Не за предѣломъ гроба,
Онъ въ сердцѣ глубоко! Здѣсь адскій пламень,
Которымъ угрожаетъ намъ Писанье!!
Здѣсь тма кромѣшная'... О чаша, чаша!
Не ты ль меня манила? Въ полумракѣ,
Какъ памятникъ надгробный, ты стоишь!
Увы, безсиленъ голосъ покаянья!
Злодѣйство насъ отъ Неба отдаляетъ:
Невинность думаетъ о страшномъ адѣ,
Но съ состраданіемъ къ чужимъ мученьямъ.
А грѣшница о Небѣ вспоминаетъ,
Но безъ надежды, безъ успокоенья!
И смерть ея торжественно страшна!
Душа ея въ огонь облечена,
И, сожигая тѣло, улетаетъ,
Чтобы самой горѣть неисцѣлимо
До страшнаго, послѣдняго Суда! (Шумъ вновь усиливается.)
Ахъ, какъ шумятъ! О няня, гдѣ ты, няня!
Ты мѣшкаешь умышленно, старуха;
Ты догадалась о моемъ грѣхѣ .
И втайнѣ прокляла Екатерину!...
(Входятъ Анастасія и дѣвушки съ пяльцами и огнемъ.)
Нѣтъ, вотъ она! Сюда, сюда скорѣе
Бѣгите дѣвушки! Какъ всѣ печальны,
Какъ блѣдны! Нѣтъ, то не живые люди...
Анастасья. Не правда ли, мы скоро собрались?
Е. Да, скоро... А. Гдѣ прикажешь помѣститься?
Д. Ахъ, это вы, подруженьки?... Садитесь!
Меня томитъ безсонница, хвораю;
Одной мнѣ скучно, вмѣстѣ веселѣе.
Присядемъ, красныя, шитьемъ займемся;
Авось повеселѣю... А. Мы потѣшимъ
Тебя голубушку. Ну, что? Садитесь!
Уставили на барыню глаза
И смотрятъ, какъ шальныя... Е. Смотрятъ, смотрятъ!
Подай мнѣ душегрѣю, Анастасья!
Озябла!... А. Слава Богу, ночь тепла!
Е. Да есть другой морозъ. Садитесь! Няня,
Садись и ты.
(Дѣвушки выдвигаютъ скамья на середину; становятъ пяльцы; садятся. Екатерина, безъ дѣла, въ серединѣ. Дѣвушки начинаютъ шить, поглядывая на Екатерину.)
А. Я рада ночь сидѣть.
Не жмуря глазъ; да только ты засни!
Е. Нѣтъ, няня, рано! А. Что ты, мать моя!

Да этакъ ты и съ роду не ложилась!
Ужъ скоро запоетъ пѣтухъ. Е. Стѣснитесь
Поближе, дѣвушки! Не опасайтесь!
Все кончено! Я не страшна ужъ болѣ! (плачетъ)
А. Да этакъ ты здоровье измучишь!
Не плачь, мое дитя! Объ чемъ кручина?
Е. Ахъ, Анастасья, поцѣлуй меня,
Какъ ты меня когда-то цѣловала!
Быть можетъ я о многомъ позабуду,
О чемъ невольно помню. . . О подруги,
Воображайте, что меня здѣсь нѣтъ,
И ясныхъ глазъ ко мнѣ не обращайте! (закрывъ глаза, погружается въ раздумье.)
А. Запойте пѣсню, красныя! Быть можетъ
Ее уходитъ сонъ подъ вашу пѣсню.
Дѣвушки. А что запѣть? . . . Ты начинай! — Не ладно
На сердцѣ у меня — Ты начинай,
А вось и мы подтянемъ. — А. Начинайте!
Д. (поютъ) «Не соловушко на вѣткѣ качается,
И не жаворонокъ въ синевѣ чернѣется,
Нѣтъ, то дятелъ стучитъ по дуплу порожнему,
Сознаваетъ звѣря хищнаго на чужое гнѣздышко.»
А. (тихо дѣвушкамъ) Смотрите, призадумалась. Потише!
Авось ее сонъ сладкій одолѣетъ. . . .
Д. (продолжая пѣть) «Ой ты дятелъ, дятелъ, и злой и завистливый!
Самъ ты безъ гнѣздышка по бѣлу свѣту маешься:
Такъ тебѣ чужое очи колетъ гнѣздышко». . . .
Е. Довольно! о довольно! Въ простотѣ
Природы явственнѣе наша злоба.
Міръ полонъ зла. Не много добрыхъ зеренъ;
И тѣ плодотворить умѣютъ землю,
А сердце женское для нихъ безплодно!
Молчатъ! Въ устахъ ни слова не шелохнетъ!
Онѣ хотятъ мое подслушать сердце
И подсмотрѣть, что дѣлается въ немъ.
Невинныя! боюсь на васъ взглянуть.
Мнѣ стыдно будетъ встрѣтить ваши взоры. . . .
Подруженьки, веселую запойте!
Д. Да что жъ она смотрѣть на насъ не хочетъ!
А. Не ваше дѣло! Пейте, припѣвайте,
А на княгиню нечего зѣвать.
Д. (поютъ) «Какъ у нашего у ближняго сосѣда
Дѣвушка-звѣздочка проживала, —
У него жена подруженька, молоденька,
Словно солнце ясное, красовалася;
И любилъ ее сосѣдъ и миловалъ
Ненаглядную, какъ куколку;
И засѣла дѣвѣ на сердце
Дума тайная, дума черная:

Дай и мнѣ хозяйкой сдѣлаться,
Извести хозяйку прежнюю». . . .
Е. (вскочивъ) Молчите! Кто васъ пѣснѣ научилъ?
(На улицѣ подымается большой шумъ. Дѣвушки встаютъ.)
Ахъ, няня, погляди, что это значитъ!
Такой порой, такой ужасный шумъ!
А. (протирая глаза) Я было призадремнула, мать моя!
Постой, я сбѣгаю и разузнаю. (Уходитъ.)
(Шумъ болѣе и болѣе усиливается. Екатерина, хватая дѣвушекъ за руки, произноситъ):
Е. Тѣснѣй! Дружнѣй! Кругомъ меня, кругомъ!
Сестрицы, ближе, ближе, ближе, ближе!
Ударьте пѣснь, чтобъ ничего не слышать!!! . . .
Голоса (за сценой): Давайте намъ убійцу Михаила!
Давайте чародѣйку Катерину!!
Е. Онъ не смолчалъ! Онъ все открылъ народу!
О, заглушите пѣсню громовой,
Веселой, свадебной иль погребальной!!
Мнѣ все одно. . . . Подруженьки, кричите!

Д. (протяжно поютъ) «Во заглохшемъ полѣ, подъ плакучей ивою,

Безъ могилы гробъ стоялъ, гробъ стоялъ незапертый;

Мертвеца въ немъ не было; тотъ мертвецъ погуливалъ

По полю заглохшему, подъ плакучей ивою». . . .

Е. (сжавъ руки и поднявъ очи къ небу) Царю мой, Боже, милостивый Боже!
Будь милосердъ и къ грѣшницѣ несчастной;
Спаси меня отъ ярости народной;
Не выдай на съѣденье псамъ голоднымъ.
Минуетъ буря, — въ монастырь пойду!
Отдамъ мои богатства въ пользу нищихъ;
Во всѣхъ соборахъ отслужу молебенъ;
Жизнь поведу затворницей; не постъ,
А тяжкій голодъ, жажду, наложу
На тѣло грѣшное Екатерины;
Сама себя ужасно истязаю,
Но только казнь земную отложи!
Дай мнѣ покаяться, по крайней мѣрѣ,
И бѣшенству народному не выдай!!! . . .

Н. Кукольникъ.

88. Изъ „Торквата Тасса“.

(Монологъ)

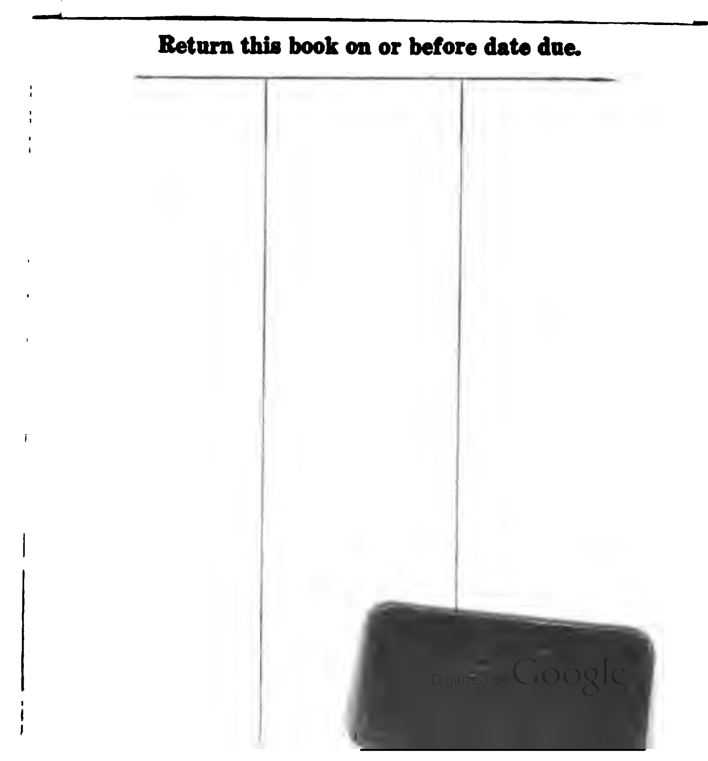
И это все для нищаго пѣвца,
Для бѣднаго пѣвца Ерусалима! . . .
Какъ оглянусь, мнѣ кажется, я прожилъ
Какую-то большую эпопею,
Трагедію огромную я прожилъ. . . .
День настаетъ; готовится развязка,
И утромъ я засну вечернимъ сномъ. . . .
Настанетъ время, и меня не будетъ,
И всѣ мои мечты и вдохновенья
Въ одно воспоминанье передьются!
Въ Италіи моей уснетъ искусство,
Поэзія разлюбитъ край Торквата
И перейдетъ на Западъ и на Сѣверъ! . . .
Тогда въ снѣгахъ, въ туманномъ, хладномъ сердцѣ
Пробудится о мнѣ воспоминанье. . . .
Тотъ юноша холодный и суровый,
Отъ всѣхъ храня всѣ мысли и всѣ чувства,
Какъ друга своего меня полюбитъ,
Какъ полюбилъ меня тотъ семилѣтній
И странный другъ въ больницѣ сумасшедшихъ.
Шесть лѣтъ со мной онъ будетъ безъ разлуки.
Еще дитя, въ училищѣ, за книгой
Онъ обо мнѣ начнетъ мечтать и думать
И жизнь мою разскажетъ передъ свѣтомъ.
Какъ біографъ холодный и пристрастный,
Онъ не пойдетъ годъ отъ году искать
Всѣхъ горестей моихъ и всѣхъ несчастій,
Чтобъ въ безобразной кучѣ ихъ представить.
Нѣтъ! Онъ въ душѣ угрюмой воскреситъ
Всю внутреннюю жизнь Торквата Тасса —
И выставитъ ее въ науку людямъ. . . .
И эти люди прибѣгутъ смотрѣть,
Какъ жилъ Торкватъ — Большая половина
Трагедію прослушаетъ безъ вздоха!
Всегда, вездѣ одни и тѣ же люди . . .
Но, можетъ быть, — кто знаетъ? — поколѣнья
Измѣнятся. . . . Постойте! . . . Вижу я:
Весь Западъ въ хладный Сѣверъ переходитъ.
О! сколько тамъ пѣвцовъ и музыкантовъ,
Художниковъ и умныхъ и искусныхъ!
Италіи моей уже не видно. . . .
Но мѣсто то, гдѣ чудная лежала,
Покрылъ высокій холмъ, — могильный холмъ,
Но все еще великій и прекрасный!
Въ немъ есть врата, и любопытный Сѣверъ
Тѣснится въ нихъ, то входитъ, то выходитъ. . . .

И всякій разъ изъ чуднаго холма
Какой нибудь кладъ дорогой уноситъ. . . .
Но снова все туманится и тмится,
И я опять одинъ на цѣломъ свѣтѣ!
Опять народъ, опять весь свѣтъ кипитъ!
Вотъ вижу я, въ толпѣ кудрявыхъ Тевтовъ
Поднялись два гиганта и въ вѣнцахъ!
Одинъ — меня узналъ и сладкой лирой
Привѣтствуетъ! Благодарю, поэтъ!
Другой мечту прекрасную голубитъ;
Какъ пламенно мечту свою онъ любитъ!
И правъ поэтъ! Прекрасная мечта!
Но мнѣ дика простая красота
Безъ вымысловъ наряда, украшеній,
И страненъ звукъ Германскихъ вдохновеній! —
Друзья мои! вотъ истинный поэтъ!
Послушайте, какъ стихъ его рокочетъ,
То пламенно раздастся, то умретъ,
То вдругъ скорбитъ, то пляшетъ и хохочетъ.
Вокругъ него морозъ, свирѣпый хладъ,
А все на немъ цвѣтетъ вѣнецъ лавровый.
Откуда онъ? — Невѣдомый нарядъ!
Подъ шубой весь и въ шапкѣ соболевой!
Анакреонъ, Горацій, Симонидъ
Вокругъ стоятъ съ подъятыми очами,
И Пиндаръ самъ почтительно глядитъ.
Какъ онъ гремитъ полночными струнами.
Что жъ онъ поетъ? Его языкъ мнѣ новъ,
Въ немъ громъ гремитъ въ словахъ далекогласныхъ,
Тоска горюетъ тихо, — а любовь
Купается въ созвучьяхъ сладострастныхъ!
Какъ сей языкъ великолѣпенъ, гордъ!
Какъ риѳмъ его лобзаніе роскошно!
Какъ гибокъ онъ — и вмѣстѣ какъ онъ твердъ!
Благословенъ языкъ земли полночной!
Не разберу я, къ сожалѣнью, словъ:
Онъ, кажется, поетъ про честь, про славу,
Про сладкую къ отечеству любовь,
Про новую полночную державу. . . .
Но снова все туманится и тмится,
И я опять одинъ на цѣломъ свѣтѣ.

Н. Кукольникъ.

Wort= und Sach=Erklärungen.

Stanford University Libraries
3 6105 005 910 620
PG
2117
S9
V. 2


Digitized by Google